

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Молодой
Пруст
в письмах
(1885–1907)

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

MARCEL PROUST

Le jeune Proust en lettres
(1885–1907)

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Молодой Пруст
в письмах
(1885–1907)

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)
КТК 611
П85

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Составление Андрея Михайлова.
Перевод с французского и комментарии Елены Гречаной

Пруст М.
П85 Молодой Пруст в письмах (1885–1907). – СПб.: Лимбус
Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2019. – 576 с.

Данное издание включает в себя корпус писем Марселя Пруста, написанных им в период с 1885 по 1907 г., то есть в возрасте от четырнадцати до тридцати шести лет. К 1907 году Пруст еще не снискал общепризнанную литературную славу и только подступал к своему главному труду «В поисках утраченного времени». Письма будущего автора «самой великой французской книги XX века», большинство которых ранее на русский язык не переводилось, обращены к родным, друзьям и писателям-современникам (Анатоль Франс, Альфонс Доде, Робер де Монтеスキю).

ISBN 978-5-8370-0850-4

www.limbupress.ru

© ООО «Издательство К. Тублина», 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2018
© А. Веселов, оформление, 2018

*Памяти Андрея Дмитриевича Михайлова
и Тамары Владимировны Балашовой*

ГОЛОСА КОЛОКОЛОВ

В конце романа Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени» герой упрекает себя за то, что потерял время на занятия, постоянно отодвигавшие на неопределенное будущее реализацию его давнего намерения создать произведение искусства: «...вместо того, чтобы упорно трудиться, я предавался лени, растрачивал себя в удовольствиях, истощал болезнями, заботами, капризами и за свое произведение принялся лишь накануне смерти, не имея никакого представления о ремесле»¹. Для него очевиден конфликт между необходимостью отвечать на письма и желанием приняться наконец за роман, то есть между «бессмысленными обязательствами» и «истинными»².

Между тем именно переписка Пруста показывает, что он «писал свою книгу по сути дела всю жизнь»³, задолго до того, как приступил около 1908 года к ее непосредственному оформлению (данное издание останавливается на пороге этого года).

---

¹ *Пруст Марсель*. Обретенное время / перевод Аллы Смирновой. – СПб.: Инапресс, 2000. – С. 369.

² Там же.

³ *Михайлов А. Д.* Поэтика Пруста. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 28.

Молодой Пруст, Пруст до Пруста, – автор десятков сотен только опубликованных писем (в действительности их было значительно больше), и в них нельзя не заметить, помимо «полной кипучей работы лаборатории “Поисков”»¹, утверждение того смысла жизни, состоящего исключительно в искусстве, к активному пониманию которого приходит герой в самом конце романа. Именно этим прежде всего впечатляет воссоздаваемый в письмах «портрет художника в юности». Если о произведении искусства можно сказать, что оно «обращено к другому, несет ему весть»², то подобными вестниками оказываются и эпистолярные послания Пруста.

Разумеется, его письма были в определенной степени долгом вежливости (умение вести переписку до сих пор остается во Франции признаком хорошего воспитания), но они в то же время вполне могут рассматриваться в русле литературных автобиографических жанров, с которыми, при всех оговорках, тесно связан и сам роман «В поисках утраченного времени».

В семье Пруста, принадлежавшей к культурной элите, эпистолярная практика (в первую очередь это касается его матери и бабушки по материнской линии) опиралась на давнюю традицию светской беседы, которая сложилась во французской аристократической галантной культуре XVII века, на классические образцы жанра «беседы на расстоянии», знакомые с детства прежде всего по письмам маркизы Мари де Севинье и других прославленных авторов XVII–XVIII веков, оставивших обширное эпистолярное наследие (Венсана Вуатюра, Вольтера, маркизы Мари дю Деффан), а также на богатую тра-

---

¹ *Fraisse Luc. Proust au miroir de sa correspondance. – Paris, Sedes, 1996. – P. 16.*

² *Михайлов А. Д. Поэтика Пруста. – С. 287.*

дицию жанра эпистолярного романа. Именно такой роман начали сообща писать в 1893 году Пруст и его лицейские друзья, причем Марсель сочинял письма от лица женщины, виконтессы Полины де Гувр-Див¹.

Аристократия в конце XIX – начале XX века еще олицетворяла во Франции вершину социальной лестницы, эталон искусства жить, при этом, однако, все больше смешиваясь с крупной буржуазией, разночинцами, деятелями искусства, что хорошо показывают письма Пруста, сына преуспевающего врача и дочери крупного финансиста, пестрящие именами самых старинных аристократических семейств, равно как именами банкиров и предпринимателей, писателей, музыкантов и художников. При этом все его корреспонденты принадлежали большей частью к одному кругу, посещали одни и те же великосветские салоны. Дружеские связи со многими выходцами из высокопоставленных семейств сложились у Марселя в годы обучения в престижном парижском лицее Кондорсе.

В этом лицее основной упор делался на изучение французской литературы и истории. Пруст особенно любил писателей XVII века, цитировал в своих посланиях маркизу де Севинье, Франсуа де Ларошфуко, Жана де Лабрюйера, Расина, Мольера, Корнеля, шевалье де Мере, автора трактатов, посвященных идеалу галантности и правилам общения благовоспитанных людей. Об «изысканной вежливости» и классической культуре Пруста вспоминали многие современники². Хорошо знал он и эпистолярное наследие писателей XIX века: Виктора Гюго, Марселины Деборд-Вальмор, Оноре де Бальзака, Жозефа Жюбера, Гюстава Флобера.

---

¹ См.: *Picon Jérôme. Marcel Proust: une vie à s'écrire.* – Paris, Flammarion, 2016. – P. 52–53.

² См.: *Tadié Jean-Yves. Marcel Proust. Biographie.* T. 1. – Paris, Gallimard, 1996. – P. 99, 212.

Начиная с первых сохранившихся, еще полудетских посланий видно, что Марсель с ранних лет владеет «стилистикой галантности»¹, всеми обязательными кодами переписки, состоящими не только в разнообразных проявлениях вежливости (от внимания к почерку, соответствующей бумаге и перу до обязательного выдвижения на первый план адресата и его интересов), но и в поддержании необходимых для беседы качеств, таких как непринужденность, легкая небрежность, мягкая ирония, умение развлечь собеседника. Усвоение культуры аристократизма заставляет Пруста неоднократно просить прощения за то, что он слишком много говорит о себе, и стараться без видимых усилий переносить все свое внимание на собеседника.

Обильное цитирование, в особенности стихов, также продолжает традицию эпистолярной классики, позволяет в обход предосудительной чрезмерной сосредоточенности на своем «я» «выразить сокровенную мысль»², сделать многозначительный или шутливый намек, обыграть то или иное событие, воздать дополнительную хвалу своему адресату. Стихи, словно бы прошивающие письма Пруста, цитируемые большей частью не точно, по памяти, в то же время лишний раз подтверждают мысль о том, что поэтическое восприятие мира изначально составляет глубинную сущность его текстов³.

Правилами вежливости объясняется отчасти то, что Пруст никогда не ограничивается лаконичной оценкой чужого про-

---

¹ Яснов Михаил. За пределами текста // *Пруст Марсель. Письма соседке*. – СПб.: Лимбус Пресс, 2017. – С. 7.

² *Haroché-Bouzinac Geneviève. L'épistolaire*. – Paris, Hachette, 1995. – P. 93.

³ См.: *Стрижевская Наталья. Таинственные законы Марселя Пруста // Марсель Пруст. Портреты художников и музыкантов. Вступительная статья, перевод и примечания Натальи Стрижевской*. – Пушкино: Грааль, 2000. – С. 11–94.

изведения (вроде «мне понравилось, очень интересно»), но всегда, цитируя без устали своего адресата, дает доказательства того, что он прочел всю его книгу от начала до конца. При этом он косвенно раскрывает свой внутренний мир и, всматриваясь в лицо другого, создает автопортрет, на основе чужих образов творит свои собственные.

Жанр соболезнования, уходящий вглубь веков, обогащается у Пруста тонкими нюансами, становится глубоко проникновенным, вплоть до полного погружения в чужую скорбь даже в том случае, если он никогда не видел того, кого оплакивает. Жалости оказывается достоин в его письмах не только тот, кто переживает утрату, но и тот, кого больше нет, у кого отнята возможность любить: «...подлинная несправедливость состоит не в том, что мы с ним разлучены, а в том, что он разлучен с нами», пишет он матери после смерти ее отца и своего деда.

В рамках эпистолярного канона происходит авторское самопредставление. В то время еще сильна тенденция «освящения писателя», берущая начало в европейской культуре второй половины XVIII века и достигшая невиданного размаха в эпоху романтизма, когда жизнь художника превратилась в житнетворчество, а он сам – в Творца с большой буквы, во властителя умов не одного поколения. Пруст с юности понял, что искусство в целом и литература в частности обладают завораживающей силой. Его духовными ориентирами стали Бальзак, Бодлер и целый ряд других французских писателей, но также английский историк живописи и архитектуры Джон Рёскин, который сумел «сделать общим достоянием свою память»¹, по сути представить в своих книгах «обретенное

---

¹ *Пруст Марсель. Памяти убитых церквей / перевод Ирины Кузнецовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – С. 39–40. См. о Рёскине и Прусте предисловие Сергея Зенкина «Марсель Пруст в преддверии романа»: Там же, с. 7–18.*

время», не только вжившись в искусство прошлого, но и превратив это прошлое в собственную жизнь. Бодлер, Рёскин, художник Гюстав Моро, поэт Робер де Монтескью притягивали Пруста способностью воображать и преображать свою жизнь, весь мир вокруг, достигать истин, близких религиозному откровению.

Крещенный как католик, сохранивший детские воспоминания о религиозных празднествах и ритуалах, прекрасно знавший и цитировавший Священное Писание, протестовавший против принятого во Франции в 1905 году закона об отделении церкви от государства, Пруст, по собственному признанию, был далек от веры¹. Вместе с тем практицизм XVIII века и материализм Анатolia Франса, писателя, от первоначального поклонения которому он в конечном итоге отошел, были ему также чужды. Своим потерявшим близких людей друзьям Пруст зачастую адресует утешения в духе религиозной веры в бессмертие души и вечную жизнь. Он считал невозможным для художника отказаться от тяготения к некоему абсолюту. «Единственный наш долг – быть достойными той частицы вечности, которая внутри нас, и скоропреходящие обстоятельства нашей жизни должны тому как можно более способствовать», писал он Константину Бранковану в 1901 году. «Частица вечности» для Пруста напрямую связана с искусством, и можно сказать, что он в значительной степени унаследовал романтическое представление о художнике как о боговдохновенном одиноком избраннике.

Уже в молодости астма, спутница его жизни, становится для Марселя Пруста оправданием уединения, хорошим предлогом для отказа от общения с теми, кто мог отвлечь его от литературных занятий. При этом жалобы на ухудшение здоро-

---

¹ См.: *De Vendeurre Isabelle. Proust et l'Église // Revue d'histoire littéraire de la France. 2008. № 2. – P. 421.*

вья составляют разительный контраст с объемом писем и другой литературной продукции, которые он успевает написать в это же время. К моменту начала работы над «Поисками» он был уже автором сборника рассказов и стихов «Утехи и дни» (1896), неоконченного романа «Жан Сантей», двух объемистых комментированных переводов книг Рёскина, множества статей в газетах и журналах. Став после обучения в Сорбонне лицензиатом права, затем лицензиатом философии, успешно проучившись два года в Школе политических наук, Пруст в конечном итоге оставляет все попытки выбрать иную карьеру, помимо писательской, благо это позволяло ему финансовое положение его родителей, с которыми он жил вплоть до их смерти, а затем полученное от них наследство.

Литературные устремления определяют тональность самых ранних писем Пруста, где легко можно заметить пристрастие к доскональному анализу мельчайших движений души, к установлению безусловного превосходства восприятия над объектом восприятия. В шестнадцать лет он пишет своему лицейскому преподавателю философии: «Когда я читаю, к примеру, стихотворение Леконта де Лиля, я испытываю прежнее бесконечное наслаждение, но при этом другое “я” наблюдает за мной, и ему забавно находить причины моего удовольствия. Другое “я” видит их в той связи, которая существует между мной и произведением, уничтожает таким образом *собственную* красоту этого произведения». Раздвоенность и разочарованность восходят, разумеется, к образам романтических героев. Но Пруст готов перейти от личного к общему, что станет особенностью его главного произведения, «предстать моделью человека вообще»¹ и потому продолжает: «Мой “случай”

---

¹ Балашова Т. В. Монологическое повествование от Марселя Пруста к «новому роману». – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 38.

наверняка не единичен: молодые люди моего возраста, чьих физические страдания некогда приучили погружаться в себя, должны нередко испытывать то же, что и я». На множественности «я», состоящего «из различных господ», он настаивает и в письме к лицейскому приятелю Роберу Дрейфусу от 7 сентября 1888 года.

Передать переливы психологических нюансов у Пруста призвана, как известно, протяженная, разветвленная, возвращающаяся вспять и неуклонно вновь продвигающаяся вперед фраза, которая формируется уже в ранних письмах и вызывает немедленный отклик, когда он находит ее в чужих текстах, ибо такая фраза «растет, как живой организм» и напоминает «усердие художника, без конца исправляющего свою картину» (письмо Жюлии Доде от 4 января 1896 года).

В двадцать три года Пруст пишет художнице Сюзетте Лемэр, которая не на много его старше: «Я еще слишком молод и не знаю, в чем состоит счастье жизни. Но я уже хорошо знаю, что оно не состоит ни в любви, ни в дружбе». Лучшей книгой о любви он считал роман все того же XVII века «Принцесса Клевская» Мари-Мадлен де Лафайет и соответственно воспринимал это чувство как бесконечное страдание и самоистязание, что и показано в «Поисках». Разочарование в любви и дружбе, их мучительное восприятие было связано у Пруста и с его личным опытом, с влечением к юношам, которые обычно не платили ему взаимностью, с необходимостью скрывать свои наклонности. В то же время он мог увлекаться и женщинами, но не известно ни одной, которая питала бы к нему нежные чувства. Пылкие «признания в любви» к дамам в письмах Пруста трудно считать только данью вежливости или маскировкой. Скорее в его любовном дискурсе, эпистолярном и романном, нет «ни женских ликов, ни мужских», вернее, эти лики подменяют-

ся одни другими¹, поскольку для него законы любви едины и в любом опыте, к кому бы он ни был обращен, есть нечто всеобщее.

«Счастье жизни» изначально для Пруста состоит в обретении слившихся с реальностью, пробужденных ею воспоминаний и образов, придающих ей истинное, вневременное измерение, в том трогательном сплетении искусства и природы, рукотворного и первозданного, что являет собой увитая плющом нормандская церквушка на пути из Трувиля в Онфлер, которой Пруст передает «нежный привет», как и «сломанной, но стойкой, как старая служанка, старой груше в соседнем селе, своими корявыми от времени, но еще зелеными ветвями изо всех сил поддерживающей маленький домишко» (письмо Луизе де Морнан от 14 июля 1905 года). Любовь к природе, к морю и северным песчаным пляжам, закатам, цветам и цветущим деревьям, столь же сильная, что и любовь к искусству, выражается в ряде эпистолярных текстов Пруста, похожих на стихотворения в прозе – жанр, во многом определяющий современную ему литературу и его собственное творчество².

При всей его установке на радостное общение прежде всего с искусством и природой, по письмам видно, до какой степени молодой Пруст был погружен в жизнь окружающего общества, сколько юмора, иронии, сарказма он мог вложить в его описание. Письма Пруста наглядно показывают, что он был не чужд политике, поскольку знаменитое дело Дрейфуса приобрело

---

¹ См. об этом феномене в ранней автобиографической новелле Пруста, написанной от лица женщины: *Viолет Catherine. La Confession d'une jeune fille de Marcel Proust: aveu ou fiction* // *Bulletin d'informations proustiennes*. Paris, Editions Rue d'Ulm, 1991. № 22. – P. 7–24.

² См.: *Lozinsky Elena. L'Intertexte fin-de-siècle dans «À la recherche du temps perdu» de Marcel Proust. Les Carafes dans la Vivonne*. Paris, Honoré Champion, 2013. – P. 97–144. Автор известна в России как Елена Баевская.

для него огромное значение, став предметом напряженных размышлений. Выразительные сатирические портреты, которыми изобилует его роман, встречаются и в ранних письмах Марселя. Каким бы затворником ни представлял себя Пруст, его социальные связи нисколько не редуцировались. Парадоксальное сочетание бесконечной людской лавины и одинокого сознания художника, присутствующее в романе «В поисках утраченного времени», и неизменно отличает письма Пруста.

Это сознание соткано прежде всего из воспоминаний, которые лежат в основе его самых ранних литературных текстов¹ и многих его писем. В двадцать два года Пруст писал графу Роберу де Монтестью: «Мне казалось, что если года сменяются, то люди остаются теми же, и что будущее, средоточие наших желаний и мечтаний, предопределено тем самым прошлым, повторения которого в будущем мы совсем не хотим, а между тем это будущее так ясно звучит веселыми и мрачными голосами колоколов, которые мы прежде раскачали».

Е. П. Гречаная

---

¹ См.: *Proust Marcel. Les plaisirs et les jours, suivis de «L'Indifférent» et autres textes.* Éd. Thierry Laget. Paris, Gallimard, 1993. – P. 346.

**Ранние письма Марселя Пруста
частично опубликованы:**

Пруст Марсель. Письма. 1896–1921 / перевод и вступительная статья Г. Зингера. Составление В. Никитина. – М.: Фонд «Гласность», 2002.

Пруст Марсель. Три письма / перевод с французского, вступление и комментарии Елены Баевской // Иностранная литература. № 3. 2009. – С. 272–281.

Расширенное издание писем Марселя Пруста было начато Андреем Дмитриевичем Михайловым (1929–2009), который успел завершить только их составление.

Составление и перевод сделаны по изданиям:

Proust Marcel. Correspondance. Texte établi, présenté et annoté par Philip Kolb. 21 volumes. Paris, Plon, 1970–1993.

Proust Marcel. Lettres (1879–1922), éd. Françoise Leriche avec le concours de Caroline Szylowicz. Paris, Plon, 2004.

В комментариях использованы эти издания (принятые сокращения: Kolb, с указанием номера тома и страницы; Leriche, с указанием страницы), а также следующие:

Tadié Jean-Yves. Marcel Proust. Biographie. T. 1. Paris, 1996 (принятое сокращение: Tadié, с указанием страницы).

Dictionnaire Marcel Proust, sous la direction d'Annick Bouillaguet et Brian C. Rogers. Paris, Honjré Champion Honoré, 2014 (принятое сокращение: DMP, с указанием страницы).

Index général de la correspondance de Marcel Proust, sous la direction de Kazuyoshi Yochikawa, Kyoto, Presses de l'Université de Kyoto, 1998.

Общеизвестные и легкодоступные для определения имена и реалии не комментируются. Цитаты, источник которых не найден, и имена неустановленных лиц, как правило, в комментариях не отмечаются. Перевод цитат, кроме специально

оговоренных случаев, – мой (Е. Г.). В некоторых случаях имеющиеся переводы не используются как неподходящие к контексту письма. По этой же причине цитируются разные переводы одного и того же стихотворения Ш. Бодлера – в переводе В. Левика (под названием «Путешествие») и в переводе М. Цветаевой (под названием «Плавание»).

В квадратные скобки заключены согласно французскому оригиналу неразборчивые, предположительно восстановленные, утраченные пассажи и слова, а также установленные и предполагаемые даты писем.

ПИСЬМА

*Нате Вейлю*¹

[2 апреля 1879]

Дорогой дедушка,

Прости меня за мой грех, я съел меньше, чем обычно, я плакал четверть часа², потом я был весь заплаканный.

Я прошу у тебя прощения.

Прости, отец³, которого все должны почитать и уважать.

Робер⁴ обнимает тебя от всего сердца.

Твой внук Марсель Пруст

Прощай, дедушка.

Передай привет г-ну Ж[оржу]. Д[ени]. В[ейлю].⁵

Приветствую. Ж[анна]. П[руст].⁶

---

¹ Нате Вейль (1814–1896) – дед Пруста по материнской линии, видный финансист.

² В оригинале написано в одно слово, как слышится: «cardeur».

³ Марсель, по-видимому, обращается к деду, авторитет которого в семье был очень высок, как к Богу.

⁴ Робер Пруст (1873–1935) – младший брат Марселя, впоследствии известный хирург.

⁵ Жорж-Дени Вейль (1847–1906) – сын Нате Вейля, дядя Пруста, судейский чиновник.

⁶ Жанна-Клеманс Пруст (урожденная Вейль; 1849–1905) – мать Пруста. Он имитирует ее почерк в этой приписке (Leriche. 62).

Нате Вейлю

Суббота 24 [мая] [18]79

Дорогой дедушка,

Я тебе долго не писал, но я помню о тебе и о бабушке¹ тоже. Надеюсь, что вы оба здоровы и дядя Жорж тоже здоров. На следующей неделе я напишу моему дяде Л. Вейлю². Надеюсь, что ты ответишь на мое письмо. Поблагодари маму за то, что она нам прислала, и спроси, чей это вензель, который она мне прислала. Я встал в половине седьмого, чтобы поздравить Робера³. Расскажу тебе, как я провел вчерашний день. Мы ходили на рыбалку и вместе с семейством П[...]а запускали металлических ласточек.

Твой внук, который тебя любит и обнимает всех вас от всего сердца,

Марсель Пруст

Робер вас тоже обнимает.

Мадемуазель Полине Небюрже⁴

47, улица Николо, Пасси

Отей⁵, 5 сен[тября 1880]

Дорогая кузина,

Большое спасибо за книги, которые ты мне прислала. Та, которую я тебе отдал, меня очень заинтересовала.

---

¹ Адель (Аделаида) Вейль (урожденная Бернкастель; 1824–1890) – любимая бабушка Пруста.

² Лазар (Луи) Вейль (1816–1896) – сводный брат Нате Вейля, промышленник и финансист.

³ 24 мая был день рождения Робера Пруста.

⁴ Полина Небюрже (в замужестве Эйншиц; 1866–1951) – дочь двоюродной сестры матери Пруста.

⁵ Отей – элитный пригород на западе Парижа, где жила семья Пруста и где он родился и провел детство и отрочество.

Завтра я еду в Дьепп и радуюсь, что смогу читать, это весело.

Обнимаем твоих сестер и матушку. До встречи.

Твой двоюродный братец

Марсель Пруст

Нате Вейлю

Окрестности Дьеппа

14 сен[тября 1881?]

Дорогой дедушка,

У нас все хорошо, надеюсь, у тебя тоже.

Стани¹ уехал вчера из Пюи, так называется маленький городок, очень милый и живописный, который сочетает прелесть деревни и моря. Он расположен в полутора часе² от Дьеппа. Стани говорит, что в нем 150 жителей.

До свиданья, дорогой дедушка,

Твой внук, который тебя любит и крепко целует,

Марсель

Госпоже Вейль

[после 3 августа 1883]

Дорогая, милая бабушка,

Поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе долгих и приятных часов за фортепиано, и чтобы мама тебя больше не поддразнивала, дедушка больше не сердился, и больше не было споров с дядей на кулинарную тему и с папой³ на тему медицины (гигиены).

---

¹ Станислас-Эдуард Оппенгейм (1861–1930) – знакомый Пруста из семьи банкиров.

² Так в оригинале.

³ Адриен Пруст (1834–1903) – известный в свое время врач, член Академии медицины, автор многих трудов по гигиене и неврологии.

Желаю тебе всего, что может доставить тебе удовольствие и сделать счастливой, и вместо букета фиалок дарю тебе мой венок за 83-й год¹. Когда у меня наберется много премий за все годы, я сделаю из них «лавровый венок к ее празднику», как сказал один поэт о Греции. Я сравниваю тебя с Грецией, это наилучшая ей похвала.

И пусть мне никогда не придется дарить тебе, как Греции, «слезу при виде бед ее»².

Господь тоже празднует, украсив твой праздник ярким солнцем. Оно полезно дедушке и позволяет нам совершить большую прогулку (разумеется, гигиеническую).

Твой внук (ты это уже знаешь) (нет надобности продолжать)

Марсель Пруст

(Не знаю, нравится тебе росчерк или нет, ставлю две подписи на любой вкус, ты выберешь, какую хочешь).

Марсель

Госпоже Вейль

Отель де ла Пэ [Сали-де-Беарн³] [август 1886]

Дорогая бабушка,

В настоящий момент меня обуревают очень сложные чувства, и мне немного стыдно их анализировать.

Мне очень грустно, что тебя здесь нет, потому что...

---

¹ Пруст получил награду за успехи в естественных науках и похвальные листы за успехи в изучении французского языка и в переводе с французского на латинский (Kolb. 21, 542–543).

² Слегка измененная цитата из стихотворения Казимира Делавиня (1793–1843) «Смерть Жанны д'Арк» (1819).

³ Курорт с минеральными водами на юго-западе Франции, куда неоднократно приезжала мать Пруста.

Я очень доволен, что...

Нам здесь подают на завтрак, обед и ужин не меньше пяти блюд, утром – второй завтрак, вечером – полдник, в общем, кухня – божественная и достойная Гаргантюа, блюда огромные, изысканные и великолепные, коими наслаждаются тощие обитатели Отея.

Сегодня утром (беру пример наугад, и при этом я съел меньше, чем обычно) я съел:

яйцо всмятку

два бифштекса

пять картофелин (целиком)

холодную куриную ножку

холодное куриное бедро

три порции печеных яблок, полных изумительного сока

(в половине девятого – кофе с молоком и хлеб).

Прошу тебя не показывать никому это письмо, ненасытный обжора и гурман берут в нем верх над изысканным литератором или во всяком случае ему не уступают. Мой дорогой Эжен¹, который полагает, что мои уста восприимлют лишь нежные ручейки аттического меда, с ужасом увидит пожирателя сочного мяса. Ему будет стоить труда скрыть свое отвращение за гармоничными, цветистыми перифразами, когда мирный читатель Горация и Вергилия (надеюсь, это мои писатели) превратится на его глазах в претолстого Пантагрюэля.

Огюстина² получила мой тщательный и подробный отчет о нашем путешествии. Ты можешь его прочитать, у меня нет желания ни снова напрягать память, ни утруждать тебя повторным описанием. «Non bis in idem»³ (это ты можешь

---

¹ Слуга (камердинер) в доме Пруста.

² Горничная матери Пруста.

³ Довольно и одного раза (*лат.*).

показать Эжену, равно как и те рекомендуемые пассажи, где я расскажу о моих досугах, посвященных музам).

В Сали не так плохо, как тебе, наверное, жалуется мама, судя по ее настроению. Во-первых, стоит сильная жара, что вполне соответствует южной обстановке. Затем, если я спрашиваю, где какая-нибудь улица, то, как говорит Робер, одно из двух. Или мне отвечают на языке Депуррена¹ – так г-н Дюпурке, наш почитаемый ученый доктор, называет беарнский язык, доказывая тем самым, что он благочестивый сын, «*filius pius*»² (это для Эжена) Беарна, заботящийся о его литературной славе. Но поскольку язык Депуррена имеет только общую этимологию с тем языком, на коем говорят не ведающие о Депуррене благовоспитанные люди, такие, как я и ты, никто ничего не понимает. Или же мне отвечают по-французски с акцентом Тартарена и столь же сильными неуверенностью и замешательством, так что понять что-либо не менее трудно. Все это усиливает местный колорит и создает неудобства, что одно и то же.

Последний штрих. Без преувеличения можно утверждать, что здесь столько же быков, сколько людей. Но быков не таких, каких я видел до сих пор. Есть быки и быки. Здешние, конечно, всем быкам быки. Их роскошное туловище ярко-желтого цвета все покрыто, словно мантией, коричневой шерстью. Видна только голова, важная, красивая, округлая и покорная, и блестящие, грустные глаза. Череп у них покрыт шерстью, словно папоротником, из которого торчат два великолепных рога. Настоящая голова Христа³. Но эти благородные мученики отличают-

---

¹ Киприан Депуррен (1698–1759) – беарнский (гасконский) поэт, автор песен.

² Благочестивый сын (*лат.*).

³ Так в оригинале.

ся таким объемом и такой чистотой линий, такой силой и пластической красотой, что хочется присоединиться к тому великолепному культу, который создал Теофиль Готье¹.

Теперь, когда мой период завершен, и Теофиль Готье возбудил в моем сердце нескончаемое желание жаловаться:

Два слова, граф...

Поговорим негласно.

«Фракасса»² ты читал? Ужель от искры малой
Его огня душа твоя не запылала?

....

И ты еще прийти осмелился сюда?

...

О, гнев! О, бешенство! О, старость, враг лукавый!
Ужель я столько жил, чтоб умереть без славы,
Невеждам указал на то, что есть «Фракасс»,
Чтоб лавры доблести поблекли все зараз?³

Каким образом, давняя почитательница Пресвитерства⁴, подписчица на «Ревю де де монд»⁵, безжалостная потребительница абрикосового и вишневого варенья, каким образом...

---

¹ Т. Готье дает красочное описание быков в книге «Путешествие в Испанию» (1843) и в «Романе мумии» (1858).

² Роман Т. Готье «Капитан Фракасс» (1863), весьма ценный Прустом.

³ Измененные цитаты из трагикомедии П. Корнеля «Сид» (пер. М. Лозинского, с изменениями).

⁴ Возможно, имеется в виду «Пресвитерство на берегу моря» (франц. пер. 1816), роман популярного в свое время немецкого писателя Августа Лафонтена.

⁵ Один из наиболее влиятельных французских журналов XIX в., основанный в 1829 г.

Объятый ужасом, я слов не нахожу¹,

твой желудок не был охвачен волнением при чтении этой восхитительной фразы (том 1, глава III, «Таверна “Голубое солнце”»): «Есть только сушеная треска, ветчина и суп. – Подайте суп, ветчину и сушеную треску, – хором воскликнула голодная братия».

Как ты не задрожала от радости, когда маркиз де Брюйер похитил прекрасную Зербину и сделал ее своей любовницей, когда маркиза де Брюйер, желая отомстить мужу за его измены, взяла в любовники прекрасного Леандра... и когда Изабелла (глянув в слуховое окно, глава I, том второй) после бесчестной попытки Сигоньяка «устремляет на него свои прекрасные, полные слез, глаза. Ах, воскликнула она, вы сделали мне много зла». А удар свежесрубленной веткой, который получил прекрасный Леандр, наконец, и в особенности эта великолепная глава «В доме господина маркиза», самая прекрасная, быть может, включающая «Объяснение в любви Чикиты».

Неблагодарная!

Я прочитал «Евгению Гранде», это очень красиво, очень грустно, но какие бы эпитеты я ни выбрал, больше, чем скромное «очень», к ним не приложишь.

Прекрасная дама, истории, латыни и греческому все дни посвящены. Я на 66-й странице Мин[ье]². Читать [порой] весьма интересно. Я разобрал уже по меньшей мере 250 стихов «Энеиды». Греческий тоже истолкован. Как и телеграфный стиль некой Аделаиды Вейллль³, изъясняющейся совершенно как маленький Зоик из песенки.

---

¹ Измененная цитата из трагедии Ж. Расина «Федра».

² Чтение имени, предложенное Ф. Лериш (Leriche, 65). Франсуа-Огюст Минье (1796–1884) – историк. Его основной труд – «История французской революции с 1789 до 1814 г.» (1824).

³ Так в оригинале.

Прекрасная маркиза, умереть от любви к вам готов¹, но отнюдь не готов исправлять письмо, грамматические ошибки, погрешности в изложении мыслей, неровный стиль и плохой почерк. Слишком жарко-парко.

Доброго вечера, прекрасная дикарка, изъясняться по-французски со всевозможным тщанием силился.

Благодарствуй, Франс², обожаемая.

Слишком жарко-парко.

*Sarsé*³

Госпоже Вейль

Отель де ла Пэ [Сали-де-Беарн, лето 1885 или 1886]

Дорогая бабушка,

Не благодари меня за это письмо. Впрочем, после недавней взбучки я очень боюсь вновь вызвать гнев. Но госпожа Катюсс⁴ пообещала мне исполнить маленькую арию, если я начну для тебя ее портрет, большую арию, если я его закончу, и наконец в благодарность за мое старание – все арии, какие я только пожелаю. Тебе это ни о чем не говорит, не так ли? Но если бы ты вчера услышала некий сладостный, чистейший, чудный, проникновенный голос, а ты знаешь, какие чувства вызывает во мне пение, то ты поняла бы, почему, торопясь

---

¹ Измененная цитата из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670).

² В оригинале: Frans. Не ясно, имеется ли в виду слово «Франция» или игровое прозвище бабушки.

³ В оригинале: Sarsé. Возможно, Марсель называет себя гасконским словом «sarsé», «утка-нырок».

⁴ Мари-Маргерит Катюсс (урожденная Бертен; 1858–1928) – подруга матери Пруста, с которой она разделяла любовь к музыке. Впоследствии оставалась верной помощницей Пруста в житейских делах.

присоединиться к приятелям, которые играют в крокет, я все же сажусь за письменный стол госпожи Бирабан, хозяйки нашей гостиницы, с намерением описать тебе госпожу Катюсс.

Я в сильном замешательстве. Госпожа Катюсс должна увидеть этот портрет, и хотя я приступаю к нему, клянусь Артемидой, белокожей богиней, и Плутоном с пылающим взором, как если бы она его никогда не увидела, некоторое целомудрие не позволяет мне сказать, что я нахожу ее очаровательной. Между тем печальная реальность именно такова. Госпоже Катюсс от 22 до 25 лет. У нее очаровательная головка, мягкие, светлые глаза, нежная, белая кожа. Ее головка, обрамленная красивыми черными волосами, достойна мечтаний художника, влюбленного в совершенную красоту (о! невыносимая задача бросить вызов Мюссе¹ и сказать, в особенности когда это правда: сударыня, вы очаровательны, вы бесконечно милы. Но божественные мелодии Массне и Гуно освободят меня от смущения). Она небольшого роста, однако приятно сложена. Но ничто не идет в сравнение с ее головкой, которой не устаешь любоваться. Признаюсь, что в первый день она показалась мне только хорошенькой, но с каждым днем очаровательное выражение ее лица меня все больше привлекало и ныне я пребываю в немом восторге.

Нет, невозможно, я покажусь госпоже Катюсс совершенным глупцом и оставляю для следующего письма, которое она не увидит, восхваление ее прелестей.

Беседа госпожи Катюсс утешила меня посреди бесчисленных печалей и той скуки, которая становится в Сали уделом всякого, у кого нет «двойной мускулатуры», как го-

---

¹ Поэт-романтик Альфред де Мюссе (1810–1857) был одним из любимых поэтов молодого Пруста.

ворит Тартарен, и кто не может отправиться на приволье и найти там необходимую для существования крупницу поэзии, каковой совершенно лишена наша терраса, полная болтающих постояльцев и клубов табачного дыма. Я благословляю бессмертных богов, приведших сюда столь умную, столь поразительно образованную женщину, благодаря которой узнаешь столько нового, женщину, чье очарование обладает такой силой: *mens pulchra in corpore pulchro*¹. Но я проклиная враждебных нашему покою гениев, которые принудили меня говорить пошлости в присутствии той, кто мне так нравится, кто столь добра со мной и столь очаровательна. Это пытка. Я хотел бы сказать тебе, как меня радует мое пребывание здесь, как я был бы опечален ее отъездом, я бы постарался красноречиво описать тебе ее черты и дать тебе почувствовать ее внутреннюю красоту, я хотел бы показать тебе ее грацию и выразить тебе мои дружеские чувства, но нет! Я уже и так играю глупую роль.

Обнимаю тебя в бешенстве, надеясь, что ее «мелодичные звуки, очаровывая мой слух, утишат мои страдания».

Всего доброго, бабушка, как ты поживаешь?

Марсель

Нате Вейлю

[Сали-де-Беарн, сентябрь 1886]

Дорогой дедушка,

Большое спасибо за письмо. Похоже, мой стиль, к несчастью, никому не нравится. Поскольку возвышенный жанр не для меня, попробую жанр обыденный.

---

¹ Прекрасный ум в прекрасном теле (*лат.*). Переиначенное латинское выражение «в здоровом теле здоровый дух».

Вчера уехал г-н Мажито¹. Видел бы ты, что вытворяла его жена и как выражали свое почтение постояльцы гостиницы. Он представился как «доктор Мажито», и его жена, а также многочисленные письма и бюллетени Общества Антропологии превратили его в знаменитого ученого, прославленного врача. В то время как мы в гостинице имели вид никому неизвестных бедняков, все суетилось вокруг божества, впрочем, доброжелательного, приветливого и общительного. «Доктор...» «Эти врачи всегда такие рассеянные...» «Все ученые и врачи пишут именно так, никто ничего не понимает...» «Если вы не знаете, сударыня, спросите у доктора...» «Но вы же знаете, у нас здесь *великий* врач». И врач снисходительно улыбался и даже играл в вист. Стыдись, факультет медицины! Я коварно намекнул одной болтливой почитательнице «доктора», что этот ученый – зубной врач, «впрочем, вполне ученый, имеющий, кажется, звание врача», но все же обыкновенный зубодер. Но яд не имел эффекта, и г-н Мажито уехал вчера после того, как целый месяц вкушал обманчивую сладость популярности. Впрочем, уважая истину, как говорит один обитатель Отея, я должен сказать, что доктор – человек очень добрый, открытый, естественный, в высшей степени образованный, *очень* умный. Недавно он веселился, читая собравшимся весьма набожным женам и мужьям атеистические, богохульные стихи некой г-жи Аккерман² и доказывая, как $a + b$, что религии суть человеческие установления, тормозящие общественный прогресс, что Бог – это химера, а ум и сердце – жизненные функции, как пищеварение и ды-

---

¹ Луи-Феликс-Эмиль Мажито (1833–1897) – известный в то время врач-стоматолог.

² Луиза-Викторина Аккерман (1813–1890) – поэтесса, отличавшаяся приверженностью к философии позитивизма и глубоким пессимизмом.

хание, и заявляя во всеуслышание, что совесть – единственный регулятор человеческого поведения, что если следовать этим принципам, то добродетели, милосердие, к примеру, обретают всю свою силу, тогда как в лоне религии их культивируют с узкой, эгоистической целью получить награду.

При этом тон его я передать не в силах¹.

Я рассказал тебе все о г-не Мажито, который страшно не понравился г-же Катюсс (она прозвала его одонтологом), потому что я думаю, что тебе это интересно, поскольку я знаю твое мнение об одонтологии и о религиозных верованиях. Еще два слова о важных новостях.

Оздоровительный режим идет нам на пользу. Мама цветет, а Робер благоденствует. Я – нежно-розового цвета и умираю от голода перед каждым приемом пищи. Консистенция хороша².

Госпожа Катюсс – очаровательная женщина. *Очень хорошенькое* личико, черные волосы, гладкая, бархатистая кожа, очень светлые, живые, мягкие глаза, изящное, пухленькое тело, скорее маленький рост, большой, замечательный ум, солидное образование, много остроумия и грации, отнюдь не банальная любезность, не исключая притягательной откровенности, в общем, в ней много оригинальности и очарования, и к тому же эта прелестная женщина, смягчающая суровость нашей ссылки, превосходно поет – у нее очень чистый и очень приятный голос, а еще она художница (по этому поводу не могу ничего сказать, я не видел ни ее рисунков, ни картин).

---

¹ Слегка измененная цитата из стихотворения Альфреда де Мюссе «Удача» (1834).

² Слегка измененная цитата из комедии Мольера «Лекарь поневоле» (1666), пер. Н. Ман. Имеется в виду физиологическая подробность.

Теперь, дорогой дедушка, когда я рассказал тебе все, что может тебя интересовать, позволь мне спросить у тебя о чем-то, что меня в высшей степени интересует. Напоминаю тебе твое давнее обещание. Его выполнение зависело от одобрения мамы, и она его дала. Речь идет о «Ревю блё»¹, на который можно подписаться с 1 октября. Я этого весьма желаю. Да поможет Бог!

До свидания, милый дедушка, обними всех.

Что читает Огюстина? Почему она мне не отвечает? А что статья Жоржа?

Я забыл сказать, что одонтологист назвал себя собратом папы, и этот слух было не просто опровергнуть.

*До встречи,
Марсель*

Дорогой папенька,

Я не хочу лишать тебя письма твоего внука, но по некоторым причинам, о которых скажу при встрече, я бы желала, чтобы его прочитали только мама, ты и Жорж, и чтобы ты его затем уничтожил. Ж[анна]. П[руст].

*Мадемуазель Антуанетте Фор*²
[Париж, 15 июля 1887]

Дорогая Антуанетта,

Поверите ли вы, что мама порвала мое письмо к вам? Якобы почерк был слишком плох.

---

¹ «Ревю блё» («Синий журнал») – политический и литературный журнал левоцентристской ориентации, названный так из-за цвета его обложки, основанный в 1839 г., в котором печатались видные интеллектуалы и политики.

² Антуанетта Фор (1871–1950) – дочь будущего президента Франции Феликса Фора, подруга детства Пруста.

Но в сущности я полагаю, что хвалы нашему храброму генералу¹, «простому и величественному» солдату, как сказано в «Маленьком Пекаре»², пробудили застарелые орлеанистские и республиканские симпатии госпожи Жанны Пруст.

На улицах Отея (где я провел только 14 июля) никогда не было такого оживления, как вчера. Разве не полон зажигательной силы куплет:

Мы смеемся, мы ликуем,
Мы победу торжествуем

или:

Вот Буланж, ланж, ланж?

Так кричали все, женщины, рабочие и даже маленькие дети от пяти до восьми лет, которые с пылом и очень правильно пели.

Хотя герой сам по себе весьма зауряден, просто пошлый краснбай, столь непредвиденный, *римский* энтузиазм посреди банальной, однообразной действительности пробуждает в сердце что-то первобытное, неукротимое, воинственное.

Как видите, я не великий философ и нахожу только прилагательные, желая объяснить мое желание горланить: Он вернется!

---

¹ Жорж-Эрнест-Жан-Мари Буланже (1837–1891) – генерал, военный министр Франции в 1886 г. Запретил представителям дома герцогов Орлеанских службу в армии, разжигал бонапартистские и националистические настроения в обществе. В мае 1887 г. был снят со своего поста и в июле отправлен в провинцию, что спровоцировало в Отее, через который он проезжал, и в Париже народные волнения, которые сопровождались криками: «Он вернется!»

² Газета («Ле Пти-Буланже»).

Мне нечего рассказать о Елисейских полях¹. Бланш по-прежнему очень ласковая, ее ангельское личико одновременно шаловливо и покорно. Мари Бенардаки² – очень хорошенькая, но все легче возбуждается. Она *подфралась* с Бланш, которую побила и которая (но здесь нет связи) очень благодарит вас за письмо.

Позавчера на конкурсе³ я писал пять часов подряд без намека на передышку. Я пришел в Сорбонну в половине десятого и вышел без четверти четыре. Экзамен продолжался с половины одиннадцатого до половины четвертого. Сочинение писали 120 или 130 человек, то есть двое (редко трое) первых учеников всех старших классов всех лицеев. Это был экзамен по истории. В один из ближайших вечеров я пойду слушать Полюса⁴. Расскажу вам о концерте.

Не хотите ли передать что-нибудь вашим друзьям? Я почти каждый день бываю на Елисейских полях.

Желаю вам и всем вашим друзьям, с которыми знаком, замечательных каникул.

---

¹ Сады Елисейских полей были местом прогулок детей, чьи родители, как и родители Пруста, жили в самом престижном, восьмом округе Парижа.

² Мари Бенардаки (1874–1949) родилась в России в семье получившего дворянство грека, ставшего церемониймейстером русского двора. Пруст впервые встретил ее в июле 1886 г. Одна из девушек, в которых он был влюблен в отрочестве. Послужила прототипом Жильберты Сванн в романе «В поисках утраченного времени».

³ Всеобщий конкурс учеников старших классов лицеев проходит каждый год в Сорбонне с целью отметить лучших. Пруст не был отмечен.

⁴ Полюс (наст. имя Жан-Полен Абан; 1845–1908) – популярный певец и композитор, один из первых шансонье, исполнитель песни во славу французской армии «Возвращаясь с парада», которую он, изменив слова, превратил в гимн сторонников генерала Буланже.

Передайте сердечный привет господину и госпоже Фор, мадемуазель Люси¹, мадемуазель Марсель и ее сестре, и всем остальным,

Марсель Пруст

Матери

[Отей] суббота 24 сентября [1887]

Милая, восхитительная мамочка,

Позволь прежде всего сказать тебе, что желудок у меня *божественный*, что я снова принес жертву бабушке, а это стоило немало, заверить, что у тебя будет «Исландский рыбак»², правда, по совету бабушки, скорее всего из читальни Отея (взять из другой уже не успеем), затем поведать тебе о некоем опыте и наконец немного посплетничать. Все это в быстром темпе, так как я скоро ухожу.

Вот каков опыт. (Не знаю, что говорю.) Я был *уверен*, что за ночь все прекрасно перевариваю. Но ночи были какие-то *неспокойные*, мне казалось, что я сплю, но скоро проснусь, все время сны и т. д., утром – во рту *помойка*. Однажды вечером (после Лувра) ложусь спать, не слишком беспокоясь о пищеварении, хотя очень поздно полдничал и много съел за ужином (три десерта). Утром вскрикиваю у себя в спальне от удивления: рот восхитительный, сон спокойный, великолепный. До обеда чувствовал себя гораздо лучше. После обеда, как всегда, иду в лес³ пешком, затем сажусь в коляску дяди⁴ и т. д. Сон тяжелый, неприятный запах изо рта.

---

¹ То есть Феликсу Фору (1841–1899; президенту Франции в 1895–1899 гг.), его жене Мари-Матильде-Берт Фор (урожденной Беллюо; 1842–1920) и их дочери Люси (1866–1913).

² Роман (1886) Пьера Лоти, одного из любимых в то время писателей Пруста.

³ Имеется в виду Булонский лес.

⁴ Речь идет о Луи Вейле.

Вот что я решил.

Единственный день, за которым последовала *единственная* спокойная ночь, прошел так:

в лес я только ездил, в карете, так как встретился с дядей, выйдя из Лувра, а не на Акасья¹.

На следующий день стараюсь больше не ходить в лес.

Полдничаю, основательно ужинаю (по чистой случайности), так что бабушка даже сделала мне замечание.

Наутро рот в порядке.

Теперь кое-какие сплетни. Вчера на ужине была Нюна². Дядя ее изничтожил: она имела дерзость сказать: «Я не люблю Энгра». Начался яростный спор, и дядя заявил, что Нюна *ничего не смыслит в живописи*. Она заметила, что все же не побоится сказать это в обществе. «Тогда все будут говорить: вот самовлюбленная дамочка», и спор пошел по нарастающей. Дядю разобрала такая ярость, что Нюна в страхе делано рассмеялась и сказала: «Во всяком случае хорошо, что я способствую вашему пищеварению». Они оба были белые, как полотно.

Неделю назад Нюна страшно потешалась над тем, как дядя рассуждал о живописи и скульптуре и противопоставлял Рафаэля и Дюрера. Это происходило ночью, после ужина, в саду. Вдруг появляется и стремительно исчезает чья-то тень. Дядя вышел пописать и быстро вернулся в дом, чтобы не простудиться. Нюна спрашивает изменившимся голосом: «Это был не твой дядя?» – «Он». Ее возглас: «Значит, он все слышал!» Вовсе нет. Ничего.

Тысяча поцелуев.

Марсель Пруст

---

¹ Улица в восьмом округе Парижа, гораздо ближе к Булонскому лесу, чем Лувр.

² Элен Бессьер (урожденная Вейль) – двоюродная сестра матери Пруста.

Даниэлю Алеви¹

[Вскоре после 14 мая 1888]

Сударыня²,

Поскольку сей юный эфеб восхищается вами с благоговением и любовью, как и положено, мы просим вас прибегнуть к вашей неувядаемой грации и умолить Отца всех и всего, дабы он (эфеб) прочитал, употребив всю возможную фантазию, «искрометные» стихи г-на Теодора де Банвиля. Ежели сие начало покажется вам, сударыня, чересчур во вкусе тех, кои через несколько лет сочинит г-н Леметр³, мы не отчаиваемся. Быть может, вы предпочтете, чтобы при посредстве госпожи Сары Бернар я возгремел на триумфальной трубе во славу г-на Катюля Мендеса⁴? Как угодно, сударыня. Лилиями, цветущими в снегах вашей победоносной груди, розами, полыхающими на ваших прославленных локтях цвета зари, на коих, словно цветок и драгоценность, оживает пурпурный знак, золотом, рассыпанным в ваших безудержно ниспадающих, благоуханных волосах... вдохновите, умоляю вас, сударыня, сего юношу, дабы несколько слетевших рифм коснулись крылом моего слуха.

Примите, сударыня, выражение нашего почтительного восхищения и Ренановой⁵ иронии, ибо, по нашему

---

¹ Даниэль Алеви (1872–1962) – соученик по лицее и близкий друг Пруста, впоследствии историк и мемуарист.

² Этот шуточный текст написан как рекомендательное письмо фее Ургеле, персонажу одноактной «фантазии» поэта-парнасца Теодора де Банвиля (1823–1891) «Поцелуй» (1887).

³ Франсуа-Эли-Жюль Леметр (1853–1914) – видный театральный критик.

⁴ Катюль Мендес (1841–1909) – поэт и прозаик, один из основателей парнасской школы.

⁵ Жозеф-Эрнест Ренан (1823–1892) – философ и писатель, историк религии. Был гостем в доме Пруста и дарил ему свои книги.

мнению, «Поцелуй» – не более чем очаровательная, но пустая – о, совершенно пустая! – фантазия и забава очаровательного ума. Так мы думаем, сударыня, но этого не говорим. Нет, уверяю вас. Мы поступаем так из тщеславия и из опасения прослыть старомодными (резкий голос директора: Не так ли, Алеви? Не так ли, Алеви?) (перламутровое с розовым оттенком лицо надзирателя расплывается в загадочной улыбке), ибо больше всего боимся, что нас смешают с некоторыми критиками, кои ничем не заслужили право заявлять, что «Поцелуй» не является шедевром, ведь они не были ослеплены его великолепием и не *любят* его. Мы же *любим* сие произведение, оно доставило нам чистейшее удовольствие, и если мы не признаем его шедевром, то причиной тому – высокая мудрость и твердая рассудительность, предохраняющие нас от самых притягательных утех, как чувственных, так и поэтических, а именно – стихов Стефана Малларме и даже Теодора де Банвиля.

*С вашего позволения, ваш друг
Марсель Пруст*

Даниэлю Алеви

[Вторник 22 мая? 1888]

Дорогой Даниэль,

Вокруг меня с усердием предаются географии. Даю себе две минуты передышки. Я не *декадент*. Из писателей нашего столетия я в особенности люблю Мюссе, папашу Гюго, Мишле, Ренана, Сюлли Прюдома, Леконта де

Критически настроенный по отношению к христианству, Ренан в своих исторических трудах нередко допускал шутливую иронию, представляя те или иные исторические факты.

Лиля, Алеви¹, Тэна, Бека², Франса. Мне очень нравятся Банвиль, Эредиа, и я воображаю антологию, составленную из изысканных произведений тех поэтов, которых не принимаю полностью: «Сотворения цветов»³ Малларме, «Песен»⁴ Поля Верлена и т. д., и т. д. – Но мне отвратительны критики, иронизирующие по поводу декадентов. Полагаю, что они совсем не искренни, но не сознают этого или по меньшей мере сознают плохо. Причины такой неискренности, если угодно, – преклонение перед прекрасными формами речи, извращение чувств, болезненная чувствительность, коей доставляют редкостное удовольствие согласие далеких звуков, музыка, скорее внушаемая, чем действительно существующая.

Что касается стиля Мендеса, Сильвестра⁵, Банвиля (в прозе), то полагаю, что он ведет к неискренности, порождающей банальность (это как у г-на Пургона: дизентерия и т. д.⁶). Если ты не совсем меня понимаешь, я тебе все объясню при встрече.

Я не питаю ни к кому *страстной любви*. Твой самый дорогой друг⁷, или тот, кто любит тебя больше всех, не

---

¹ Людовик Алеви (1834–1908) – отец Даниэля, автор многочисленных либретто опер и оперетт. Был также автором двух нашумевших романов.

² Анри-Франсуа Бек (1837–1899) – поэт и драматург. Для его стихов и комедий характерны простой язык и тематика повседневности.

³ Имеется в виду стихотворение С. Малларме «Цветы» (1866).

⁴ Песнями называются многие стихотворения П. Верлена, два его сборника носят название «Добрая песня» (1870) и «Романсы без слов» (1874).

⁵ Арман Сильвестр (1837–1901) – поэт-парнасец, автор стихов, изобилующих поэтическими штампами.

⁶ Врач Пургон в комедии Мольера «Мнимый больной» перечисляет череду болезней, называя в том числе дизентерию, как следствие пренебрежения его предписаниями.

⁷ Жак Бизе (1872–1922) – сын композитора, соученик по лицей и близкий друг Пруста.

знаю, как сказать, кажется мне очень милым, и мне доставляет подлинное удовольствие – которое я не пытаюсь скрыть – быть с ним. Но мне так же приятно быть и с тобой и потому я бы хотел, чтобы ты сказал мне, в какие дни ты не возвращаешься домой ровно в четыре часа. И в те дни, когда ты захочешь меня видеть, я в твоей власти. Бизе решит, что ты начинаешь один из моих «списков», которые, как тебе известно, означают для меня начало дружбы. Но это будет его большой ошибкой, ибо моя дружба к тебе – давняя и, хотя это звучит глупо, но бумага все терпит, – очень сильная.

Благодарю тебя за то, что ты предоставил мне возможность не слушать Шублие¹. Впрочем, когда я писал это письмо, я словно говорил с тобой и создал таким образом иллюзию большого удовольствия, каковое, как ты знаешь, вовсе не иллюзорно.

Post Scriptum

Предлагаю тебе основать вместе со мной (но при условии, что мы одни будем во главе) многостраничную газету, посвященную искусству.

Что касается твоего предполагаемого или подлинного мужеложника, ты вполне можешь ошибаться. Я знаю... что есть молодые люди... (и если это тебя интересует и ты обещаешь мне хранить *полную тайну* и ничего не скажешь даже Бизе, я покажу тебе очень интересные с этой точки зрения документы, принадлежащие мне и мне адресованные) есть молодые люди, в особенности субъекты в возрасте от восьми до семнадцати лет, которые *любят* других субъектов, хотят всегда их видеть (как я – Бизе), плачут и страдают вдали от них и желают только одного:

---

¹ А. Шублие был преподавателем истории, географии и риторики в лицее Кондорсе.

обнять их и сесть им на колени, которые любят их *плоть*, не сводят с них глаз, называют их совершенно серьезно «милый», «мой ангел», пишут им страстные письма и ни за что на свете не станут заниматься тем, чем занимаются мужеложники.

Однако обычно любовь берет верх, и они вместе мастурбируют. Но не насмехайся над ними, ни над тем, о ком ты мне говоришь, если он тоже такой. Это в общем-то влюбленные. И я не знаю, почему их любовь – сквернее, чем обычная.

Матери

[Отей, среда 5 сентября 1888]

Тебе, моя дорогая мамочка, последний листок роскошной бумаги.

Из уст моих изыдет чистая правда.

Отличная прогулка вчера вечером. Проводил Жоржа до трамвая. Я минут десять держал его вдали, чтобы трамвай ушел без него. Не получилось. К сожалению, в последние минуты, когда он собирается уходить, я так доволен, что немного выдаю себя. Он побежал за трамваем! Большое удовольствие видеть это.

Вечером – неприятности. Ночью спал долго, но скорее плохо. К тому же у меня до сих пор глаза на мокром месте. Под впечатлением от вашего отъезда я даже заслужил отповедь дядюшки, который назвал мою печаль «эгоизмом». Это маленькое открытие в психологии так порадовало его гордость и самолюбие, что он, поучая меня, потерял всякую жалость. Гораздо более мягкий дедушка сказал только, очень спокойно, что я идиот, а бабушка с улыбкой покачала головой, заявив, что мое поведение отнюдь не доказывает, что я люблю «мою матушку». Мне

кажется, только Огюст, Маргерит и г-жа Гайар¹ сочувствуют моему горю. Что касается Виктуар и Анжелики, они явно полагают, что у меня есть «подружка», которая осушит мои слезы! Сегодня утром, встав пораньше, я гулял в лесу с книгой Лоти. О, мамочка, как жаль, что я не делал этого раньше, и как часто я буду делать это теперь! Едва я вошел, как мне стало хорошо: солнце, прохлада, в общем, я смеялся от радости, один. Мне было приятно дышать, чувствовать, разминать члены. Как некогда в Трепоре² или в Иллье, в год Огюстена Тьерри³, и в тысячу раз лучше прогулок с Робером. И к тому же «Женитьба» Лоти⁴ еще улучшила мое самочувствие – словно я выпил чаю. Я читал на траве на берегу маленького озера, фиолетового в полутени, кое-где проглядывало солнце, и вода, деревья начинали искриться:

В тот час, когда вокруг все блеск и волшебство...⁵

Я понял, вернее почувствовал, сколько ощущений передает этот очаровательный стих Леконта де Лиля! Всегда он!

Дедушка совершенно отказался от чая. Только настойка апельсиновых цветов. Великий человек на покое. Он сказал, что его дед никогда не пользовался носовым платком. Даже при неожиданной – о, почти нереаль-

---

¹ Слуги в доме Пруста, как и ниже, «Виктуар и Анжелика».

² Ле-Трепор – город в Нормандии, в окрестностях Дьеппа.

³ До пятнадцати лет Пруст проводил часть пасхальных и летних каникул в Иллье (ныне Иллье-Комбре, в 120 км к юго-востоку от Парижа), где он с восторгом прочитал книгу историка Огюстена Тьерри (1795–1856) «Рассказы о временах меровингов» (1840). После 1886 г. в Иллье не приезжал.

⁴ Автобиографический роман (1878) П. Лоти.

⁵ Строка из стихотворения Ш.-М. Леконта де Лиля «Богоявление» (сб. «Трагические стихи», 1884).

ной! – встрече! «Это только еще больше расстраивает!» Я очень хорошо держался за столом и ни разу не встретился взглядом с разгневанной дедушкой. Он позволил себе только одно маленькое замечание, так как я иногда *вытирал* глаза носовым платком. Остатки печали.

Скажи Роберу, что рабочие Его Величества закончили работу над инструментом, предназначенным для столь важных государственных дел, но что они, как и положено (см. романы Дюма), не догадываются ни о важности, ни даже о смысле содеянного¹. Вот что кажется мне просто величественным и напоминает трубу Страшного суда. Виктуар говорит, что это очень забавно и что она совершенно не знает, чему это может служить! Поцелуй за меня тысячу раз Робера, тысяча поцелуев и тебе. Я сожалею, если стал причиной твоего даже самого легкого недовольства! Прости. Крепко обнимаю.

Марсель

P. S. Мне только что принесли панталоны из Хрустального дворца². Слишком узкие. Их перешьют и непременно доставят сегодня вечером. Панталоны Робера вернули.

Роберу Дрейфусу³

[Иль-Адан, 7 сентября 1888]

(Вензель – Жойана⁴, у которого я в гостях в Иль-Адане, но пиши мне в Отей, я возвращаюсь сегодня вечером)

---

¹ Речь идет об установке унитаза, что было новшеством (Kolb. 1. 9).

² Ирония Пруста. Хрустальный дворец был возведен в окрестностях Лондона по случаю Всемирной выставки 1851 г. и представлял в том числе различные ремесла.

³ Робер Дрейфус (1873–1939) – соученик по лицей и друг Пруста, впоследствии известный историк и автор воспоминаний о Прусте.

⁴ Эдуард Жойан – соученик Пруста по лицей Кондорсе.

Мой милый друг,

Ты хотел вежливо сказать мне, что Алеви считает меня путаным и фальшивым? Признаться, я не очень понял.

Не думаю, что тип – то же, что характер. *Полагаю*, что за характер мы принимаем то, что в действительности является ассоциациями идей. Объяснюсь, заявляя при этом, что моя теория может быть ложной, поскольку полностью принадлежит мне.

Итак, предположим, что в жизни или в литературном произведении ты видишь Господина, который плачет при виде чужого горя. Каждый раз, когда ты видел человека, испытывающего чувство жалости, то был человек добрый, мягкий и чувствительный, и потому ты заключил, что этот Господин тоже чувствителен, мягок и добр. Ибо мы в нашем уме выстраиваем характер из нескольких черт, увиденных нами и предполагающих другие черты. Но это построение весьма гипотетическое. *Quare*¹ если Альцест² бежит от людей, Коклен³ предполагает, что это следствие смешного дурного характера, а Вормс⁴ – благородного презрения низких страстей. *Item*⁵ в жизни. Так Алеви бросает меня, давая мне знать, что делает это намеренно, потом спустя месяц приходит и заговаривает со мной. Из различных Господ, из коих я состою, романический Господин, чей голос я почти не слушаю, говорит мне: «Он сделал

---

¹ Потому (*лат.*).

² Главный герой комедии Мольера «Мизантроп» (1666).

³ Коклен-старший (Бенуа-Констан Коклен; 1841–1909) – актер театра Комеди Франсез, исполнитель роли Оронта в комедии «Мизантроп», соперника и неприятеля Альцеста.

⁴ Гюстав Вормс (1836–1910) – актер театра Комеди Франсез, знаменитый исполнитель роли Альцеста.

⁵ То же (*лат.*).

так, чтобы тебя подразнить, позабавиться и испытать тебя, потом он пожалел об этом, потому что не хочет бросать тебя навсегда». И этот Господин представляет мне Алеви как немного взбалмошного друга, который хочет знаться со мной.

А недоверчивый Господин, коего я предпочитаю, заявляет мне, что все гораздо проще, что Алеви меня не выносит, что мой пыл – ему, благоразумному, – кажется сперва смешным, а вскоре нестерпимым, и он решил дать мне почувствовать, что я ему надоел, и отделаться от меня. И когда он наконец увидел, что я не буду больше донимать его своим присутствием, он начал со мной разговаривать. Недоверчивый Господин не знает, является ли его поступок следствием жалости, равнодушия или нелюбви к крайностям, но он знает, что это не имеет никакого значения и потому немного обеспокоен. Впрочем, его это волнует только как психологическая проблема.

Вопрос в том, какая буква в уравнении: x или y ? Если это x (совокупность действий, не выходящих за пределы дружбы), то ссора имеет не большее значение, чем каприз, испытание или досада, и все заканчивается примирением.

Если это y – антипатия, то возможность примирения равна нулю, а ссора становится окончательной.

О! прошу прощения! излагая мою теорию, я посвятил ей все письмо, а Жойан зовет меня. До другого раза! Но в том, что касается теории, ты можешь подтвердить мои психологические исследования. Ведь ты все знаешь, если Алеви сказал тебе (я бы не стал его упрекать): ну и зануда этот Пруст!

Или: этот Пруст в общем мил.

Правда, есть еще третий вариант, самый вероятный: Он тебе ни о чем не говорил.

Я всего лишь нейтральное тело¹.

Реши мне эту задачку. Я отвечу на все твои вопросы.

Трижды прошу прощения:

1. Что не написал тебе раньше: уезжали мои мать и брат. Потом я к Жойану.

2. Что так плохо все написал, галопом, со всех точек зрения: Жойан ждет меня.

3. Что донимаю тебя всем этим... Но мне интересно!..

*Твой
Марсель Пруст*

Роберу Дрейфусу
[10? сентября 1888]

Дорогой друг,

Сегодня такая хорошая погода, что у меня появляются барские замашки. Я хотел бы устроить себе комедию. А это значит для меня – пригласить в гости или пойти повидать множество приятелей, выйти за пределы своего «я», быть спокойным или страстным, или экстравагантным, или непристойным, следуя своим желаниям, прихотям своего тела, и устроить себе зрелище не только всеобщей глупости, но также свойственных кое-кому оригинальности и индивидуальности. Я хотел бы сказать ЖБ², что я его

---

¹ Выражение «нейтральное тело» («un corps neutre»), которое считается «загадочным» и поддающимся различным интерпретациям (см.: Jérôme Picon. Marcel Proust : une vie à s'écrire. Paris, Flammarion, 2016. P. 10), во французских толковых словарях имеет конкретное значение: «Тело, не имеющее ни положительного, ни отрицательного заряда», то есть не обладающее свойствами притяжения или отталкивания, что соответствует контексту письма. В то же время не исключены и возможные здесь другие значения слова «neutre» – «ни мужского, ни женского рода», «бесполый».

² Имеется в виду Жак Бизе.

обожаю, а Х или Y, что я декадент. Но сегодня я не могу доставить себе сие королевское удовольствие и в качестве компенсации еду на Акасья. Там, по-моему, блещет парижская эстетика 1888 года. Я бы охотно дал анализ увиденного, будь я журналистом: меня бы это очень позабавило, я даже хотел в лицее выпускать газету. Эстетика расцветает на белоснежных, округлых плечах, причудливо покрытых порой изысканной тканью. Какая-нибудь знаменитая куртизанка, чей затылок у основания напоминает своей очаровательной округлостью те амфоры, в которые терпеливые этруски вложили все свое представление об идеале грации, всю свою утешительную мечту о ней, и чей уголок рта – тот же, что и у наивных Богородиц Луини (Бернардино)¹ или Боттичелли, которые нравятся мне гораздо больше, чем Богородицы Рафаэля – ух! ух! куда это меня занесло? – дай-ка перечитаю, ах, да! какая-нибудь знаменитая куртизанка, «сказал я», в искусных складках своего фиолетового платья заключает больше очарования, нежели многие «салоны»; к тому же это современной и очень искренне. Я хочу сказать, что куртизанки естественно, не подражая (как это бессознательно происходит в живописи или в поэзии), не впадая в идеализм и не демонстрируя брутальность, являют то, что им кажется верхом красоты и изящества при помощи редкостных, дорогих материй, розовых тканей цвета восхитительней, чем небо в шесть часов утра, голубых крепонов, напоминающих о глубине спокойного водоема. Боюсь, что, рассуждая так, я становлюсь немного Жоржем Оне². Меня утешает, что мне нравится в них не то, что Жоржу Оне, и что изменчивая реальность сама по себе мало что значит.

---

¹ Бернардино Луини (между 1480 и 1485 – после 1533) – итальянский художник, подражавший Леонардо да Винчи.

² Жорж Оне (1848–1918) – автор большого количества бульварных романов.

Другой потехой было бы побранить наших друзей, «моя дорогая». Давая комедию, становясь другим, я могу злословить, не совершая преступления. Я тоже могу стать объектом собственного злословия. Я бы даже охотно набросал свой портрет, хотя бы только один его уголок: «Знаете ли вы Х, дорогая, то есть М. П.? Должен признаться, что он мне не очень нравится. Эти его вечные восторженные порывы, озабоченный вид, страстные увлечения и прилагательные. Он кажется мне совершенным безумцем или большим притворщиком. Судите сами. Я бы назвал его любителем признаний. Спустя неделю он дает вам понять, что у него к вам сильные дружеские чувства, и под предлогом, что он любит приятеля как своего отца, любит его как женщину. Он начинает встречаться с ним, кричит повсюду о своей большой привязанности, ни на миг не теряет его из виду. Поболтать с ним – это слишком мало. Ему нужны тайна и постоянство свиданий. Он пишет вам письма... лихорадочные. Под видом насмешек, деланных фраз и пастишей он дает вам понять, что ваши глаза божественны, а ваши губы его притягивают. Несносно то, дорогая, что, бросив В, которого он лелеял, он начинает ластиться к D, которого вскоре покидает, и падает к стопам E, а очень вскоре потом – на колени F. Кто же он? П.....?»¹ Безумец? Мистификатор? Глупец? По-моему, мы об этом никогда ничего не узнаем. В сущности, он все эти четверо одновременно. Не знаю, отвратительно ли все это, смешно или искренне. Я охотнее верю, что это ничего не значит. Во всяком случае, моя дорогая, никогда не отвечайте на его пыл, если он начнет пылать возле вас. Ибо говорят, что он хранит кое-какие письма... В общем, у него есть прототипы мно-

---

¹ Судя по начальной букве и количеству точек, имеется в виду слово «педераст», бывшее в это время в ходу во Франции (Leriche. 82).

жества небольших романов. Я был бы совсем не против очень серьезно поговорить с ним часок. Но боюсь, он меня поцелует».

Дозволяю тебе, дорогой друг, показать это письмо Д. А.¹, хотя оно и написано стремительным галопом, так как меня стегало время: мне надо идти в манеж.

Потому покидаю тебя, покайся в моих грехах в этом признании – если, конечно, оно и впрямь признание. Возможно. Однако, как говорит Леметр, можно было бы с таким же успехом доказать обратное и, по моему мнению, быть совершенно правым.

Что ты об этом думаешь?

Во всяком случае, если это портрет, то он мало приукрашен и польстил бы мне меньше, чем твой портрет, который представляю себе я, согласно тому, как представляешь его ты сам – окутанный презрением ко всему вульгарному и предлагающий ему зрелище воображаемого, очень ироничного Дрейфуса.

Разумеется, если ты захочешь показать это письмо упомянутому Д. А.², то при строгом предварительном условии: не говорить об этом никому ни слова, и в особенности его брату³. Впрочем, не опасайся, несмотря на только что сказанное мной, что я показываю кому-нибудь твои письма. Полагаю, что Д. А., если он увидит этот портрет, скажет, как и раньше он говорил обо мне:

«Слишком искренне и потому неправда».

И будет прав.

Ибо я убежден (это то немногое, в чем я убежден), что есть вещи, о которых отвратительно говорить, когда

---

¹ Даниэль Алеви.

² То есть Даниэлю Алеви.

³ Эли Алеви (1870–1937) – старший брат Даниэля, впоследствии историк и философ.

говоришь о себе, если только это не трансцендентальное вранье. К тому же это дурной тон. Поэтому я бы все же предпочел, чтобы ты не показывал мое письмо А.

*Твой
Марсель П.*

Даниэлю Алеву
[осень? 1888]

Дорогой друг,

Ты слегка высек меня, как и положено, но твои розги столь цветущие, что я не могу на тебя сердиться, яркие краски и аромат их цветов меня приятно охмелили и смягчили остроту шипов. Ты нанес мне удары лирой. А лира твоя чарующая. И я был бы очарован, если бы... Я объясню тебе мою мысль, вернее, побеседую с тобой как с утонченным юношей о весьма достойных интересах вещей, хотя о них и не любят говорить между собой. Надеюсь, ты будешь благодарен мне за мое целомудрие. Я считаю бесстыдство отвратительным. Оно кажется мне гораздо хуже разврата. Мои нравственные убеждения позволяют мне верить в то, что чувственные удовольствия являются большим благом. Эти убеждения также призывают меня чтить некоторые чувства, деликатность в отношениях с друзьями, а в особенности – французскую речь, любезную и бесконечно грациозную даму, которая с одинаковой изысканностью выражает грусть и сладострастие и которой не следует навязывать непристойные позы. Это значило бы обесчестить ее красоту.

Ты считаешь меня пресыщенным и расслабленным, ты ошибаешься. Если ты очарователен, если у тебя прелестные светлые глаза, в которых так ясно отражается утонченность твоего ума, и мне кажется, что я не смогу

выразить всю мою любовь к твоему уму, если не поцелую твои глаза, и если твое тело и твои глаза столь же нежны и полны хрупкой прелести, что и твоя мысль, и мне кажется, что я лучше приобщусь к твоей мысли, если сяду к тебе на колени, если наконец мне кажется, что очарование твоего «ты», твоего «ты», в котором я не могу отделить твой живой ум от твоего легкого тела, утончит и усилит для меня «сладкую радость любви», то в этом нет ничего такого, за что я заслуживал бы презрительных фраз, которые скорее могли бы быть обращены к пресыщенному женолюбу, ищущему новых утех в мужеложстве. У меня есть друзья очень тонкого ума и весьма щепетильные, я уверен, в том, что касается нравственности, которые однажды развлекались с другом... в начале юности. Потом они вновь обратились к женщинам. Если бы это было завершением, то кем бы они были, о, боги, и кем же ты меня считаешь, кем же в особенности я стану, если я уже покончил с обычной любовью! Охотно скажу тебе о двух Учителях чистой мудрости, которые в своей жизни срывали не только цветок, Сократе и Монтене¹. Они позволяют совсем еще юнцам «развлекаться», дабы те немного познали всяческие утехы и выпустили на волю переполняющую их нежность. Они полагали, что в ту пору, когда ты молод, но обладаешь острым чувством красоты и «чувственностью», эти одновременно чувственные и духовные утехы лучше, чем любовные связи с глупыми и развращенными женщинами. Думаю, что эти старые Учителя ошибались, я объясню тебе, почему. Но мне важен только общий характер их совета. Не относись ко мне как к мужеложнику, ты делаешь мне больно. Хотя бы из чувства элегантности, я стараюсь в нравственном

---

¹ Как отмечает Ф. Колб, Пруст ошибается в том, что касается Мишеля де Монтеня (Kolb. 1, 123).

отношении оставаться чистым. Можешь спросить у г-на Штрауса¹, какое влияние я оказал на Жака. Именно по оказанному влиянию можно судить о чьей-то нравственности.

Г-н Дарлю² предупреждает меня, что скоро вызовет, не продолжая этого письма. Скажи мне только, что это значит: твои руки не чисты?..

Я... целую тебя, если ты позволишь это целомудренное признание.

Марсель

Роберу Дрейфусу

Иль-Адан³ [25 сентября 1888]

Дорогой Дрейфус,
Пребывание в Шантийи⁴,
пребывание в Иль-Адане,
платоническая страсть к знаменитой куртизанке⁵, завершившаяся обменом фотографиями и письмами.

Несложная интрижка, весьма банально завершившаяся, как и положено, и породившая всепоглощающую связь, которая грозит длиться по меньшей мере год

---

¹ Эмиль Штраус (1844–1929) – адвокат, родственник банкиров Ротшильдов, муж Женевьевы Бизе с 1886 г. и отчим Жака Бизе.

² Альфонс Дарлю (1849–1921) – преподаватель философии в выпускном классе Пруста, близкий к толстовству.

³ Город в 25 км к северо-западу от Парижа, бывший местом отдыха аристократов и художников.

⁴ Город в 40 км к северу от Парижа, также место отдыха парижской элиты.

⁵ Речь идет о Лоре Хейман (1851–1932), красавице-креолке, англичанке по отцу, любовнице дяди Пруста Луи Вейля. Стала одним из прототипов Одетты в романе Пруста.

к большой выгоде музыкальных кафе и других заведений в том же духе, куда обычно водят особ такого рода, все это помешало мне возобновить ответ на твое последнее письмо, ответ, который я потерял и не стану восстанавливать: лучше поговорим при встрече, это слишком тонкая материя. В нем, в частности, сказано, что слова «отвратительно» и «трансцендентальное вранье» из моего последнего письма относились к моему, нарисованному мною, портрету, омерзительному, а не к твоему, нарисованному тобой, очаровательному и менее всего отвратительному. Это недоразумение, и принятый тобой рассерженный тон меня очень огорчил. Знай, что я всегда говорю с тобой с *предельной откровенностью*, что если бы я захотел адресовать тебе упрек, то *ни в коей мере* не стал бы его скрывать, и что если мои поступки и слова иногда противоречат друг другу (здесь я ничего не объясняю, меня к тому понуждают, как сказал бы Лабиш¹, условности, которые суть почти обязанности), то верить следует моим словам. В моих словах правда, даю тебе в том честное слово и с чувством жму твою руку. Мне недостает твоих писем, они радуют меня. Напиши же мне немедленно по адресу:

В доме г-жи Дюшоффур²

Иль-Адан

(Сена-и-Уаза)

До встречи после каникул, дорогой друг. Желаю тебе блестящих успехов в риторике, искренних друзей и красивых любовниц.

Марсель Пруст

---

¹ Эжен Лабиш (1815–1888) – драматург, прославившийся водевилями.

² Г-жа Дюшоффур – бабка Эдуарда Жойана.

Альфону Дарлю

[Вторник, 2 октября 1888]

Милостивый государь,

Сегодня утром вы говорили нам о молодых людях, ум которых слишком рано усваивает дурные навыки, так что они очень быстро, так сказать, раздваиваются и не могут ничего делать, ни о чем думать без того, чтобы их сознание не исследовало и не анализировало их поступки и мысли. Надеюсь, вы простите меня за то, что я, ставший вашим учеником всего два дня назад, осмеливаюсь обращаться к вам за, так сказать, духовной консультацией. За эти два дня я проникся к вам таким восхищением, что испытываю неодолимую потребность спросить у вас совета, прежде чем начать изучение философии.

Вы так хорошо описали эту болезнь, что, если бы не присутствие моих товарищей, я бы не удержался и спросил у вас, как найти средство исцелиться.

Когда, лет в четырнадцать-пятнадцать, я начал погружаться в себя и изучать свой внутренний мир, это не доставило мне страданий, напротив.

Позднее, лет в шестнадцать, это стало нестерпимым, особенно физически, я чувствовал крайнюю усталость, это было своего рода наваждением. Теперь же все не так. Мое прежде очень слабое здоровье стало почти хорошим, и я могу противостоять утомлению и отчаянию, которые причиняет это постоянное раздвоение.

Но я не менее сильно страдаю от того, что мой характер почти полностью изменился. И мое страдание стало теперь интеллектуальным.

Я больше не наслаждаюсь безоговорочно тем, что раньше доставляло мне наивысшую радость: литературными произведениями. Когда я читаю, к примеру,

стихотворение Леконта де Лиля, я испытываю прежнее бесконечное наслаждение, но при этом другое «я» наблюдает за мной, и ему забавно находить причины моего удовольствия. Другое «я» видит их в той связи, которая существует между мной и произведением, уничтожает таким образом *собственную* красоту этого произведения, тут же воображает иную, противоположную красоту и наконец почти полностью убивает все мое удовольствие. Вот уже больше года я не могу судить о литературе, меня снедает потребность иметь твердые правила, по которым я мог бы судить о произведениях искусства. Но тогда, дабы исцелиться, мне пришлось бы уничтожить мой внутренний мир, вернее, постоянное за ним наблюдение, а это приводит меня в ужас.

Мой «случай» наверняка не единичен: молодые люди моего возраста, которых физические страдания некогда приучили погружаться в себя, должны нередко испытывать то же, что и я.

Вы, конечно, знаете, какого рода размышления могут избавить, исцелить вас от этого недуга, если это недуг.

Надеюсь, милостивый государь, что мое крайнее восхищение и сильнейшее желание узнать, что вы об этом думаете, побудят вас простить мне неуместность и, быть может, бестактность столь *интимных* признаний, обращенных к незнакомому человеку.

Но мне кажется, что я уже знаю вас благодаря тому немалому, что вы сказали. Умоляю вас, милостивый государь, не упоминать об этом письме в классе: оно для меня своего рода исповедь.

Ваш ученик и искренний почитатель

Марсель Пруст

Анатолю Франсу
[около 15 мая 1889]

Милостивый государь,

Я подумал о том, что вы только что прочитали статью г-на Шантавуана¹ и что свидетельство самой сердечной симпатии могло бы, может быть, вас утешить, если эти неумные строки вас огорчили.

На протяжении последних четырех лет, милостивый государь, суббота – для меня праздник, ибо в этот день «Тан»² доставляет мне чистейшую радость. Вот уже четыре года, как я читаю и перечитываю ваши божественные книги, запоминая их наизусть. Вот уже четыре года, как я до такой степени люблю вас, что, мне кажется, немного вас понимаю. И если когда-нибудь мне достанет таланта, я попытаюсь сказать, чем вы, как мне представляется, являетесь, и обещаю, что моя статья доставит вам больше удовольствия, чем статья вашего «собрата» г-на Шантавуана.

В ожидании этого момента я довольствуюсь тем, что люблю вас, стараюсь еще лучше понять и читаю ваши книги самым умным из моих приятелей в лице Кондорсе. У вас есть теперь верные друзья, милостивый государь! Я даже преуспел в наставлении некоторых отсталых профессоров, которые вас не знали. Как радостно мне было встретить в этом году в лице моего преподавателя философии, который к тому же великий мыслитель, полную понимания любовь к вашим книгам!

---

¹ Анри Шантавуан, литературный критик, опубликовал в газете «Журналь де Деба» отрицательную рецензию на сборник рассказов А. Франса «Балтазар» (1899) (Kolb. 1, 124).

² Одна из центральных газет эпохи левоцентристской направленности. С 1886 по 1893 г. Анатолий Франс вел в ней по субботам литературную хронику.

Вы научили меня находить в вещах, книгах, идеях и людях красоту, которой я прежде не умел наслаждаться. Вы украсили для меня вселенную и меня самого. Я так сдружился с вами, что нет ни дня, когда бы я по несколько раз не возвращался к вам мыслью, хотя мне затруднительно вообразить ваш физический облик. В глубине души я воздвиг из воспоминаний о тех изысканных наслаждениях, что вы мне доставили, часовню, в которой вы безраздельно царите.

Мне было так больно от того, что вас публично принизили в этой статье, что я дерзнул написать вам о том, какую жестокую муку я почувствовал.

Ученик класса философии¹

Отцу

[Орлеан] Вторник, 23 сентября [1890]

Дорогой папочка,

Если я тебе до сих пор не писал, то потому, что увольнительная² прошла в основном в постели (мама тебе, наверное, писала об этом), а вчера (в первый день после возобновления службы) у меня было столько дел, что я не смог написать даже маме. Надеюсь, Мопассан тебе понравился. Мне кажется, он обо мне не помнит, так как из-за его болезни, а потом отъезда я видел его всего два раза³, но он должен приблизительно знать, кто я такой. Я вполне здоров (если не считать желудка) и даже не подвержен общей

---

¹ Последний класс в лицее.

² С осени 1889 г. Пруст в течение года проходил военную службу в Орлеане.

³ Пруст мог видеть Мопассана в салоне Женевиевы Штраус, матери Жака Бизе.

меланхолии, причиной каковой, во всяком случае поводом, а стало быть, оправданием, является в этом году мое отсутствие.

Но мне крайне трудно сосредоточиться, читать, учить что-либо наизусть, запоминать.

У меня так мало времени, что я обращаю к тебе сегодня лишь это краткое свидетельство того, что «я думаю о тебе», постоянно и с нежностью. До завтра, дорогой папочка, передай поэту¹, твоему соседу, что мне драгоценна его память, и кланяйся от меня г-же Казалис... Вообрази, что, к большому возмущению Дербаннов², горничные Кабура, завидев простого новобранца, послали мне тысячу поцелуев. Кипят жаждой мести брошенные мной горничные Орлеана. И я наказан – цитирую с позволения г-на Казалиса строку одного из его самых прекрасных стихотворений –

За то, что я презрел их персей наготу³.

Очень нежно целую,

твой сын
Марсель Пруст

Я возобновил военную подготовку.

---

¹ Анри Казалис (1840–1909) – поэт-декадент (под псевдонимом Жан Лаор), друг С. Малларме, а также врач и друг отца Пруста.

² В семье Гюстава Дербанна, страхового брокера на Парижской бирже, Пруст проводил отпуск в Кабуре, на побережье Нормандии.

³ Измененная цитата из стихотворения Жана Лаора (А. Казалиса) «Саломея» (1875).

Госпоже Штраус¹

[Воскресенье, 22? марта 1891]

Сожалею, сударыня, что не сдержал обещания и являюсь к вам. Вот мое оправдание: отправившись работать, я увидел по пути эти ветви сирени и не смог одолеть желание принести их вам. Так что крепких оснований у моего оправдания нет! Впрочем, поверьте, я чувствую всю его слабость. Я хотел бы знать, сударыня, пойдете ли вы в пятницу на «Императрицу Фаустину»². У меня случайно есть одно место на это представление, но есть и занятие, которое меня больше привлекает, так что я пойду только в том случае, если смогу созерцать вас. (И вы можете сказать мне об этом прямо, сударыня, ибо я не приду ни поцеловать вашу ручку, о чем я уже больше не говорю, ни даже поприветствовать вас и т. д., и т. д.) Итак, будет весьма мило с вашей стороны написать мне, что вы думаете о моем предложении, тем более что близится годовщина (в Страстную пятницу) с того дня, когда я получил ваше первое письмо. Ваш почерк, все такой же волнующий, вновь становится странно новым и словно незнакомым.

*С почтительной любовью,
Марсель Пруст*

---

¹ Женевьева Штраус (урожденная Алеви, или Галеви; 1849–1926) – дочь композитора Фромантя Галеви, в первом браке жена композитора Жоржа Бизе, мать Жака Бизе. Ее салон посещали аристократы, известные писатели и художники, политики. Один из прототипов герцогини Германтской.

² Историческая драма графа Станисласа Ржевуского (1864–1913), романиста и драматурга, премьера которой состоялась 23 марта 1891 г. в театре Порт Сен-Мартен.

Госпоже Штраус
[1891?]

Правда о госпоже Штраус.

Дело в том, что сперва я поверил, будто вы любите красивые вещи и прекрасно в них разбираетесь, – но затем я увидел, что вам на них наплевать; – потом я поверил, что вы любите отдельных людей, но теперь я вижу, что и на них вам наплевать. Полагаю, что вы любите только определенный образ жизни, который позволяет обратить внимание не столько на ваш ум, сколько на ваше остроумие, и не столько на ваше остроумие, сколько на ваш такт, и не столько на ваш такт, сколько на ваши наряды. Вы особенно любите этот образ жизни – и вы очаровываете. Вы очаровываете, и потому не радуйтесь тому, что я меньше люблю вас. Дабы доказать вам обратное (ибо вы хорошо знаете, что дела служат лучшим доказательством, нежели слова, ведь вы иногда что-то говорите, но никогда ничего не делаете), я пришлю вам красивейшие цветы, и это рассердит вас, сударыня, ибо вы не снисходите до того, чтобы поощрять чувства, во власти коих с мучительным восторгом я остаюсь

Вашего Величавого Равнодушия

покорнейший слуга
Марсель Пруст

Фернану Грегу¹

Среда вечером [первые месяцы 1892]

Милый Грег,

Приходи завтра, в четверг, к нам на ужин в четверть или в половине восьмого, как получится, других гостей

---

¹ Фернан Грег (1873–1960) – соученик по лицее и друг Пруста, поэт и литературный критик.

не будет. Если утром ты зайдешь к нам, чтобы сказать, ждать тебя вечером или нет, очень прошу тебя не подниматься наверх: я ложусь очень поздно, сплю почти до полудня, и звонок меня разбудит. Впрочем, если ты придешь, не пиши мне.

С дружеским приветом, преданный тебе

Марсель Пруст

Фернану Грегу

9, бульвар Мальзерб, четверг [2? июня 1892]

Дорогой Фернан,

Я перечитал твой «Вечер»¹ и, несмотря на замечания Жака Бизе, утверждающего, что он «властен» судить это произведение, оно мне нравится гораздо больше, чем твой «Пригород» и твоя «Угасшая не раз любовь», как «Плавание» Бодлера нравится мне больше, чем «Сильвия» Мюссе². Хотя я очень люблю «Сильвию», «Пригород» и «Угасшую не раз любовь». Остальное я еще только просмотрел: очаровательную «Метафизическую сказку» и «Пессимизм», чуть менее интересный, как мне кажется. Но он («Пессимизм») весьма подойдет, когда через двадцать лет художник, вдохновленный прославленным Фернаном Греггом, выставит, дабы получить почетную медаль, большую картину: последний мужчина убивает

---

¹ В 1892 г. Ф. Грег и его друзья по лицею основали журнал «Пир» («Le Banquet»; название отсылает к диалогу Платона), в котором были напечатаны первые стихотворения и прозаические тексты Грега, о которых идет речь, а также стихи и статьи его друзей, в том числе тексты Пруста. «Пир» ратовал за отход от символизма и декадентства и возврат к классической традиции.

² «Сильвия» – стихотворение Альфреда де Мюссе (сб. «Новые стихотворения» (1850)).

последнюю женщину. Под картиной он поместит весь вдохновивший его «пассаж». И знатоки искусства, которые предпочтут: одни – жест мужчины, другие – умоляющий взор жертвы, третьи – «космический» фон, решат, что картина не может сравняться с описанием «прозаика».

Могу ли я после этих похвал высказать некоторые упреки, резкость которых можно объяснить моим плохим здоровьем? Неужели вы все до такой степени глупы, что напечатали «Размышление о самоубийстве одного моего друга» неизвестно какого господина?¹ В «Смешных жеманницах»² два лакея изображают маркиза и виконта, с кривляниями подражая их манере говорить. Эта статья могла выйти из-под пера лакея Барреса³. При этом он с полным снисхождением относится к ростовщикам, векселям, займам, что может только обесчестить редакцию «Пира». Да и реальное ли лицо этот молодой человек (Максим)? Если да, то мне жаль его, ставшего героем лубочной картинки, изображающей конец века, самой отвратительной из всех. Но нет, он никогда не существовал! Разве пресыщенный, разочарованный во всем господин (состояние, которое вызывает неприятный восторг автора и кажется ему совершенно «изысканным» и «свидетельствующим об уме») может одалживать деньги, подписывать векселя, прибегать к помощи ростовщиков?

---

¹ Автором этого текста был Леон Блюм (1872–1950), впоследствии известный политический деятель, социалист (Kolb. 1, 169).

² Комедия (1659) Мольера.

³ Морис Баррес (1862–1923) – писатель и политический деятель, к тому времени автор романной трилогии «Куль Я» (1888–1891), в которой он отстаивал культ собственного «я» как единственной реальности и неограниченную свободу личности. Впоследствии встал во главе французских националистов.

Теперь ты, быть может, скажешь, что мои статьи еще хуже. Пусть так, но я в редколлегии «Пира»! Он создан для того, чтобы публиковать нашу продукцию. Но статья, взятая со стороны, не должна быть такой тупой, что ее отвергли бы, будь автором один из нас. Это поистине бесчестит журнал, ибо это его характеризует. Публикация плохих статей о модах – не бесчестие. Но писать в таком духе о смерти! И при том, что я не взял у одного офицера статьи на военную тему! Они были бы в тысячу раз лучше и *менее компрометирующими*. Я очень огорчен, что эта статья испортила «Пир». В стихах Луи де Ла Салля¹ – красивые краски, и они хороши по форме.

*Самый нежный привет от любящего тебя
Марселя*

Госпоже Штраус

[Пятница, 24 июня 1892]

Когда вы получите этот букет, сударыня, я буду сдавать экзамены в Школе политических наук². Пишу вам об этом, ибо надеюсь, что это принесет мне удачу, а также потому, что наверняка задержусь и не смогу вас увидеть сегодня вечером: будет слишком поздно. Я сдавал экзамены всю неделю и думаю, что завтра будет последний. Но один профессор ставит под угрозу мою божественную субботу, поистине счастливый день, ибо он хочет принять у меня экзамен не утром, а после обеда. До

---

¹ Луи де Ла Салль (1872–1915) – соученик Пруста по лицей, впоследствии писатель.

² Школа политических наук, основанная в 1873 г., готовит административную и дипломатическую элиту. Пруст с осени 1890 г. учился на отделении, готовившем дипломатов.

сих пор я сдавал экзамены успешно, надеюсь, так будет и завтра, и вы убедитесь, что совсем не правы, считая меня ленивым или жаждущим светских развлечений. Я как раз очень трудолюбив. Конечно, мне прекрасно известно, что, закончив моей собственной апологией, я поступил плохо. Но кто о ней позаботится? Г-н Штраус? Быть может, в том, что я отстаиваю такие достоинства, как трудолюбие и прилежание (поскольку вы их цените), нет ничего плохого, ибо они означают усилие к тому, чтобы понять и завершить что-либо. Мне кажется, Жак сейчас очень мил. Надеюсь, вы не станете еще строже судить

*почитающего вас, нежного и искреннего
Марселя Пруста*

Роберу Дрейфусу
Пятница [1? июля 1892]

Дорогой Дрейфус,
Я прочитал твою остроумную статью в «Пире» и подумал, что ты немного насмехаешься над нами. Я в этом не уверен, но хочу все же кое-что тебе сказать. Я тоже думаю, что все школы, которые претендуют на разрушение предшествующих школ, немногого стоят. Полагаю, что причина в том, что у них слишком материальное понятие о литературном господстве. Золя просто-душно утверждает: «Я уверен, что еще довольно долго останусь у власти. Другим литературным партиям не хватает сплоченности, чтобы собрать голоса. Как же они займут мое место?» А порой начинаются сравнения из мира торговли. Часто критика предшествующей школы превращается в своего рода злословие, как

это бывает в светской беседе (впрочем, здесь общество в свою очередь воздействует на литературу). Но тогда я не понимаю, почему ты именно так судишь о литературе в своей статье. Все твои образы совершенно вещественные. Намек на аббата Сийеса¹ снова доказывает в конце, что ты не изменил точки зрения. Если только это не чистое надувательство, я ничего не понимаю. (Правда, похвала Сарсе² как будто указывает на то, что это скорее мистификация, но мне хочется прибегнуть к авторитету этого столь тонкого писателя и сказать тебе вместе с ним: «Нам бы хотелось знать, с какой ноги танцевать».) Наконец, хваля Вольтера, ты словно применяешь рецепт: восхищаться тем, что вышло из моды, – изысканней, чем быть в моде. Так, когда все начали восхищаться Вагнером, его бывшие поклонники стали предпочитать ему Бетховена, потом Баха, потом Генделя. Дальше – некуда. Вечно это материальное (если мне позволено выразиться, как твой Сарсе) понимание литературы и искусства. Наконец, ты слишком суров к Дежардену³. Не стану останавливаться на том, сколько непочтительности в «гасильнике веры», но не думаешь ли ты, что вера Дежардена – это свет разума по сравнению со скептицизмом Барреса? По крайней мере Разум решает: не будем доверять разуму. И это огромное достижение по сравнению с тем, что говорит разум Барреса.

---

¹ Аббат Эмманюэль-Жозеф Сийес (1748–1836) – политический деятель эпохи Французской революции, автор знаменитого трактата «Что такое третье сословие?» (1789). Ф. Грег назвал его мудрым и восхвалял наследие французского XVIII в., которое Пруст не ценил.

² Франсиск Сарсе (1827–1899) – театральный критик, с которым Пруст полемизировал в ряде статей.

³ Поль Дежарден (1859–1950) – философ, представитель так называемого неохристианства, преподавал в лицее Кондорсе.

Но ты, наверное, смеешься, читая мое письмо, вероятно, ты хотел только пошутить и использовать свой авторитет, чтобы выдвинуть Абу¹ и ниспровергнуть Дежардена.

*Преданный тебе
Марсель Пруст*

Фернану Грегу
[октябрь 1892]

Дорогой Фернан,
Вот:

«Этюды». Первый, переписанный на больших листах, будет называться «Море». Вторым (тоже в составе «Этюдов», надо только поставить цифру II и подзаголовок) называется «Портрет госпожи Х». Он переписан на маленьких листах, с двух сторон, но почерк очень разборчивый!

Теперь что касается «Смеси» (я вовсе не настаиваю на том, чтобы написанное мною было подписано, самое большее М. П., разве что вы захотите снять с себя ответственность за это мارانье или сочтете, что так вежливее по отношению к Ренье², в таком случае поставьте подпись). Не найдя мою статью, я наскоро составил эту прилагаемую заметку, написанную только на обороте листов. Мне немного мешал экзамен, но было так стыдно перед Ренье, что заметку нужно было обязательно закончить.

---

¹ Эдмон-Франсуа-Валентин Абу (1828–1885) – писатель, высмеивавший новые веяния в искусстве, и антиклерикал, настроенный против спиритуалистических тенденций в современной ему литературе.

² Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье (1864–1936) – поэт и прозаик. Пруст, бывший почитателем Ренье, имеет в виду свою рецензию на его сборник «Как во сне» (1892).

Наконец, вот стихи Робера де Флера¹, он просил меня отправить их.

Самый нежный привет, мой милый, от твоего неизменно преданного и нежного

[без подписи]

Лоре Хейман

В среду утром [2 ноября 1892]

Милый друг, милая усладительница,

Вот пятнадцать хризантем, двенадцать – дабы заменить ваши двенадцать, когда они увянут, и три – дабы дополнить ваши двенадцать; надеюсь, что стебли будут очень длинными, как я и заказывал. И что эти цветы, гордые и грустные, как вы – гордые своей красотой и грустные, потому что все так глупо, – вам понравятся. Еще раз благодарю вас (и если бы не мой экзамен в субботу, я бы пришел сказать вам это) за то, что вы так мило вспомнили обо мне. Я бы с большим удовольствием пошел на этот праздник в духе XVIII века, посмотрел на этих молодых людей, как вы говорите, остроумных и очаровательных, которых объединила любовь к вам. Как я их понимаю! То, что просто желанная женщина, простой объект вожделения только разделяет своих обожателей – очень даже естественно. Но когда женщина, подобно произведению искусства, открывает нам самое изысканное в очаровании, самое утонченное в грации, самое божественное в красоте, самое усладительное в уме, тогда общее восхищение ею объединяет, связывает узами братства. Появляются служители культа Лоры Хейман. Но божество

---

¹ Робер Пеллеве де ла Мотт-Анго, маркиз де Флер (1872–1927) – соученик по лицей и близкий друг Пруста, впоследствии дипломат и драматург.

это – совершенно особенное, его очарование не доступно для всех, дабы уловить его, надо обладать изысканным вкусом, необходимы развитое чувство и ум, и потому вполне законно то, что верующие связаны взаимной любовью, посвященные понимают друг друга. Так ваша этажерка со статуэтками из саксонского фарфора (почти алтарь!) кажется мне одной из самых очаровательных вещей, какую только можно увидеть и какие вообще существовали со времен Клеопатры и Аспазии. Потому я предлагаю именовать этот век веком Лоры Хейман из царствующей саксонской династии. Простите ли вы мне все эти глупости и позвольте ли явиться к вам после экзамена засвидетельствовать мое нежное почтение?

Марсель Пруст

По размышлении скажу, что мне было бы не очень уютно в вашем саксонском притоне. Если вам все равно, я бы предпочел увидеть у вас в гостях того, кого особенно желаю увидеть. Таким образом, если саксонские сиятельства считают меня занудным, то не сочтут нескромным. И мне не придется опасаться мщения герцогов и графов за то, что я потревожил саксонскую династию.

Полю Дежардену

В понедельник утром [декабрь 1892]

Милостивый государь,

Простите, что я еще не подписался на «Нравственное деяние»¹. Причиной тому – некоторые обстоятельства, и я непременно подпишусь.

---

¹ П. Дежарден основал в 1892 г. Союз во имя нравственного деяния, который издавал «Бюллетень».

Но позвольте с целью лучшего понимания поделиться с вами впечатлением, которое произвело на меня чтение подаренного вами номера. Я был поражен, прочитав в нем, что следует скорее рекомендовать бесполезное и, так сказать, доставляющее наслаждение милосердие (приведен пример с благовониями), нежели полезное (полезное не потому, что в нем проявляется доброе намерение дающего, но потому, что оно приносит конкретную пользу получающему), ибо полезное милосердие не умягчает душу. Эти слова, прочитай я их в «Марке Аврелии»¹ г-на Ренана, «Таис»² г-на Франса или в «Саду Береники»³ г-на Барреса, хотя и не понравились бы мне, но не удивили бы меня. Эти великие художники рассматривают милосердие (и это их слабость, по моему смиренному мнению) с эстетической точки зрения и потому далеки от того, чтобы лишать его обаяния «бесполезного», составляющего истинно художественное изящество.

Но мое крайнее удивление вызывает то, что вы пишете о таких вещах в вашем журнале.

Разве вы затем изгнали чистое эстетство из самого искусства (и здесь мне видится чрезмерная строгость вашей доктрины и смешение двух понятий), чтобы ввести его туда, где ему нечего делать, а именно – в область морали? И разве тот, кто станет курить благовония у ног бедняка вместо того, чтобы дать ему одежду, разве он, совершая столь роскошно бесполезное действие, не будет скорее искать художественное наслаждение, нежели руководствоваться желанием сделать добро бедняку? И, оказываясь, в этом милосердии будет больше пользы, чем в том,

---

¹ «Марк Аврелий и конец античного мира» (1882) – исторический труд Э. Ренана.

² Роман (1890) Анатоля Франса.

³ Третий роман (1891) трилогии Барреса «Куль Я».

цель которого – сделать как можно больше добра возлюбленному ближнему.

Что за язык! И вы, конечно, сочтете, что я злоупотребляю данным вами правом писать об этих вещах без всякой претензии на литературность!

Простите за нескромность, но вы знаете, какое значение я придаю всем плодам вашего замечательного ума, а также мнению всех тех, чью добрую волю направляют ваши мысль и сердце.

Прошу вас принять, сударь, уверения в моем самом сердечном уважении.

Марсель Пруст

Госпоже Штраус

Четверг, после моего ухода [декабрь 1892 или первые месяцы 1893]

Сударыня,

Мне нравятся загадочные женщины, а вы именно таковы, и я часто писал об этом в «Пире»; мне бы хотелось, чтобы вы чаще узнавали себя на его страницах. Однако я не могу любить вас безоглядно, и скажу вам причину, хотя это и ни к чему, ведь вы знаете, что человек зачастую проводит время, делая то, что ни к чему не ведет, или то, что ему вредит, особенно когда он любит, пусть даже не столь сильно. Вы полагаете, что, если быть слишком открытым, то обаяние исчезает, и я думаю, что это правда. Но вот что происходит с вами. Обычно вы представляете в обществе двух десятков лиц и являетесь как бы сквозь ширму этих лиц, ибо известный вам молодой человек находится от вас дальше всех¹. Но предположим, что спус-

---

¹ Имеется в виду сам Пруст.

тя немало дней однажды удастся увидеть вас одну. У вас всего пять минут и даже в течение этих пяти минут вы думаете о чем-то другом. Но это еще ничего. Если с вами говорят о книгах, вы видите в этом педантство, если с вами говорят о людях, вы считаете это бестактностью (когда вам что-то рассказывают) или любопытством (когда вас о чем-то спрашивают), если вам говорят о вас, вы находите это смешным. И потому сотни раз становишься готовым разочароваться в вас, но вы вдруг проявляете еле заметную благосклонность и словно оказываете небольшое предпочтение, и тогда снова оказываешься в вашей власти. Но вы не слишком хорошо усвоили ту истину (полагаю, вы не усвоили ни одной!), что платоническая любовь *требует* многого. Тот, кто отнюдь не сентиментален, странным образом становится таковым, когда его любовь сводится к платонической. Следуя вашим урокам хорошего тона, я не стану уточнять. Но прошу вас, подумайте об этом. Будьте немного снисходительны к самой нежной платонической любви, коей, поверьте, связан с вами с вашего позволения,

почтительно преданный вам
Марсель Пруст

*Роберу де Бийи*¹

Четверг [26 января? 1893]

Милый Робер,

Вы не поверите, как я по вас скучаю. Мое легкомыслие, зачастую привязывающее меня к настоящему, не убавило моих к вам дружеских чувств. И я еще безнадежнее думаю

---

¹ Граф Робер де Бийи (1869–1953) – друг Пруста, с которым он познакомился во время прохождения военной службы в Орлеане. Бийи стал впоследствии дипломатом и издателем писем Пруста.

о вас оттого, что не могу вас видеть, что ваше обаяние не услаждает моего повседневного существования, ваши веселость или мудрость не утешают меня в печалях, а ваши советы не указуют мне путь к правде и добру. Я был очень тронут посылкой, которую привез Буассонас¹. Этот сувенир передал мне Эдгар Обер². Увы! Он тоже больше не приедет, он уехал на более продолжительный срок, чем вы. Сменяющие друг друга тихие, светлые дни рожают во мне граничащую с галлюцинацией иллюзию нашего с ним пребывания там, где он был столь очарователен, остроумен, добр, где его ласковый взгляд или рукопожатие смягчали то, что в его устах звучало слишком резко и иронично. Вспоминаю обед у него дома, аллею для игры в мяч в Тюильри, его занятия английским у Финали³.

Вы жалуетесь, что вам ничего не рассказывают. Дело в том, что я не осмеливаюсь ни о чем говорить: я слишком часто бываю на людях и, если стану вам об этом рассказывать, вы перестанете меня уважать. Пришлите мне, пожалуйста, список четырех экзаменов, которые мне нужно сдать, и книг, которые нужно прочитать, я его потерял!⁴ Не забудьте, дружок. Скажите, не ошибаюсь ли я, полагая, что Эдгар был другом г-жи де Ларенти⁵

---

¹ Жан Буассонас (1870–1953) – друг Пруста, будущий банкир и дипломат.

² С молодым швейцарцем Эдгаром Обером познакомил Пруста Р. Бийи. Все трое вместе посещали парижские салоны. Обер умер осенью 1892 г.

³ Орас Финали (1871–1945) – соученик Пруста по лицей, сын банкира. Пруст посещал салон его родителей.

⁴ Пруст и Бийи некоторое время вместе учились в Школе политических наук.

⁵ Баронесса де Ларенти (урожденная Пюисегюр; ум. в 1916 г.) была в свойстве с пресекшимся родом Германтов и хозяйкой замка Германт к востоку от Парижа, который впоследствии Пруст посетит с ее внуком.

и г-жи де Шапонэ¹, двух дам, которых я довольно часто вижу и с которыми мог бы, наверное, поговорить о нем. Это у г-жи де Ларенти или у г-жи де Ла Тремуй² Каро³ спросил, что она думает о любви, и та резко ответила: «Я часто ей занимаюсь, но никогда об этом не говорю!»? Чета Беньеров⁴ (я могу говорить о том, что не является светской хроникой) на днях играла в шарады у г-жи Бурде с четой де Тразов. Это было восхитительно и смешно. Ж. де Траз, как старый буржуа, лежал в ванной, покрытый простыней, высунув одну ногу, дабы можно было удалить мозоли. Возвышенная сцена. Г-н Артюр изображал сперва старого еврея, затем академика, председателя Географического общества, членов коего он приглашал на среды госпожи Анри Беньер⁵, «чье глубокое знание карт непременно окажется им полезным». Он весьма игрив, г-н Артюр Беньер, он сказал мне, что воспользовался возвышенностью, находясь на сцене, чтобы сверху разглядеть декольте своей золовки Лоры и других дам, и добавил: «Содержимое их корсажей напоминало внутренность чемодана. У одних там было всего полдюжины пар носков, у других дюжина, у третьих вообще ничего. Моя

---

¹ Александрина Дюбуа де Курваль, маркиза де Шапонэ (1824–1897) – хозяйка салона.

² Маргерит-Эгле Дюшатель, герцогиня де Ла Тремуй (1840–1913) – богатая наследница бывшего министра в правительстве Луи-Филиппа, жена историка, хозяйка салона.

³ Эльм-Мари Каро (1826–1887) – профессор философии в Сорбонне.

⁴ Артюр Беньер (1834–1913), литератор, и его жена Шарлотта Беньер (1844–?), хозяйка салона.

⁵ Лора Беньер (урожденная Буаллэ; 1840–1918), жена Анри Беньера (во Франции замужняя женщина может быть названа не только по фамилии, но и по имени и фамилии мужа), брата Артюра, – хозяйка салона, мать соученика Пруста по лицею Жака Беньера.

золовка словно уезжала надолго...». Сейду¹, должно быть, говорил вам о «Приглашенной»² и о том происшествии во время антракта, когда госпожа Обернон³, к которой я подошел поздороваться, вскрикнула так громко, что все в партере и на балконе вскочили и повернулись к нам, как если бы в зале обменялись пощечинами. Я не видел никого из ваших друзей. Сейду и г-н де Нефвиль⁴ ни разу не пришли меня повидать и потому я тоже к ним не хожу. Я не смог отдать Буассонасу ваш с ним визит. Я не был ни у Ривьера⁵ из страха быть вновь приглашенным на ужин к его родителям, ни у Трарье⁶ из страха, что он опять будет читать вслух, вернее, потому, что у меня не было времени. Я часто вижу Грега, Ла Салля, Варю⁷, Бизе, Поля Беньера, который пишет мой портрет⁸, Жака Беньера⁹,

---

¹ Жак Сейду (1870–1929) учился, как и Пруст, в Школе политических наук, впоследствии стал дипломатом.

² Комедия Франсуа де Кюреля (1854–1928), поставленная в январе 1893 г.

³ Лиди Обернон (урожденная Лемерсье де Нервиль; 1825–1899) – пианистка, хозяйка салона, в котором собирались ведущие литераторы и музыканты. Ее любительский театр также пользовался известностью.

⁴ Барон Александр де Нефвиль (1872–1940).

⁵ Фернан Ривьер – пианист.

⁶ Габриэль Трарье (1870–1940) – соученик Пруста по лицей и Школе политических наук, поэт-символист; несколько его стихотворений посвящено Прусту.

⁷ Гюстав-Лоран де Варю (1871–1941) учился вместе с Прустом в Школе политических наук. Пруст посвятил ему свое первое опубликованное стихотворение.

⁸ Этот портрет художника Поля Беньера (1869–1945), соученика Пруста по лицей, не сохранился.

⁹ Жак Беньер (1872–1944) – соученик Пруста по лицей, переводчик и будущий дипломат. Ввел Пруста в салоны своей матери Лоры Беньер и своей тетки Шарлотты Беньер.

Карбоннеля¹, Анри де Ротшильда², Сегонзака³, Ж. де Траза, но больше всех – Робера де Флера, который приходит ко мне почти каждый день. Знаете ли вы моего нового знакомого – заметьте, что я не говорю «нового друга», поскольку вы скажете, что я слишком быстро начинаю любить и слишком быстро забываю, – который живет около вас на авеню Клебер, его зовут Шасслу-Лоба⁴? Позавчера я ужинал с одним из ваших коллег, г-ном де Флорианом⁵. Ах, милый Робер! Сколько искусства в его приветствии, рукопожатии, в его походке, манере держаться, молчании, беседе, в его вежливости и в его уме, этой высшей вежливости. Это самый совершенный дипломат, которого я когда-либо видел, а его жена⁶ кажется существом высшего порядка.

Пишите мне, любите меня и пришлите список, который просит у вас

ваш неизменный, нежный друг
Марсель Пруст

Констан (из Школы) также передает вам дружеский привет.

Р. S. Недавно я был у ваших родителей, которые в совершенном здравии, как и ваша бабушка.

---

¹ Франсуа де Карбоннель де Монживаль, будущий дипломат.

² Барон Анри де Ротшильд (1872–1947) – предприниматель, врач, меценат и писатель.

³ Граф Пьер де Сегонзак, друг Пруста.

⁴ Граф Гастон де Шасслу-Лоба (1867–1903) вскоре прославился как участник и победитель автомобильных гонок.

⁵ Граф Ксавье де Флориан (1850–1931) – полномочный министр в Лондоне, член ряда научных обществ.

⁶ Элен дю Пуже де Надайяк, графиня де Флориан (1851–1904).

*Роберу де Монтескью*¹
[29 апреля 1893]

Сударь,

Почти в тот же момент, когда я послал вам депешу, я понял, что, будучи слишком сентиментальным (и не отличаясь большим интеллектом, как вы заметите, наводя обо мне справки), я чересчур долго говорил вам о вашей открытке и недостаточно поблагодарил вас за ваши стихи². Поверьте, я понимаю, насколько наш обмен знаками внимания не равен и насколько ваши цветы прекраснее и *подлиннее*. Никчемные садовые цветы никогда не пахли так приятно. Вы с божественной ясностью высказываете то, что они говорят нам неопределенно и что мы так плохо понимаем, и при этом вы нисколько не развеиваете их чарующую тайну. Ваша душа – редкостный, изысканный сад, подобный тому, в котором вы позволили мне прогуляться на днях. Но там есть извечные деревья Франции и «слишком большой для Парижа», как и для всякого человека, лоскут неба. Вы, должно быть, часто уносились за его грань, ведь в ваших стихах и глазах так ясно отражаются те континенты, которых мы никогда не увидим. Теперь, когда мой долг выразить вам благодарность исполнен, будьте спокойны. Я не стану более вам досаждать.

*С искренним уважением,
Марсель Пруст*

---

¹ Граф Мари-Жозеф-Робер-Анатоль де Монтескью-Фезансак (1855–1921) – поэт, прозаик и критик, знаменитый денди, один из прототипов барона де Шарлюса. Эстет, знаток живописи, коллекционер и библиофил, Монтескью оказал значительное влияние на Пруста, который познакомился с ним 13 апреля 1893 г.

² Монтескью послал Прусту роскошное издание своего первого сборника стихов «Летучие мыши» (1892) сразу после их знакомства.

Роберу де Монтескью

Воскресенье вечером [25 июня 1893]

Сударь,

Я с самого утра лежу на усыпанном звездами лугу, восторгаясь небосводом в цветах, и я потрясен всеми этими ароматами, опьянен этим сиянием и, словно лотофаги, не думаю более о возвращении домой и не хочу возвращаться. Я слишком взволнован и не в состоянии сравнивать эту книгу¹ с «Летучими мышами». Но что касается того, что не является предметом рассуждения, ибо способный охватить его божественный разум свободен от уз времени, пространства и каких-либо иных связей, что касается той чистой тайны, каковой являются музыка или вера, то я думаю, что здесь больше стихов, которые заставляют предчувствовать эту тайну, и являют ее, воплощая. После четырнадцати ваших самых чудесных стихов (начиная со строки:

Закат велит опять им танцевать павану)

следует божественное завершение:

Павлины сонные и с тусклым опереньем
Все ж восхитительны...
Поэты живы в них!²

Эти строки надрывают сердце, не знаю, почему. На такой высоте искусству более нет объяснения. Такая нежность присуща некоторым музыкальным фразам

---

¹ Речь идет о втором сборнике стихов Р. де Монтескью «Хранитель благовоний» (1893).

² Цитаты из стихотворения Монтескью «Павоны» из сборника «Хранитель благовоний».

Вагнера, некоторым взорам на картинах Винчи – и вашим стихам:

...с той золотой звездой,
От нежности своей посеребренной, плачьте¹.

Ваше венецианское стекло, все эти кубки столь гордой и печальной формы², имеют ту особенность, что они, как говорит Мишле о жемчужинах, «заставляют неистовствовать сердце»³. Ваши стихи – таинственный мед, мягкое сияние коего подобно небесному. Я мог бы до бесконечности благодарить вас, если бы благодарил так же, как я счастлив. Но в конце мне следует поблагодарить вас и за возвышенные слова, которые вы донесли вчера до моего слуха: они все еще звучат во мне, как и роскошная музыка вашего голоса. Знайте, что в моем лице вы имеете откровенного, нежного, исполненного уважения и искреннего почитателя.

Марсель Пруст

С нетерпением жду вашу фотографию. Если на днях я пришлю вам какой-нибудь журнал с моей публикацией, не обращайтесь внимания на смехотворность этого ответа на дар «Хранителя благовоний» – я был бы действительно смешон, если бы допустил нелепую мысль о том, что подобный земляной червь может быть предложен в обмен на звездный небосвод⁴.

---

¹ Цитата из стихотворения Монтескью «Laus poetis» из сборника «Летучие мыши».

² Речь идет о поэтических образах Монтескью (сборник «Хранитель благовоний»).

³ Цитата из книги Жюль Мишле «Море» (1861).

⁴ Скрытая цитата из драмы В. Гюго «Рюи Блаз» (1838).

Роберу де Монтескью

Четверг вечером [29 июня 1893]

Ваше изысканное письмо, столь деликатно-милосердное, стало бы ироничным, если бы вы увидели меня в эти дни. В один из вечеров вы посоветовали мне «тупо» восхищаться великими поэтами и посему вы не можете упрекать меня за то, что, беспрестанно читая вас, я вновь превратился в Брута (если перестал им быть) силою благодати, что на мгновение изливает на нас тот Бог, который, как говорит Эмерсон¹, является нам в великих поэтических произведениях. Да, я тупо восхищаюсь всем в «Хранителе благовоний» и упрекаю себя за то, что оказываю исключительное предпочтение стихотворению под заглавием «Павоны»². Я тем более сожалею об этом, что испытываю теперь совершенно особое чувство нежности, причина каковой остается для меня загадочной (это и есть тупо восхищаться, не так ли?), к непосредственно следующему за ним стихотворению «Павлина больше нет», хотя и не отдаю ему предпочтения. Если вы увидите Робера де Флера до вашего отъезда (что до меня, то я не осмелюсь просить об этой милости), он расскажет вам, как я все время декламирую это стихотворение.

Он перья распушал, играя среди цветов

или

И взор его угас...

....

---

¹ Пруст испытал в молодости влияние Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882), американского поэта и философа.

² В оригинале: «Pavones», латинизированное название танца павана во множественном числе.

(гордый ласками, кои не имеют себе равных
по сладости)
«Павлин встречает смерть...»

Посреди мучений, на которые обрекает меня подготовка к экзамену по праву и которые продлятся до 31 июля, эти стихи для меня «дивный опиум», как говорил Бодлер¹.

Я посылаю в «Ревю бланш»² несколько небольших этюдов и хотел бы попросить вашего согласия на то, чтобы они были посвящены вам. Я расхрабрился с тех пор, как Анатоль Франс, посвятивший мне один из своих рассказов³, стерпел мое ответное посвящение. Но, несмотря на такой великолепный пример, я бы не хотел угощать вас блюдом, которое, быть может, придется вам не по вкусу. Простите, что я опять написал вам. Не усматривайте в этом грозного предзнаменования того, что мое восхищение вами примет тревожные для вашего покоя размеры. Хотя оно действительно не может быть умерено, отныне оно будет лишено внешнего проявления, каковое могло бы привлечь ваше внимание, и до тех пор, пока вы не позволите повидать вас в вашем безвестном приюте, который, как вы любезно обещали, не останется неприкосновенным для ваших верных богомольцев, из коих я остаюсь самым смиренным, но от того не менее почтительно преданным вам,

Марсель Пруст

---

¹ Цитата из стихотворения Бодлера «Маяки» (сб. «Цветы зла», 1857), пер. В. Левика.

² Литературно-художественный журнал (1889–1903), в котором публиковались ведущие интеллектуалы эпохи.

³ Анатоль Франс посвятил Прусту рассказ «Госпожа де Люзи» (1892).

Роберу де Монтескью
[Воскресенье, 2 июля? 1893]

Милостивый государь,

Я наконец увидел (вчера у госпожи де Ваграм¹) графиню Греффюль². И то же чувство, которое заставило меня поведать вам о том, как я был взволнован, читая «Летучих мышей», заставляет меня доверить вам то волнение, которое я испытал вчера вечером. У нее была прическа, полная полинезийской грации, и сиреневые орхидеи покрывали ее затылок, словно «шляпы из цветов», о которых говорит г-н Ренан³. О ней трудно судить, наверное, потому, что судить значит сравнивать, а в ней нет ничего, что можно было бы увидеть в других, ни вообще где бы то ни было. Но вся тайна ее красоты – в блеске и особенно в загадочности ее глаз. Я никогда не видел такой красивой женщины. Я не стал просить о том, чтобы меня ей представили, и не попрошу об этом даже вас, ибо, помимо того, что это может показаться нескромным, разговор с ней, мне кажется, доставил бы мне мучительное волнение. Но я бы хотел, чтобы она

---

¹ Берта-Клара (Берт) де Ротшильд, принцесса де Ваграм (1862–1903) – хозяйка салона, отличалась англофильством и интересом к интеллектуальным занятиям.

² Элизабет де Рике де Караман-Шиме, графиня Греффюль (1860–1952) – двоюродная сестра Р. де Монтескью, великосветская красавица, музыкантша и художница, меценатка. Один из прототипов герцогини Германтской. Вела дневник, отмеченный нарциссизмом наподобие дневника Марии Башкирцевой. Принимала в своем салоне весь литературный и аристократический бомонд.

³ Вероятно, говоря о «шляпах из цветов» (*chapeaux de fleurs*), Пруст вспомнил строку из поэмы Виктора Гюго «Полк барона Мадрюса» (сб. «Легенда веков», 1859): *La jeune Humanité dans son chapeau en fleurs* («Юное Человечество в покрове из цветов», букв.: «в шляпе из цветов»).

знала, какое сильное впечатление на меня произвела. Если, как я полагаю, вы очень часто видите с ней, не могли бы вы сказать ей об этом? Надеюсь снискать ваше расположение, восхищаясь той, коей вы восхищаетесь более всего, и отныне буду восхищаться ею по вашему примеру, именно так, как вы, и, пользуясь выражением Мальбранша, «в вас».

Ваш исполненный уважения почитатель,

Марсель Пруст

Роберу де Монтескью

Понедельник вечером [3 июля 1893]

Сударь,

Я бесконечно благодарен вам за то, что вы прислали. Но надпись слишком скромна¹. Оторванная от стихотворения, смысл коего заключен в ней, она претендует на то, чтобы дать вам определение. Я полагаю, что вы в такой же мере являетесь властелином всего вечного. И вот почему.

Уже давно я заметил, что вы представляете собой нечто гораздо большее, нежели тот образ изысканного декадента, чертами коего (нет совершенней, нежели ваши, но все же они довольно обыкновенны в наше время) вас наделяют. Вы один в наше время, лишенное мысли и воли и, в сущности, – гения, обладаете двойной мощью: мышления и энергии. И я думаю, что никогда прежде не встречалось такого сочетания высшей изысканности

---

¹ Речь идет о фотографии, которую Монтескью прислал Прусту с надписью – цитатой из его стихотворения «Maestro» (сб. «Летучие мыши»): «Я властелин вещей изменчивых, не вечных».

с энергией и творческой силой давно прошедших столетий, а также с непревзойденной интеллектуальной мощью семнадцатого века, которая с тех пор значительно оскудела. (Полагаю, впрочем, что в случае Бодлера и в вашем можно было бы доказать то, на чем вы настаиваете, и доказать не из любви к парадоксам, присутствие семнадцатого века. Оно – в любви к максимам, в привычке – утраченной – мыслить стихами. Есть ли у Корнеля строка лучше, чем эта:

Внутри нее светлей, когда погаснет свет¹;

есть ли строка более корнелевская, чем следующая:

Те, кому гордый стыд лить слезы возбранил).

И я думаю, что именно благодаря этому вы не утратили вашего столь чистого и столь редкого ныне великодушия, а оно позволяет самому тонкому художнику создавать также стихи, плотно насыщенные мыслью, которые останутся в весьма тощей антологии французской философской поэзии, – великодушия, которое сделало Властелина всего преходящего Властелином всего вечного и не дает нам предугадать, каким будет ваше дальнейшее творчество, как бывает всякий раз, когда бьет источник, подлинная духовная жизнь, то есть когда речь идет о свободе. Все это составляет самое большое счастье вашего почтительного и благодарного

Марселя Пруста

---

¹ Цитата, как и следующая, из стихотворения «Laus noctis».

Телеграмма
*Господину графу де Соссину*¹,
16, улица Сен-Гийом, Париж

9, бульвар Мальзерб [5 июля 1893]

Сударь,

Не могу выразить, до какой степени мое восхищение вашей книгой крепнет, становится полней и обоснованней по мере того, как я ее перечитываю. Это чтение несет к тому же печать чарующего воспоминания, чувствительного воспоминания об интеллектуальном переживании – и обо всем том изысканном вечере. На фоне всех описаний я вижу госпожу де Соссин на канапе, немного утомленную и все же очень внимательную. Вы согласитесь, что это вполне милый фон!

Было бы очень любезно с вашей стороны, если бы вы немедленно, так как мне надо отсылать верстку, сказали, согласны ли вы, чтобы один из небольших этюдов, которые я даю для следующего номера «Ревю бланш», был посвящен вам.

Передайте, прошу вас, мое глубокое почтение госпоже де Соссин и примите уверение в самых преданных чувствах вашего почитателя и слуги.

Марсель Пруст

---

¹ Граф Анри дю Пон де Го-Соссин (1859–1940) – композитор и писатель, автор романа «Нос Клеопатры» (1893), на который Пруст опубликовал рецензию в рекламной газете «Гратис журнал». Он также описал музыкальный салон Соссинов в «этюде», как он его называет ниже, «Веер», опубликованном в «Ревю бланш» в июле и августе 1893 г. и посвященном де Соссину. «Веер» вошел затем в сборник Пруста «Утехи и дни» (1896).

Роберу де Монтескью

Пятница вечером [7 июля 1893]

Милостивый государь,

Какую бы ревность ни внушала мне брошюра г-на Риттера¹, опередившая и превзошедшая или во всяком случае подробней обосновавшая выражение моего восхищения «Летучими мышами», она привела меня в подлинный восторг, и я от всего сердца благодарю вас за то, что вы доставили мне столько удовольствия. Я подобен герою старой сказки, который, услышав, как вслед его возлюбленной сказали: до чего она прекрасна, вздрогнул от радости, волнения и досады. Не могу сказать, что мне все нравится в этой брошюре. Имя Мореаса², даже если автор не намеревался вас сравнивать, произнесенное по соседству с вашим, шокирует меня и бесконечно огорчает. Стоит ли подниматься на такие вершины, чтобы продолжать замечать подобных пигмеев? Но в конце концов чувство, что многие услышат эти похвалы, что я послужу хоть немного их распространению, давая книжку тем, кто ее не читал, утешает меня, когда я думаю о вашей немного жестокой кокетливой игре, которая, наверное, побудила вас послать мне эту брошюру, дабы вызвать мою столь естественную ревность. Радость при виде вашего публичного прославления заставляет эти эгоистические сожаления почти полностью исчезнуть. Позвольте мне адресовать вам их вместе с нею, ибо они неразрывно связаны друг с другом, как сочетаются в букете цветы

---

¹ Речь идет об отдельном оттиске многостраничной рецензии В. Риттера на сборник Монтескью «Летучие мыши», опубликованной в журнале «Магазен литтерер» (Kolb. 1, 223).

² Жан Мореас (наст. имя Иоаннис Пападиоматопулос; 1856–1910) – поэт-символист. В 1892 г. отошел от символизма, основав «Римскую школу», тяготевшую к неоклассицизму.

с горьким и сладким запахом, как слиты пылкий восторг и ревнивая привязанность.

Марсель Пруст

Исполнили ли вы мою просьбу касательно г-жи Греффюль?

Увы, я не думаю, что смогу поехать в Сен-Мориц¹. Но это еще не точно.

Роберу де Бийи

Отель «Рош-нуар», Трувиль².

Но в конце месяца я уже уеду, пишите раньше!

[между 6 и 16 сентября 1893]

Милый Робер,

Вы жалуетесь на мое молчание и ничего не говорите о том, по какому адресу вам писать. Думаю, что вы уже [вернулись] в Берлин³. Я совершил очень приятное путешествие и, проведя три недели в Сен-Морице и одну на Женевском озере, нахожусь теперь с матушкой в Трувиле, в гостинице «Рош-Нуар». О моих впечатлениях вы прочитаете в «Ревю бланш» – не в том номере, который я вам давно обещал и посылаю только теперь, так как он поздно вышел, и не в следующем, где будет напечатан один мой очень меланхолический рассказ⁴, – а как-нибудь потом. Об-

---

¹ Сен-Мориц был в ту пору летним курортом высшего европейского общества.

² Трувиль-сюр-мер – курортный город в Нормандии, элитное место отдыха.

³ С декабря 1892 г. Р. де Бийи проходил стажировку в посольстве Франции в Берлине.

⁴ Рассказ Пруста «Меланхолический отдых г-жи де Брев» был опубликован в «Ревю бланш» накануне.

щество? Я не хочу о нем говорить, а то мой суровый Робер станет насмехаться над моей любовью к светской жизни. Я только хочу задать вам один вопрос из области музыки, касающийся одной дамы; она – ни герцогиня, ни принцесса, так что вы можете оставить ее мне, она – просто протестантка, и в этом качестве вы ее, наверное, встречали. Мы с ней немного сблизились, так как у нас есть общие друзья. Это госпожа Джеймсон. Меня восхитила ее игра на фортепьяно, по-моему, самого высокого класса, и я должен сказать, что тонкие и компетентные в музыке судьи, княгиня Бранкован¹, подруга Падеревского² и сама известная музыкантша, мадемуазель д'Аркур, а также госпожа Анри Беньер, точность суждений которой вам известна и которая не грешит снисходительностью, подтвердили мою правоту. Но вот госпожа Штраус говорит, что «она явно обладает физической силой, преуспевает в уборке квартиры и натирает повсюду полы» (это очень остроумно, но, по моему мнению, применимо к кому-нибудь другому, а не к той, которую я считаю столь великой музыкантшей) «и играет отвратительно, без малейшего артистизма». Если вы даже ее никогда не слышали, все же вы должны знать, что представляет из себя ее талант, поскольку он должен украшать все те вечера, на которых Трарье строит из себя красавчика, а Буассонас – душку, где под руководством госпожи Мирабо³ усердствуют г-н Верн⁴ и Пишпаль,

---

¹ Ралука (Рашель) Мусурос, княгиня Бранкован (1847–1923) – гречанка по происхождению, вдова румынского князя, обосновавшегося с ней во Франции, пианистка, мать поэтессы Анны де Ноай.

² Игнаций Ян Падеревский (1860–1941) – польский пианист и композитор, впоследствии дипломат и государственный деятель. В Париже с большим успехом прошли его концерты.

³ Алиса Мирабо (урожденная Паккар; 1854–1932) – жена банкира и будущая теща Р. де Бийи.

⁴ Адольф Верн (1836–1907) – банкир.

а Сейду, когда он забывает о родстве с Барбантаном¹, ищет девушку, которая бы очистила его нравы. Я не затем спрашиваю ваше мнение, чтобы к нему присоединиться. Она произвела на меня слишком сильное впечатление, и слово другого не может ничего изменить. Но я буду знать, что у меня нет никакого вкуса или наоборот.

Я в крайнем замешательстве: папа хочет, чтобы я определился с карьерой. Меня все больше привлекает Счетная палата. Я рассуждаю так. Если я не хочу делать карьеру за границей, то в Париже в Министерстве иностранных дел я буду скучать так же, как в Счетной палате.

Быть может, попасть в Счетную палату будет – для меня – труднее, но по крайней мере необходимая стажировка поглотит все внимание, на какое я способен, разве это не хорошая компенсация? А в свободное время я буду гулять.

Ах, друг мой! Мне, как никогда, необходим ваш совет, и мне вас очень недостает; надеюсь, что ваше письмо подарит мне ваше присутствие и великое чудо духовного общения. Ведь судебное ведомство не в чести? Что же остается, если я не собираюсь стать ни адвокатом, ни врачом, ни священником, ни – .

Ах, дорогой Робер! Вы понимаете, какое воспоминание [преследовало] меня повсюду во все время этого прекрасного путешествия, воспоминание о том, кто нас так любил, и кто нас покинул, о том, чьи светлые глаза с неподражаемым очарованием выражали иронию и нежность, веру и разочарование. Бедный Эдгар!² Мне было совестно за то удовольствие, с которым я смотрел на Женевское озеро³: ведь он уже не может его увидеть. Сооб-

---

¹ Жак Сейду (1870–1929), друг и соученик Пруста по лицей, был шурином маркиза де Барбантана.

² Имеется в виду Эдгар Обер.

³ В конце августа Пруст провел неделю в городе Эвиан-ле-Бен, расположенном на берегу Женевского озера.

щите мне дату его рождения. Я не знал ее даже в тот момент, когда получил от вас это оглушительное известие. И сообщите мне адрес его родителей. Я им никогда не писал, но в день его рождения я хочу, чтобы с их горем слилось воспоминание друга их сына.

*Весь ваш, Робер,
Марсель Пруст*

Отцу

9, бульвар Мальзерб

Четверг 10 часов

[28 сентября? 1893]

Мой дорогой папочка,

Я все надеялся продолжить изучение литературы и философии¹, для которых, полагаю, я создан. Но поскольку каждый год добавляется какой-нибудь все более практический предмет, я предпочитаю немедленно избрать одну из практических карьер, которые ты мне предлагал. Я начну серьезно готовиться, на твой выбор, или к конкурсу по ведомству иностранных дел, или к конкурсу Школы хартий². Что касается адвокатской конторы, то я бы тысячу раз предпочел контору биржевого брокера. Впрочем, будь уверен, что я не останусь там и трех дней! Не потому, что я по-прежнему думаю, что любые иные занятия, кроме литературы и философии, для меня потерянное время. Но из всех зол надо выбирать наименьшее. В самые ужасные дни, в состоянии крайнего отчаяния, я никогда не воображал ничего хуже адвокатской конторы.

---

¹ Пруст станет лицензиатом философии в марте 1895 г.

² Высшее учебное заведение, основанное в 1821 г., в котором изучались палеография, романские языки, средневековые учреждения и средневековое право, архивное дело.

Посольства, позволяя мне ее избежать, покажутся мне не моим призванием, а лекарственным средством.

Надеюсь, что ты увидишь здесь г-на Ру и г-на Фича. Мне кажется, что в доме г-на Фича можно встретить Дельпита¹. Напоминаю тебе (чтобы не случился broek²), что это брат г-жи Гюйон.

Я рад, что снова дома, его приятность утешает меня в том, что я не в Нормандии и больше не вижу (как говорит Бодлер в стихе, всю силу коего ты, надеюсь, почувствуешь)

...светило пышное и отблеск волн влюбленный³.

Целую тебя тысячу раз от всего сердца

*Твой сын
Марсель*

P. S. Будет очень мило с твоей стороны, если ты напишешь матушке и скажешь, видел ли ты, после того как вернулся от Бруарделей⁴, Копфа: это в связи с моим экзаменом на офицера⁵.

---

¹ Эдуард Дельпит (1844–1900) – литератор.

² По мнению Ф. Лериш, это слово на идише, употреблявшееся в семье Пруста, и он хочет сказать «оплошность» (Leriche. 111).

³ Цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Осенняя мелодия» (сб. «Цветы зла»), пер. Эллина. Минорная тональность этого стихотворения, описывающего переход от «летнего света» к «труду суровому», призвана дать понять отцу Пруста настроение его сына.

⁴ Поль Бруардель (1837–1906) – гигиенист, как и Адриен Пруст, профессор медицины, и его жена Лора Бруардель (урожденная Лапьер; 1852–1936), художница, автор портрета Адриена Пруста.

⁵ Альбер Копф – военный врач, окулист. Об этом экзамене больше ничего не известно.

Роберу де Монтескью
[октябрь 1893]

Сударь,

Благодаря вашей любезности мой друг Робер де Флер смог сообщить мне ваш адрес. Пользуюсь этим, чтобы попросить у вас совета по поводу одного замысла, в котором, как я надеюсь, вы найдете нечто приятное, а именно: свидетельство моего почтения.

Я намерен упростить зачастую слишком сложную форму и написать несколько статей для газет или журналов. Думаю, вас не удивит – поскольку я не раз выражал вам свои чувства, – что я хочу посвятить первую такую статью вам. Я покажу в ней, если «Ваша Милость» мне поможет, насколько вы отличаетесь от банального декадента наших дней, покажу силу вашей воли и богатство вашей мысли, то, что вы унаследовали от семнадцатого века, наконец все то, что я уже осмеливался говорить вам. Я думаю, что в той мере, в какой успех и общественное мнение способствуют проявлению в нашем мире великой духовной мощи, вы должны о них заботиться, вернее, о них должны заботиться ради вас те, кто вами восхищается. Я скажу о том, о чем собираюсь сказать, *во-первых*, потому, что полагаю, что это правда, а *во-вторых* (наверное, все же, *во-первых*, так как это мое глубокое убеждение), при современном состоянии общественного мнения это *единственное*, что может быть вам полезно. Большинство представляет себе как бы незаконченный образ Монтескью, которого достаточно, чтобы очаровать чувствительных читателей. Я же считаю, что еще остается привлечь на вашу сторону немалое число интеллектуалов. Я не берусь за это дело, мне не хватает авторитета, у меня есть только любовь. Но какая разница, чей голос говорит: «Читайте», если тот, кто прочитал, полюбит. Это хороший

способ заставить что-либо понять. Если мое намерение вам по душе, то что вы скажете о заглавии (оно покажется парадоксальным для тех, кто знает только легендарного Монтескью, но моя статья докажет, что оно соответствует действительности): «О простоте г-на де Монтескью»? Нравится ли оно вам? И будет ли вам приятно или нет, если я изложу (не уточняя, разумеется, что это сказали мне вы) ваши мысли об *успехе*, о том, что талантливый человек должен уметь зарабатывать деньги (я свяжу эту мысль с похвалой вашей *воле*)? Если, впрочем, вы скажете, что я могу приехать в Версаль устно спросить у вас совета, я сделаю это немедленно и с немалым удовольствием!

Примите, сударь, уверения в моем почтении и преданности.

Марсель Пруст

Пьеру Луису¹

Понедельник [23 октября 1893]

Сударь,

Вы можете вообразить, насколько благодарная радость, с какой я получил «Мелеагра»², усилила пылкую и робкую симпатию, которую вы мне внушаете. Это похоже на милость как будто ответного дара, что весьма изобретательно и в то же время так мило! Мне очень понравилась «Жизнь Мелеагра», ее такое искусное и изысканное начало, весь рассказ, полный прелести и умеренности, и его столь красивый конец. Я не знаю греческого языка и едва знаю французский, и потому не могу судить

---

¹ Пьер Луис (1870–1925) – поэт и прозаик, бывший под влиянием парнасской школы и символизма.

² В 1893 г. П. Луис опубликовал «Стихотворения Мелеагра», свои переводы греческого поэта с предисловием «Жизнь Мелеагра».

об особых достоинствах вашего перевода как перевода, однако уверен в остальных его достоинствах, в которых, впрочем, никогда бы не стал сомневаться! Простите за почерк, я пишу лежа. Я хотел поблагодарить вас до того, как усну – и у моей руки нет опоры. Будете ли вы в понедельник на обеде у нашего общего друга (отличающегося, напротив, не общей изысканностью) Робера де Монте-скью? Если нет, приходите как-нибудь ко мне или позвольте посетить вас. В ожидании встречи посылаю вам уверения в моей искренней симпатии.

Марсель Пруст

Роберу де Бийи

Воскресенье [5 ноября 1893]

Милый Робер,

Я все надеялся вас увидеть. Но я больше не могу ждать и должен предупредить вас об одном проекте и даже дать вам поручение, которое из-за долгого ожидания вашего возвращения становится *срочным*. Вот в чем дело. В этом году я публикую сборник кое-каких мелочей¹, большая часть которых вам знакома. Я хотел было посвятить эту маленькую книжку памяти двух людей, которых я знал недолго, но любил и продолжаю любить от всего сердца – Эдгара Обера и Вилли Хита². Думаю, что Вилли Хита вы не знали. Он умер от дизентерии меньше месяца тому назад. Его возвышенная, достойная восхищения жизнь

---

¹ Имеется в виду сборник рассказов и стихов Пруста «Утехи и дни», который был опубликован только три года спустя.

² Вилли Хит – двоюродный брат Э. Обера, молодой друг Пруста, который видел в Хите сходство с портретами Ван Дейка и Леонардо да Винчи и посвятил ему свой сборник «Утехи и дни» (1896). Письма Пруста были уничтожены родственниками Хита.

завершилась смертью, полной героического смирения, которая, не будь он католиком (он родился протестантом и перешел в католицизм в возрасте двенадцати лет), очень напоминала бы то, что вы рассказали мне о смерти Эдгара. Но посредственность этой книги, некоторые очень вольные ее части, бесполезность публичной дани почтения, не способной сравняться с памятью сердца, отвратили меня от этого намерения, и я решил почитать их не иначе, как в сердечной глубине. Однако небольшое обстоятельство заставило меня изменить принятое решение. Мою книжку будет иллюстрировать г-жа Мадлен Лемэр¹. А это значит, что она, книжка, окажется во всех библиотеках писателей, художников, уважаемых людей, которые ничего бы не знали о ней и будут хранить ее только ради этих иллюстраций. Мне было бы приятно, если бы вся эта избранная публика, которая оценила бы Эдгара и Хита, знай она их, восхищалась бы ими, любила бы их, имела благодаря моему смиренному свидетельству, короткому предисловию, представление о том, кого она потеряла. Семья Хита, кажется, очень рада этому решению. Поскольку я никогда не был в переписке с семьей Эдгара, я прошу вас быть в этом случае моим посредником. Я буду рад, если моя идея им понравится, но я готов действовать так, как они предпочтут – я пойму чувства, которые продиктуют им их ответ². Пусть скажут, как мне поступить. В любом случае будет хорошо, если мое намерение, свидетельство безутешного восхищения, которое разделяют все знавшие Эдгара, хоть в малой степени послужит утешением его близким.

---

¹ Мадлен Лемэр (урожденная Колль; 1845–1928) – известная в то время художница. В ее салоне, в котором бывали коронованные особы, русские великие князья, писатели, художники и политические деятели, Пруст впервые встретился с Р. де Монтестью.

² Семья Обера воспротивилась этому намерению Пруста.

Когда вы передадите мне принятое решение, дорогой Робер, я попрошу вас сказать мне, в какой форме вы позволяете мне напомнить о любви Эдгара к вам.

В ожидании ответа примите, дорогой друг, уверения в самой искренней, нежной и преданной дружбе.

Марсель Пруст

Если вы вернетесь в Париж, приходите как можно скорей, прежде чем решится вопрос с моей карьерой.

Прошу передать выражение моего благодарного почтения и преданности госпоже и господину де Бийи.

Шарлю Гранжану¹

Вторник вечером [7 ноября 1893]

Милостивый государь,

Я приду завтра в 2 часа. – Как жаль, что вам нездоровится. Надеюсь, что все же эта ночь будет спокойной, и говорю вам вместе с Горацио: «Спи, в полете хором ангелов качаем»².

Я уже вижу себя директором музея Версаля. Вы же говорите, что у меня будет два титула: выпускник Школы Лувра³ и Римской школы⁴. Но я не могу стать лицензиатом,

---

¹ Шарль Гранжан (1857–1933) – секретарь и библиотекарь Сена-та, знакомый А. Франса, принимал участие в инспекции и сохранении исторических памятников, был вхож в парижские салоны. Советовал Прусту делать карьеру в Счетной палате.

² Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (пер. Б. Пастернака).

³ Высшее учебное заведение, основанное в 1882 г., в котором изучаются история искусств, археология, музееведение.

⁴ Французское научное и учебное учреждение в Риме, основанное в 1875 г. и занимающееся историческими и археологическими исследованиями.

доктором, выпускником Школы Лувра и Римской школы. Между тем, если я не стану лицензиатом, то не смогу стать доктором, а без докторской степени не смогу стать выпускником Римской школы – а, с другой стороны, без Школы Лувра у меня не будет двух титулов. Наверное, тут есть какое-то решение, которое вы имели в виду, но мне оно неизвестно. Ожидаю, что завтра меня ждут новые чудеса. Ибо вы – противоположность той феи, которая превращала драгоценные камни в жаб. Заурядную, скучнейшую карьеру вы превращаете в чудо, и я чувствую себя в волшебном гроте.

Я вам весьма почтительно благодарен, моя добрая фея.

Марсель Пруст

Шарлю Гранжану

Воскресенье [12? ноября 1893]

Милостивый государь,

Если я вас не поблагодарил сразу же, то это потому, что я должен был сегодня обедать в Лувесьене у ваших соседей Бееров¹, и я рассчитывал, не предупреждая вас заранее, чтобы вы не остались ради меня дома, навестить вас, выразить вам мою признательность – и еще раз нагнать на вас скуку. Но я не смог отправиться в Лувесьен. Я иногда бываю в Париже на улице Монсо². Но мне всегда говорят, что вы еще не вернулись, – и мне очень жаль, ведь это отчасти оттого, что вы не здоровы.

---

¹ Элена Беер (урожденная Гольдшмит-Франкетти; 1874–1949), хозяйка салона и писательница (под псевдонимом Жан Дорнис), и ее муж Гийом (внучатый племянник композитора Дж. Мейербера) были владельцами поместья в Лувесьене, городе в окрестностях Парижа. По мнению Ф. Колба, Пруст описал Элену Беер в «Портрете г-жи***», опубликованном в журнале «Пир» (Kolb. 1, 189).

² На этой улице жил Ш. Гранжан.

Вы приводите устрашающие, то есть великолепные, доводы против Школы хартий¹. Но подумайте о том, что мне понадобятся два года, чтобы поступить в Счетную палату: первый раз я, наверное, провалюсь. И даже если мне удастся поступить, то к тому времени я почти закончу Школу хартий. Во всяком случае мне останется только подготовка диссертации, но это уже мой личный труд. Что касается Римской школы, вы говорили, что я всегда могу поступить в нее вольнослушателем. Но то, что вы говорите мне о Риме вне связи с Римской школой, соблазнительней.

А теперь, прежде чем мы обсудим эту мрачную Счетную палату, что вы думаете о следующем? Я вступаю в переговоры с директором Лувра² (мне кажется, я знаком только с г-ном Эзе³) или с г-ном Рейнахом (Сен-Жермен)⁴, или с г-ном Сальо (Клюни)⁵, или с г-ном ... (Версаль)⁶. Я прошу их взять меня сотрудником в их музей без содержания. Затем я мог бы, в зависимости от желания, окончить Школу хартий, стать лицензиатом литературы, окончить Школу Лувра или просто подготовить какие-то труды. Так я обеспечу свою *карьеру* на будущее, в ожидании того, когда мое существование, которое

---

¹ Ш. Гранжан был выпускником Школы хартий.

² Директором музея Лувра был в это время Альбер Кемпфен (1826–1907).

³ Луи-Александр Эзе (1831–1922) – археолог, профессор в Школе Лувра.

⁴ Саломон Рейнах (1858–1932), археолог и историк религий, стал в 1893 г. заместителем директора Музея национальных древностей, основанного в 1867 г. и находящегося в городе Сен-Жермен-ан-Лэ, на западе Парижа.

⁵ Эдмон Сальо (1828–1911) – директор Музея Клюни, или Музея Средних веков, основанного в 1843 г.

⁶ Музей истории Франции был основан в Версальском дворце в 1830 г. Его директором был в это время Пьер де Нолак (1859–1936).

я постараюсь исполнить вдохновения и возвысить благодаря изучению окружающих меня прекрасных вещей, будет направлено в благородное и незаметное русло. Версаль и Сен-Жермен, мне кажется, больше подходят для размышления и творчества, но, возможно, Лувр или Клюни представляют больший интерес и предлагают больше перспектив (для музейных работников), то есть они сами по себе богаче с точки зрения прошлого.

Но, увы, наверное, ваш великолепный критический ум заставит лопнуть этот новый пузырь. Но я буду только рад, ибо вы рассеиваете мои миражи, а это самое опасное, что есть на свете, и уберегаете меня от жестоких разочарований. Рано или поздно становится недостаточно мечтать о будущей жизни и наступает пора, когда надо начать жить, и здесь меня подстерегают большие ошибки. Самая большая – ошибиться в выборе жизненного пути. Только ваш опыт и ваша интуиция могут уберечь меня от просчетов, сдерживая полет моего воображения и мои основанные на неопытности устремления.

Мое почтение госпоже Гранжан.

С благодарностью и глубоким уважением

[без подписи]

Шарлю Гранжану

Понедельник [13 ноября 1893]

Сударь,

Вы сочтете, что мои письма множатся с тревожной быстротой, но вот еще две идеи, помимо той, что связана с работой в музее:

1. Составитель деловых бумаг в Сенате. Говорят, конкурс не труден, а работа не обременительна и оплачивается немного лучше, чем архивная.

2. Работа в неизвестном мне качестве, с перспективой стать инспектором изящных искусств. Она состоит в командировках и отчетах о различных выставках, представлениях и т. д. Эта работа мне кажется соблазнительной, но я боюсь, что моя семья сочтет, что это слишком скромная карьера. Впрочем, наверное, моих близких возможно будет переубедить, тем более что г-н А. Сорель¹ (которого мои родители почитают как *великого человека*) очень склоняет к этой деятельности молодых людей. Быть может, его авторитет придаст ей серьезность, которой, как мне кажется, она в сущности лишена.

Выражаю почтение, прошу прощения, уверяю в нежной и благодарной преданности.

Марсель Пруст

Шарлю Гранжану

Пятница [8? декабря 1893]

Милостивый государь,

Я злоупотребляю вашим терпением – но я хотел сказать вам, что, несмотря ни на что, я выбираю музеи. Если в настоящее время в них по-прежнему нет мест, я всегда смогу служить в Министерстве иностранных дел, стать адвокатом или судьейским, с бóльшим количеством титулов.

Я оставил у вас письмо г-на Буссо². Это мое личное поражение, тем более что поначалу он дал согласие, еще не

---

¹ Альбер Сорель (1842–1906) – видный историк, преподаватель Пруста в Школе политических наук.

² Этьен Буссо (1857–1918) – один из руководителей издательского дома «Буссо и Валадон», специализировавшегося на иллюстрированных изданиях, где Пруст пытался опубликовать сборник «Утех и дни».

читая моих статей. Так что его отказ касается исключительно их. Но какая деликатная манера говорить «нет»! Я ему тут же написал письмо (которое несу на почту) с выражением благодарности за его куртуазное обращение. На самом деле это, как в «Пожарнике из Гонесса», знаете вы эту кафешантанную песенку?

Меня так мило принял

...

Сказал: тебе поможет

Застава Сен-Мартен!

Ну и что? Поражение, украшенное цветами, это уже немало. У него появляется сладость успеха. Я очень благодарен г-ну Буссо, и мое письмо к нему выдержано в лирическом тоне.

Вот только время торопит, и целый год быстро пройдет, если обмениваться вежливыми письмами в таком роде. К кому же мне обратиться? Написать г-ну Жоржу Кальманну¹, которого я немного знаю? Попросить г-жу де Мартель² отнести им письмо?

Я надеялся поблагодарить вас завтра у принцессы³. Но я должен сопровождать моих родителей на ужин в

---

¹ Жорж Кальманн (наст. фамилия Леви; 1859–1937) и два его брата стали в 1893 г. во главе издательства «Кальманн-Леви», одного из ведущих во Франции и Европе.

² Сибиль-Габриэль Рикетти де Мирабо, графиня де Мартель де Жанвиль (1849–1932) – хозяйка салона, автор многочисленных романов под псевдонимом Жип, опубликованных в издательстве Кальманн-Леви, для которых характерен проницательный и насмешливый взгляд на аристократическое общество.

³ Принцесса Матильда Бонапарт (1820–1904) – дочь брата Наполеона Жерома, хозяйка знаменитого салона, в котором собирался интеллектуальный цвет Парижа. Была подругой Ж. Штраус, в доме которой Пруст с ней познакомился.

Эколь сантраль¹! Это так далеко, что я, наверное, не смогу прийти на ужин достаточно рано. Но я постараюсь. Я позволил себе ловко ввернуть ваше имя, когда писал письмо г-ну Буссо. Если рок все же остается неумолим, значит, мои дела действительно очень плохи. Если вы полагаете, что я не найду издателя, то лучше было бы отказаться от услуг г-жи Лемэр и издать книжку за мой счет. Это мне будет стоить меньше, чем если в ней надо будет воспроизвести за мой счет рисунки г-жи Лемэр. Я в сильном замешательстве.

С уважением и благодарностью, ваш

Марсель Пруст

Роберу де Монтескью

Суббота вечером [13 января 1894]

Милостивый государь,

Если бы не недавняя плевродиния, я бы пришел пожелать вам всего, чего вы желаете и чего я со своей стороны от всей души желаю вам. Теперь я выздоровел и скоро поеду в Версаль просить у вас прощения, если вы соизволите меня принять. Но не завтра: Колонн² будет исполнять «Парсифаля», которого я ни разу не слышал, в том числе сцену с Девами-Цветами, а они дороги мне благодаря другому мастеру³. Я бесконечно благодарен вам за приглашение

---

¹ Центральная школа ремесел и мануфактур, основанная в 1829 г., готовила инженеров.

² Эдуард Колонн (1838–1910) – дирижер. Его оркестр давал концерты с 1873 г.

³ Имеется в виду Р. де Монтескью, два стихотворения которого посвящены Девам-Цветам.

на вашу лекцию¹. Я много думаю о ней и полагаю, что она займет место в истории – как вашей духовной жизни, так и французской критики, занимающейся изучением поэзии и, в частности, устной критики. Что касается ее интереса как такового, то она воодушевляет меня тем более, что «могучие звуки» вашего голоса, вашей речи обладают для меня волшебной силой (я бы сказал «музыкальной», это такое емкое слово, но оно давно утратило свой смысл, ибо им характеризовали заурядные голоса стольких якобы Цирцей, которые это прилагательное «превратили в скота»). Когда я буду иметь честь увидеть вас, мне придется – ведь вы не можете узнать об этом последним – придется признаться, что я написал о вас небольшую статью². В настоящий момент она у г-на Гандеракса³, основателя «Ревю де Пари», который был так занят дебютом своего журнала, что еще не успел прочитать ее и не знает, в каком месте ее можно будет поместить. Это все, что я могу вам сказать: мне бы хотелось сделать вам сюрприз. Благодаря физиогномике вы знаете только, что я гурман. Надеюсь, что другой способ знакомства, а именно чтение, позволит вам обнаружить, что мне свойственно если не глубокое понимание, то во всяком случае неизменное восхищение красотой. В надежде на это и выражая вам искренние пожелания успеха в среду, прошу вас принять, милостивый государь, уверения в моем глубоком почтении и преданности.

Марсель Пруст

---

¹ 17 января 1894 г. Монтескью читал лекцию о Марселине Деборд-Вальмор (1786–1859), поэтессе и прозаике, чье творчество он пропагандировал.

² Эта статья под названием «О простоте графа де Монтескью» не была опубликована при жизни Пруста.

³ Луи Гандеракс (1855–1940) – журналист и театральный критик. Основал журнал «Ревю де Пари» в 1893 г.

Сердечный привет автору смачной «Охоты на попугая»¹: в нем столько неистребимой грации и неприглаженной естественности.

Роберу де Монтескью

После посещения вернисажа

О Психее графа² [1893?]

Меланхоличное и рассеянное (не потому ли, зеркало, что ты глядишь на все молча, ты такое прозрачное и рассеянное?), рассеянное, как все благородные, очаровательные и печальные существа, которые, пребывая в изгнании здесь на земле, вспоминают и предчувствуют (это то же, увы, что вспоминать), зеркало, над чьей поверхностью склоняются в слезах, словно на берегу пруда, глицинии, зеркало с неподвижным взглядом слепого, погруженного в мечты и ничего не видящего, – грезило. Вдохновенный мудрец, сочетавший в этом изысканном изделии бездонную, интимную глубину и небесную, таинственную даль, должен был, наверное, один оправить его своей печалью и слезами, в которых бесконечно отражаются глицинии. Это смиренное, тихое рыдание, покорно претворяющееся в гармонию, расцветающее – но еще далекое от восторга (плач превращается в цветок и, о чудо, его отражение ласкает застывшую в зеркале волну), домашняя, возвышенная грация, знакомая поэзия, привычная меланхолия, изысканный и законченный образец светлой мудрости

---

¹ Рассказ Габриэля д'Итурри (1860–1905), секретаря и близкого друга Монтескью, вошедший затем в сборник Монтескью «Мыслящий тростник» (1897).

² Речь идет о трюмо «Психея с глициниями», изготовленном художником по стеклу и краснодеревщиком Эмилем Галле (1846–1904) по чертежам Р. Монтескью и экспонировавшемся на выставке в Париже весной 1904 г. (Leriche. 116).

отчаявшихся, задумчивый взгляд, спокойный и невидящий, скользящий поверх омытого слезами сиреневого цветка, бесконечно привлекал и непоправимо отвергал – вовсе не из высокомерия, а в силу своего совершенства – наши мечтания, устремленные к нему, но недостойные в нем отразиться. К зеркалу бросилась обезумевшая молодая женщина. Она хотела убедиться, что трехцветные ленты, стягивавшие ее мерзкую грудь, «держатся крепко». Она не взглянула на изысканную, окутанную мечтами вещь, так хорошо защищенную от пошлости своей красотой и сохраняющую посреди гнусной толпы тайну своей меланхолии и свое одинокое обаяние. Бесстыдный жест молодой женщины не остановил безудержных, молчаливых слез глициний, не замутил пронизательного взгляда зеркала, которое орошало глицинии своими слезами и хранило тайну их печали. Но теперь, после нанесенного подлого оскорбления, слезы глициний казались горше и тише. Молчаливое же и красноречивое, невидящее и внимательное зеркало отражало наши мечтания, обогатив их, исполнив своей печали, зеркало в совершенной, изысканной, величавой, подвижной раме, меланхоличное и покорное, рассеянное и задумчивое.

Марсель Пруст

*(который повергает к стопам художника свое почтение,
искреннее восхищение и преданную дружбу)*

Роберу де Монтескью

Понедельник утром [18 июня? 1894]

Уважаемый Мастер,

После целого ряда походов, о которых скромность заставляет меня умолчать (к сожалению, ибо именно

вас это больше всего повеселило бы), последняя дверь, в которую я стучал, приотворившись, захлопнулась, и я остался со статьей «О простоте графа де Монтескью», не зная, куда еще ее пристроить. Несмотря на немыслимые ответы, невероятные письма в духе Бувара и Пекюше, несмотря на зависть декадентов, злобу разночинцев, ужас классиков, я предпочитаю думать, дабы не презирать всех моих современников, что причина этого нерасположения и в конечном итоге единогласного неприятия – не великий поэт, но его неумелый певец. Как бы то ни было, страстно желая сказать о вас свое слово и включить мою неловкую, но прочувствованную ноту в концерт второго часа, я обращаюсь к вам с просьбой: не могли бы вы при посредничестве г-на д'Итурри или кого-нибудь другого поместить мою статью в какую-нибудь газету, которая кажется вам достойной? Если и это не получится, мне придется кончить тем, с чего, наверное, я должен был начать, а именно: основать журнал,

Где волен был бы я хороший вкус явить¹.

Если выйдет только один номер, этого будет достаточно: мой журнал, как цикада Анакреонта, проживет достаточно, если за время своего эфемерного существования сможет воспеть вас.

Но по крайней мере не говорите, что все, за что я ни берусь, кончается ничем; я бы не хотел основывать журнал при таких предзнаменованиях. Может быть, они уже принесли мне несчастье!

Прилагаю в качестве курьеза (с просьбой вернуть) указания одного журнала, как переделать мою статью, чтобы он мог принять ее.

---

¹ Пруст цитирует с небольшим изменением последнюю фразу Альцеста в комедии Мольера «Мизантроп».

Надеюсь, что сравнение будет в мою пользу и вам начнет нравиться то, как я пишу.

Жаль, что я не могу присоединить также эпические послания – это было бы низкое доношение.

Что касается ужина на лоне природы в честь «исполнителей серенад», я бы хотел, чтобы среди приглашенных была хотя бы одна «прекрасная слушательница». Не возражаете ли вы, если это будет г-жа д'Эрве?¹

Надеюсь, что завтра, до или после «Каприза»², вы соизволите ответить на мои разнообразные вопросы. Примите уверения в моей преданности и сердечном уважении.

Марсель Пруст

Мадемуазель Сюзетте Лемэр³

Трувиль, [отель] Рош-Нуар (Кальвадос)

[17 или 18 сентября 1894]

Мадемуазель,

Если возможно на расстоянии чувствовать, что о вас думают, вы должны ощущать постоянство моего общества, до изнеможения. Я забываю о том, что я на каникулах, в Трувиле, что передо мной Гавр, а позади меня господин Штраус⁴ – но это не значит, что я вижу его в Сен-Фиакре⁵, впрочем, он очень мил, – я все еще

---

¹ Луиза Вард, маркиза д'Эрве де Сен-Дени (1849–1930) – художница, вдова известного сиолога маркиза Леона д'Эрве де Сен-Дени.

² Комедия (1837) Альфреда де Мюссе.

³ Сюзетта Лемэр (1866–1946) – дочь Мадлен Лемэр, художница, как и ее мать.

⁴ У четы Штраусов был дом в окрестностях Трувиля.

⁵ Город в окрестностях Парижа.

в Ревейоне¹. Я гуляю по песчаному пляжу, но мне кажется, что я в вашем парке, я хочу писать по-французски и говорю о Лут². Мне даже показалось вполне естественным, что некая дверь так и не открывается, и попытался проявить настойчивость...

Увы, общение с теми, кто здесь находится, и однообразие блюд непреклонно свидетельствуют о том, что я изменился. Меня беспокоят симпатия и доверие, которые я внушил вам в Ревейоне, и вот почему. В Ревейоне ваше расположение доставило мне большую радость и несколько меня не смутило: я заранее воздал сторицей вам за ваше доброе отношение и полагал, что оно вполне естественно. Ныне, вдали от вас размышляя об этом даре, я нахожу его столь драгоценным, что порой спрашиваю себя, не достоин ли я его. И мне так хотелось бы думать, что нет. Вот почему наша новая встреча должна быть для меня благотворной. То, что на расстоянии кажется запутанным, мучительным, трудным, вблизи вас становится простым и приятным. Вы скажете, что не надо быть очень известным, чтобы заслужить вашу дружбу, но надо 1. очень полюбить вас, 2. любить все больше, 3. любить еще и еще. Мне кажется, я выполню условия и стану вашим другом, не слишком стыдясь моего недостойнства.

Надеюсь, что после нашего отъезда вы много работали. Мне кажется, что в настоящий момент это то, что способно доставить вам наибольшее удовольствие, и вы обязаны им другим, самой себе, а также вашим изящным, невинным моделям. Очень надеюсь также, что ваша матушка тоже работает – и не только иллюстрирует мои мелочи: отняв у нее немного времени, они уже получили больше, чем заслуживают. Но мне доставляет большую

---

¹ Замок Ревейон в 80 км к востоку от Парижа, в Шампани, был летней резиденцией Матильды Лемэр.

² Кличка собаки Лемэров.

радость ее любезность, и голубка, надгробные цветы, анютины глазки, замок Виоланты¹ живут в моей памяти вместе с гостями Ревейона и усиливают мою благодарность и мои сожаления.

Сегодня утром я получил письмо Ана²: он пишет, что г-н Карвальо³ встречался с ним, но не говорит, что было решено, а я хотел бы это знать.

Вчера мы гуляли с матушкой и Штраусами. Вечером мы видели Порто-Ришей⁴ и много говорили о вашей подруге г-же де Майи. Ее такая романтическая и трогательная история кажется мне трагичной, когда приводят доказательства равнодушия и двуличия Решке⁵. Г-н Шлюмберже⁶ посещает салон г-жи Штраус. Быть может, на день или два приедет княгиня Монакская⁷. Кроме Штраусов я знаком здесь только с госпожой Труссо и госпожой де Галлифе⁸.

---

¹ Героиня новеллы «Виоланта, или Светская жизнь», вошедшей в сборник Пруста «Утехи и дни».

² Рейнальдо Ан (1874–1847) – композитор, пианист, музыкальный критик, близкий друг Пруста, который познакомился с ним в салоне Матильды Лемэр.

³ Карвальо (наст. имя Леон Карвай; 1825–1897) – директор Театра комической оперы, где Р. Ан тщетно пытался поставить свою оперу «Остров мечты».

⁴ Имеются в виду Жорж де Порто-Риш (1849–1930), драматург и прозаик, и его жена.

⁵ Ян-Мечислав Решке (Жан де Решке; 1850–1925) – польский оперный певец, за которого впоследствии вышла замуж после развода графиня Мари де Майи-Нель (урожденная де Гулэн; 1856–1935).

⁶ Леон-Гюстав Шлюмберже (1844–1929) – историк и археолог.

⁷ Мари-Алис Гейне, княгиня Монакская (1858–1925) – двоюродная сестра Генриха Гейне, дочь обосновавшегося во Франции банкира, с 1889 г. супруга князя Монако Альберта I.

⁸ Флоранс-Жоржина Лаффитт, маркиза де Галлифе (1830–1901) была известна своими многочисленными любовными связями.

Но говорят, что семья Дюэзов в Виллервиле¹. Они звали меня к себе и в этом году. Я воспользуюсь этим приглашением и буду рад поговорить о вас и о ваших друзьях.

Дорогая мадемуазель Сюзетта, знаете ли вы «Октябрьскую ночь» (Мюссе)²? Если нет, я бы хотел прислать вам несколько фрагментов. Позвольте себе писать иногда вашему другу, который почтительно и от всего сердца любит вас.

Марсель Пруст

Мое почтение госпоже Лемэр, госпоже Эрбелен³, а также Лут – после пребывания в Ревейоне я сознаю всю ее значительность и высокое положение.

Роберу де Монтескью

Трувиль, вторник утром [18 сентября 1894]

Милостивый государь,

Несчастный случай, в результате которого пострадал мой брат, усложнил в последнее время мою жизнь и помешал обратиться к вам с двумя касающимися меня просьбами. Одна из них связана с г-жой Лемэр, которую обрадовал бы положительный ответ. Вот в чем состоит эта просьба. Разрешаете ли вы процитировать в предисловии к моей книге одну или две строки из очень мастерских и красивых стихов, которые вы написали на экземпляре сборника «Хранитель благовоний», подаренного

---

¹ Семья художника Эрнеста-Анжа Дюэза (1843–1896), у которого был дом в Виллервиле недалеко от Трувиля.

² Стихотворение (1837) А. де Мюссе.

³ Жанна-Матильда Эрбелен (урожденная Абер; 1818–1904) – тетка М. Лемэр, художница.

г-же Лемэр? Вот другая просьба. Я хочу посвятить основные рассказы или стихотворения моей книги Мастерам, которыми я восхищаюсь, или друзьям, которых я люблю. Будучи по меньшей мере одним из таких Мастеров, согласны ли вы с тем, что один из рассказов будет посвящен вам¹? Вы были очень любезны, взяв на себя труд написать мне такое милое письмо из Энгадина². Но «я храню о нем горькое и сладостное воспоминание, как о солнечных и ветреных осенних днях» («Красная лилия»³). Быть может, было бы лучше употребить здесь то удачное прилагательное, полное меланхолической глубины, которому вы дали жизнь во французском языке, применив его к г-же Деборд – «сладостно-горький». С некоторых пор ни одно свидетельствующее о вашей дружбе слово не начинается и не заканчивает ваших писем, к интеллектуальной и эстетической красоте которых я остаюсь чувствителен, страдая в то же время от их душевной сухости. Прежде чем провести в Ревейоне месяц, в течение которого не было ни дня, когда бы о вас не говорили, я как-то после обеда встретился с вашим другом г-ном д'Итурри и вновь подпал под его духовное обаяние. Какая утонченная культура и какая дикая кошка, сколько мягкости и готовности к прыжку! Надеюсь, что Сен-Мориц пошел вам на пользу и что я смогу скоро вас увидеть.

Примите, милостивый государь, уверения в моем преданном восхищении и моей почтительной привязанности.

Марсель Пруст

---

¹ Все посвящения, фигурировавшие в верстке сборника «Утехи и дни», были сняты по требованию М. Лемэр.

² Долина на юго-востоке Швейцарии, где находится курорт Сен-Мориц.

³ Роман (1894) Анатоля Франса.

Сюзетте Лемэр

[25 или 26 сентября 1894]

Дорогая мадемуазель Сюзетта,

Я увижусь с Рейнальдо и договорюсь о нашей встрече с вами. Вы были очень милы и оказали на меня самое благотворное действие. Сегодня ночью я спал, чего со мной давно не было, а если просыпался, то чувствовал, как милые ручки, ловкие и прохладные – на них падают слезы, которые рожают цветы, совершенно как наши настоящие садовые и полевые цветы, а слезы, увы, похожи на иные слезы – так вот, когда я просыпался, то чувствовал, как ваши умелые и прохладные ручки касаются моего лба, и могу вас уверить, что мне это не было неприятно... Дозволенными поцелуями воздаю им за все то добро, что они мне сделали (слово *дозволенными* я подправил: оно было написано неразборчиво, а мне кажется, что это одно из важных слов фразы...).

Рейнальдо ведет себя, как ангел, в особенности в последние недели. Я знаю одну даму, которая так не говорит и терпеть его не может. Это потому, что она его любит... а ничто так не искажает суждения, как любовь. Между тем эта дама добра, и он тоже добр. Но их доброта служит лишь тому, чтобы причинять друг другу страшное зло. Как говорится в красивой песне Шумана «Юноша любит девушку»¹, которую поет Рейнальдо:

Обычная история,
Не менее грустна.

Да, Париж станет Ревейоном, во всяком случае таково намерение ваших друзей, которые полностью посвятят

---

¹ Песня Роберта Шумана из цикла «Любовь поэта» (1840) на стихи Г. Гейне (в русском переводе В. Аргамакова: «Ее он страстно любит, но ей приглянулся другой»).

себя вам. Уж за себя-то я ручаюсь. Полагаю, что так думает и Рейнальдо, вы сможете сами с удовольствием услышать об этом от него. Мне кажется, что вся ваша жизнь – в книгах, хотя вы и совершаете прелестные прогулки по лесам: славный образчик, желтый лист в письме, говорит об их прощальной позолоте. Мне очень интересно узнать, что вы читаете, но прошу вас, не говорите со мной о том, что я пишу. Когда я думаю о том, что вам понравилось то, что я написал, я чувствую в глубине души огромное счастье и волнение. Я ни разу не написал ни одной *строки* только для того, чтобы что-то написать. Я всегда хотел выразить нечто, заключенное в моем сердце или воображении, и если вы полюбили то, что я написал, значит, вы любите и меня, а это не может оставить меня равнодушным... Но у меня нет ни тени самолюбия (к сожалению), даже писательского, и когда я думаю, что вы чувствуете себя обязанной делать мне как литератору критические замечания или выражать похвалы, меня это печалит. У меня создается впечатление, что я стал литератором, вместо того, чтобы оставаться просто человеком, который испытывает к вам нежные, почтительные, дружеские чувства.

Марсель Пруст

Госпоже де Брантес¹

Пятница 23 окт[ября 18]94

Сударыня,

Говорят, что свет звезд проделывает долгий путь, прежде чем дойти до нас. Нечто подобное можно сказать и о запоздалых письмах.

---

¹ Луиза де Лакюэ де Сессак, маркиза де Брантес (1842–1914) – тетка Р. де Монтескью, хозяйка салона.

Поверьте, уже давно я не только думаю о вас, но и хочу вам написать. Быть может, вы простите меня за то, что я как будто остался равнодушен к великолепному, доставившему мне живейшее удовольствие успеху вашего сына¹, когда узнаете, что в то время с моим братом, который катался на велосипеде, случилось несчастье – телега, груженная мешками с углем и весившая 5 000 кг, проехала по его бедру. Каким чудом, пролежав месяц, он ходит так же хорошо, как прежде?

Если он снова начнет кататься на велосипеде, нам это будет непонятно.

Пока он лежал, я должен был отвечать вместо него обеспокоенным друзьям – потом я был поглощен тремя рассказами и множеством стихов. Надеюсь, что все это позволит вам отметить огромный прогресс по сравнению с прежними мелочами.

Я так много писал, что даже не подумал об экзаменах в октябре на лиценциата философии. Теперь я смогу претендовать на это звание не раньше апреля. Все же я пока не знаю, когда вы сможете получить в самом роскошном, предназначенном специально для вас оформлении мою маленькую книжку, вернее, можно сказать, большую, поскольку я добавил в нее много нового... Дело в том, что госпожа Лемэр настолько заинтересовалась своей работой, что после множества рисунков начала писать... акварели. Репродукции всего этого могут потребовать много времени. Добавлю, что один гениальный музыкант двадцати лет пишет музыку для поэтической части книги², а господин Франс – предисловие. Музыкант – не Делафосс³ (хотя

---

¹ Поль-Мари-Жозеф Соваж де Брантес (1864–1950) – офицер и будущий генерал.

² Имеется в виду Р. Ан.

³ Леон Делафосс (1874–1955) – пианист и друг Пруста, который познакомил его с Р. де Монтескью, ставшим протеже Делафосса.

Делафосс и написал этим летом прелестную музыку на одно мое стихотворение¹, но ни стихотворение, ни музыка не фигурируют в моей книге – здесь, похоже, я допустил (и тому невольно способствовала по своей доброте ваш друг госпожа Фиц-Джеймс²) ужасную оплошность!).

Я вам об этом как-нибудь расскажу или напишу более подходящими чернилами.

Я получил от вашего милого и вдохновенного кузена³ одно письмо в августе из Сен-Морица и одно три недели тому назад из Версаля. До того как уехать в Трувиль, я провел месяц в гостях у госпожи Лемэр...

Но я слишком много говорю о себе. Вы так добры, что я злоупотребляю вашей добротой. Однако надеюсь, что это хотя бы даст мне право просить у вас подробно написать о себе, о вашей дочери и о вашем сыне.

Примите, сударыня, уверения в моем почтении и сердечной преданности.

Марсель Пруст

Я был очень опечален, прочитав об опале г-на Шовлона⁴. Надеюсь, что вы дадите мне возможность оказать вам другие услуги, и я постараюсь, чтобы их результат был долговечней.

Монтескью устраивал ему концерты в салонах и концертных залах Парижа и Лондона.

¹ Стихотворение «Обманы», посвященное Л. Делафоссу.

² Розали де Фиц-Джеймс (урожденная фон Гутманн; 1862–1923) – хозяйка салона.

³ Омолаживая свою адресатку, Пруст называет ее племянника Р. де Монтескью ее кузеном.

⁴ Эмиль Шовлон (1862–1939) – протеже г-жи де Брантес, будущий социалист.

*Мари де Эредиа*¹
[31 октября 1894]

Мадемуазель,

Простите, что до сих не поблагодарил вас: я был болен последние дни. Эта смесь детской грации, благородной меланхолии и глубокой искренности, позволяющая любому канаку² тотчас же узнать свою Госпожу в самом многочисленном собрании, отличает ваше стихотворение, как и те, что ему предшествуют, от всех других и придает ему трогательное сходство с вами. Богатства языка и поэзии, унаследованные вами в доме вашего отца, представлены с изяществом, которое могло бы показаться ученым, если бы не было для вас естественным. Но вы по своей прихоти распоряжаетесь полученным наследством, и почти во все ваши стихи просто и таинственно вплетены мягкие и прочные девственные нити и нить ваших прабабушек.

Как радуется мое сердце канака, и как вы возрождаете славу вашего рода! В то время, как Румыния может дать миру всего лишь Кармен Сильву³, забытая канакская династия производит великого поэта, словно засохший стебель – цветок!

Примите, моя прекрасная королева, уверения в моем восхищении вашим литературным талантом и в моей патриотической радости.

Уважающий вас и преданный вам

Марсель Пруст

---

¹ Мари-Луиза-Антуанетта де Эредиа (1875–1963) – дочь поэта Жозе-Мари де Эредиа, поэтесса, прозаик и драматург. Вышла замуж за писателя Анри де Ренье.

² Мари де Эредиа участвовала в создании в 1894 г. шуточной Канакской академии (по имени народа, живущего в Новой Каледонии), пародировавшей Французскую академию.

³ Под этим псевдонимом печатала свои литературные произведения Елизавета-Паулина-Оттилия Луиза цу Вид, королева Румынии с 1881 г.

Я ошибся? Мне показалось, что Королева была менее расположена, чем в прошлом году, к своему

*Верноподданному
Марселю П.*

Поблагодарите вашего отца за то, что он говорил обо мне с моим отцом. Я занимаюсь тем, что читаю и перечитываю его речи¹: они могли бы быть плохо написанными, настолько они полны мысли, и могли бы не иметь никакого смысла, до такой степени они радуют своим великолепным слогом.

Сюзетте Лемэр

Конфиденциально

Четверг, день всех святых [1 ноября 1894]

Мадемуазель,

Ваша ирония относительно «моих орлеанистских упражнений»² не задела меня. Она меня самое большее печалит. Расценивать мой поступок как неловкий (впрочем, я сам так считаю, и он объясняется моим нежеланием проявить непослушание), вполне естественно. Но весьма странно полагать – это не пришло бы в голову даже такому простаку, как Штраус, – что в основе моего поведения был если не снобизм, то во всяком случае закоренелая привычка к светской жизни. Вероятно, если бы мои советчики (признаю, что я был не прав, послушав их) решили, что

---

¹ Имеются в виду речи А. Доде на похоронах Ш. Леконта де Лиля и на открытии памятника Ж. Дюбелле, произнесенные и опубликованные в 1894 г. (Kolb. 20, 606).

² Пруст обратился к кому-то из представителей дома герцогов Орлеанских с просьбой содействовать публикации его сборника «Утехи и дни» в издательстве «Кальманн-Леви», которое в результате приняло книгу к изданию (Kolb. 1, 348).

Полюс и Амори¹ по каким-то причинам имеют большее влияние на братьев Леви, то они бы попросили меня обратиться к ним. И если бы я был знаком с Полюсом и Амори, от чего возгордился бы ни больше, ни меньше, чем если бы был знаком с г-жой X или г-ном Z, просто для меня это было бы забавнее, то, по мнению г-жи Эрнесты², обратился бы к ним с таким же тупым почтением.

Я действительно был болен эти дни (и все еще слаб, но не до такой степени, как полагает госпожа Эрнеста, которая с тех пор, как госпожа де Теб³ сказала ей, что я дышу на ладан, хочет отправить меня отдохнуть подальше) и досадовал, что не могу написать вам, особенно в тот момент, когда мне показалось (я не имею в виду шуточки по поводу моего орлеанизма, они тут ни при чем), что я очень упал в ваших глазах.

Дорогая, милая мадемуазель Сюзетта, самая славная из всех женщин и единственно умная из всех девушек, добрая, милая мадемуазель Сюзетта, моя маменька, моя любимая младшая сестренка, не ругайте меня и не говорите, что я недоверчивый и обидчивый. Не говорите не потому, что это неправда – так оно и есть, – но потому, что я об этом знаю. Правда, я такой только с теми, кого люблю. Вы скажете, что для них это милый подарок и что лучше бы я был таким с теми, кого я не люблю. Но где вы видели, чтобы люди любили с намерением доставить

---

¹ То есть известные люди, не являющиеся частью высшего света, какими были Полюс и Амори (или д'Амори), псевдоним Эрнеста Соке, актера Театра Одеон.

² Эрнеста Штерн (урожденная Гершель, 1854–1926) – хозяйка салона, автор светских романов под псевдонимом Мария Стар. Видимо, это она дала совет обратиться к Орлеанскому семейству.

³ Псевдоним Анны-Викторины Савиньи (1845–1916), означающий «Госпожа из Фив». Г-жа де Теб была знаменитой гадалкой, предсказавшей смерть ряда известных современников Пруста.

удовольствие тем, кого они любят? Любят потому, что не могут иначе. Просто вокруг вас больше людей, которые не могут поступить иначе. Вот и все. Есть от чего возгордиться. Но не стать счастливой. Я еще слишком молод и не знаю, в чем состоит счастье жизни. Но я уже хорошо знаю, что оно не состоит ни в любви, ни в дружбе.

Моя дорогая мадемуазель Сюзетта, я вижу, что мое письмо неразборчиво. Наверное, из кокетства: чтобы скрыть от вас все те глупости, которые я пишу. В другой раз я буду спокойнее. Но если бы вы знали о тройной печали, оградившей мою жизнь и превратившей ее в те хорошо укрепленные города, которые изображены в книге Элизе Реклюса (в томе, посвященном Северной Европе¹), вы простили бы меня. Целую ваши ручки, умеющие делать столько прелестных вещей. Они сумеют и направить меня, как виновного, который хочет просить прощения, к ногам вашей матушки.

Ваш Марсель

Роберу де Монтескью
3 января [1895]

Дорогой Учитель,

Посылаю вам копию рукописи новеллы, которая посвящена вам в одной книге². Я подарю вам рукопись, но прошу вас, когда вы вернетесь в Париж, привезти мне

---

¹ Жак-Элизе Реклюс (1830–1905) – знаменитый географ, автор многотомного труда «Новая всемирная география» (1875–1893). Тома, посвященного только Северной Европе, в этом труде нет. Возможно, речь идет о 4-м томе под названием «Северо-западная Европа» (Kolb. 1, 348).

² Речь идет об автобиографической новелле «Исповедь девушки» (вошедшей в сб. «Утехы и дни») с закамуфлированной гомосексуальной тематикой.

копию: она будет нужна г-же Лемэр еще месяц. Надеюсь, что новелла не вызовет вашего недовольства и что вы согласитесь принять ее в дар. Как говорит Феокрит: «Был этот малый дар Дан с любовью большой: друга дары сердцу милы всегда»¹ (цитирую по памяти). Посылаю вам также мои наилучшие пожелания по случаю Нового года, заключив в эту традиционную и пустую формулу все мои чувства к вам, как давние, так и новые. Три года тому назад я не решался ничего ждать от нового года ни для меня, ни для других. Мне казалось, что если года сменяются, то люди остаются теми же, и что будущее, средоточие наших желаний и мечтаний, предопределено тем самым прошлым, повторения которого в будущем мы совсем не хотим, а между тем это будущее так ясно звучит веселыми и мрачными голосами колоколов, которые мы прежде раскачали. Ныне же я начинаю новый год, живее чувствуя божественную милость и человеческую свободу, доверяя по меньшей мере внутреннему Провидению. И потому, выражая скорее личное пожелание, нежели повторяя общую формулу, я от всего сердца желаю вам доброго года и, как говорится, доброго здоровья. Если же ваша милость в согласии с традицией возьмет на себя труд ответить на мои пожелания, то вы не сможете пожелать мне ничего лучшего, ничего почетнее и приятнее, нежели неизменность – несмотря на столь частую эфемерность и хрупкость таких вещей – вашего благожелательного отношения и полной понимания дружбы.

Прошу вас выразить мое почтение и передать мои пожелания г-же де Брантес, мой привет и пожелания г-ну д'Итурри. Примите, дорогой Учитель, уверения в моем почтительном восхищении и искренней преданности.

Марсель Пруст

---

¹ Пер. М. Грабарь-Пассек.

Мари де Эредиа

[Вторник, 15 января 1895]

Мадемуазель,

Прошу вас о моей отставке с поста первого канака, так как я только что узнал от Робера де Флера, что многие газеты сообщили о том, что вы должны играть в комедии и что это вас весьма раздосадовало: я являюсь тому причиной, правда, невольно, но все же причиной. Это я глупо и неосторожно рассказал в свете, в присутствии редактора «Ле Голуа»¹ г-на Артюра Мейера² (говорю вам об этом по секрету), о планах госпожи Беньер, заметив, как было бы интересно посмотреть на вашу игру. Да, я, который так хотел бы сделать моей Королеве что-нибудь приятное, в то время как, предвидь я последствия, было так просто промолчать, я стал причиной того, что ее канакский лоб нахмурился. Мне очень неприятно, поверьте, признаваться в этом. И все же я сразу признаюсь, чтобы вы не заподозрили кого-нибудь другого, а в особенности потому, что скрывать правду невыносимо. И если бы я читал в эти дни газеты, то сразу признался бы, а если бы я не был нездоров и посетил вас в эти дни, вы бы, конечно, поведали мне о вашем возмущении, и я бы тут же все понял и сказал бы вам, что это я виноват. Но так получилось, что я догадался о моем промахе, только поговорив с Робером де Флером. Потому подаю в отставку, ибо я недостойн быть канаком, и прошу вас только *никому* ничего не рассказывать [...] всему свету о поведении вашего старого друга. Я не имею в виду ни госпожу Беньер, ни

---

¹ Литературно-политическая газета консервативной направленности, основанная в 1868 г. Носила элитарный характер, много места уделяла светской хронике.

² Артюр Мейер (1844–1924) – журналист и драматург, главный редактор «Ле Голуа» с 1879 г.

Робера де Флера, так как я сообщаю им обо всем в то же время, что и вам.

Марсель Пруст

Мари де Эредиа

[Среда 16 января 1895]

Ваше грациозное и поэтическое Величество проявляется во всем. И поскольку Ваше Величество делает все лучше других, то и прощает так милостиво, как никто другой. Я почувствовал королевскую мягкость Вашего Величества, доброжелательного и властного, в вашем письме, в каждой строке которого я слышу (так искусный музыкант, читая в учебнике игры на флейте черные, крючковатые ноты, слышит божественную песнь) звук вашего могучего, канакского голоса. Если по этим канакским выражениям вы поняли, что я забираю прошение об отставке, которую Королева не соизволила принять, то теперь я могу просто и от всего сердца поблагодарить вас за очень милое (это главное) письмо. Уверяю вас, что я все же отчасти заслуживал ваше прощение, но был так печален, что не смел надеяться на то, что оно будет столь полным. Вчера вечером мне даже сказали, что угрызения совести преувеличили мою вину и что я не первый заговорил в салоне в присутствии того журналиста об этой комедии и о вас. Как бы то ни было, я тоже об этом говорил, я стал причиной вашей досады и был достоин того, чтобы меня повесили в согласии с канакскими обычаями, каковые, о чем Королева знает лучше всех, являются несомненно жестокими. Но Ваше задумчивое Величество пожелало, чтобы ее Царствование (а ваше царство весьма обширно, и ваша власть простирается на всех людей, даже на тех, в ком канакский дух еще дремлет, но может

однажды проснуться) было отмечено отменой этих ужасных обычаев. Хвала Вашему Величеству, хвала, которая должна быть выражена еще более по-канакски, чем я это делаю! Королева не знает даже названия таких нетерпимых вещей, как злопамятство, холодность, сплетни и т. д., и считает их недостойными любого существа, удостоенного посещения Королевы, даже если она об этом помнит смутно, будучи во власти канакского вдохновения.

Ваш благодарный и очарованный верноподданный

Марсель Пруст

Писано сегодня, в день прощения, который по-французски называется Среда, так как Меркурий принес его в 228-й день года (16-й по европейскому календарю).

Р. S. Я полагаю несообразным то обстоятельство, что в то время, как мраморные бюсты г-на Перье¹ украшают все министерства, у меня, в моем рабочем министерском кабинете, нет даже маленькой фотографии моей Королевы.

Роберу де Монтескью

[Около середины февраля 1895]

Дорогой Учитель,

Не осмеливаюсь беспокоить вас своим визитом в то время, когда вы правите верстку, но хочу сказать вам, сколько эстетических переживаний таится в ваших стихотворениях, опубликованных в «Ревю де Пари»: тех, кто берет в руки журнал, они словно бьют электрическим разрядом, пронзительным и нестерпимым. Вы одели Ночь в черное, окружив ее свитой в облачных нарядах, достойных Гойи, и по-

---

¹ Казимир-Пьер Перье (1777–1832) – государственный деятель, участник революции 1830 г., председатель Совета министров и министр внутренних дел в правительстве Луи-Филиппа.

местили опал там, где следует, с волнующей точностью. Он сияет слабо, словно нежная, голубая медуза в море чернильного цвета. Полагаю, что безжалостный портрет «Мисс» помещен не без кокетства, затем, чтобы показать, что вы, как Паскаль, владеете всем пространством между двумя крайностями. Ибо ваши стихи (особенно те, которые будут опубликованы) изображают не только

Сраженья Ариэля с Гавриилом¹.

Еще раз спасибо, милостивый государь, за ваше любезное обращение с моим другом Рейнальдо. Сердечный привет г-ну д'Итурри.

Примите, милостивый государь, уверения в моей искренней преданности.

*Ваш
Марсель Пруст*

*Альфону Доде
Пятница [22 февраля 1895]*

Сударь,

Я не поблагодарил вас раньше, так как был немного нездоров, и надеюсь, что вы меня простите. Я очень рад, что смогу прийти в следующий четверг и услышать рассказы ваших сыновей². Постараюсь найти старую фотографию, изображающую Гете, который катается на коньках во Франкфурте³, и две страницы «Откровений»

---

¹ Цитата из стихотворения Р. де Монтескью «Грааль».

² Леон Доде (1867–1942) и Люсьен Доде (1878–1946), близкий друг Пруста, – писатели, как и их отец.

³ Имеется в виду фотография 1880-х гг. картины В. фон Каульбаха «Гете во Франкфурте» (1862).

Ламартина¹. Это для иллюстрации воспоминаний г-на Люсьена о его катании на коньках. Но, возможно, у него есть и то, и другое.

Не могу выразить вам, сударь, как ваша доброта меня трогает. Когда я был ребенком, я даже в самых прекрасных мечтах не мог вообразить, что однажды произойдет нечто столь неправдоподобное и приятное, и я буду так любезно принят Мастером, который уже тогда внушал мне страстное восхищение и уважение, искреннее и сердечное выражение коих прошу вас принять, сударь.

Ваш почитатель и слуга
Марсель Пруст

Роберу де Монтескью
Суббота [9 марта 1895]

Милостивый государь,

Рейнальдо Ан ужинает в городе в четверг. Было бы лучше, если бы вы смогли принять нас в понедельник или среду. Мое восхищение вами придает, как вы можете вообразить, огромную цену вашему посвящению². Но я, впрочем, не прошу вас о нем, если, отнимая одной рукой то, что вы по-царски дарите мне другой, вы проявляете снисхождение к уму, но не уважаете сердца. Кого может утешить то, что вам интересны разные виды человеческих существ и что вы презираете мошенника не больше,

---

¹ Имеются в виду страницы «Откровений» (1849) поэта Альфонса де Ламартина (1790–1869), на которых рассказывается, как он катался в детстве на коньках.

² В сборнике «Путь от мечты к воспоминанию» (1895) Монтескью посвятил Прусту стихотворение «Серейя» («Ségée») с описанием девушки, напоминающей цветы апельсинового дерева и жасмин.

чем смельчака, поскольку оба они неизбежно представляют в ваших глазах оригинальную фигуру? Ведь с точки зрения такого аморального детерминиста или дилетанта, заинтересованного в разнообразии жизни, подлец и варвар достойны прощения. Это обращенное ко всем прощение не так уж завидно. Еще раз благодарю вас за великолепных чтецов. Со вчерашнего дня урна, в коей хранится ваше воспоминание, продолжает изливать молоко и чернила, и волшебство поэта делает чернила столь же сладостными, что и молоко.

*Ваш безвестный и счастливый
Марсель Пруст*

Сердечный привет г-ну д'Итурри.

Сюзетте Лемэр
[май 1895]

[...] потрясающие) Парсифаль. А смерть Елизаветы, которая искупает душу Тангейзера, это уже христианское учение, буквально изложенное в «Парсифале». Скажу тихо, пока Рейнальдо меня не слышит, что это подлинно музыкальные темы, ибо они иррациональны. Но я боюсь вам наскучить. Если же вам интересно, мы поговорим об этом на днях при встрече, а потом я вас покину и буду работать. Ваши синие цветы с колючками для меня сладостно-горьки. Они сладостны, потому что это вы мне их подарили (поэтому они так красивы), а горьки, потому что они вами присланы, и значит, вы далеко. Вот для меня острый шип.

На «Тангейзере» я лишний раз убедился в людской глупости. Вы с вашим большим вкусом, не опровергая слепо установившихся мнений, умеете все же противостоять

им в случае необходимости, но вы, конечно, считаете, что «Молитва Елизаветы» и даже «Песня к звезде» – весьма скучны и слабы, и что, напротив, последнее действие (вернее, конец последнего действия, так как я думаю, что «Песня» – это уже последнее действие) совершенно замечательно. Как только «Песня» закончилась, *еще до рассказа о путешествии в Рим*, до смерти Елизаветы, до радости паломников при виде зацветшего посоха (сравните с «Чарами Страстной пятницы»¹) Карл Дрейфус и Ипполит Дрейфус² решительно встали и ушли. В их торжествующих взглядах можно было прочесть, что Гюстав Дрейфус³ сказал им заранее как знаток: «уходите после “Песни к звезде”, *все* уходят после “Песни к звезде”, потом уже ничего нет». А как раз потом все и начинается. К сожалению, Рейнальдо был на концерте всего пять минут. Его позабавило бы своевременное бегство Дрейфусов, не пожелавших осквернять своим неэстетичным присутствием эти трепетные красоты.

Ваш Марсель Пруст

Сюзетте Лемэр

[Понедельник 20 мая? 1895]

Дорогая мадемуазель Лемэр,

Вы меня плохо поняли. Я вовсе не скрываю своего увлечения Вагнером от Рейнальдо, и он его разделяет. А рас-

---

¹ Фрагмент третьего действия оперы Р. Вагнера «Парсифаль».

² Карл Дрейфус (1875–1952) – будущий хранитель музея в Лувре. Ипполит Дрейфус (1873–1928) – его кузен и соученик Робера Пруста в лицее Кондорсе, будущий юрист.

³ Гюстав Дрейфус (1837–1914) – отец К. Дрейфуса и дядя И. Дрейфуса, коллекционер, принимал участие в многочисленных выставках.

ходимся мы вот в чем: по моему мнению, сущность музыки состоит в том, что она пробуждает в нас таинственные (и невыразимые на языке литературы и вообще всех искусств, которые используют слова и, следовательно, определенные идеи, или определенный материал, таких как живопись и скульптура) глубины нашей души, недостижимые для всего конечного и для всех искусств, предмет которых – конечное, недостижимые и для науки: потому эти глубины можно назвать религиозными. Все это не очень понятно, будучи сказано наспех, и заслуживало бы более долгого разговора.

Рейнальдо, напротив, считает, что музыка находится в постоянной зависимости от слова и является средством выражения конкретных чувств, а если надо – то и нюансов *беседы*. Вы знаете, что симфония Бетховена (а для меня она не только представляет собой верх музыкальной красоты, но и выполняет высочайшую *функцию* музыки, поскольку выходит за пределы частного, конкретного; в этой симфонии столько же глубины и смутности, что и в нашем чувстве, нашей воле, взятых в их сущности, то есть она, симфония, создает абстрактный образ частных, внешних предметов, хотя и может на них опираться) кажется ему очень скучной. Он, конечно, слишком художественная натура и потому восхищается такой симфонией, но это не то, что, по его мнению, является музыкой, и в сущности это его не интересует. Я никогда не скрывал от него нашего расхождения в этом важном пункте. И если я написал «пока Рейнальдо меня не слышит», то просто, чтобы напомнить вам его мнение. Если бы я в вашем присутствии стал хвалить д'Амори, то сказал бы «надеюсь, что мадемуазель Сюзетта меня не слышит». Впрочем, должен признать, что в обществе я действительно не оспариваю суждений Рейнальдо о музыке. Во-первых, с моей

стороны это было бы наглостью. Я знаю, что в вашей и его любезности, когда он говорит со мной о музыке, а вы – о живописи, есть доля снисхождения. И я не хочу выглядеть смешным, противопоставляя мнению художника-специалиста мнение невежды. К тому же столь общие дискуссии обычно не дают результатов. Я очень хорошо понимаю, что суждения Рейнальдо о музыке вполне естественны для его темперамента музыканта-литератора. Это не плод его теорий, уверяю вас. Напротив, его теории являются, как всегда, оправданием, которое его замечательно гибкий ум находит для его темперамента. С темпераментом бесполезно бороться, и я слишком сильно восхищаюсь его темпераментом, чтобы сражаться с ним. Наконец, и это главное, спор о музыке очень быстро приводит Рейнальдо в раздражение и мучителен для него. Если я для успокоения моей совести хочу сказать ему что-нибудь о теории, то делаю это, когда мы с ним остаемся одни.

Какое счастье, что вы возвращаетесь. Вы найдете меня весьма слабым в смысле здоровья, но я буду так счастлив вас увидеть.

Скажите вашей матушке, что я не решился еще раз попытаться опубликовать в газете маленький рассказ о ней и о вас¹. (Мне не удалось пристроить его ни в «Ла Патри»², ни в «Ла Пресс»³.) Я знаю, что вам это все равно, но для меня это была бы такая радость! Если она не хочет предложить рассказ в «Ле Голуа» под предлогом, что это будет похоже на то, что она просит о собственной хвале (что нелепо, осмеливаюсь почтительно сказать

---

¹ Этот рассказ не сохранился.

² Газета консервативной ориентации, основанная в 1841 г.

³ Газета, основанная в 1836 г. и ставшая одной из крупнейших французских газет. В ней впервые были опубликованы многие романы Бальзака и других известных писателей.

ей об этом, учитывая, что такое она, с одной стороны, и что такое я, с другой. Ее прославляли столько знаменитостей, что хвала неизвестного автора может ее только раздосадовать. И г-н Артюр Мейер хорошо поймет, что она обращается к нему, чтобы доставить удовольствие мне, а не себе.) Если она не хочет послать рассказ в «Ле Голуа», я был бы рад, если бы она подготовила, как она предлагала, мое обращение в «Ле Голуа», и я смог бы опубликовать там страничку. После того как они возьмут у меня две-три вещицы, я мог бы дать им маленький рассказ о госпоже Лемэр, и на этот раз она не будет нести никакой ответственности. В «Замке Ревейон»¹ есть много коротких, неопубликованных фрагментов, которые могли бы занять несколько полос в «Ле Голуа». Например, «Ужин в городе»: я полагаю не без гордости, что у него больше литературных достоинств, чем во многих рассказах, публикуемых в «Ле Голуа», и что он в то же время «в их жанре».

Вы возвращаетесь, и значит, я больше не буду получать писем от вас! Но мы сможем беседовать, и это будет для меня такой радостью. Дорогая мадемуазель Сюзетта, я вас очень люблю. Как будет мило видеть вас обеих, то одетых просто, то в «необыкновенных, чудесных» платьях. Думаю, что это из-за моего неразборчивого почерка вы прочитали «укрепленные города, которые изображены в книге Элизе Реклюса», по-моему, я никогда этого не писал.

Робер де Флер вернулся.

Быть может, до завтра... какое счастье!

Марсель Пруст

---

¹ Первоначальное название сборника Пруста «Утехы и дни».

Анри де Ренье и Мари де Эредиа
[Суббота 13 июля 1895]

Сударь,

Если бы я не любил вас так, как люблю, и если бы я даже не знал вас, я был бы рад этому благородному союзу двух поэтических гениев нашего времени, был бы рад тому, что еще один наш великий поэт должен породниться с Домом Эредиа, ныне единственным могущественным правящим домом в поэтической Европе.

Дорогая мадемуазель де Эредиа,

Для меня в мире нет никого дороже и прелестнее вас, и меня очень радует мысль о том, что, поступая всегда великодушно и благородно, вы делаете несравненный подарок величайшему поэту и самому вдохновенному из людей. Юный друг, коему вы оба позволили восхищаться вами и любить вас, повергает к вашим стопам свою дружбу и почтение и выражает вам добрые пожелания.

Марсель Пруст

Только у канаков Королева сочетается браком с певцом, что намного возвышает этот народ над всеми прочими.

Марии Ан¹

[Дьепп, 10 или 11 августа 1895]

Милая сестра,

Очень прошу вас прислать мне, как можно скорее, «Бальдассара»² *заказным письмом*: думаю, что он будет

---

¹ Мария Ан (1865–1948; впоследствии замужем за испанским художником Раймундо Мадрасо) – старшая сестра Р. Ана.

² Речь идет о новелле Пруста «Смерть Бальдассара Сильванда, виконта де Сильвани», опубликованной в журнале «Ревю эбдомадер» в октябре 1895 г. и вошедшей затем в его сборник «Утехи и дни».

нужен в Париже, но если вы его пошлете туда, мне придется ждать два дня, а я не могу ждать и часа, так мне хочется узнать ваши замечания. Почему, жестокая сестра, вы не прислали их в вашем письме? Я бы их уже знал. Подумать только, мое детище было как-то отмечено на вручении премий¹, а вы не сообщаете никаких подробностей! Почему бы вам не приехать сюда, где вас жаждут видеть и ждут, где вас поселят с удобствами и будут хорошо кормить? Не знаю, смогу ли я остаться здесь, воздух для меня не слишком благоприятен, но мои колебания покамест никому неизвестны, и я избавлен от «советов», которые дают, желая нам добра, но которые раздражают от этого не меньше. Я беспрестанно воображаю вас в Сен-Жермен, как вы прогуливаетесь, такая красивая, в лесу, подобно Диане (имя которой, но не грацию присвоила госпожа маркиза де Сен-Поль²); ваши божественные волосы развеваются по ветру, глаза блестят, а щеки пылают, как во время веселой, оживленной охоты. Но ваш ум, который был бы страшен, не будь он в подчинении у вашей доброты, никогда не несет гибели, вы ни в кого не целите, и бедные лесные звери дрожат при вашем приближении не более, нежели мы все, кому вы внушаете только ужас, каковой для тех, кто наделен благородным воображением, неотделим от зрелища красоты!

Госпожа Лемэр старается сделать нашу жизнь легкой и приятной. Кормят отлично, а что касается музыки, то, поскольку у Рейнальдо нет фортепьяно, море и ветер взяли на себя роль музыкантов. А главный штатный музыкант настроен так приветливо, что слушает их с удовольствием. Отец в отъезде, и море такое доброе, что утешает

---

¹ Имеется в виду, по-видимому, высокая оценка адресаткой новеллы Пруста.

² Мари-Шарлотта-Диана Фейдо де Бру, маркиза де Сен-Поль (1848–1943) – пианистка, хозяйка музыкального салона.

и исцеляет, заботится о моем здоровье, во всяком случае в целом, и я очень доволен этим врачом, который лечит, увлажняя наше тело. У Рейнальдо божественный ум, он божественно добр и изыскан.

С почтительной любовью,
Марсель

Марии Ан
[Дьепп, август 1895]

Мадемуазель,

Не знаю, что делать с «Бальдассаром»: теперь я должен отправить его в один журнал и, значит, я не увижу ваших помет. Между тем ваше мнение – почти *единственное*, которое для меня важно. Если публикация состоится и появятся устные или письменные отзывы, они будут интересовать меня гораздо меньше, чем мнение самой умной женщины. Так что не знаю, что делать. Если замечаний немного, может быть, вы могли бы их мне прислать отдельно... В любом случае пришлите, пожалуйста, «Бальдассара» по адресу:

Госпоже Пруст
9, бульвар Мальзерб

и мать отправит его главному редактору журнала. Я очень утомлен бессонницей, но все же наслаждаюсь здешней жизнью благодаря Рейнальдо, и мы мысленно делимся с вами всеми нашими впечатлениями, о, моя сестра Мария, наперсница тайных дум, маяк печальных странников, защитница слабых, помощница страждущих, источник благости, приправа ума, блистательная роза, отважная доброта, морской бриз, песнь дружных гребцов, пенящийся напиток, утренняя заря, аромат дружбы, душа

вечеров, которые вы озаряете вашим сиянием (подобно приветливому светилу) и оживляете вашими играми (подобно Паку и Титании¹), вашим смехом, то эхом вашего духовного мира, то его голосом, незаметно удивляете вашими нарядами, о, очарование без границ, но не без меры, вы, придающая этим платьям очарование целомудрия, скромности и благородства, а такое литературное достоинство, как строгость формы, набрасывая покров на чрезмерный блеск, облекает ваши советы и ваши речи высшим изяществом, которое делает их похожими на ваши наряды и смягчает приветливой улыбкой ваших глаз, о, вы, сестра всех людей, ибо Мария, такая же нежная, как вы, является их матерью, вы, которую все же по зрелом размышлении я предпочитаю сохранить только для себя и Рейнальдо, парус надежды во мгле моей жизни, светлый луч на просторах морей, обретенная родина благородных душ, сосланных в этот подлый мир, мудрая советчица Леваде², послушная дочь Бога, благоуханный цветок на добром пути, сладостная флейта ветра, возвращающая домой затерянные корабли.

С уважением,

Ваш Марсель

Мари де Эредиа

[Между 30 августа и 4 сентября 1895]

Мадемуазель и дорогой Учитель, моя Королева,
Говорят, вы уже вернулись. Когда я могу прийти попросить прощения за то, что не писал вам во время каникул?

---

¹ Персонажи комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»: маленький эльф и царица фей и эльфов.

² Шарль-Гастон Леваде (1869–1948) – друг Р. Ана, композитор, дебютировавший в 1895 г. Автор камерной и религиозной музыки, опер, песен.

Не окажете ли вы мне одну большую услугу? Я второй раз в жизни сочинил стихи, которые войдут в мою книгу «Портреты художников и музыкантов»¹. Я хотел бы посвятить их вашему отцу (остальную часть я не могу посвятить вам как недостаточно подходящую). Но прежде я хотел бы, чтобы вы их исправили: я чувствую, что в них много ошибок, но не знаю, каких. Прилагаю «Портреты художников». Не потеряйте их, у меня нет черновика.

*Ваш почтительный и нежный канак
Марсель Пруст*

Люсьену Додэ

9, бульвар Мальзерб

[Понедельник 28 октября 1895]

Дорогой друг,

Приехав в Париж, я узнал от госпожи Адан² (которая не приняла моих стихов и отослала их мне обратно), что ваш брат любезно принимал в них участие. Не могу вам выразить, как я тронут тем, что он взял на себя этот труд, и сожалею, что он оказался напрасным. (Надеюсь, что ваш брат не читал моих стихов, ибо, получив их, я вижу, что это полный ошибок черновик, в котором не хватает нескольких слов и целых полустихий.) Прошу вас сердечно поблагодарить вашего брата за то, что он отнес

---

¹ Речь идет о цикле стихотворений «Портреты музыкантов», который не был опубликован отдельно и вошел в сборник «Утехи и дни». В результате Пруст посвятил Ж.-М. Эредиа цикл стихов «Портреты художников», которые были опубликованы отдельной книгой в 1896 г.

² Жюльетта Адан (урожденная Ламбер; 1836–1936) – писательница, основательница и главный редактор журнала «Нувель ревю» республиканской направленности.

мои стихи госпоже Адан, и скажите, как я ему благодарен. Я вернулся в Париж вчера вечером и буду очень рад увидеть вас в скором времени. Если вы скажете мне адрес вашей мастерской¹, мне было бы интересно как-нибудь зайти посмотреть, как вы работаете, и поблагодарить вас за то, что вы так мило сыграли роль вестника.

Будьте любезны, передайте господину и госпоже Доде выражение моего почтительного восхищения и примите уверения в моей искренней симпатии,

Марсель Пруст

Рейнальдо Ан еще не вернулся в Париж.

Рейнальдо Ану

[Пятница 15 ноября 1895]

Вчера на ужине у семьи Доде с моим милым дружкой, г-ном де Гонкуром², Коппе³, г-ном Филиппом⁴, г-ном Вакезом⁵. С грустью констатировал: 1. Страшный материализм, столь необычный для «умных» людей. Характер, гениальность определяются в зависимости от привычек или происхождения. То, что отличает Мюссе, Бодлера, Верлена, объясняется качеством выпитого ими спиртного, а характер человека – породой (антисемитизм).

---

¹ Л. Доде занимался в Академии живописи, открытой в 1866 г. художником Р. Жюлианом.

² Писатель Эдмон де Гонкур (1822–1896).

³ Франсуа Коппе (1842–1928) – поэт, драматург и прозаик. Его отточенные по форме стихи на темы повседневности пользовались большим успехом у читателей.

⁴ Шарль-Луи Филипп (1874–1909) – поэт и прозаик, выходец из беднейших слоев. Автор романов о жизни парижского дна.

⁵ Луи-Анри Вакез (1860–1936) – врач, автор трудов по кардиологии.

В этом отношении особенно удивляет Доде – его подлинный ум, блистающий сквозь мрак и бури, следствие расстроенных нервов, словно звездочка над морем. Все это не очень умно. Такое понятие об уме (ибо речь идет именно об уме), согласно которому он себя еще недостаточно сознает и полагает зависимым от тела, является самым ограниченным. 2. Никто из них (я постоянно противопоставляю им Рейнальдо, умом которого я не перестаю восхищаться, ибо этот ум восприимчив ко всем оттенкам истины, подобно тому как море точно и великолепно отражает оттенки небес) ничего не понимает в стихах. Доде сравнивает Мюссе и Бодлера примерно так же, как если бы кому-нибудь, кто не знает ни госпожу Штраус, ни мою консьержку, сказали: «У госпожи Штраус черные волосы, черные глаза, довольно крупный нос, красные губы, красивая фигура» – и то же о моей консьержке. Тогда тот, кому это сказали, ответил бы «да они одинаковы». Некоторое ослабление риторики у Мюссе и впрямь может заставить сблизить его композицию и композицию Бодлера, хотя они имеют столько же общего, что Боссюэ¹ и Мюрже². Тот, кто никогда не видел моря и кому кто-нибудь рассказал бы о своих впечатлениях, решил бы, что это то же, что русские горки. Тот, кто не чувствует поэзию и чужд Истине, так и не прочитал Бодлера. Отсюда утверждения, которые поддержали Коппе и Гонкур. 3. Фразы Доде (в саду управляющего) – очень в духе Доде, наблюдательного ума, но все же не широкого, несколько вульгарного и слишком претенциозного, несмотря на большую тон-

---

¹ Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) – знаменитый проповедник и богослов.

² Анри Мюрже (1822–1861) – поэт, прозаик и драматург, представитель массовой литературы. На основе его романа «Сцены из жизни богемы» были созданы оперы Пуччини (1896) и Леонкавалло (1897).

кость. Это Селин Шомон¹ в жанре романа. 4. Госпожа Доде² мила, но до какой степени мещанка. Один молодой человек пришел, бедняга, будучи знаком только с одним из сыновей, которого как раз не было. Она сделала все, разумеется, невольно, чтобы его парализовать, пять минут спустя он уже был «вторгшимся чужаком», и время от времени она повторяла: «Я не знаю, кто этот господин, я вижу его впервые». И мне, когда я в первый раз пришел к ней и благодарил ее за это позволение, она ответила: «Меня попросил об этом г-н Ан», чудовищно! В таких случаях вновь чувствуется превосходство аристократии, не лишенной недостатков, но умеющей, благодаря учтивости и непринужденной любезности, хоть в течение пяти минут изобразить изысканное очарование, симпатию, братские чувства. У евреев (из какого принципа их там презирают? Ведь Тот, кого они распяли, оттуда тоже изгнан, как и со свадьбы сына³ и пр.) тоже есть это умение, хотя оно состоит в другом: они милосердны к человеческому самолюбию и проявляют сердечность, далекую от надменности и весьма ценную. Насколько на фоне госпожи де Брантес и госпожи Лион⁴, которых я здесь объединяю не шутя, кажется жалким обращение госпожи Доде с бедным г-ном Филиппом. Быть столь далекой от искусства владеть собой, не уметь играть, да еще имея такую короткую талию – это ужасно. Невольно чувствуешь нехватку отвратительно изысканного обращения Дон

---

¹ Селин Шомон (1848–1926) – опереточная певица.

² Жюлия Доде (урожденная Аллар; 1844–1940) – жена Альфонса Доде, писательница.

³ Леон Доде был женат на внучке Виктора Гюго только гражданским браком, так как Гюго запретил своим потомкам участвовать в религиозных церемониях.

⁴ Луиза-Маргерит Лион-Кан (урожденная Мэ) – жена юриста Шарля Лиона-Кана.

Жуана с г-ном Диманшем¹, простоватой грации г-на де Флориана или неприятного изящества герцога де Грамона². Но зато сколько ума и трогательной чувствительности (которая, впрочем, раздражает и порой наиграна)! В общем, очаровательная особа.

Доде очень мил и похож на короля мавров, который взял в жены принцессу из Авиньона. Но он несколько простоват. Думает, что Малларме – мистификатор. Надо всегда предполагать, что ум и чувствительность поэта заключают договор, о котором он сам не ведает и который превращает его в игрушку. В этом больше интереса и глубины. Его леность или ограниченность ума объясняются бездуховным договором (с шарлатанскими намерениями) с его учениками. Если бы было так, как он говорит, то нас это не интересовало бы. Но это не так.

[без подписи]

Пьеру Менге³

9, бульвар Мальзерб [конец ноября 1895]

Милостивый государь,

Я написал небольшое эссе по философии искусства⁴ (надеюсь, что это звучит не слишком претенциозно),

---

¹ Персонажи комедии Мольера «Дон Жуан» (1665). Дон Жуан проявляет такую любезность, принимая явившегося к нему кредитора г-на Диманша, что Диманш забывает, зачем пришел.

² Герцог Антуан-Альфред-Аженор де Грамон (1851–1925) – отец молодого друга Пруста, герцога А. де Гиша.

³ Пьер Менге – директор журнала «Ревю эбдомадер» («Еженедельное обозрение»).

⁴ Имеется в виду эссе «Шарден и Рембрандт», которое не было опубликовано при жизни Пруста.

в котором я пытаюсь показать, как великие художники учат нас познавать и любить внешний мир, как они «открывают нам глаза» на мир. В этом этюде я беру в качестве примера произведение Шардена и пытаюсь показать его влияние на нашу жизнь, показать, каким очарованием и мудростью оно наполняет наши самые неприметные дни, приобщая нас к жизни неживой природы. Полагаете ли вы, что такое эссе может заинтересовать читателей «Ревю эбдомадер»? Если да, то я с удовольствием пришлю вам его. Но только если у вас действительно есть такое *желание*. У меня готово также эссе, направленное против темного стиля молодых поэтов¹, но я не решаюсь вам его предложить, ибо его резкость заставляет меня опасаться мщения со стороны молодой школы, которой публикация в скором времени моей книги предоставила бы отличный повод свести со мной счеты. Что касается стихотворений в прозе и просто стихотворений, о которых я вам говорил, то я не думаю, что такие незначительные вещи стоят того, чтобы я просил вас уделить мне место в вашем и без того уже заполненном журнале. И, наверное, новелл, которых вам не хватало, прибавилось с тех пор, как я вас видел! Если я причиняю вам неудобство, заставляя читать это письмо, то потому, что оно займет у вас меньше времени, чем разговор: удовольствие от встречи с вами наверняка заставило бы меня продлить нашу беседу. Примите мои извинения, а также выражение моего почтения.

Марсель Пруст

---

¹ Статья Пруста «Против темноты» была опубликована в июле 1896 г. в «Ревю бланш».

Госпоже Доде

Суббота утром [4 января 1896]

Сударыня,

Я только что прочитал «Заметки о Лондоне». В них столько искусства! Но еще больше меня восхищает то, что в них столько жизни. Острота вашего глаза, только ваши чувствительные струны, тончайшие и трепетные, глубина и разносторонность вашего ума на час стали моими. Благодаря внушающей, словно гипнотической, силе ваших фраз природа и жизнь в течение часа казались мне столь же богатыми, разнообразными и живыми, что и вам. Беру на себя смелость поблагодарить вас в этом коротком письме. Я не удивляюсь тому, что ваша фраза обладает такой силой: ведь это не просто прекрасное создание, это словно бы необычное, живое, проворное существо, вернее, животворящий дух, исполняющий все существа, принимающий их форму и приводящий их к нам в качестве пленников, но все еще живых, почти свободных, словно зверей из зоологического сада, о которых вы так хорошо пишете. Животворящий дух разрушает всю старую, шаблонную конструкцию фразы, и она растет, как живой организм. Очаровывает ее капризное, с перебоями движение, постоянно заставляющее нас сопереживать, захватывающее своими отклонениями в сторону и возвратами вспять, напоминающее дотошность ученого или усердие художника, без конца исправляющего свою картину. Я бесконечно наслаждаюсь лаконизмом и совершенством таких выражений, как: «у птиц с большим размахом крыльев *есть место для полета*»; «скалы, отражающие солнечный свет и *хранящие его тепло*»; «ЖИЗНЬ, ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ В РАСТРОГАННОМ СЕРДЦЕ».

Классическое совершенство превращает всю эту жизнь в красоту. Каждое слово становится образом, каждый предмет – поэмой. Если сравнить ваше эссе с теми

оранжереями для бабочек, о которых вы пишете, то в нем так же из материи, из кокона опутывающих нас фактов каждое мгновение рождается крылатая грация, а о вашем языке я скажу, что все его колдовские буквы украшены волшебными павлиньими глазками, которые притягивают и очаровывают.

Примите, сударыня, уверения в моем почтении и восхищении.

Марсель Пруст

Прошу вас передать мое почтение господину Доде и привет г-ну Леону Доде, который так любезен со мной. Будьте так добры, сударыня, пожмите от меня руку Люсьену: моя большая симпатия к нему с каждым днем перерастает в большую дружбу.

Роберу де Монтескью

[Пятница 10 января 1896]

Милостивый государь,

Только покинув кладбище (вы сочтете это предусмотрительно проявленной странностью), я прослушал мессу, читая ваши прекрасные молитвы за упокой души Верлена¹. Они послужат спасению вашей души, венчая череду ваших предыдущих поступков в поддержку больного и нищего поэта. Подвиги Тюренна и Конде² возвышают для нас каждое их слово. Так все то, что вы сделали для Верлена и о чем вы умалчиваете в вашей статье, придает ей то благородство, которое не могли бы придать ей ни ваше

---

¹ Р. де Монтескью опубликовал в газете «Ле Голуа» стихи и статью на смерть Верлена (Kolb. 2, 46).

² Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611–1675) и Луи II де Бурбон, принц де Конде (1621–1686) – знаменитые военачальники.

имя, ни ваше воображение. Я восхищен тем, как вы, будучи всегда проницательнее, чем кто бы то ни было, показали этот волнующий контраст (присутствовавший и в жизни Ватто, менее трагичной, но тоже полной страданий) между райской поэзией и адской жизнью. Вы всегда говорите такие прекрасные вещи и так хорошо! Мне только было стыдно, что я так плохо знаю латынь и не понял цитаты в конце (опечатка не служит мне извинением: не поняв значения слов, я мог бы восстановить их написание). Я не знаю, кто ваш испанский рассказчик, но сомневаюсь, судя по его красивому языку, что вы его не подправили. Он пишет так, как пишете вы, вернее, так, как вы говорите. Во фразах, набранных курсивом, слышится ваш голос (ср. в статье, опубликованной в «Ревю иллюстре»¹: «но восхищение не побудило их пересечь пролив»).

*Ваш
Марсель Пруст*

Мне также очень понравилась статья г-на Барреса. Его краткость обладает захватывающей силой («гений, излишество, перед лицом холода»²) и прекрасна, если вспомнить, до какой степени он способен быть мягким.

Госпоже Лоре Хейман
[Понедельник 11 мая 1896]

Сударыня,
Мой бедный старый дядя Луи Вейль скончался вчера в пять часов пополудни. Он умер тихо, не приходя в со-

---

¹ «Иллюстрированный журнал», основанный в 1885 г., в котором печатались видные писатели.

² М. Баррес писал о Верлене, «оставшемся наедине со своим гением, этим излишеством, перед лицом холода и голода» (Kolb. 1, 47).

знание, ничем предварительно не болев (только вчера утром у него началось воспаление легких). Я знаю, что вы его любили, и не хотел бы, чтобы вы узнали об этом из газет или из официальных уведомлений, если таковые последуют, о чем я еще не знаю. Я не сообщал вам о том, что он болен, потому что, по правде сказать, он не болел, но теперь мне кажется, что вы будете немного опечалены и что лучше – не так ли? – сказать вам об этом в такой форме.

*Обнимаю вас, ваш
Марсель Пруст*

Госпоже Лоре Хейман
[После 12 мая 1896]

Сударыня,

Если бы я не был в таком жалком состоянии последние дни, не страдал так от приступов астмы и удушья, я бы зашел к вам. Вот почему я не сразу сказал вам, как я был восхищен, взволнован, потрясен вашим столь трогательным, прекрасным, «не без шика» знаком внимания. Когда во время похоронной процессии без цветов (такова была воля моего дяди) появился велосипедист с венком, когда я узнал, что его прислали вы, я зарыдал, не столько от печали, сколько от восхищения. Я так надеялся увидеть вас на кладбище и упасть в ваши объятия. Венок не был положен на гроб. Но когда процессия прибыла на кладбище и матушке сказали, от кого венок, она пожелала, чтобы на могилу моего дяди положили только этот венок, так как вы одна не знали о его воле. Что и сделали. О вас можно сказать, как об одной даме семнадцатого века, что «ее изысканность не в последнюю очередь

проявлялась в ее доброте и великодушии». Мы должны поговорить обо всем этом как-нибудь, может быть, в один из предстоящих дней?

*С почтительным восхищением, ваш
Марсель Пруст*

Роберу де Монтескью
Вторник утром [19 мая 1896?]

Милостивый государь,

Я не ответил вам вчера на ваш вопрос об иудеях. Причина очень проста: если я католик, как мой отец и мой брат, то моя мать – иудейка. Как вы понимаете, это достаточно веская причина, чтобы я воздержался от такого рода обсуждения. Я подумал, что будет почтительнее написать вам об этом, нежели сказать в присутствии какого-нибудь третьего собеседника. Но я очень рад случаю, который позволяет мне сообщить вам о том, о чем мне, возможно, никогда не пришло бы в голову вам говорить. Если наши мнения расходятся, вернее, если я не свободен иметь по этому вопросу мнение, которое в противном случае я бы, возможно, разделял с вами, то вы могли бы невольно обидеть меня во время разговора. Разумеется, я не говорю о дискуссиях, которые могут возникнуть между нами двумя: мне всегда будут интересны ваши идеи относительно управления обществом, даже если высшая власть приличий мешает мне их разделить.

*Ваш
Марсель Пруст*

*Пьеру Лавалле*¹
[12? июня 1896]

Дорогой Пьер,

Подобно тому, кто один поставил свою подпись под объявлением о подписке, в которой участвовали многие его друзья, мне немного совестно из-за того, что говорят о моей книге – будто я дарю тебе книгу², которая вполне могла бы быть твоей, если бы ты, мечтая о ней всю жизнь, как я, и воплощая свои мечты лучше, чем я, взял на себя труд написать ее вместо меня. Если мне удалось выразить в ней самое дорогое для меня – некое ощущение метемпсихоза, которое мне не надо тебе объяснять, – то что есть в ней привлекательного, чего нет в тебе, что не проявляется в тебе с большим благородством и чистотой и что, будучи общим наследием наших душ, не составляет нашу родную почву, на которой мы встретились, основу нашей дружбы древнее и прочнее, чем мы и сама эта дружба?

Но все же этот экземпляр заслуживал особой надписи. Экземпляр, который ты читаешь, в особенности если это экземпляр моей книги, не похож на другие. Если читаешь ты, то сколько открывается скрытых для других смыслов, сколько глубин – относительных, – известных только тебе.

Я говорю «моя книга» так, словно она первая и последняя. Но ты знаешь, что это не так. Если я смогу закончить ту книгу, которую начал³, и начать другие, не лишай

---

¹ Пьер Лавалле (1872–1946) – соученик по лицей и друг Пруста, хранитель библиотеки и музея Школы изящных искусств. Благодаря Лавалле Пруст посещал лекции католических аббатов и прочитал книгу «О подражании Иисусу Христу» католического мистика Фомы Кемпийского.

² Это дарственная надпись на книге Пруста «Утехы и дни», вышедшей 12 июня 1896 г.

³ Роман «Жан Сантей», который Пруст оставил незавершенным в 1899 г. Опубликован в 1952 г.

меня, прошу тебя, твоей вдохновляющей нежности, твоего дара понимания. Люби мои недостатки, и они, лучшее, что есть во мне, принесут плоды. Наши достоинства принадлежат нам в меньшей мере и не рожают потребности в столь родной нежности, столь близком сходстве: достоинства можно оценить и без них.

*Твой благодарный друг
Марсель Пруст*

Рейнальдо Ану
[Пятница 3? июля 1896]

Милый, добрый Рейнальдо,

Я послал вам мой ответ телеграммой. Я был бы рад, если бы, не предпринимая нового утомительного путешествия, вы смогли бы немного насладиться вашей «доброй Германией», как говорит Королева в «Рюи Блазе». У меня вовсе нет неприятия, как у Лемэров, ко всем тем местам, где мы не можем быть вместе. Я рад тому, что вас окружает покой, и желаю вам оставаться в этом месте как можно дольше. Клянусь вам, что, если бы те редкие мгновения, когда у меня возникает желание сесть в поезд и поехать к вам, стали непрерывными и нестерпимыми, то я попросил бы вас вернуться. Но это предположение совершенно неправдоподобно. Оставайтесь там до тех пор, пока вам хорошо. Только иногда вставляйте для меня в ваши письма: ничего *mosch*¹, не видел ничего *mosch*; хоть вы это и подразумеваете,

---

¹ Одно из особых слов в переписке Пруста и Ана. По-немецки означает «отбросы». Так же звучит по-французски слово «*mosche*», означающее «плохой», «уродливый». По мнению Ж.-И. Тадье, речь идет о гомосексуальных соблазнах, которые тревожили Пруста в отношении Ана (Tadié. 455).

я был бы рад, если бы вы иногда писали об этом. И я доволен – *вовсе не из самоотречения* – что вы остаетесь там. Но я буду также очень доволен – ах! мой милый, – когда смогу вас обнять: вас и матушку я люблю больше всех на свете. О планах на будущее скажу только (ибо я не хочу писать вам о том, что может причинить вам досаду или быть неприятным, ведь на расстоянии ласковый пони, который ждет вашего возвращения, не может успокоить вас), что, если вы вернетесь, я наверное буду в Париже, точнее, в Версале с матушкой, то есть совсем рядом с вашим прелестным Сен-Клу. Затем в конце августа я поеду с матушкой на месяц или чуть больше на море, куда-нибудь поблизости от вашего Виллье, например, в Кабур. Если вы предпочитаете Бекс¹, я поеду в Бекс с матушкой, а может быть, без нее, но тогда я все равно должен буду поехать с ней на море, пребывание на котором идет ей на пользу. Но, возможно, его сможет заменить горный воздух. Впрочем, она хочет провести со мной только месяц и говорит, что в остальное время я должен «развлечься». Предпочитаете ли вы Бекс или какое-нибудь другое место в Швейцарии? Если Бекс, то так и договоримся, если нет, то, говорят, в других местах нестерпимая жара. Если же мы совсем не сможем увидеться, то будем думать друг о друге. Что касается Лемэров, полагаю, что вскоре они поедут в Дьепп. Затем госпожа Лемэр намерена снять что-нибудь в окрестностях Версаля (но все это еще очень неопределенно и «если хотите, чтобы я сказал то, что я думаю», то полагаю, что она поедет в Ревейон) (куда мадемуазель Сюзетта, которая не может бросить одну «свою старую, бедную тетушку», полна решимости отправиться в любом случае) (заметьте, что госпожа Лемэр, которая плохо себя чувствует

---

¹ Курорт в Швейцарии.

в Ревейоне и не может там работать, ужасно колеблется, не в силах принять решение, тогда как дочери ни на минуту не пришло в голову покинуть Ревейон. Я только замечая это походя, и не стоит делать вывод, что мать лучше дочери, они обе славные, а дочь несмотря ни на что – добросердечнее). Но они совершенно смирились с тем, что не увидят нас этим летом. Только я думаю, что им будет приятно увидеть нас в октябре в Ревейоне или в поместье госпожи Лемэр, и признаюсь, мой милый, что это было бы вполне любовное свидание (здесь я слышу, как Рейнальдо восклицает: «Что ты сказал? Любовное свидание? Я не ошибся?»). Ты бы умер со смеху, если бы присутствовал вчера при возвращении Клерена¹ (он очень изменился, бедняга) (которому я, как маленький лгунишка, сказал, что ты спрашивал о нем в твоём последнем письме). Наш Эдуард² выставлял Клерена перед госпожой Лемэр в смешном свете, и она пожалела его. Бедняга с грустью увидел, что его яркие воспоминания о Египте³ гаснут в присутствии госпожи Лемэр, бесстрастной, словно спокойное и коварное озеро. Все же спустя некоторое время она стала его слушать с тем глубокомысленным видом, каковой придают слушателю рассказы об искусстве, на которых он никак не может сосредоточиться. Вернее, мне кажется, что она слушала, и вот как примерно это было:

К л е р е н. – Ведь, знаете, греки у них забрали все, греки с Ионических островов.

Г - ж а Л е м э р. – Да, да.

---

¹ Жорж Клерен (1843–1919) – художник и иллюстратор, автор портретов Сары Бернар.

² Жозеф-Эдуард Рислер (1873–1929) – пианист широкого репертуара, преподаватель в Парижской консерватории.

³ Ж. Клерен совершил путешествие в Египет в 1895 г. вместе с композитором К. Сен-Сансом.

К л е р е н. – А теперь откапывают головы, которые все похожи на маленькие головки, характерные для четвертой династии: их можно увидеть в Музее Сиены.

Г-жа Лемэр. – О! Это любопытно.

К л е р е н. – А их Сфинкс, которого они называют Отцом Ужаса.

Г-жа Лемэр. – Да, да.

К л е р е н. – Они правильно назвали его, они знают, что именно такое впечатление создается под небом Египта.

Г-жа Лемэр (*перебивает, услышав слово «Египет»*). – Да, да.

К л е р е н (*продолжает*). – Под небом Египта, во время египетских ночей, когда кажется, что звезды вот-вот упадут, поэтому они рисуют звезды, висящие на нитях.

Г-жа Лемэр. – Да, это любопытно, это даже (*делая ударение*) очень любопытно... (*Молчит, улыбаясь...*) Наш Жотт¹... (*посмеиваясь*) и т. д.

Госпожа Лемэр в восторге от празднества, устроенного Кастеллянами². Вообще-то я не знаю, что там было.

Госпожа Лемэр сказала мне: «Знаете, это было в духе великого века, совершенно как во времена Людовика XIV».

Госпожа Фрамбуази сказала мне: «Можно было подумать, что находишься в Афинах», а наш Тюр³ написал в «Ле Голуа»: «Казалось, что попал во времена Лознгрина». Как вы понимаете, у меня смутное представление об эпохе, которую воссоздал «юный граф». В статье в «Ле Голуа» была масса перлов. Например, как вы знаете, утверждая, что армия должна подчиняться законам, римляне говорили

---

¹ Прозвище Клерена.

² Граф Бонифас (Бони) де Кастеллян-Новжан (1867–1932), известный денди и политический деятель, и его жена Анна, урожденная Гульд (1875–1961), дочь американского миллиардера, хозяйка салона. Речь идет о ночном празднестве, устроенном ими в Булонском лесу.

³ Сокращенное имя Артюра Мейера, директора «Ле Голуа».

«cedant arma togae»¹: в тогу были одеты судейские. Мейер рассказывает, что в балете на празднестве Кастеллянов появляются грозные воины, но затем к ним присоединяются красивые молодые женщины, разоружают их, и наш Тюр пишет: «cedant arma togae»! Не могу всего вам рассказать, добавлю только следующее. Вы знаете, что на этом празднестве присутствовало 3 000 человек. «Фигаро» торжественно сообщает: «Там был весь парижский высший свет. Не будем называть имен. Ибо весь высший свет находился там инкогнито по причине смерти Монсеньера герцога Немурского²». Но ведь присутствовавшие были без масок, в чем же заключалось инкогнито? Хорошо придумано, чтобы развлекаться в свете, будучи в трауре. Я мог бы еще многое вам рассказать, но уже поздно. Обнимаю вас от всей души и прошу обнять вашу сестру Марию.

Марсель

Матушка в неплохом состоянии. Мне кажется, она превозмогает свою огромную печаль³ с такой силой, какой я от нее не ожидал.

Матери
[Июль 1896]

[...] Фотография деда очень удачная. Мне по-прежнему кажется, что подлинная несправедливость состоит не в том, что мы с ним разлучены, а в том, что он разлучен с нами, ведь мы ему принадлежали и по-прежнему при-

---

¹ «Пусть оружие уступит тоге» (лат.).

² Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль Орлеанский (1814–1896), герцог Немурский, сын короля Луи-Филиппа, умер 26 июня.

³ Смерть 30 июня отца, Нате Вейля.

надлежим, он нас так любил, принял в себя, мы стали частью его. Мы напоминаем дом без хозяина. Немецкий певец, которого я встретил у г-жи Лемэр, пришел вчера посмотреть квартиру. Но, хотя я лицемерно расхвалил квартиру (я случайно встретил его на лестнице), она, как сказала г-жа Гюстав, ему не понравилась. Я устал писать, прощай. Жан разбирает бумаги, чтобы послать папе то, что нужно.

Тысяча поцелуев.

Марсель

Распечатываю письмо. Принесли визитные карточки¹, 8,50.

Еще придут в субботу, надо ли платить (Жан ошибся, цена 9,75)?

Люсьену Доде

[16 или 17 июля 1896]

Милый малыш,

Это большое несчастье², и я очень сочувствую вам: вы так добры, и господин де Гонкур вас очень любил. Единственным утешением в старости и, быть может, в жизни он обязан вашим родителям. Как это ни печально для вас, я считаю прекрасной его смерть в вашем доме, в окружении всей вашей семьи. И он умер так мирно! Ибо внезапная смерть – благо.

Я же, напротив, хотел бы умереть, зная об этом, если только я не буду очень болен. Но для него, я думаю, так лучше. Милый малыш, вы всегда были так добры к нему.

---

¹ Речь идет о карточках с известием о трауре.

² Эдмон де Гонкур умер 16 июля в доме своего давнего друга Альфонса Доде у него на руках.

Я помню вашу тревогу в связи с «Манеттой»¹, вашу радость, когда он сделал вам маленький подарок, вашу печаль, когда вы боялись, что он поссорится с вашими родителями², вашу решимость остаться на его стороне. Дорогой, восхищаться теми, кого любишь, не редкость. Редкость – любить тех, кем восхищаешься. Потому выражаю вам свои искренние соболезнования и надеюсь в особенности, что скорбь не расстроит вконец нервы вашего отца.

*Ваш
Марсель Пруст*

Рейнальдо Ану

[Между серединой июля и 8 августа 1896]

Наша дружба больше не дает мне права что-либо говорить, теперь она недостаточно крепка. Но наша прежняя дружба обязывает меня не допустить того, чтобы вы совершили такие глупые, жестокие и малодушные поступки, и побуждает меня воззвать к вашей совести и заставить вас если не признать вашу вину – вам это запрещает ваша гордость, – то по крайней мере понять, что вы делаете: это пойдет вам на пользу. Когда вы сказали мне, что остаетесь на ужин, то было не первое доказательство

---

¹ 24 февраля 1896 г. состоялась премьера пьесы Э. де Гонкура «Манетта Саломон», на успех которой он рассчитывал. Однако анти-семитские речи некоторых действующих лиц вызвали возмущение публики и пьеса быстро сошла со сцены.

² В марте 1896 г. Э. де Гонкур публиковал фрагменты из своего «Дневника» в газете «Эко де Пари», в которой в то же время появилась карикатура на Леона Доде. В периодике стали появляться утверждения о разрыве А. Доде и Гонкура. А. Доде опроверг эти слухи (Kolb. 2, 96–97).

вашего равнодушия ко мне. Но когда два часа спустя, после того, как мы так мило побеседовали, после того, как вы вволю насладились музыкой, вы холодно и спокойно сказали мне, что не поедете со мной, вы дали мне первое доказательство вашей жестокости. Вы, как часто бывало и раньше, с легкостью предпочли желанию сделать мне приятное ваше удовольствие, которое состояло в том, чтобы остаться на ужин. Но вы принесли ваше удовольствие в жертву вашей гордости, которая не позволяла вам показать, что вы хотите остаться. Это была тяжелая жертва, коей я был причиной, и вы пожелали, чтобы я дорого за нее заплатил. Должен сказать, что вы полностью преуспели. Но вы поступаете, как безумец. В тот вечер вы сказали мне, что однажды я пожалею о том, что просил вас, вы знаете, о чем. Я не скажу вам того же. Я не хочу, чтобы вы о чем-нибудь сожалели, потому что не хочу, чтобы вы страдали, а в особенности из-за меня. Но хотя я этого не хочу, я почти уверен, что так оно и есть. Несчастный, вы, стало быть, не понимаете, какую борьбу я веду в те дни и вечера, когда меня сдерживает только страх сделать вам больно. И вы не понимаете, что, если помимо моей воли у меня создастся другой образ Рейнальдо, того, который с некоторых пор не боится сделать мне больно, если даже вечером, после того как я расстанусь с вами, со мной останется этот образ, мне больше нечего будет противопоставить моим желаниям и больше ничто не сможет меня остановить. Вы не понимаете, как все далеко зашло, какой огромный путь я проделал с тех пор, как почувствовал, насколько мало я для вас значу. И мной руководит не желание мести, не злопамятность, что вы, конечно, понимаете, и мне не надо вам это объяснять, нет, все происходит помимо моей воли, потому, что важная для меня причина действовать постепенно исчезает. Измученный угрызениями совести от стольких

дурных мыслей, столько дурных и малодушных намерений, я не могу сказать: я лучше вас. Но по крайней мере, рядом с вами и не во власти какого-нибудь помысла, я никогда не колебался, выбирая между тем, что может причинить вам боль, и чем-то противоположным. И если что-то мне не нравилось, а вам должно было доставить подлинное удовольствие, как, например, Ревьер¹, я не колебался ни минуты. Вообще я не жалею ни о каких своих поступках. Я даже хочу, чтобы желание сделать мне приятное совершенно исчезло у вас. Иначе подобные пустяки, которые значат для вас больше, чем вы думаете, должны были бы иметь, чтобы так часто брать верх надо всем, такую власть над вами, в какую я не верю. Все это не более чем слабость, гордость и мнимая сила.

Потому я в это не верю. Но я уверен, что люблю вас гораздо меньше, а вы меня больше совсем не любите. За это, милый Рейнальдо, я не могу вас упрекнуть.

Но в настоящее время это ничего не меняет и не мешает мне сказать, что я вас все же очень люблю. Ваш маленький Марсель, несмотря ни на что, удивленный тем, что

Недолгий нужен срок, чтоб изменилось все².

И будет меняться все быстрее. Подумайте о том, что я вам сказал, мой милый Блез³, и если ваше поэтическое вдохновение или музыкальный гений найдут в этом для себя пищу, то мне по крайней мере будет приятно думать, что я был для вас бесполезен.

---

¹ Город на побережье Нормандии.

² Цитата из стихотворения В. Гюго «Печаль Олимпио» (сб. «Лучи и тени», 1840).

³ Герой повести для детей графини С. де Сегюр «Бедный Блез» (1861), бедный, послушный и благочестивый мальчик, которого подвергает всяческим испытаниям сын его богатых хозяев.

Ваш маленький пони, который, после того как побрыкался, совсем один, понурый возвращается в конюшню, коей вам нравилось когда-то называть себя хозяином.

Марсель

Рейнальдо Ану

Водолечебница & Казино

Мон-Дор (Пюи-де-Дом)¹

[Между 18 и 20? Августа 1896]

Милый Рейнальдо,

Я не послал вам телеграмму, потому что не хочу, чтобы в том случае, если вы уехали, ее вскрыли. Но вы должны немедленно узнать то, что я хочу сказать. Простите меня, если я вас обидел, я на вас не обижаюсь. Простите меня, если я делаю вам больно, и в будущем не говорите мне больше ничего, так как это приводит вас в волнение. Вы никогда не найдете более нежного, понимающего (увы!) и снисходительного исповедника; если бы вы не потребовали от него молчания, как он потребовал у вас признания, то скорее ваше сердце стало бы исповедальней, а он – грешником, до такой степени он слаб, слабее вас. Простите за то, что, как вы говорите, эгоизм прибавил нам горестей. Разве могло быть иначе? Было бы, наверное, величественно, но не естественно жить в нашем возрасте, как того требует Толстой². Но я не могу говорить с вами о перемене, которую следовало бы произвести, о маленьком обходном пути, который вернет наконец к жизни: я знаю, что вы не любите таких разговоров и не

---

¹ Город в горах в департаменте Пюи-де-Дом в Оверни.

² Пруст хорошо знал творчество Л. Н. Толстого, чья повесть «Смерть Ивана Ильича» в особенности отразилась в прустовских описаниях смерти различных персонажей (См.: Tadié. 318, 348).

станете меня слушать. Не бойтесь, что вы причинили мне боль. Во-первых, это было бы более чем естественно. Во все моменты нашей жизни мы являемся нашими собственными потомками, и наше прошлое, которое хранят привычки, – это обременяющий нас атавизм. Урожай бывает не слишком удачным, если семена не были очищены от негодных семян. «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскоми́на», говорится в Писании¹. Впрочем, я вовсе не взволнован. Вернее, я ошибаюсь. Я немного волнуюсь, думая о том, что будет с Шико². Если он должен умереть, то я хотел бы, чтобы по крайней мере король узнал о том, что он сделал для него. Если бы мне было грустно, то моя грусть прошла бы, узнай я о радости Бюсси³. Жизненные радости и горести не показались бы мне реальнее, чем те, о которых говорится в книге, и я выбираю ее. Итак, я совершенно спокоен и с большой нежностью думаю о моем дорогом, с которым я пребываю мысленно, как я говорил, когда был маленьким, о своей няне, не только всем сердцем, но всем существом. Милая мадемуазель Сюзетта написала мне на днях прелестное письмо, очень, как говорят, трогательное. Но как она любит, чтобы ее жалели. Она сказала вам, что скрыла от меня свою печаль, а мне пишет, что прячет от вас свое отчаяние. Во всем этом слишком много неестественного. Ей стоило бы перечитать «Смерть волка» Виньи⁴:

---

¹ Иезекииль. 18, 2.

² Шико (наст. имя Жан-Антуан д'Англере; ок. 1540–1592) – любимый шут королей Генриха III и Генриха IV, персонаж романов А. Дюма «Графиня де Монсоро» (1846) и «Сорок пять» (1848).

³ Луи де Клермон, сеньор де Бюсси д'Амбуаз (1549–1579), прославившийся своими любовными историями и дуэлями, – герой романа А. Дюма «Графиня де Монсоро».

⁴ Стихотворение поэта-романтика Альфреда де Виньи (1797–1863) из посмертного сб. «Судьбы» (1864).

Поверь: стенать, рыдать, молить равно позорно.
Без слов, как я, отмучься и умри...¹

(Цитирую не совсем точно.) Согласен, что такая стоическая мудрость в сущности для всех тяжела, в особенности же ее нельзя требовать от девушки, если она – не героиня Корнеля. Но в самом деле, что это за фокус, когда она говорит вам, что скрывает от меня свою печаль, а мне – что прячет ее от вас. Она похожа на человека, поворачивающегося спиной, чтобы не видели, что он плачет – но только если он уверен, что его увидят в зеркале. Ловкий расчет: будут жалеть ее за страдание и восхищаться ее героизмом. У нее не такая низкая душа, здесь, быть может, нет расчета, и все это, надеюсь, происходит естественно. Но надо признать, что естественность у нее порой весьма наиграна. Все это напоминает театральные сцены: «Что с вами, матушка?» – «Ничего, минутная слабость... здесь так жарко... эти розы, но, сын мой, вы же видите, я никогда не чувствовала себя лучше, беспокоиться нечего, нечего, нечего...», и она падает замертво. Или: «Я никогда не была так весела, так весела», – и начинает рыдать. Будем же, мой милый, сочувствовать страданию, только если оно имеет привлекательную форму и в наименьшей мере приводит нас в замешательство. Никогда не будем подражать театральным эффектам, искусственной демонстрации зачастую вымышленных страданий. Я не послал вам телеграмму с извещением, что возвращаюсь завтра, из опасения, что это помешает вам отправиться в Виллер². Я хорошо сделал, тем более что я, наверное, останусь, несмотря на то что матушка упала духом и во что бы то ни стало хочет меня увезти. Мы напрасно считаем, что нас лечат неправильно. Причина

---

¹ Пер. Ю. Корнеева.

² Город на северо-востоке Франции.

в том, что все здесь заготавливают сено. Вы читали Севинье и знаете, что такое ворошение сена. Это прелестная вещь¹, но мне от нее плохо. Здесь была госпожа Конно². Нас вместе с ней пригласили на ужин к некоему доктору Шлеммеру³, которому Ильмашер⁴ посвятил одно музыкальное сочинение. Шлеммер изучал гармонию. Я ему не слишком доверяю, но он очень умен. Лечит меня не он. Я прочитал половину второго тома «Графини де Монсоро» и читаю «Исповедь» Руссо, но не так быстро. Сегодня я весь музыка и хотел бы услышать, как вы поете

Святых незримая рука⁵

и многие другие вещи.

Вы должны были получить три экземпляра «Утех и дней», один – для вас (это не подарок, я сказал Кальманну послать вам книгу за его счет), один для вашей сестры Элизы и один для вашей кузины. В последние два дня я немного работал. Я не решил, как проведу мои 28 дней⁶. Сообщите в вашем следующем письме, согласны ли вы после того, что я вам сказал, освободиться от кое-каких клятв и поехать в сентябре в Швейцарию или куда-ни-

---

¹ В письме от 22 июля 1671 г. Ф.-Э. де Куланжу маркиза М. де Севинье (1626–1696) пишет, что «ворошить сено – самая прелестная вещь на свете».

² Жозефина Конно (урожденная Паскалини; 1838–1906) – певица, блиставшая в аристократических салонах и на парижских сценах.

³ Жорж Шлеммер (1851–1911) был автором трудов по медицине, в том числе посвященных этиологии астмы.

⁴ Поль-Жозеф-Гийом Ильмашер (1852–1933) – пианист и композитор. Сочинял также в сотрудничестве со своим братом Люсьеном-Жозефом-Эдуардом Ильмашером (1860–1909).

⁵ О чем идет речь, не установлено.

⁶ Пруст был призван в армию на 28 дней, но в конечном итоге получил освобождение от призыва.

будь еще. В противном случае, даже будь у меня отняты 28 дней, я, наверное, проведу сентябрь в Версале, но не из-за вас, милый злюка; вы свободны поступать так, как хотите. Сколько страниц! И я еще ничего не сказал вам о милом Бодлере. В другой раз. Получили ли вы приложение с факсимиле к тому госпожи де Севинье¹?

Нежно обнимаю вас и ваших сестер, кроме той, у которой муж – ревнивец. Я более не ревнивец, но я был им, и я уважаю ревнивцев и не хочу доставлять им даже тень неприятности или заставлять их подозревать нечто тайное.

Марсель

Шарлю Моррасу²

[28 августа 1896]

Господину Шарлю Моррасу

19, рю дю Драгон

Сударь,

Вынужденный по причине плохого самочувствия прервать курс лечения в Мон-Доре, я вернулся в Париж. И только что прочел «Ревю ансиклопедик»³. Вы почитаете драгоценными книги, к которым прикасаетесь, не замечая, что это вы, прикоснувшись к ним, обращаете их в золото. В большом удивлении от такой метаморфозы я от всего сердца благодарю вас, милый волшебник; ваши волшебные превращения, какими бы внезапными они ни казались, остаются в памяти избранных. И однажды ваш очарованный читатель решит, что моя книга оказалась забыта в силу

---

¹ Речь идет об альбоме, ставшем продолжением к изданию «Писем» маркизы де Севинье 1868 г.

² Шарль Моррас (1868–1952) – поэт, прозаик, государственный деятель, впоследствии активный националист.

³ Видный журнал, основанный в 1819 г.

какой-то несправедливости и что, быть может, у меня был талант. В ожидании этого момента я вам весьма благодарен и очень горд от того, что вы сказали обо мне такие любезные слова. А в их красоте для меня нет ничего неожиданно-го, ведь их произнес лучший друг Муз:

Украшены хвалы из ваших уст, богини¹,

друг самогó блаженного Коматаса², который, будучи в заключении как человек и как критик³, вскормлен их божественным светом. И как великолепно вы написали о нашем гении, г-не Франсе.

*Преданный вам
Марсель Пруст*

Я был бы рад, если бы «Ревю ансиклопедик» вернул мне мои фотографии.

Рейнальдо Ану

[Париж, 28 или 29 августа 1896]

Мой дорогой,

Я вернулся, потому что был нездоров. Я не написал вам об этом, чтобы вас не волновать. У меня просто был сильный насморк, но при этом температура и т. д., и я еще вчера оставался в постели до 4 часов. Сегодня мне

---

¹ Цитата из стихотворения Ш. Леконта де Лиля «Перистерис» (цикл «Античные стихотворения», 1852).

² В идиллии VII Феокрита «блаженный Коматас», козопас, был по воле хозяина заперт в сундуке в течение года, однако выжил, так как пчелы и Муза питали его нектаром, ароматом цветов и лучами. Пруст переводил идиллии Феокрита в 1895 г. (Tadié. 398). Моррас был знатоком древнегреческой культуры.

³ Возможно, Пруст намекает на глухоту Морраса.

лучше, и я хочу немедленно поблагодарить вас за ваше письмо. Не знаю, почему вы пишете, что оно вам не нравится. Я прочитал его с большим удовольствием. А мое письмо оказалось плохо понятым. Не знаю, почему вы решили, что я сомневаюсь в искренности вашего «тона». О, мой дорогой, я трепещу при мысли, что вы так думаете. Знайте, что для меня ваша грусть – это не только ваша сумрачная красота, это ваше нравственное и интеллектуальное обмеление, гений (я имею в виду старинный смысл слова: так у вашей скромности не будет повода проявиться) вашей музыки, балласт удовольствия, который необходимо сбросить, чтобы подняться ввысь. С той высоты, на которую вы поднялись, вы неизбежно спуститесь, если откажетесь сбросить балласт, как тот, кто стал бы великим человеком, если бы... (*Tu Marcellus eris*¹), но вы подниметесь еще выше, если [благородное раскаяние при мысли о несовершенной жизни вознесет вас к свету]², нет, я не должен говорить такие вещи. Я еще не имею на это права. – Что касается «маленького обходного пути», то это «не более чем фарс»³. Вас это рассердило, но здесь нет ничего плохого, мой маленький нюльс⁴.

Вы пишете с той лаконичной грацией, которая восхищает меня в ваших письмах наравне с самыми *пора-
зительными, меткими высказываниями* XVII века: «Скажите, что я об этом думаю»⁵. Вот что намного превосходит

---

¹ «Ты будешь Марцеллом» (*лат.*) – цитата из «Энеиды» Вергилия. Племянник императора Августа Марцелл мог стать императором, но рано умер.

² Слова в квадратных скобках зачеркнуты в оригинале.

³ Пруст цитирует слова из своего предыдущего письма Р. Ану.

⁴ Одно из прозвищ Р. Ана в письмах Пруста: «маркиз де Бюни-нюльс», или «нюльс».

⁵ Речь идет о четверостишии С. Малларме на именины его возлюбленной Мери (Меру) Лоран (наст. имя Мари Лувьо).

стихи Малларме (моя фраза не так глупа, как кажется, так как она в том же темпе). Отвечу вам словами шева-
лье де Мере¹: «Вы пишете мне время от времени письма,
которые приятно читать, особенно когда у тебя хороший
вкус; но они явно стоят больших усилий, и я не думаю,
что можно написать за день больше двух таких писем.
Бальзак² однажды сказал мне, что посвятил четыре утра
составлению одной записки мэру Ангулема, прежде чем
остался ею доволен. Между тем я не нахожу в этой запи-
ске ничего красивого или изысканного и т. д., и т. д.»³.
Малларме всегда с педантизмом *объясняет* литературные,
а в особенности поэтические, красоты, но эта претенци-
озность становится смешной, когда речь идет о четверо-
стишии, написанном на случай, о стихотворении, кото-
рое относят к легкой поэзии, вероятно, потому, что она
слишком легка и ускользает от дерзкого ума, пытающего-
ся усвоить и проанализировать ее. Но раз моего милого
Kunst'a⁴ забавляет мое барахтанье и интересуется все, что
касается Малларме, я скажу об этом поэте, что его *тем-
ные* и *блестящие* образы, наверное, остаются образами
вещей, поскольку мы не можем вообразить ничего дру-
гого, но они отражены, так сказать, в темной и гладкой
поверхности черного мрамора. Так в ясный день во вре-
мя торжественных похорон цветы и солнце отсвечивают

---

¹ Антуан Гомбо, шевалье де Мере (1607–1684) – автор трактатов, посвященных хорошим манерам благовоспитанного человека, искусству беседы.

² Жан-Луи Гез де Бальзак (1597–1654) – писатель, знаменитый своими письмами.

³ Цитата почерпнута, по всей видимости, из статьи Ш.-О. Сент-Бёва «Шевалье де Мере, или о честном человеке XVII века» (1848).

⁴ По-видимому, Пруст называет так Рейнальдо, поскольку слово Kunst означает «искусство» (*нем.*) и может быть сокращением слова Künstler (художник).

черным. Между тем «сияет» все «та же» весна, только это весна в катафалке.

Что касается небольшой вещицы, которую я прошу Жана найти и вложить в мое письмо (он пошлет его заказным), то ее очарование, мне кажется, состоит, как во многих вещах Малларме, в следующем: в переходе под видом архаики (как от Малерба к Вуатюру, вернее, в обратном направлении, от Малерба к Депорту¹) от строгой и чистой, почти нагой классической формы к самой безудержной прециозности. Первые две строки великолепны в своей простоте. Я бы добавил, что эта нагая простота, будучи неотъемлемым достоинством, напоминает четкие летние линии. Но «Меру», столь явно отсылающая к XVI и XVII векам, тонкий колорит конца XVI – начала XVII века, отличающий эти стихи:

Годам подобный год

и т. д., а также мифология времени, помпезные образы и язык составляют милую искусственность и сближают эти стихи с прециозными². В сущности, их прециозность совершенно в современном духе (правда, такое, если не Малларме, тоже встречается в XVI веке), и искусственность, делающая приемлемым переход, о котором я сказал, не уменьшает его пикантности. К тому же прециозные образы остаются изысканно правдивыми и естественными (то есть почерпнутыми в природе). Жаждающая стопа, утоляющая жажду наподобие растения, дает нам яркое

---

¹ Франсуа Малерб (1555–1628) считается предтечей классической ясности. Он подвергал критике барочного поэта Филиппа Депорта (1546–1606). Поэт Венсан Вуатюр (1597–1648), завсегда тай салонов, был представителем так называемой галантной литературы, которую зачастую обвиняли в прециозности, т. е. излишней манерности.

² Имеется в виду галантная поэзия XVII в.

представление о тех неведомых существах, коими являются наши органы, которые и впрямь живут словно особой, неведомой жизнью (я так устал, что повторяю одни и те же слова и уже не понимаю, что говорю). Стопа пьет наподобие корня растения, и это действительно дает нам ощущение счастья и утоленной жажды. Вода, празднующая погружение в нее стопы, – прелестный образ; мы так хорошо видим ликующие волны потревоженного водоема, встречающие плеском, ласками и блеском погружаемые в него «стопы» красавицы. В общем, в этой своего рода короткой домашней записке очень приятно найти столько архаики, величия, мифологии, вкуса и естественности. «В конечном итоге» в этом и состоит очарование. Впрочем, очарование Малларме и роль поэта состоят в том, что возвеличивают жизнь. – Уф!

Я никогда не был похож на человека, мой милый, который не верит, что мы не выйдем победителями из наших небольших испытаний. И это вовсе не извечное общее мнение, как вы говорите, согласно которому такое невозможно. Для избранных, для мыслителей, святых и т. п. ясно, что человек может сделать то, что хочет, вернее, что ценность человека зависит от его желаний, точнее, от его возможностей. (То есть наше достоинство оценивается в зависимости от нашей воли, нашего самообладания.) Остаются обычные люди. Но и здесь я все же верю в их свободу. Ее доказывает крайняя суровость по отношению к допущенным ошибкам, которые подвергались бы меньшему осуждению, если бы почитались неизбежными. Впрочем, мне кажется, что это не отдельная проблема. Проблема свободы не встает всякий раз при совершении того или иного поступка. Обнимаю вас и прошу прощения за это утомительное письмо. Мне нужно написать столько писем, но я решил начать с вас. Я мог бы рассказать вам кое-какие забавные мелочи, но я слиш-

ком устал. В другой раз. На сегодня – все только скучное. Оставайтесь подольше в Виллере, чтобы набраться сил для Сен-Клу. Я весьма одобряю такой план на лето, хотя вы и посмеиваетесь над ним. Я вряд ли последую ему, хотя матушка к сему очень расположена. (Я имею в виду пребывание в Сен-Клу, а не в Виллере.) Сердечный привет мадемуазель Марии и всем вашим сестрам, поскольку вы имеете счастье находиться в их окружении, как Аполлон посреди Граций.

Марсель

Со мной в Мон-Доре произошел неприятный инцидент, который чуть не привел к дуэли. Все закончилось благополучно (стало быть, не о чем говорить). Поведение г-на Берарди¹ по отношению ко мне (он был там единственный человек, которого я знал) оказалось превыше всех похвал, великолепно. Я говорю вам об этом инциденте, чтобы воздать хвалу г-ну Берарди.

Рейнальдо Ану

[3 или 4 сентября 1896]

Милый, дорогой Рейнальдо,

Простите, что не писал вам. Я много читаю, много гуляю и вследствие проводимого лечения и подхваченного насморка чувствую себя таким усталым, что не решаюсь взяться за перо. Вчера я пронумеровал первые 90 страниц моего романа. Я получил от одного книгопродавца «Прекрасную Габриэль»². Но к моей досаде от того, что

---

¹ Гастон Берарди (1849–1926) – директор газеты «Бельгийская независимость» («Эндепанданс бельж»).

² Исторический роман (1854–1855) Огюста Маке (1813–1888), писателя и драматурга, который сотрудничал с А. Дюма.

я променял Дюма на Маке, прибавилось разочарование: еще не разрезав страниц, я понял, что персонажи, покинутые в «Сорока пяти», Эрнотон де Карменж, Реми ле Одуэн, Диана де Меридор, Генрих III, в этой книге отсутствуют. Если она является продолжением в том смысле, что события происходят позже «по времени», то я бы лучше прочитал «Королеву Марго» (где есть Бюсси, Сен-Люк¹, Шико и др.) или какие-нибудь книги Дюма о других эпохах (здесь мне вновь нужен ваш совет) (я предпочитаю такие, где нет ни любви, ни мрачных страстей и где есть прежде всего поединки, тайный сыск в духе Шико, короли, веселая атмосфера и торжество Невинных). Я закончил «Кузину Бетту»². В ней и впрямь есть поразительные вещи. Но в конце первого тома «Пор-Рояля»³ Сент-Бёва (в приложении) я прочитал его резкую критику Бальзака («Кузины Бетты»), и это забавнее, чем статья Леметра об Оне. Позавчера я был в Лувре (любите ли вы Квентина Массейса⁴, его человека, перед которым на столе – золотые монеты, маленькое выпуклое зеркало, отражающее то, что происходит на улице, жемчуга и т. д., а рядом – жена?) и в Ботаническом саду вместе с госпожой Арман⁵. Но зверинец был закрыт. Мы все же увидели медведей. Все эти хищники, львы и пр. – подлинные «Короли в изгнании»⁶. А их

---

¹ Франсуа д'Эспине де Сен-Люк (1554–1597) – один из фаворитов Генриха III.

² Роман (1846) О. де Бальзака.

³ «История Пор-Рояля» (1840–1859) Ш.-О. Сент-Бёва посвящена истории монастыря, ставшего центром янсенизма.

⁴ Квентин Массейс (1465/1466–1530) – фламандский художник. Речь идет о его картине «Ростовщик с женой».

⁵ Леонтина Арман де Кайаве (урожденная Липпманн; 1844–1910), жена Альбера Армана де Кайаве, – хозяйка видного литературного и политического салона, возлюбленная Анатоля Франса.

⁶ Роман (1879) А. Доде.

джунгли – «Потерянный рай»¹. Весь этот столь экзотический и такой парижский сад полон грусти, в особенности после последнего урагана. На обратном пути мы встретили г-на Франса, который шел по набережной. Мы остановились, и госпожа Арман сказала г-ну Франсу, словно шутливо поздравляя его: «Ну, что ж, кое-кто идет один, по своим делам... очень мило...». До этого они спорили, кажется, по поводу одного книгопродавца, впрочем, я не понял. И г-н Франс говорил: «Так что же, сударыня, вы, стало быть, хотите не платить, иметь спокойную совесть и заставить ваших друзей уважать вас. Нет, все же (со смехом) это слишком, не так ли, н-да, в общем, вы все же не станете платить, ваша совесть будет спокойной, ведь она не очень требовательна, о, нет, но что касается уважения ваших друзей, ну уж нет, это невозможно». И немного грустная госпожа Арман ответила: «Сударь, вы совершенно невыносимы, идите к черту». Когда она уехала, г-н Франс стал ее расхваливать и сказал мне: «У нее все же своеобразный ум для столь славной женщины, ведь она очень славная, госпожа Арман». Это правда, она очаровательна. Мой милый, напишите мне немедленно, если, вновь полюбив море, вы захотите после 15 остаться не в Виллере, а со мной поблизости от моря. Ответьте подробно, любите меня (ваша фраза «лежа на песке» – тоже замечательная особенность стиля).

*Обнимаю вас,
Марсель*

Вот забавная старая депеша Казалиса, полученная в Мон-Доре², за которую нам пришлось заплатить около

---

¹ Поэма (1667, 1674) Дж. Мильтона.

² Высокогорный курорт в центре Франции, где Пруст был с матерью в августе 1896 г.

3 франков: она привела в отчаяние матушку с ее любовью к краткости и к экономии. Сообщал ли я вам, что недавно Коко Мадрасо¹, которого я встретил во время ужина, поднялся ужинать ко мне? Мне кажется, что да, но я уже не помню.

Матери

[Париж] Среда [16 сентября 1896]

Милая мамочка,

Встал из-за стола в 10 часов (после того, о чем тебе уже рассказывал), вернулся домой в половине двенадцатого и лег спать в четверть первого. Большая неожиданность. После окуривания² (увы, это надо было сделать во время ужина) я не стал принимать ни амил, ни валерьяну, ничего (только выпил настой из трав и соду) и очень хорошо себя чувствовал. Проснулся все же слишком рано, ощущал тяжесть от того, что поздно ужинал и слишком много съел, несколько раз засыпал коротким сном минут по десять, как папа. Спал до четверти десятого. Все утро писал госпоже Лемэр. Поэтому сегодня не буду тебе писать долго! Я заказал в читалке, как ты когда-то говорила, «Переписку Шиллера и Гете» и книгу Флобера о Бретани³. Это по крайней мере то, что из всех сокровищ, которых у них нет, они мне прислали. Как ви-

---

¹ Федерико Мадрасо-и-Очоа (1875–1935) – испанский художник.

² Имеется в виду окуривание помещения противоастматическими порошками.

³ Книга «По полям и дюнам. Путешествие по Бретани» (1881) была написана Г. Флобером совместно с его другом и писателем М. Дюканом.

дишь, Sursum¹ на том же уровне. И если твой сын, при сносном состоянии здоровья, ничем не занятый (ибо заниматься Кальманном-Леви – то же, что и библиотекой Мазарини²), был предоставлен самому себе, не говоря о работе (ибо если я не могу сказать, что продолжал работать над моим романом, в том смысле, что был поглощен им, обдумывал его в целом, то тетрадь, которую я купил и которая включает лишь часть написанного, так как раньше я писал на отдельных листках, закончена, и в ней *110 больших страниц*), так вот, твой сын спустя некоторое время будет образованнейшим из людей. Я видел глупое письмо, которое написал тебе Рейнальдо. К тому же оно очень далеко от истины. Кажется, он пишет, что я бывал в Сен-Клу каждый день! Сегодня это он приедет в Париж и зайдет ко мне.

Я только один раз ел сандвич с сыром и ветчиной (я устал и расскажу об этом завтра). Нежно целую,

Твой маленький Марсель

100 франков мне одолжил Натан³.

Мое намерение быть на море не изменилось. Но ты должна быть со мной в Дьеппе в октябре: я не могу оставаться там один с госпожой Лемэр. Я подчеркнул, говоря с ней, серьезность моей работы: так надо, чтобы книга воспринималась всерьез.

Прости за разнородные конверты, ты не оставила чистых.

---

¹ Sursum corda (*лат.*) – «Вознесем сердца», или «Горé имеем сердца», возглас священника, предшествующий таинству Евхаристии. Означает также возвышенное духовное состояние.

² В 1895 г. Пруст был зачислен сотрудником без жалованья Библиотеки Мазарини, старейшей во Франции, однако, проработав в ней около двух недель, ушел в длительный отпуск и больше в библиотеку не вернулся.

³ Шарль Натан, друг семьи Пруста.

Матери

[Фонтенбло] Среда утром, половина десятого [21 октября 1896]

Милая мамочка,

Идет проливной дождь. Сегодня ночью у меня не было приступа астмы. И только сейчас, после многократного чихания, мне пришлось немного окурить помещение. Я чувствую некоторое стеснение в груди, так как в постели испытываю неудобства. Лежа на здоровом боку, я повернут лицом к стене. Не говоря уже о многочисленных балдахинах над кроватью, занавесях и пр. (которые невозможно снять: они прикреплены к стене). Мне очень неудобно из-за того, что я вынужден все время лежать лицом к стене: все, что мне необходимо, кофе, отвар, свеча, перо, спички и т. д., и т. д., находится с правой стороны, то есть мне всякий раз приходится поворачиваться на больной бок, и т. д. К тому же незнакомая кровать и т. д., и т. д. Я дышал совершенно свободно вчера все утро, днем, вечером (кроме, как всегда, того момента, когда лег спать) и ночью. (Наибольшее стеснение в груди я чувствую в настоящий момент.) Но таких бессонных ночей, какие были в Париже, во всяком случае в последнее время, у меня здесь нет. И, проснувшись, вместо того чтобы понежиться в постели, я спешу ее покинуть: это не хороший знак, что бы ты ни думала. Вчера дождь начался только в 4 часа, и я смог прогуляться. То, что я увидел, мне не понравилось. Непримечательная, вся зеленая, опушка леса. Город совершенно безликий. Не могу передать тебе, как я тревожился вчера с 4 до 6 часов (я решил описать это перед эпизодом с телефоном в маленьком рассказе, который я тебе послал и прошу *сохранить* – но так, чтобы ты не забыла, где он находится: я его включу в мой роман). Мне кажется, никогда моя тревога не достигала по-

добной степени. Даже не пытаюсь тебе о ней рассказать. Мне не с кем было поговорить, и в одиннадцать часов я ждал на вокзале Леона Доде, который должен был приехать из Парижа. Он хочет непременно столоваться вместе со мной. Значит, если учесть еще и Жана, придется брать пансион. Гостиница, конечно, замечательная. Но никто в ней не хочет со мной разговаривать, наверное потому, что слуги никогда ни с кем не общались, кроме какого-нибудь Дудовиля¹. «Все в порядке», и я не могу сказать им: «Мне плохо», что-нибудь объяснить. Нет той душевной атмосферы, которая была в доме Ранвуазе², в отеле Фермон³ и т. д., и т. д. Ты знаешь стоимость. Думаю, что она еще вырастет: я вынужден топить и зажигать лампу, так как в это время года салон вечером не освещен, и приходится освещать свою комнату. Мне нечего читать, Рейнальдо, наверное, забыл про мои книги. Если бы поменять комнату не было так сложно, я бы перебрался в другую, где кровать была бы повернута другой стороной. Нежно целую. Я сегодня утром получил письмо от Рейнальдо, которое тебе покажу: ты повеселишься.

Твой маленький Марсель

P. S. – Я только что говорил с горничной, она переставит кровать изголовьем к стене (балдахины невозможно убрать). Кровать будет стоять посередине комнаты.

---

¹ Состен Мари-Шарль-Габриэль де Ларошфуко, герцог де Дудовиль (1825–1908) – политический деятель. Пруст намекает на его заявление в связи с выборами в Национальное собрание 1893 г., в котором говорится, что на все написанные и напечатанные о нем нелепости он отвечает презрительным молчанием.

² В доме г-жи Ранвуазе в Орлеане Пруст снимал жилье во время военной службы.

³ В этом отеле в местечке Бег-Мей в Бретани Пруст и Р. Ан жили осенью 1895 г.

Думаю, мне так будет удобней. Дождь усиливается. Что за погода!

Меня удивляет, что ты ничего не говоришь о стоимости проживания в этой гостинице. Если она чрезмерна, может быть, мне лучше вернуться. Из Парижа я мог бы каждый день ездить в Версаль работать.

2 P. S. – Леон Доде хочет, чтобы мы переехали в Марлотт¹, в гостиницу подешевле. [Он знает] одного астматика, которому там хорошо. Но мне кажется, что это гораздо дальше от Парижа, оттуда меньше поездов и т. д. Что ты об этом думаешь? Только тогда со мной, наверное, не будет Жана Лазара²... Попроси у папы что-нибудь от моего нервного смеха. Я так боюсь рассердить Леона Доде.

3 P. S. – Но только не трионал.

4 [P. S.] – Бриссо³, который так хорошо знает этот край, дал нам сравнительное описание Немура⁴, Марлотта и т. д., и т. д.

Матери

[Фонтенбло, четверг утром 22 октября 1896]

Милая мамочка,

Что касается астмы, то мое самочувствие сейчас такое же, как было в Париже (я хочу сказать, что мне не хуже, чем было в Париже). Сплю я гораздо меньше (во всяком случае меньше, чем в последнее время в Париже). Здесь

---

¹ Буррон-Марлотт – город в 60 км к северо-востоку от Парижа.

² Жан Лазар – друг и дальний родственник Пруста, сын банкира.

³ Эдуард Бриссо (1852–1909) – врач, профессор, член Медицинской академии. Лечил Пруста с самого начала его болезни.

⁴ Город в 75 км к юго-востоку от Парижа, неподалеку от Фонтенбло.

все-таки немного шумно, и шум мне очень мешает. Мне очень жаль, что я не могу подбодрить тебя, рассказав о каких-нибудь моих радостях. До сих пор я ни минуты не был весел, не предавался мечтам, не испытывал просто приятных чувств. Но, может быть, это потому, что я здесь недавно и всегда долго привыкаю к новому месту. Вчера я два часа гулял в лесу под дождем. Но мне это не повредило. Вернувшись в гостиницу, я так хотел спать, что, хотя и не был в состоянии заснуть, совершенно не мог работать. После ужина Леон Доде повез меня гулять в лес до четверти первого ночи. Было неплохо (только мне было грустно с 5 до 7), но он продолжает обедать и ужинать вместе со мной. За столом приходится много говорить, чего я терпеть не могу. Я так и не получил книги, которые должен был прислать Рейнальдо, и мне по-прежнему нечего читать. Приходится время от времени перечитывать Дюбарри¹. Но я (по ошибке) читал ее в поезде, и у нее запах вагона, горький запах отъезда. Вчера, когда мы говорили по телефону, ты была не такой, как всегда. «Это не твой голос». Нет, я больше не хочу жить в Версале, ни где бы то ни было. Если я не останусь в Фонтенбло, то вернусь в Париж и покину его только в том случае, если будет невозможно поступить иначе, то есть когда мы все уедем. Но я сниму комнату в «Резервуар»² или, может быть, не в таком дорогом отеле, не в таком красивом месте, и каждый день буду ездить туда работать. Продолжительные поездки на отдых больше не внушают мне доверия. Находясь здесь, я по крайней мере всегда могу вернуться домой, и если я заболею, то меня будут лечить. Если я тебе сегодня не позвоню,

---

¹ Графиня Мари-Жанна Дюбарри (1746–1793) – фаворитка короля Людовика XV, гильотинированная во время Французской революции. Речь идет о ее биографии, «Дюбарри» (1878), написанной братьями Гонкурами.

² Гостиница в Версале.

то вот список книг, которые ты могла бы мне прислать, но illico¹: Бальзак, «Сельский священник», «Семья холостяка», «Старая дева», «Шуаны»; тома из моего собрания сочинений Шекспира, где есть «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра»; первый том «Вильгельма Мейстера» и «Миддлмарч» Дж. Элиот. Обнимаю тебя от всего сердца. Я слегка чувствую в груди то, что папа называет межреберной болью (но мое дыхание из-за этого не стеснено, я чувствую себя совсем не так, как в Мон-Доре или в Париже, где я действительно страдал; здесь я прекрасно дышу весь день).

Погода все такая же, но тем не менее вчера была большая охота, которую было слышно далеко вокруг. Если Куртели² приедет как-нибудь ужинать с Леоном Доде, наверное, надо предупредить Робера. Леон Доде говорит, что Жан Лазар очень мил. Я по крайней мере разделяю мнение папы.

*Тысяча поцелуев.
Марсель*

Я больше не принимаю трионал. Он не приносит мне немедленного облегчения, и я не хочу платить за роскошь быть вечером следующего дня в подавленном настроении. Но лучше я все равно не сплю. Представь себе, что в этой гостинице (бывший особняк герцога д'Эгийона³, который, думаю, был очень красив. – Наверное, из-за этого здесь не чувствуется никакой радости) я развожу огонь в камине каждый день, и меня страшит счет. Но

---

¹ Немедленно (*лат.*).

² Жорж Куртели (наст. имя Жорж-Виктор-Марсель Муано; 1858–1929) – прозаик и драматург. Автор сатирических зарисовок чиновников, военных и завсегдатаев парижских кафе.

³ Вероятно, имеется в виду Арман-Дезире де Виньро дю Плесси-Ришелье, герцог д'Эгийон (1761–1800), который принимал участие во Французской революции и был расстрелян.

в особенности я переживаю, думая о вчерашней потере, все из-за дырявого кармана брюк.

*Габриэлю Форе*¹
[1897?]

Сударь,

Я не просто люблю, обожаю вашу музыку и восхищаюсь ею, я до сих пор влюблен в нее. Задолго до того, как вы познакомились со мной, вы благодарили меня улыбкой на концертах или в собраниях, ибо мой бурный восторг заставлял вас, несмотря на пренебрежительное равнодушие к успеху, в пятый раз выходить на сцену и приветствовать публику. Недавно я впервые упивался «Вечным ароматом»², а это опасное упоение. Ибо с тех пор я каждый день бывал на концерте. Но это по крайней мере проницательное упоение, ибо я сказал Рейнальдо об «Аромате» такие вещи, которые показались ему верными даже с точки зрения музыканта, а кто не знает, насколько строго он оценивает суждения литераторов о музыке. Вот, сударь, малая толика того, что я мог бы вам сказать, ибо я так хорошо знаю ваше творчество, что мог бы написать о нем 300 страниц. Но по робости я бы не сказал вам и того, что говорю, если бы только вам не пришла в голову необычайная мысль, что я на вас рассердился. Так вы позволили мои первые излияния. Потому я вам весьма благодарен и прошу вас принять выражение моей признательности и моего глубокого уважения.

Марсель Пруст

---

¹ Габриэль Форе (1845–1924) – композитор и дирижер, автор духовных сочинений, песен на стихи французских поэтов.

² Песня Г. Форе (1897) на стихи Ш. Леконта де Лиля.

Госпоже де Ренье
[22 января 1897]

Сударыня,

Вчера я случайно узнал, что в журнале от 15 декабря опубликованы ваши стихи. Я их только что прочитал и не могу выразить, как они мне понравились. Ваши стихи напоминают тончайшие урны, хрупкие и надтреснутые, источающие чистейшую поэзию, коей они наполнены до краев. В них есть очарование вашего юного, надтреснутого голоса, который (когда вы их читаете) беспрерывно меняется в зависимости от интонации. Поэзия переполняет ваши стихи. Вам присуща детская серьезность, единственно прекрасная и чистая, и именно она придает столько величия и наивности этим стихам:

Я больше не зажгу светильника Психеи...

Но их отвратный крик...

Вы похожи на волшебницу (даже в светском обществе), когда держите все ваши цветы – «воздушные», напоминающие «воздушных духов», о которых вы как будто думали, и тех, которых вы так удачно называете надводными. А следующий стих я нахожу столь же прекрасным, что и прекрасные стихи госпожи Деборд (я знаю, что для г-на де Ренье это не похвала, но я могу сказать только то, что чувствую):

Когда вернусь, цветы сильнее опьянят¹.

Я написал вам все это, потому что виделся с вами с тех пор, как ваши стихи были напечатаны, и вы могли подумать,

---

¹ Цитаты из стихотворений адресатки «Сон», «Павлины», «Цветы», опубликованных в «Ревю де де монд» 15 декабря 1896 г.

что они мне не понравились, так как я ничего вам о них не сказал. Именно так те, кто что-то создал, обычно истолковывают молчание других. И поскольку в данном случае все совсем не так, мне захотелось сказать вам об этом немедленно.

Марсель Пруст

В благодарность за это красивое письмо я попрошу вас, когда увижу, прочесть стихи. Я не забыл их таинственную музыку.

Эдуарду Роду¹
[Март 1897]

Милостивый государь,

Я не знаю, когда буду иметь честь увидеть вас, и потому осмеливаюсь беспокоить вас этим письмом. Я хочу выразить вам мое глубокое восхищение вашим романом «На высоте», по-моему, самым прекрасным из всего, вами написанного. Подобно тому как в природе самые общие законы взаимодействуют с более частными феноменами, в вашей книге история в момент ее свершения составляет торжественный фон индивидуальной страсти, состоит из индивидуальных страстей, но при этом направляет их и превосходит, и вы изображаете отдельных людей в массе поколений, словно приливы и отливы на фоне океана, неподвижного, но столь же неизменного, пространнее, но в сущности того же, что эти приливы и отливы. В таком

---

¹ Эдуард Род (1857–1910) – швейцарский писатель и литературный критик, последователь Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого. В романе «На высоте» (1897) измученный нравственными конфликтами герой приезжает в швейцарскую деревню в Альпах, в которой после немалых испытаний, связанных как с его прошлым, так и с разрушением традиционного уклада жизни, находит счастье.

романе, как «Миддлмарч», мне особенно понравилось панорамное изображение не только мест, но и событий. Однако, поместившись на высоте, вы увидели издалика вещи и события на более широком фоне, в тишине, в которой лучше слышен таинственный шум времени. Сменяющие друг друга эпохи и цивилизации составляют в вашей книге столь же восхитительный контраст, что и времена года в Альпах, о которых вы пишете. Как прекрасно описана весенняя альпийская растительность! Насколько больше она нравится мне, чем растительность в «Лилии долины»¹, прекрасная все же. Но у вас каждый цветок сохраняет не только форму, но и душу. Рододендроны все так же лукавы (это *лукавство* – любопытная смелость), а лилии – бренны. Это не гербарий и не картина с указанием названий. Все цветет, словно по волшебству. Слова приятно пахнут, фразы колышутся, словно травы, между строк появляются венчики, и хочется склониться над вашими страницами и сорвать с них цветы. Вы также не менее великий мастер описывать душу. Кто сказал лучше, чем вы: «Он пережил одно из тех мгновений, сладость коих оставляет в нас росток вечного желания». И если, как мне кажется, вы не написали ничего лучшего, то по крайней мере вы не написали ничего притягательнее. Подобно тому как слабый шум на лоне природы, где различимы все его отзвуки и самые малые оттенки, слышен лучше, чем грохот на улицах Парижа, так же мелкие события гостиничной жизни² интересуют меня больше, чем внешние обстоятельства.

Простите, милостивый государь, что я не смог «себя обуздать»³, и примите, прошу вас, выражение моей жи-

---

¹ Роман (1836) Бальзака.

² Герой Рода поначалу живет в альпийской деревне в гостинице.

³ Отсылка к «Поэтическому искусству» (1674) Никола Буало: «Не обуздав себя, поэт писать не может», пер. Э. Л. Линецкой (Leriche. 156).

вейшей благодарности за столь любезно присланную книгу, а также уверения в моем уважении, восхищении и преданности.

Марсель Пруст

Роберу де Монтескью
Среда [16 июня 1897]

Сударь,

Я знаю, как говорится, что чего стоит и в особенности – чего стоит письмо от вас на четырех страницах. Я очень тронут и очень благодарен вам. Но вы приписываете мне любезность и деликатность, за которые следует хвалить не меня. Надеюсь, что воздух Турени совершенно восстановит ваше здоровье и что, занимаясь садоводством посреди запоздалых индийских гвоздик, вы забудете о поединке, во время которого, по всеобщему мнению, вы проявили такую храбрость.

При виде сих гвоздик, что воин и герой
Растил, когда стихал на время гул сраженья,
Ты вспомни: Аполлон сам строил огражденья
И грозный Марс бывал садовником порой¹.

И на повороте аллеи, где вас встретят Задумчивость и
Мечтанье, вы остановитесь и небрежно сорвете

Вечнозеленые листья,
Что дарят славу и бессмертье².

---

¹ Четверостишие писательницы Мадлен де Скюдери «Экспромт на горшки с цветами, которые Господин Принц де Конде вырастил сам» (1650), в котором речь идет о прославленном военачальнике.

² Цитата из «Оды Королеве на славные успехи ее регентства» (1611) Ф. Малерба.

Известно ли вам, что фраза «другой праздник, данный в тот же день в мою честь», принадлежит Теодориху, который произнес ее на следующий день после битвы при Вероне¹?

Дружеский привет г-ну д'Итурри. Примите, сударь, уверения в моей благодарности и почтении.

Марсель Пруст

Полагаю, что кислый лимон – это Делафосс. В таком случае «мне не по вкусу это блюдо»².

Люсьену Додэ

[Крейцнах³, 23 или 24 августа 1897]

Какое необычное и изысканное письмо. Если в благодарность за него я пишу вам «пустое» посланье, то потому, что хочу как можно быстрее сказать вам, чтобы вы мне написали, если будете проезжать через Базель. Может быть, я смогу приехать из Крейцнаха повидать вас. Кажется, это всего 5 часов на поезде.

Я был бы рад, если бы вы назвали мне лучшие романы Бальзака (вроде «Старой девы», «Турского священника» и «Лавки древностей» или вроде «Отца Горио» и «Кузины Бетты»; я сейчас читаю «Провинциальную музу»). А кто написал «Братьев Карамазовых»? Переведена ли «Жизнь Джонсона» Босуэлла⁴?

---

¹ Теодорих Великий (ок. 451–526), король остготов, в 489 г. разбил под Вероной войско короля Италии Одоакра.

² Измененная цитата из комедии Мольера «Мизантроп».

³ Бад-Крейцнах – курорт в Германии, куда Пруст сопровождал свою мать.

⁴ «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791) – биография английского литературного критика и поэта, написанная шотландским писателем Джеймсом Босуэллом (1740–1795).

Какие еще есть хорошие произведения Мишле, которых я не читал? Что самое лучшее у Диккенса (я ничего не знаю)?

*С самыми нежными чувствами,
Марсель*

Госпоже де Брантес
1 сентября 1897
Ораниенгоф, Крейцнах,
Германия

Пушок его и цвет нам любы.
Душистый, сладкий, сочный вот
Нам дар. Как не вопьются зубы
В висящий на шпалере плод?

(Последние стихи Малларме)¹

И литературная новость, если вам интересно: следующий том Франса, продолжение романа «Под городскими вязами», называется «Ивовый манекен»².

Сударыня,

Эта красивая фотография доставляет мне живейшее удовольствие, и я благодарю вас за нее от всего сердца. В моем воображении она получает совершенное сходство, а память разнообразит изображение, меняя вашу прическу, ваш наряд.

---

¹ Это стихотворение на случай было опубликовано только в 1920 г. (*Stéphane Mallarmé. (Euvres complètes. Paris, Gallimard, 1998. – P. 240).* Пруст мог узнать об этом стихотворении от своих друзей Р. де Монтестью или А. де Ренье, знакомых с Малларме.

² Романы Анатоля Франса, входящие в цикл «Современная история» (1897–1901).

Сперва отвечу на ваши вопросы: если я не ошибаюсь, «Дружба-влюбленность» принадлежит перу г-жи Леконт дю Нуи¹, жены не художника, а архитектора. Это на основе ее писем к Ги де Мопассану, она была его другом. Что касается словца «В моем возрасте перечитывают», то оно принадлежит не Шан Флери², а другому обладателю двойного имени (это и ввело вас в заблуждение), которое пишется через черточку (знаете, Франс остроумно заметил: «черточка, признак аристократии у демократов») – Ройе-Коллару³. Милое словцо, со временем оцененное по достоинству. Время предало также забвению породившие его обстоятельства: оно было произнесено в приступе гнева и под влиянием сектантского упрямства, в которых вообще мало приятного. Виньи, собираясь стать членом Французской академии, пришел с обязательным визитом к Ройе-Коллару. Тот принял его в высшей степени нелюбезно, и Виньи в конце концов рассердился и спросил, читал ли он когда-нибудь его книги. «В моем возрасте, сударь, не читают, а перечитывают» – таков был единственный ответ, которого Виньи добился от этого угрюмого старца.

Что касается ваших вопросов о «двадцати книгах» и т. д., то они безжалостны, как вопросы «Фигаро» и «Ле Голуа». Вопросы «Ле Голуа», адресованные самым обыкновенным читателям, являют поразительный памятник журналистской глупости, воздвигнутый в честь пустого любопытства читателей. Полагаете ли вы интересным

---

¹ Эрмина Леконт дю Нуи (урожденная Удино; 1854–1915) – автор эпистолярного романа «Дружба-влюбленность. С фрагментами предисловия Стендаля» (предисловия к его книге «О любви»; 1896).

² Шан Флери (Шанфлери; наст. имя Жюль-Франсуа-Феликс Юссон; 1821–1889) – романист и литературный критик.

³ Пьер-Поль Ройе-Коллар (1763–1845) – политический деятель и философ, член Французской академии с 1827 г.

узнать, где Иснардон¹ проводит свои каникулы, как представляет себе мадемуазель Эглон² жизнь на берегу моря и что думает Полюс о том, что творчеству Вагнера предрекают долгую жизнь?

Я не хочу, попав в ловушку, расставленную вашей снисходительностью, оказаться в таком смешном положении. (Разумеется, ваши вопросы настолько же умны, насколько их вопросы глупы. Но, боюсь, мои ответы не будут интереснее. Во всяком случае, они будут совсем другими!)

Я уже больше двух недель в Крейцнахе, где матушка поправляет свое здоровье, и я не знаю здесь ни *единой* души. В первые дни здесь еще была ваша подруга «Мартина», как вы ее называете, и благодаря этому беарнскому соусу³, который показался мне весьма пикантным, я довольно легко проглотил то, что было вначале. Но вот уже чуть больше недели, как она уехала. Она действительно умна и по-настоящему серьезна, во что, признаюсь, я до сих пор не мог поверить. Но здесь, где никто за ней не следил, она постоянно пребывала в обществе «Вильгельма Мейстера», Бетховена, ХХХХ⁴. Значит, она их любит.

До отъезда я видел в Версале г-жу Потоцкую⁵: она была еще лучше, чем в Париже. И должен сказать, что если бы я внезапно не уехал в Крейцнах, то, наверное, частенько бывал бы в Версале. Я повторил ей то, что сказал вам вечером в день вашего отъезда, то, чего вы по скромности

---

¹ Жак Иснардон (1860–1930) – оперный певец.

² Мадемуазель Эглон (наст. имя Мериенн Виллемсен, в замужестве Дивуар; 1867–1942) – бельгийская оперная певица.

³ Мартин-Мари-Польде Беаг, графиня де Беарн (1869–1939) – хозяйка салона, меценатка, коллекционер, путешественница.

⁴ Так в оригинале.

⁵ Эмманюэла Пиньятелли, графиня Потоцкая (1852–1930) – известная красавица. Пруст опишет ее салон в 1903 г.

не захотели слушать. Думаю, что она, будучи настроена дружески, обрадовалась тому, что я сказал.

«Примите уверения, писал Дюма одной даме, в моем *непочтении*». Я не мог не улыбнуться, читая в вашем письме: «Госпожа Штерн, по прозвищу Эрнеста»! Это смешнее, чем вы можете предположить. «Но в этих двух строках прочла я целый том», как говорил Мольер¹. Нет, у бедной женщины нет прозвища, у нее есть просто имя, правда, данное ей не при крещении, поскольку она еврейка, но ее *родителями*: «Эрнеста».

Увы, Мариенбад в 18 часах езды от Крейцнаха, и у меня только остается надежда, что однажды я смогу написать, как Бальзак: «О, если бы вы знали, что такое Турень! Здесь забываешь обо всем... Мой дом расположен вблизи Сен-Сир-сюр-Луар, на косогоре, возле прелестной реки. Он весь в цветах, увит жимолостью, и я вижу пейзажи в тысячу раз красивее тех, которыми эти прохвосты-путешественники досаждают своим читателям» (Письмо Виктору Ратье из Гренадьер)².

Я прочитал «Герцогиню де Ланже»³, потому что вы велели мне ее полюбить, но она мне не очень понравилась. И я только что закончил «Темное дело»⁴. А в «Гобсеке» я нашел портреты старой знати: мне необходимо нарисовать один такой портрет в моем романе⁵, и я повсюду собираю словечки в духе Эмери де

---

¹ Цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» (1672), пер. Н. Брянского.

² Пруст с неточностями цитирует письмо Бальзака Виктору Ратье (1807–1898), редактору еженедельника «Силуэт», от 21 июля 1830 г. Ла Гренадьер – поместье вблизи Тура.

³ Роман (1834) Бальзака.

⁴ Роман (1841) Бальзака.

⁵ Имеется в виду «Жан Сантей».

Ларошфуко¹ и разные черты характера, не для того, конечно, чтобы их копировать, но чтобы было чем вдохновиться.

Вы мне в этом совсем не помогли: вы никогда мне ничего не говорили и не рассказывали. Госпожа де Беарн посоветовала мне попытаться увидеть госпожу де Лобеспен², которая, кажется, являет совершенный тип старой знати. Но я предпочитаю рассказы. Умная женщина, мужчина со вкусом в течение пяти минут дают вам резюме многолетнего опыта.

А вообще я покажу вам моего герцога де Ревейона³ (имя будет другим), и вы скажете, очень ли преувеличены у меня его мании, привычки и предрассудки. Я хотел бы знать, имеют ли основание такие вещи, как рассказ о левой руке вашего друга (и его жене, сидящей слева от него в карете). Если это относится не к нему, то, может быть, к другим? Знаете ли вы людей, которые так поступали? И продолжали ли они в том же духе даже с теми, с кем сближались? Может быть, они подавали левую руку (или как-то иначе демонстрировали свое пренебрежение, что я хотел бы знать) только г-ну Аасу⁴ или г-ну Шлюмберже? Короче, было ли это связано с *происхождением* или с тем, что кто-то не был принят в свете?

---

¹ Граф Эмери де Ларошфуко (1843–1928) был известен своими словечками и тем, что придавал исключительное внимание титулам и этикету.

² Возможно, имеется в виду Валантин де Пьер де Бернис-Кальвьер, графиня де Лобеспен (1839–1925), которая происходила по матери из старинного аристократического семейства Рошешуар-Мортемар.

³ Персонаж романа «Жан Сантей», по имени реально существовавших герцогов, предвосхищающий образ герцога Германтского в романе «В поисках утраченного времени».

⁴ Шарль Аас (1833–1902) – выходец из семьи банкиров, завсегда-тай аристократических и литературно-музыкальных салонов, друг Р. де Монтескью, прототип Шарля Свана.

Вот длинное письмо, такое же большое, как ваше одиночество в Мариенбаде. Если вы знаете кого-нибудь, кто находится не слишком далеко от Крейцнаха... Нет, этого не может быть!

Прошу вас принять, сударыня, уверения в моем искреннем почтении.

Марсель Пруст

Анри де Ренье

[Вскоре после 12 октября 1897]

Сударь,

Со вчерашнего дня я не расстаюсь с «Яшмовой тростью»¹, извиняясь на улице перед теми, кого смешит то, как я размахиваю руками, в которых нет никакой другой трости, и показывая эту книгу подобно тому, кто в театре Шекспира заменял собой указанный предмет.

Оправдание заглавия (в последних строках предисловия) – изысканно: оно высокомерно и очаровательно, как принятая вами поза². Я вижу Шатобриана возле его юных деревьев, Ламартина на коньках, вас, концом трости переворачивающего скарабея, – и в каком саду! Я начал читать «Господина д'Амеркера». Невозможно писать лучше. Вечерний лик моря, лик Медузы, – неслыханно нов. Маленькие пляжи во власти яростных волн заставят меня убрать из моей рукописи описание прелестных пляжей, которые я назвал нежными Андромедами, преданными на волю яростных волн.

---

¹ Сборник рассказов (1897) А. де Ренье.

² В предисловии автор предлагает читателю переворачивать страницы его книги так, как он переворачивал бы тростью «на сухом песке аллеи скарабея, камушек или опавшие листья».

Есть ли у Флобера что-то, столь же совершенное, как ваши адмирал и посол? Думаю, что нет. А пепел, сыплющийся из черной урны трубки, и множество других перлов и совершенно особых образов, которые в моих глазах обретают еще большую цену, стёкла, мешающие г-ну д'Амеркеру вас увидеть, когда он покидает свой сад, и его жест, когда он кладет шляпу на стул... Порой я спрашиваю себя, не сковывает ли ваша постоянная антитеза (в сущности это нечто другое, это прием, придуманный вами) ваш стиль. Быть может, в описаниях противопоставление слишком разных пейзажей (запах солнца или снега) несколько утомляет и не позволяет нам вполне проникнуться тем или иным впечатлением. Впрочем, я в этом не уверен. Быть может, учитывая, что ваш жанр «благороден», как трагедия, и что г-н д'Амеркер говорит так же, как вы, – в том, что есть, больше красоты. В общем, это прекрасно, и я выражаю вам мое еще более возросшее восхищение. Мне не надо искать другое слово, чтобы почтительно выразить мои чувства госпоже де Ренье. Дружески преданный вам

Марсель Пруст

Луи де Роберу¹

Понедельник [25 октября 1897]

Милостивый государь,

Я бесконечно благодарен вам за вашу доброту. Мой друг счастлив и очень вам признателен.

Что касается вашей книги, то она привела меня в восторг, и вы заставите меня возгордиться. Когда я теперь,

---

¹ Луи де Робер (наст. имя Луи де Робер де Ледерг; 1871–1937) – автор романов о светской жизни, впоследствии стал большим другом Пруста. Ниже идет речь о его романе «Кольцо, или Неосмотрительная девушка» (1897).

прочитав вас, понимаю, какой художник удостоил меня всех этих похвал, я чувствую, что меня переполняет гордость. Вы нашли образ, который мне не кажется преувеличением назвать гениальным: «Это был всего лишь золотой лучик, узкая полоска света, словно пробивавшаяся из-под закрытой вечером двери, но ее сияние озарило водяную равнину, рассыпало блески на подвижных гребнях волн». Бесподобно: чудесно и точно. Прочитав следующие две страницы, я вступил в сад, услышав звон колокольчика. Какая изысканная картина. И как мало подходит здесь слово «картина». Предметы выстраиваются друг перед другом, надо раздвигать ветви при помощи ваших фраз или идти дальше. «Открылся благоуханный проход» и т. д. Мне жаль слова «молочный», вы так хорошо чередовали образы молока и снега. Но нет, вы правы, я вижу, что так снег возникает дважды, и эти созвучия красок изысканны. Впрочем, хороши молочные лилии. И мост, украшенный цветами в виде бутонов! Страница 108 кажется мне одной из самых красивых, и, проходя между этими могилами тропой слов, я перехожу от природы к людям, к вашим психологическим наблюдениям. Но как мне хотелось бы задержаться среди могил, где царят столь необычайный покой, столь необыкновенные жесты (о! руки, крылья). И *всепоглощающая печаль!*

Ваши замечания относительно детей, того, что в обещаниях таится неизвестное, все это так глубоко! Вот, наконец, подлинный писатель! Вы, быть может, сможете побудить меня тоже стать им, а ведь я думал, что такую книгу невозможно написать. Сколько очаровательных черточек. Его удовлетворение, что Жермена прочитала им написанное! И то, как он это перечитывает! А ризница! Чувствуется, что между началом и концом прошло *время*, прошла жизнь, что все переменилось и воистину начинается новая жизнь, столь новая, что символы дру-

гой жизни, на мгновение возникшей в памяти, для него почти чужие.

Милостивый государь, я вас *очень* благодарю, я забыл сказать вам еще о множестве вещей, о том, что, подобно тому как любовь придает всему очарование, так и вы все превращаете в поэзию, даже улиток, перевернутых тростью.

Примите, милостивый государь, уверения в моей благодарности и симпатии.

Марсель Пруст

Я еще не видел госпожу Арман де Кайаве, но я постараюсь отправиться туда завтра.

Госпоже Доде

[После 22 марта 1898]

Сударыня,

Я с чувством волнения получил вчера «Опору семьи»¹. С чувством волнения, но почти без удивления: я бы охотно уподобился вашей дочери, которая верила, что ее отец болен тяжело, но не смертельно. Он остается настолько живым во мне, что, кажется, все еще жив, и грустно, что приходится благодарить вас, когда невольно обращаешь слова благодарности к нему. Я буду читать его книгу, и возможность говорить о ней с Люсьеном и с вами послужит мне утешением в печали, которая с каждым днем все сильнее (мне не хватает то совета, которого я мог спросить только у г-на Доде, то только его особого обаяния). Мне почти стыдно говорить о моем здоровье с вами, которая видела, как несравнимо тяжело страдал этот великий больной, никогда не говоривший о своем здоровье. Но

---

¹ Роман А. Доде, который умер 16 декабря 1897 г. Публикация, начатая в 1897 г., завершилась после его смерти.

я все же не хотел бы, чтобы вы приписали равнодушию то, что я не прихожу к вам, не часто, но *каждый день*, ибо нет ни одного дня, когда бы я страстно не желал этого, и каждый вечер я чувствую разочарование от того, что не удовлетворил это желание. Но состояние моего здоровья обрекает меня на весьма странный образ жизни: последние несколько недель я начинаю бодрствовать после 4 часов пополудни и, если я немного работаю и полчаса гуляю, то уже наступает вечер. Впрочем, если очень долго желать чего-нибудь, то в конце концов начинаешь действовать, ибо жить, не удовлетворяя своих желаний, значит не жить. К тому же я чувствую себя окончательно обделенным с тех пор, как Люсьен больше не приходит ко мне. И я его хорошо понимаю, я даже сам того желаю. Я несколько раз задыхался и лучше, если я не говорю до вечера. Но через два дня, вечером, я бы пришел повидать вас. Вы должны быть очень счастливы, сударыня, что у вас два таких сына. Я не встречал ничего замечательнее и никогда не видел такой силы, которая отличает одного из них, и такой утонченности (и силы тоже, когда это необходимо), которая отличает другого. Судя по тому, что значит для меня Люсьен, я могу вообразить, что он значит для вас. И он будет радовать вас не только своей обходительностью и своим талантом. Я чувствую, как бурлит его многосторонний, универсальный ум, и порой мне кажется, что живописи ему будет не достаточно, что ему понадобится другое искусство, то искусство, в котором блещут все, носящие имя Доде, и прелестными образчиками которого являются письма Люсьена: в них светит загадочная улыбка да Винчи, и я храню их для вас и для многих других. Я желаю ему здоровья и счастья, ибо он должен быть счастлив, чтобы творить. Он из тех, которые позволяют понять, почему первый вопрос, который мы обращаем к другому, это вопрос «Как вы поживаете?».

К сожалению, я для него не очень подходящий друг, к тому же слишком нервный. Ему нужен такой друг, который, разделяя его духовные и нравственные устремления, обладал бы противоположным темпераментом, был бы спокойным, а не возбужденным, решительным, удачливым. Я хотел бы найти ему такого друга или стать таким. Примите, сударыня, уверения в моем почтении и симпатии. Если это и есть проявление симпатии и восхищения – не престанно думать, вспоминать о вас и о ваших близких, от всего сердца желать всем вам счастья, – то никто в такой мере, как я, сударыня, не может назваться вашим восхищенным почитателем и преданным слугой,

Марсель Пруст

Госпоже Доде
[Июнь 1898]

Сударыня,

Я вам бесконечно благодарен за то, что вы любезно прислали мне вашу книгу¹. Люсьен объяснит вам, почему я не смог прийти лично поблагодарить вас. Я прочитал вашу книгу и был очарован, затем я ее перечитал. Каждое слово заставляет меня задуматься. Мне хотелось бы знать, как можно найти слова и сказать «улицы, завершающиеся волнами», а не «дороги, ведущие к морю» (возможно, я цитирую не вполне точно, рядом со мной нет книги), придать всем этим портретам столь прелестную материальность: у ваших персонажей ваш чистый голос и ваш ясный взгляд. Я читаю и перечитываю все эти чудесные рассказы, плод чувствительности и пытливого ума (Дом госпожи де Бомон²,

---

¹ «Дни женщины» (1898), роман Ж. Доде.

² Полина де Монморен де Сент-Эрем, графиня де Бомон (1768–1803) – возлюбленная Ф.-Р. де Шатобриана, хозяйка салона.

Госпожа Аккерман¹, Дом Шатобриана²). Я вчитываюсь в ваши фразы, пытаюсь понять, как они сделаны, чтобы, когда я возьмусь за перо, написать «улицы, завершающиеся волнами», а не «улицы, ведущие к морю». И я не могу открыть их секрет, я очарован, словно передо мной коллекция чудесных бабочек, что опьяняют, но не открывают тайны своих красок.

О! каким беспомощным и несчастным я почувствовал себя при виде весенних фиалок, ведь я столько раз радовался им, но так и не нашел слов, чтобы описать. Эти страницы будут читать все те, кто любит литературу, и они навсегда останутся неподражаемыми. А впрочем, нет, я надеюсь, что у вас будет ученик, ваш утонченный и гениальный Люсьен, и вы откроете ему ваши секреты и передадите ваше искусство. И мы, смотрящие на полет ласточки, но не способные подняться над землей, увидим и маленькую ласточку, которая, почти без подготовки, следует за своей матерью.

Примите, сударыня, уверения в моем почтении и выражение искренней радости при виде луча счастья, блеснувшего, несмотря на вашу скорбь.

Марсель Пруст

Эдуарду Роду
[Конец июля 1898]

Милостивый государь,
Я бесконечно благодарен вам: я только что получил

---

¹ Глава «Посещение Госпожи Аккерман».

² Глава «Сдается дом» о доме в окрестностях Парижа, где жил и умер Шатобриан.

вашу книгу¹ и... я ее прочитал, залпом. Быть может, это моя самая любимая из ваших книг. Обратившись к такой простой и величественной жизни, вы выбрали такие величественные и простые картины и ваша грандиозная рама столь проста, что я не знаю прекраснее в своей цельности и гармоничнее в своей строгости книги. Все вещи в ней, без всякой искусственности проникнутые духовным началом, представляют собой, как и этот город, многовековое отображение душ, «беспокойных и сумрачных», как море. Финальная картина, разворачивающаяся в глубине храма и освещающая его весь дотоле скрытым, а ныне взлетающим ввысь пламенем, поистине возвышенна. Какие прекрасные названия картин вы могли бы дать каждой главе, подобно тому, как вы назвали финальную «Уход Миссионера». В особенности прекрасно в этой книге то, что Сверхъестественное в ней то же, что и в обычной человеческой жизни, и наказания Господни в ней самые обыкновенные. Как подобраны язвительные слова! – И эти «измы» в сцене чтения Ренана. Здесь в еще большей степени, чем даже жена пастора, я считаю вас жестоким по отношению к нему, жестоким, как правда, и в конечном итоге поучающим, как поучительна она сама. Я восхищен сценой, в которой два брата встречаются у себя на родине, узнают Тарн² и словно сбрасывают груз прожитых лет (сколько в этом правды).

*Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст*

---

¹ Роман «Пастор Нодье и его жена» (1798) о протестантском пастыре из Ла Рошели.

² Район на юге Франции.

*Константину Бранковану*¹
[Конец сентября 1898]

Князь,

Брат просит меня отрекомендовать вам (не с конкретной целью, а так, вообще) г-на Эреско, парижского студента-медика, который будет заниматься врачебной практикой в Бухаресте. Судя по всему, это совершенно замечательный молодой человек с большим будущим. И ваше благорасположение может ему быть очень полезным.

Я хотел написать вам летом: у меня много раз возникало желание поговорить с вами хотя бы на расстоянии. Но матушка была очень больна, я оставался возле нее и ничего более не мог делать. Марьетон² сказал мне, что вы стали дрейфусаром. Эта новость доставила мне удовольствие по ряду причин. Во-первых, чтобы не быть эгоистом, потому, что это идет на пользу делу³. Если бы в свете было всего десять человек, которых все знают и которых, следовательно, нельзя заподозрить в защите требований пересмотра дела, мы не просто продвинулись бы, но прошли бы огромный путь в направлении истины. Затем, как мне кажется, это нас еще больше сближает, что мне весьма приятно. Наконец, потому, что, как хорошо сказал Ибсен, нет ничего, что не было бы одновременно предметом нашей веры и наших сомнений⁴. Сам Христос был во власти

---

¹ Князь Мишель-Константин Бибеско-Бассараба Бранкован (1875–1967) – сын румынского князя, любитель литературы, брат поэтессы Анны де Ноай.

² Поль Марьетон (1862–1911) – писатель, пропагандист провансальской культуры.

³ Речь идет о деле Дрейфуса.

⁴ Возможно, Пруст имеет в виду драму Г. Ибсена «Кесарь и Галилеянин» (1873), переведенную его другом Д. Алеви в 1892 г., в которой подобная дилемма занимает Юлиана Отступника (DMP, 487).

сомнений на Масличной горе, и дрейфусару вполне дозволено моментами испытывать беспокойство и спрашивать себя: прав ли я? И каждый раз, когда я вижу, что некоторые из тех, кого я считаю самыми умными, самыми милыми и вообще наилучшими людьми и к коим я отношу и вас (*littera non erubescit*¹), разделяют мое мнение, мне кажется, что это придает силы правде, и я ободрен. Если как-нибудь вечером вам будет нечего делать, сообщите мне об этом и назначьте мне свидание часов в девять у какого-нибудь Вебера²; мне доставит большое удовольствие побеседовать с вами.

*Преданный вам,
Марсель Пруст*

*Анатолю Франсу
[2 января 1899]*

Учитель,

Поздравляю вас с Новым годом и желаю вам доброго здоровья. Впрочем, прошедший год был для вас самым прекрасным. «Тогда Александра прозвали Великим...». Никто в такой мере, как вы, не проявил смелость³, которую вы столь благородно воспели, и вам больше не нужно завидовать древнегреческому трагику, познавшему другие, не только литературные, победы. Вы действительно вмешались в общественную жизнь так, как никто в этом столетии не делал, ни Шатобриан, ни Баррес, и не

---

¹ Написанное не краснеет (*лат.*).

² «У Вебера» – элитное кафе неподалеку от дома Пруста, где он часто бывал.

³ А. Франс выступил в защиту генерала М.-Ж. Пикара, который подвергся преследованиям из-за того, что выступал с доказательствами невинности Дрейфуса.

затем, чтобы составить себе имя, но чтобы поставить имя, которое у вас уже было, на службу Справедливости, положить вашу славу на ее Весы. Я и без того восхищался вами как человеком справедливым, смелым и добрым. Я любил вас и потому знал, на что вы способны. Но ваше поведение показало другим то, чего они не знали и чем они теперь восхищаются так же, как прозой «Таис»¹, ибо это столь же благородно, в высшей степени гармонично и прекрасно.

*Ваш
Марсель Пруст*

*Роберу д'Юмьеру*²
[Четверг 2 февраля 1899]

Дорогой друг,

Время идет, госпожа Деланд³ все обещает мне свой новый адрес, но у меня его до сих пор нет, и вы, наверное, думаете, что друг, который так много думает о вас, забыл вас. Быть может, дорогой друг, я никогда так не думал о вас, все эти дни.

Вот вчера «Ревю де Пари» дал мне новый повод восхищаться вами благодаря прелестному «Похищению Маугли». Подобно Маугли, я был похищен в джунглях, скакал, сидя на плечах обезьян, и надеялся на моего друга, ястреба. Если, прочитав такие прекрасные вещи, чувствуешь

---

¹ Роман (1872) А. Франса.

² Робер д'Юмьер (1868–1915) – прозаик, драматург, переводчик Киплинга и других английских писателей.

³ Баронесса Анжелика Вивье-Деланд (1866–1929) – автор романов и статей о прерафаэлитах, хозяйка салона, который посещал Р. д'Юмьер.

себя великим, то насколько более великим, чем ты, кажется тот, кто так замечательно перевел Киплинга, кто был Киплингом дольше и в более полной мере, чем я, который между тем его понимает и очень любит. И вы, дорогой Маугли, маленький человечек, владеете теперь джунглями по праву первого интеллектуального владельца, поскольку вы хорошо перевели Киплинга. Ищите тропы обезьян, разрушенный город индусов и расскажите мне обо всем этом. Как же мне все это интересно!

Мне ничего не известно о Клари¹, которого мне очень не хватает. Восстановив его образ, я нахожу, что он просто создан для вас и к тому же он очень мил, так что я весьма сожалею о недоразумении, которое произошло между вами. Я уверен, что вас по своей злобе разлучили предатели и лгуны (я, впрочем, не сомневаюсь в том, кто именно).

Санье² (Бог свидетель, это не он: он не способен на такие вещи) самым отвратительным образом бросил меня, так цинично и грубо, что невозможно себе представить. Это очень милый юноша, совсем не глупый, который мне нравился во всех отношениях. Так что я был несколько опечален. Но теперь я об этом больше не думаю. Это имя Клари заставило, как говорят, мое перо вывести его имя.

Не знаю, как благодарить вас за «Похищение Маугли». Своим переводом вы доставили мне одно из величайших литературных наслаждений, какие я когда-либо испытывал. Я рассказываю об этой очаровательной поэме всем умным и чувствительным знакомым. Знаете ли вы жизнь Киплинга? Откуда у него этот особый интерес к жизни животных, похищениям, путешествиям на спине слона, обезьяны или пантеры?

---

¹ Граф Жоашен де Клари (1875–1918) – друг д'Юмьера и Пруста.

² Робер Санье – друг Люсьена Доде.

Я с таким восторгом говорил с Гандераксом о ваших переводах, что, надеюсь, предложениям с его стороны не будет отбоя. Я сделал это не ради вас, а ради себя: так мне хочется прочесть ваши другие переводы. Впрочем, то же ему скажут все. Этот рассказ Киплинга нравится мне гораздо больше, чем «Танец слонов». А вам? Единственное, что мне не нравится, это его аллегории, например, аллегория стаи обезьян, которая не может ничего основать, и т. д. Полагаете ли вы, что это аллегория?

*Ваш
Марсель Пруст*

Анатолю Франсу
[Вскоре после 1 февраля 1899]

Дорогой Учитель,
Перечитывая «Аметистовый перстень»¹, я вспоминаю о том дорогом для меня времени, когда «Красная лилия» еще называлась просто «Роман». Роман продвигается, говорила госпожа Арман. Затем была эта публикация, в постоянстве и определенности которой сначала сомневались и потому называли ее статьями в «Эко»². Но вскоре ее начали называть Бержере, последний Бержере, следующий Бержере. Это название сохранялось в течение года, пока однажды на обеде госпожа Арман, сильно запоздавшая, за что ее упрекнули, сохранила тем не менее духовную независимость и нашла другое заглавие: «Под городскими вязами». И имя Бержере снова стало назва-

---

¹ Один из четырех романов Анатоля Франса, входящих в цикл «Современная история».

² «Эко де Пари» – газета, основанная в 1884 г., которая, как и другие газеты, публиковала романы-фельетоны, т. е. частями в каждом номере.

нием «Истории». Не знаю, сохранилось ли оно на авеню Гош. Но я склонен полагать, что да, и что названия «Ивовый манекен», «Аметистовый перстень» относятся к прошлым периодам. «Перстень» – самая прекрасная из всех частей «Современной истории». Нет сомнения, что ваш гений неуклонно набирает силу. И то, что в строго охраняемой комнате, где никто не осмеливался разговаривать, я хочу сказать, в кабинете господина Армана, составляло вашу прихоть, ваш досуг, уже начинает становиться увеселением и поучением нашего столетия и грядущих веков. Статьи в «Эко», «Бержере» стали «Аметистовым перстнем», самой обширной «Человеческой комедией», самой полной «Энциклопедией нравов этого времени», «Мемуарами» беспристрастного и гармоничного Сен-Симона. Кто мог предвидеть, что редчайший дар поэзии однажды принесет такую популярность? Вы знаете свою славу. Все повторяют предсказания генерала Картье де Шальмо (которого г-н Форен в согласии со своей первой манерой письма¹ предложил называть Каре де Шальмо) относительно войны с Испанией, диалоги Гитреля и де Бонмона². В памяти простых людей хранятся слова г-на Бержере, который любит церковные церемонии. К вашей веселости, как и к веселости Мольера и Сервантеса, приобщаются простаки. А утонченные натуры от этого ничего не теряют.

Примите, дорогой Учитель, уверения в моем почтительном восхищении,

Марсель Пруст

---

¹ Жан-Луи Форен (1852–1931) – художник, близкий к импрессионистам, карикатурист. Для его первой манеры характерна социальная сатира.

² Картье де Шальмо, аббат Гитрель, епископ де Бонмон – сатирические персонажи «Современной истории» А. Франса.

Леону Доде

[После 25 февраля 1899]

Дорогой друг,

Я только что закончил читать «Себастьяна Гувеса», замечательную книгу, которая меня очень взволновала. Я уверен, что, как и в случае «Власти тьмы» Толстого и «Избирательного сродства» Гете, в основе вашей книги лежит реальное происшествие. Но оно заставило кристаллизироваться все то, что хранит ваш ум, настолько обширный, что совершенно невозможно предугадать, какими будут ваши будущие книги, хотя это можно сделать в отношении любого писателя, каким бы великим он ни был. Но только не в отношении вас. Могло ли «Путешествие Шекспира»¹ предвозвестить последовавший за ним роман², а этот роман – вашу нынешнюю книгу? Вы говорите об ученом, так же убедительно воссоздавая его образ, как некогда образ поэта. Мне кажется, что с каждой книгой вы становитесь все объективнее, что равносильно вашему искреннему стремлению быть субъективным: таким образом ваша мысль охватывает всю природу, а воплотить ваши идеи значит для вас описать природу. Я уверен, что, когда вы как будто описываете Гувеса или Марианну, вы воплощаете ваши давние идеи, часть вашей умственной системы, и так являете их. Но ваш ум столь обширен и чужд искусственности, что создания вашего ума являются живыми существами. Освобождая ваш ум от груза идей, вы создаете образ общества. Если перефразировать заглавие эпилога и сказать: «самые сильные – они же и самые чувствительные», то можно

---

¹ Исторический роман (1896) Л. Доде.

² После «Путешествия Шекспира» Л. Доде опубликовал роман «Сюзанна» (1896).

с правом утверждать, что те, кто держит в своей властной деснице все города и способны явить вам их в мгновение ока, весь «огромный чан, в котором отвратительное перемешано с возвышенным» (как был бы рад Бальзак: вот то, чего его Растиньяк не увидел бы даже с высоты Пер-Лашеза), так вот, они в то же время достаточно чувствительны, чтобы найти нежные слова, «в молчании созерцая легкую жизнь воды и танец стрекоз». Страницы 375, 376, 377, 378, 379 полны божественной грации. Но в особенности меня волнует не сам роман, который я предпочитаю «Поискам Абсолюта»¹, а смертельная тоска Марианны, познавшей отравленное счастье. Это философское осмысление всей жизни: оно так часто было мне близко, но я никогда не видел его выраженным. Что касается Мерсье, то, вплоть до прошлого года, я никогда бы не поверил в его правдоподобность, ибо я совершенно не верил в существование зла. Теперь у меня есть опыт². И книги, которые были мне не понятны, теперь мне нравятся, как и многие персонажи Бальзака, Шекспира и Гете. Я созрел и для понимания Мерсье. Главные истины включают в себя частные. И ваша книга, правдивая как психологическая картина, правдива и как историческое исследование. И о его глубине не в последнюю очередь свидетельствует сатира на Школу медицины и общество. Не знаю, как благодарить вас за то, что вы прислали мне вашу книгу.

*Ваш друг
Марсель Пруст*

---

¹ Роман (1834) Бальзака.

² Имеются в виду обстоятельства дела Дрейфуса, в том числе оправдание в январе 1898 г. одного из авторов сфабрикованного обвинения Дрейфуса.

Анри де Ренье

[Суббота 5 августа 1899]

Милостивый государь,

Я провел лето в постели, вставая только в семь или восемь часов вечера. Так я был лишен возможности присутствовать на свадьбе обеих ваших своячениц и настолько слаб, что ничего им не написал. *Я был бы вам очень признателен*, если бы вы были так добры и передали и той, и другой, а также господину де Эредиа и господину Пьеру Луису (я не знаком с господином Мендроном¹) мои извинения и выражение моей живейшей, почтительной привязанности, моего восхищения и глубокой симпатии, которую я питаю ко всей вашей семье. Быть может, я должен также просить вас выразить именно господину Пьеру Луису мою благодарность за присылку «Эмьенн»². Предисловие подписано его инициалами, и потому я думаю, что прислал мне эту очаровательную книгу именно он. Было бы совершенно неприлично, если бы Сенти³ не поблагодарил его за «Эмьенн»!

Вы, должно быть, спрашиваете себя, почему я докучаю вам письмом вместо того, чтобы обратиться напрямую к членам вашей семьи... Дело в том, что этот предлог позволяет мне сказать вам: «Двойная любовница»⁴ – восхитительная и прелестная подруга

---

¹ Пьер Луис и Жорж-Рене-Морис Мендрон (1857–1911), археолог, стали мужьями сестер Мари де Ренье.

² Речь идет об изданном посмертно П. Луисом романе Жана де Тинана (1874–1898) «Эмьенн, или Совращение несовершеннолетней» (1899).

³ Персонаж «Эмьенн», в котором Пруст узнал себя (Tadié. 404).

⁴ Роман А. де Ренье, который до выхода в свет отдельной книгой в 1900 г. публиковался летом и осенью 1899 г. как роман-фельетон в газете «Эко де Пари».

моих дней. Те дни, когда изобилие материала задерживает ее публикацию, для меня потерянные дни. Полагаю, что мой такой живой и постоянный интерес к тому, что вы пишете, мое неизменное желание читать вас, каковое каждая прочитанная страница удовлетворяет и удваивает («В наслажденьях желанье и крепнет, и зреет»¹), включают меня в число тех, кто наиболее наслаждается этой публикацией. Я с особой силой чувствую красоту вашего стиля, то, как она еще усилилась на фоне красоты ваших других книг, и то, в чем ваш стиль отличается от прежнего, а также кое-какие особенности синтаксиса и манеры, которые я у вас прежде не встречал и которые, возможно, предназначены вами для обширных произведений, я имею в виду простонародную вольность и небрежность речи, например, использование местоимений вместо повторения имен, грубых и просторечных слов, таких, как «понтеры, славная хибара и прочее» и т. п. Нет ни одного персонажа, ни одной детали в описании парка и сада, которые бы меня не очаровали. Все же я явно предпочитаю прелестных дю Френе²: Гете пришел бы от них в восхищение, но его воображение не сумело бы дать им столь прелестное воплощение. Каждое утро приносит мне новый шедевр. Обеды и ужины стоят рыбалки, игры – концертов, а первая роза Весны Жюли – вещь поразительная. Надеюсь, что в дальнейшем будет больше идти речь о саде: вы слишком надолго покинули цветы ради плодов. Правда, г-н де Галандо дал вам пример того, как можно запустить сад. В общем, милостивый

---

¹ Цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» (пер. В. Левики).

² Дю Френе, супружеская пара, любители хорошей кухни и музицирования, как и далее Жюли и г-н Галандо – персонажи романа «Двойная любовница».

государь, если вам может доставить удовольствие то, что ваши ежедневные страницы ценятся очень высоко, что они пребывают на пьедестале ожидания, восхищения и удовольствия, то я могу сказать вам – и вы не должны списывать ни единого слова на счет вежливости и любезности, – что я в восторге от этого романа и каждый день ожидаю продолжения. Мне хотелось бы знать, что именно дало вам ту или иную идею, повидать места действия, сравнить их с описаниями в книгах.

*Ваш преданный почитатель
Марсель Пруст*

Вопросы Сенти: Можете ли вы указать мне, какие новые книги следует прочитать? В каких красивых городах или местах провести каникулы? Стоящая ли вещь – Женевское озеро? Есть ли прекрасные произведения, написанные на берегу Женевского озера?

Константину Бранковану
[Париж] Суббота вечером [19 августа 1899]

Дорогой князь,

Я недавно получил ваше неразборчивое и очаровательное письмо. Вы знаете, что написанное вами достойно быть прочитанным, и хотите, чтобы это стоило труда. Ваш почерк – как поэзия Малларме. В сущности, это еще одна любезность: вы заставляете меня провести в обществе вашего письма больше времени, чем если бы его легко было прочитать. Письмо подобно визиту, а неразборчивое письмо подобно продолжительному визиту. Ваши письма словно говорят: я пришел не на минуту, а на целый день. Я читал ваше письмо целый день и дорожу им по

причине труда, которого оно мне стоило. Но я не потому люблю его, и вот что я должен был сказать вам сразу вместо этих глупых шуток. Ваше письмо – изысканно, и я от всего сердца благодарю вас. Я буду бережно хранить его; не потому, что оно похоже на образец иероглифов, но потому, что оно является свидетельством дружбы. Не могу вам выразить, как это мило: то, что вы ответили мне так быстро, так подробно, так любезно. Я был столь растроган, находился под таким впечатлением от вашего письма, что мне необходимо было говорить не столько с вами, сколько о вас, и в большей степени хвалить вас, нежели благодарить. И, прежде чем писать вам, я написал матушке и сказал ей, как любезны вы вновь были со мной.

Прочитав все это, вы, должно быть, с ужасом думаете: он приедет на виллу!¹

Нет, дорогой друг. Я бесконечно благодарен вам за ваше любезное приглашение, но даже удовольствие, которое я испытаю посреди вашей семьи, будет не тем, чего я ищу. Я ищу не удовольствия, а покоя, а его-то я и не найду в столь приятном обществе. Если вы позволите мне часто приходить на виллу, я буду очень рад. Я бы только просил вас о разрешении приходить после или до ужина, или после обеда. Обеды, ужины в городе или на вилле, как вы знаете, утомляют меня, и меня больше устраивает время после ужина.

Итак, если я решусь присоединиться к моим родителям на озере, то поселюсь, по вашему совету, в гостинице «Амфион». Вы раздобыли для меня эти сведения, как заботливая мать и понимающий врач. Не знаю, как вас благодарить. Если на берегу озера я не смогу нормально дышать, то через два дня уеду. Но если я буду дышать

---

¹ У семьи Бранкованов была вилла на берегу Женевского озера, неподалеку от города Эвиан-ле-Бен.

нормально, то останусь на неопределенное время. Быть может, в октябре вы еще будете на вилле. Если гостиница «Амфион» еще не закроется, я до того времени буду оставаться вашим соседом. А если закроется, то я смогу переехать на другой берег, и тогда, чтобы вас увидеть, мне нужно будет только пересечь озеро. Я приму решение через несколько дней. Во всяком случае еще раз сердечно благодарю вас за скорость, обилие и точность вашей информации. Что касается вашего приглашения, то повторяю: мой отказ говорит о том, как я им дорожу. Но у меня нет никакой возможности принимать приглашения. Я еще не до конца разобрал то, что вы говорите о Деле¹.

Но я продолжу криптографический анализ, как сказал бы г-н Кавеньяк². Ибо письмо – спутник в течение одного дня, а иероглиф – друг, и к нему возвращаешься и стараешься его сохранить. Правда, если учесть, что это говорю я, а мой почерк – гораздо неразборчивее, чем ваш, и меня никто не читает, то это слишком сильно сказано. Сегодня я старательно вывожу буквы, чтобы придать больше убедительности моим нежным упрекам. Что касается дела, то я еще не прочитал внимательно вечернюю «Фигаро», которая публикует показания Кюинье³ и Гонза⁴. Но я уже заметил, что в показаниях Гонза есть смачные

---

¹ Имеется в виду дело Дрейфуса, пересмотр которого начался летом 1899 г.

² Жак-Мари-Эжен Годфруа Кавеньяк (1853–1905) – генерал, министр обороны, в июле 1898 г. представил подложное, хотя и не им составленное, письмо, доказывавшее вину Дрейфуса.

³ Капитан Луи Кюинье (1836–1957) сыграл решающую роль в установлении подложности письма, представленного Кавеньяком как доказательство вины Дрейфуса.

⁴ Шарль-Артюр Гонз (1838–1917) – заместитель начальника Генерального штаба. Противился пересмотру дела Дрейфуса.

пассажи: цитата из Анри¹, который сказал генералу Гонзу по поводу речи Кавеньяка: «Лучше бы в Министерстве не читали этих документов». Он полагал, что депутаты не так глупы. – И чуть далее я заметил, что Гонз сказал: «Я предложил ему оставить сопроводительное письмо в качестве улики против Дрейфуса, как это уже было, и чтобы уликами против Эстергази² послужили другие документы». Дрейфус отказался отвечать генералу Буадефру³, как любовнице, которую слишком любили и которой слишком верили. Сегодня я видел одного моего друга, который выступает за то, чтобы Дрейфуса осудили, потому что он негодяй. И доказательство тому – виновность Эстергази. «Поскольку Эстергази подделал сопроводительное письмо, говорит он, а почерк Дрейфуса очень похож на почерк в этом письме и на почерк Эстергази, значит, душа его такая же подлая». Ах, мой друг, чего только мы не услышим! А вы, принц из «Тысячи и одной ночи», проницательный и справедливый, что вы скажете об этом?

*Преданный вам
Марсель Пруст*

Передайте дружеский привет господину Эрману⁴. Я пошлю ему мою книгу, но ничего ему не говорите: смешно сообщать об этом как о каком-то событии!

---

¹ Юбер-Жозеф Анри (1846–1898) – полковник, один из руководителей военной разведки, способствовал обвинению Дрейфуса в шпионаже на основании сфабрикованного им подложного письма.

² Шарль-Мари-Фердинанд Эстергази (1847–1923) – майор, обвиненный в шпионаже в процессе пересмотра дела Дрейфуса. Бежал в Англию.

³ Рауль-Франсуа-Шарль ле Мутон де Буадефр (1839–1919) – начальник Генерального штаба. Настаивал на вине Дрейфуса.

⁴ Абель Эрман (1862–1950) – писатель-неореалист, автор в том числе романа из военной жизни, вызвавшего скандал как антипатриотический. Гостил в это время на вилле Бранкованов.

Константину Бранковану
[Париж, 24 или 25? августа 1899]

Дорогой князь,

Простите, прошу вас, мое молчание в ответ на ваше столь любезное письмо и не думайте, что я так долго не отвечал на него, потому что оно понравилось мне меньше, чем первое. При том, что я вообще ничего не пишу, я теперь каждый день пишу матушке: мы впервые и уже очень давно не вместе, и каждый день я пишу ей 12 или 20 страниц. И на другие письма у меня просто не было времени. Я не решился спрашивать у вас о том, где еще можно поселиться: мне неловко, что вы уже взяли на себя труд собрать для меня столько сведений. Я попросил матушку пойти взглянуть на гостиницу и виллу «Амфион». Кажется, она не нашла виллу. Но видела гостиницу: она считает ее превосходной, но полагает, что тонкие стены не предохранят от шума и что моя комната будет

подобно эху, отражать все звуки¹.

Она думает, что мне будет спокойнее в Эвиане, во флигеле гостиницы «Бориваж». Итак, я еду туда, думаю, что через пару дней, и вы увидите меня вскоре после получения этого письма, увидите таким грустным – каким я становлюсь всегда, когда оказываюсь в новом месте, – что я бы просил вас, если вы не заняты, о дозволении повидать вас в первый или второй день моего приезда: меня немного утешит то, что в непривычной обстановке я найду друга, который связывает меня с прошлым и с прежними привычками. Ибо в первые вечера я так же несчастен, так же глубоко, таинственно, физически, болезненно несчастлив (эти четыре

---

¹ Слегка измененная цитата из стихотворения Виктора Гюго «Двухлетним был сей век» (сб. «Осенние листья», 1831).

наречия превосходно сочетаются друг с другом), как в сумерках животные, о которых говорил, кажется, Баррес.

Сколько раз тогда я повторяю замечательную строку вашей сестры:

Но где, в каких краях мы так бы не грустили?¹

Ответ: в вашем обществе, дорогой друг. Вас не должны слишком пугать эти меланхоличные угрозы, ибо я только в начале попрошу у вас об этом причастии, об этом укрепляющем сердце средстве (почти в медицинском смысле): сердечная обстановка, дружеские слова даруют радость и доверие, словно «щедрые вина».

*Любящий вас и благодарный
Марсель Пруст*

Ознакомились ли вы с этим образцом военного стиля, показаниями полковника Флера («Беседа имела место вследствие обращения касательно разрешения закурить» (в вагоне поезда), «Именно потому она имела место, отвечаю по совести») и показаниями полковника Кордые («Точка имеет решающее значение»)².

Матери

[Эвиан] Воскресенье, половина второго [10 сентября 1899]

Дорогая, милая мамочка,

Спустя полчаса после того, как я тебя покинул (к тому времени я уже успокоился), мы прочитали позорный

---

¹ Цитата из стихотворения Анны де Ноай «Летний вечер» (1899).

² 7 августа 1899 г. состоялось заседание Военного совета в Ренне по пересмотру дела Дрейфуса. 24 августа обвинительные показания давали в том числе полковник Флер и подполковник Кордые.

приговор¹, вывешенный на стене Казино к большой радости его служащих. Потом мы пошли ужинать на виллу Бассараба. Когда я вошел в павильон Константина, чтобы покурить² до ужина, то услышал стоны. Это была юная Ноай (поэтесса)³: она шла мимо, громко всхлипывая и испуская прерывистые стоны: «Как они могли сделать это, как они осмелились сказать ему это, как они могли, перед лицом иностранцев, перед лицом всего мира?» Она так горько плакала, что растрогала меня и выросла в моих глазах. Принц де Полиньяк⁴, который на «ты» с Галлифе, говорит, что он не способен на мошенничество и кражу денег⁵. Погода совершенно переменилась, стало холодно, слегка ветрено, в общем, погода, соответствующая Дню всех святых⁶. Она немного подействовала на мои внутренности. Но я хорошо спал. После письма тебе я пошлю письмо папе. Вскоре я от-

---

¹ 9 сентября 1899 г. Дрейфус был повторно осужден на десять лет заключения, но при «смягчающих обстоятельствах».

² Средствами борьбы с приступами астмы были не только окуривание помещения, но и курение папирос с противоастматическими порошками.

³ Анна-Элизабет Бибеско-Басараба, княжна Бранкован, графиня де Ноай (1876–1933) – видная в свое время поэтесса и прозаик, друг Пруста, автор воспоминаний о нем.

⁴ Эдмон-Мелькиор-Жан-Мари, принц де Полиньяк (1834–1901) – представитель одного из старейших аристократических семейств, композитор, друг Р. де Монтескью. Пруст стал посещать салон принца де Полиньяка и его жены в 1894 г. благодаря Монтескью.

⁵ Гастон-Александр-Огюст, маркиз де Галлифе (1830–1909) – генерал, военный министр в 1899–1900 гг. Начал очередной пересмотр дела Дрейфуса, который в результате был освобожден. Галлифе обвиняли в получении взятки от одного из сторонников генерала М.-Ж. Пикара.

⁶ День всех святых, 1 ноября, – также день поминовения умерших.

правлюсь в Моньи¹, но вернусь ночевать. Не слишком переживай из-за приговора. Это, конечно, печально для армии, для Франции, для судей, имевших жестокость предложить изможденному Дрейфусу сделать усилие и не падать духом. Физическая пытка – призыв к духовной силе, когда чувствуешь себя сломленным, – будет для него единственной, а так все уже кончено. И теперь все будет для него только хорошо: в плане духовном он обрел уважение всего мира, в плане физическом он, как я полагаю, уже получил свободу. Что касается приговора, то он будет отменен юридически. С точки зрения нравственности он уже отменен. Княгиня Бранкован, да и все остальные, были очень милы со мной. Г-жа де Полиньяк² имела неосторожность сказать после обеда в Коппе г-же д'Оссонвиль³, что я в Эвиане. Та начала спрашивать, где именно, захотела узнать подробности, сказала, что очень дружна со мной (?). Боюсь, что она пригласит меня на обед... тем более что она сказала г-же де Полиньяк по поводу Дела: «Я очень хорошо понимаю, что иностранцы, как вы, придерживаются такого мнения». Господин де Ноай⁴ телеграммой сообщил приговор своим сестрам, госпоже де Вирье и госпоже Анри де

---

¹ Вблизи города Тонон-ле-Бен находился замок Моньи виконта Клемана де Моньи (1873–1944), друга Пруста.

² Винаретта Зингер, принцесса де Полиньяк (1865–1943) – дочь американского фабриканта знаменитых швейных машинок, композитор, пианистка, меценатка.

³ Полина д'Аркур-Олонд, графиня д'Оссонвиль (1846–1922) – жена политического деятеля и историка графа Поля-Габриэля д'Оссонвиля, хозяйка салона. В швейцарском городе Коппе у них был замок, ранее принадлежавший Жермене де Сталь, которая была бабкой графа.

⁴ Граф Матье де Ноай (1873–1842) – муж Анны де Ноай, представитель высшей аристократии.

Монтескью¹, добавив: «Столь же непонятно, сколь печально». Действительно, «смягчающие обстоятельства» звучит странно в отношении предателя. Но как раз понятно. Это ясное и подлое признание присяжными их сомнений. В гостинице и окрестностях царит совершенное спокойствие. Я обедал в половине первого (а ужинал с четверти десятого до четверти одиннадцатого; Бранкованы остались поговорить о Деле, а я сразу после ужина лег спать). Посоветуй Роберу сохранять спокойствие. Пусть подумает о том, что всякий призыв к беспорядкам приведет правительство в крайнее замешательство, и оно вынуждено будет нанести удар по своим друзьям. Будет лучше, если Мильерану² не придется арестовывать Жореса³ и если его непредусмотрительным министрам дадут время: на следующий день после вынесения приговора приятно чувствовать власть и думать о мерах по исправлению ошибок.

Тысяча нежных поцелуев отцу, брату и, конечно, тысяча нежных поцелуев тебе.

Марсель

Матери

Гранд-отель «Великолепный», Эвиан-ле-Бен

Понедельник, половина второго [11 сентября 1899]

Дорогая мамочка,

Вчера, сегодня ночью и утром – дождь и холодно. С полудня появилось солнце. Давление вновь поднима-

---

¹ Мари де Монтескью-Фезансак (урожденная де Ноай, 1866–1942), жена Анри де Монтескью-Фезансака.

² Этьен-Александр Мильеран (1859–1943) – первый министр-социалист в правительстве Франции.

³ Жан Жорес был одним из тех, кто возглавил созданную в 1898 г. «Лигу прав человека», боровшуюся за оправдание Дрейфуса.

ется. – Вчера г-н Коттен¹ очень плохо себя чувствовал. Он почти каждый вечер принимает наркотические средства, будучи очень нервным. Так вот, он ошибся дозой, как и его фармацевт. И потерял сознание. Пришлось ставить клизму. Его осматривал врач, но он все был без сознания и ничего не помнит. Поразительно то, что это случилось вчера утром, а в полдень он тем не менее отобедал с большим аппетитом. Вчера вечером, удивленный, что не вижу их, я поднялся узнать, как они поживают (я вежлив по отношению к друзьям моих родителей), и нашел г-на Коттена в его комнате одетым, здоровым и веселым. Сегодня он спустился вниз как ни в чем не бывало. – Г-жа Коттен хотела, чтобы я поселился в комнате на втором этаже. Она говорит, что в сентябре в комнатах на первом этаже слишком холодно и сыро. Но комната наверху занята, поскольку, кажется, прибыли новые постояльцы. Я, впрочем, не хочу менять мои прелестные и удобные апартаменты: ни на обоях, ни где бы то ни было нет никаких следов сырости. В связи с этим вот вопросы, а также другие вопросы, не имеющие к этому отношения.

Какая из комнат – в Крейцнахе, здесь и в Мон-Доре – кажется тебе наиболее и наименее сырой?

Когда я приехал в Крейцнах, ведь было тепло и сухо, а в последние дни, когда моя астма прошла, ведь было холодно и дождливо?

Если я сменю слугу, то что я должен дать горничной и камердинеру с первого этажа? Если официант, который приносит мне по утрам кофе, уйдет до закрытия отеля, что я должен ему дать?

Положила ли Эжени в чемодан булавки для галстука? Если нет, то не собирается ли она их прислать? А белые

---

¹ Нотариус Анри Коттен, знакомый родителей Пруста.

галстуки? (впрочем, думаю, что здесь найдется хотя бы один в случае надобности, что маловероятно).

Я забыл тебе сказать, что у меня нет губки. Должен ли я ее купить?

Твой ответ на мой подразумеваемый вопрос «Хорошо ли вы спали» достоин генерала Роже¹: «Как только мы устроились, мы поужинали – потом чтение Деманжа²», потом немного шоколада, немного почитали Бальзака – в общем серия прерванных (?) зрелищ, после чего – сон. (Наконец-то ответ близок, но нет!) Вместо того, чтобы сказать: с такого по такой-то час, ты пишешь: «Прохладная ночь, мы вышли из вагона хорошо отдохнувшими». Это страшно напоминает следующее: «Полковнику Анри сказали, что он должен доложить мне об этом. Спустя несколько дней я встретил его по долгу службы. О чем вам может рассказать архивист Гриблен. Г-н дю Брей рассказал вам, что видел, как Дрейфус ужинал у подозрительных личностей с иностранными агентами. Клянусь честью и совестью, и это неоспоримо, что Дрейфус мог передать им документы». Увы, здесь нет ничего смешного, ибо результат налицо.

Зайдя к Коттенам, я спросил, есть ли новости. Г-жа Коттен ответила: «Да. Этот несчастный будет разжалован. Я считаю, признаюсь, что это очень жестоко, его могли бы избавить от такого позора». Тем более, добавил г-н Коттен, что в такого рода вещах всегда могут быть сомнения. «И даже, добавил он простодушно, в умах присяжных». После этой ритуранели я запел мою арию и стал «защищать несправедливо обвиняемую невинность». Они не присоединились ко мне, и ясно, что они против.

---

¹ Генерал Годерик Роже (1846–?) был руководителем кабинета военного министра.

² Эдгар Деманж (1841–1925) – адвокат Дрейфуса.

Впрочем, они очень мало знакомы с Делом, и г-жа Коттен даже думала, что речь шла о «смягчающих обстоятельствах», «потому что в 94-м году его приговорили на основании фальшивки Анри, а затем признали, “что он ни при чем!”» Я рассказал о сочувствии юной графини (которое, впрочем, было очень недолгим), и г-н Коттен сказал, что «это достойно всяческого уважения». Ну-ну. Вчера был у Моньи, потом приглашение на ужин к Бранкованам, но я так промок, что ужинал в гостинице. – Спал не так хорошо, как предыдущую ночь, но приступов не было, только легкие хрипы утром, наверное, из-за сырости. Они уже прошли. С тех пор как стало холодно, запор сменился изобилием, впрочем, похвальным. Трионал так и не принимаю и т. д.

Говорят, что «Ле Матен»¹ портится. Г-н де Полиньяк, который, похоже, ценит меня чрезмерно высоко, сказал мне: «Ну, что же, а чем в конце концов занимается этот старый профсоюз?»² Бранкованы заняты ответом на «вопрос», кто эти двое. Они держат пари, что это Бове и Броньяр³. Мейер пишет в «Ле Голуа», что Франции остается только одно: найти своего Бога (какого?). Впрочем, «Ле Голуа» потребовала оправдания на основании нехватки всего одного голоса. Я чувствую себя прекрасно.

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

---

¹ Газета, основанная в 1883 г., умеренно правой направленности. С самого начала дела Дрейфуса публиковала материалы в его защиту.

² Противники Дрейфуса называли его сторонников профсоюзом. Эмиль Золя в 1897 г. призвал всех честных людей войти в этот профсоюз.

³ Новый обвинительный приговор Дрейфусу был вынесен тремя голосами против двух. Упомянутые Прустом судьи голосовали против оправдания.

Лег спать рано. Обедал без четверти час.

Я дал доверенность г-же Рихтенбергер, которая, думаю, уехала сегодня. Она ничего не спрашивала меня о Париже, и я ей ничего не стал говорить о том, как ты проводишь время и т. д.

Я не видел г-жу Улиф.

Матери

Отель «Великолепный»

Эвиан-ле-Бен

Среда, час дня [13 сентября 1899]

Милая мамочка,

Сегодня я не буду писать тебе долго, так как еду в Женеву. Погода совершенно переменилась. Дует резкий ветер. Небо полностью очистилось, и на озере столько же барашков, как на море в ветреную погоду. Не знаю, то ли от перемены погоды, но я очень мало спал. Надеюсь, что мой сон улучшится, а то это мешает уменьшить окуривание, к чему я стремлюсь. Не думаю, что меня будит ощущение тяжести, но пробуждение меня утомляет, так как я должен окуривать помещение, чтобы уснуть. Но, несмотря на это, я по-прежнему чувствую себя очень хорошо и, в частности, желудок – в прекрасном состоянии. Я ем меньше, чем когда вы были здесь, и мог бы есть в десять раз больше. Наверное, когда вы были здесь, отрыжка после обильных застолий способствовала тому, что я лучше спал. В общем, повторяю: я чувствую себя превосходно и думаю, что перемена погоды пойдет мне на пользу.

Моньи приехал вчера ужинать и провел эту ночь в отеле. Он занял комнату № 2 и, значит, спал на той же кровати, что и папа. Он должен был уехать сегодня утром на поезде, отправлявшемся без десяти девять, так что мы

должны были расстаться, не попрощавшись. Но я очень мало спал и в восемь часов велел позвать его, чтобы он пришел со мной попрощаться. Я также позавтракал раньше, чем обычно, все это время валяясь в постели. Я не вернулся к Бранкованам, чтобы возместить расходы на ужин с Моньи, что и сделано, и в гораздо большем объеме, потому что поездки стоят очень дорого. Княгиня прислала мне приглашение на ужин сегодня, но я не смогу прийти, так как отправляюсь в Женеву. Я поеду во втором классе: в этой стране второй класс вполне приличен. Я не расстроен из-за того, что мало спал этой ночью (что особенно поразительно, так как накануне я принимал трионал) и вот почему: вчера я не катался ни на машине, ни на лодке и не могу несправедливо обвинить в моей бессоннице одно из этих средств передвижения. Наверное, я мало спал из-за ветра. Вчера я стал свидетелем одной сцены (я хотел рассказать тебе о ней в предыдущем письме, но оно было на открытке и мне не хватило места). Генерал Ребийо¹ встретил в водолечебнице графа д'Э². Приветствия и т. д. Генерал, глухой, стал орать во всю мощь и с первых же слов принял тон командира. На расстоянии нескольких лье можно было услышать: «Видели Монсеньор, как мерзко вели себя швейцарские газеты по отношению к нам в этом гнусном деле?» – «Что хочет сказать Монсеньор?» – «Я слышу очень плохо, у меня болят уши». – «Генерал Мерсье³ был молодцом. Вот кого

---

¹ Генерал Жозеф-Поль-Альфред Ребийо (1823–1918) отличился в целом ряде военных кампаний и был частым посетителем великосветских собраний.

² Луи-Филипп-Фердинанд-Гастон Орлеанский, граф д'Э (d'Eu; 1842–1922) – внук короля Луи-Филиппа.

³ Генерал Огюст Мерсье (1833–1921) – военный министр в 1894–1895 гг., незаконно сделавший секретным досье по делу Дрейфуса, что способствовало первому осуждению Дрейфуса.

надо поздравить» – «Но мне кажется, он ловко выпутался», – ответил «Принц», как сказала бы г-жа Пико. Пусть папа узнает у Пози¹, если он (Пози) по-прежнему уверен в невинности Дрейфуса, действительно ли тот умирает, что с ним, и имена двух офицеров, высказавшихся за оправдание. Постарайся послать кого-нибудь узнать (или узнай по телефону, как дела у г-жи Деланд, скажи, что я просил сообщать мне новости). А мадемуазель Байби²? Пришли мне сведения об Италии с медицинской точки зрения.

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

Матери

[Эвиан] Четверг, половина второго [14 сентября 1899]

Дорогая мамочка,

Снова светит солнце, небо голубое, но не жарко, дует ветер и на озере – барашки. Я вновь чувствую себя очень хорошо. Я опять очень рано проснулся, но от усталости после бессонной ночи накануне снова уснул и спал прерывистым сном, не прибегая к окуриванию. Спать лег скорее рано. Что касается обеда, не знаю, кто тебе внушил такую мысль. Наоборот, я обедаю на четверть или на полчаса раньше, чем тогда, когда вы были здесь. Жаль, что я не написал тебе до обеда: прекрасная погода так благотворно на меня повлияла, что я просто излучал здоровье и уверен, что мое хорошее самочувствие

---

¹ Жан-Самюэль Пози (1846–1918) – известный хирург и гинеколог, врач парижской элиты.

² Имеется в виду Леон Байби (1867–1954), главный редактор газеты «Ла Пресс», антидрейфусар, прозванный «мадемуазель» из-за его гомосексуальной ориентации.

передалось бы моему письму, а через письмо – моей мамочке. Самочувствие мое все такое же хорошее, но я надел полувлажные трико и носки (других не было), носки – это пустяки, но вот трико – совсем другое дело, и меня немного пронизывает холод, так что я не так излучаю душевный жар, как утром, когда одевался. Но солнце все поправит. Я до сих пор не видел Бранкованов, которые засыпали меня самыми любезными телеграммами с приглашением посетить их. То, что ты мне говоришь, очень мило с твоей стороны, на ужине мне никто не нужен. Твое письмо наполнило меня чувством благодарности за твою доброту и огромную заботу. Оно нравится мне больше, чем вчерашние каракули, читая которые я заслужил премию Академии надписей¹: я не то чтобы прочитал, но догадался, что речь шла о посещении Оперы. Сегодня утром, около половины одиннадцатого, когда я уже проснулся, но еще не звонил, чтобы позвать слугу, я услышал, как кто-то стучал в двери сарая, толкал их и, высшая наглость, начал стучать в мои ставни. Я позвонил, чтобы мне принесли кофе, и вошел слуга, признав свою вину и объяснив, что какой-то господин, «прошедший шесть километров», ворвался в ярости в гостиницу, – он опасался, что тот меня разбудит. Это был Шефдебьен²: он уезжает завтра, еще не повидал меня, но уже оказал такую услугу.

«В его горячности узнал я кровь его»³ и вспомнил тот день, когда он разбудил консьержа в три часа утра и стал

---

¹ Академия надписей и изящной словесности, основанная в 1663 г., ученое общество в области истории и археологии.

² Жак Дюбуа де Шефдебьен (1867–1940) – дипломат и коллекционер, один из тех молодых людей, которых мать Пруста не желала видеть в его обществе.

³ Слегка измененная цитата из трагикомедии П. Корнеля «Сид» (пер. М. Лозинского).

его спрашивать, не унес ли я по ошибке его портсигар или что-то еще, уже не помню, что. Оптимизм, следствие моего хорошего самочувствия, хотя, ложась спать, я и окурив помещение сильнее, чем обычно (зато утром окуривания совсем не было), и тот факт, что меня не разбудили, а также уверенность в том, что, поскольку он уезжает завтра, рецидива больше не будет, заставили меня проявить снисходительность, и я его не слишком обругал. Он почти тотчас же уехал домой, так как ждал на обед «кюре». В связи с этим я вспоминаю, что видел среди объявлений о путешествиях и курортах следующее: «Генеральша Цурлинден в Вальмоне¹».

Добавить нечего, все ты должна понять².

И я бы спросил тебя, не видишь ли ты здесь, как я, целый том³. – Отец Моньи придумал герб Патеков, диво Тонона⁴, разбогатевших часовщиков, ставших графами: изображение часов, а над ними слова:

«Ради часов и благодаря часам».

Наверное, ты и сама догадываешься, что слово «часы» имеет здесь два противоположных смысла⁵. У семейства Э

---

¹ Маргерит Цурлинден (урожденная Парту; 1845–1924) – жена генерала Э. Цурлиндена, бывшего военного министра и анти-дрейфусара. Вальмон – неврологический санаторий в Швейцарии.

² Измененная цитата из трагедии Ж. Расина «Федра».

³ Отсылка к уже цитированной ранее реплике из комедии Мольера «Ученые женщины».

⁴ Имеются в виду Антоний Патек (1811–1877), польский часовщик, основатель швейцарской фирмы часов Патек Филипп, и его сын Леон-Мечислас-Винцент Патек, (1857–?), также фабрикант часов. Тонон – город вблизи Эвиана-ле-Бена.

⁵ В оригинале «la montre», слово, которое кроме «часов» означает также «выставление напоказ» и «обманный маневр».

вид добрых и очень простых людей¹. Хотя я демонстративно не снимаю шляпы и не двигаюсь при их появлении, «в ссоре со времен Ренна», но, оказавшись со стариком в одно время перед дверью, я пропустил его вперед, не коснувшись шляпы, – хотя я касаюсь ее здесь даже при встрече с моими ровесниками. И он прошел первым, но при этом снял шляпу в знак сердечного приветствия, и вовсе не снисходительно, и не так, как д’Оссонвиль, но как славный, очень вежливый старец. Так меня не приветствовал здесь ни один человек из тех, кого я также пропускаю вперед, «простых буржуа», проходящих мимо и чопорных, словно принцы. Кстати, этот граф д’Э скользит, а не идет по паркету, будто катается на коньках. Но я не решаюсь делать вывод, наподобие Кювье, воссоздававшего представителей животного мира, что это доказательство хороших манер: я не знаю, с чем больше связано это катание, с начинающейся подагрой или с воспоминаниями о жизни при дворе. Не показывай это письмо моему ангелу-брату, он ангел, но и судья, и усмотрит в моих замечаниях относительно графа д’Э снобизм или легкомыслие, весьма от меня далекие, а не необходимость рассказывать тебе о том, о чем мы потом будем болтать, а также делать замечания, которые могут нас позабавить. – Г-н Жубер, который ошибочно согласился на предложение своего друга Фонтана, ректора Университета, и вступил в должность инспектора², окончательно

---

¹ Граф д’Э был женат на Изабелле Браганса, принцессе Бразилии (1846–1921), наследнице бразильского престола. У них было четверо детей. Революция в Бразилии 1889 г. заставила их навсегда уехать во Францию.

² Жозеф Жубер (1754–1824), писатель-моралист, и его друг Луи де Фонтан (1757–1821), поэт и прозаик. Входили в круг Шатобриана. Далее упоминаются Селеста Шатобриан (1774–1847), жена Шатобриана, и ее подруги герцогиня Клер де Дюрас (1777–1828), писательница, и герцогиня Мари-Катрин-Аманд де Левис (1798–1854).

подорвал свое хрупкое здоровье. Большую часть дня он остается в постели. «Но его друзья, которых он перестал посещать, не захотели лишаться его приятного общества, и его постель была постоянно окружена самыми остроумными мужчинами и самыми милыми женщинами. В особенности не упускали возможности насладиться его беседой г-жа де Шатобриан и герцогини де Дюрас и де Левис»¹.

Мы, надеюсь, достаточно понимаем друг друга, и ты не думаешь, что мой вывод: надо оставаться в постели и т. д., и т. д. Я пишу тебе об этом, шутя, *cum grano salis*², из-за некоторого подобия ситуаций, правда, если исключить герцогинь. Я понимаю интерес Робера к истории, читая в настоящий момент «Отречение Карла Пятого»³, этакое Казимира-Перье⁴, только у него был гений и в сущности больше гордости, ибо он сказал о своей отставке не так напыщенно: «*Solve senescentem*»⁵. – Я вовсе не хотел сказать, что сырость в Крейцнахе была мне на пользу. – Ты меня не поняла. Я задал тебе вопрос, считаешь ли ты, что в сырую погоду и на первом этаже я хорошо сплю. Но погода улучшилась.

Тысяча нежных поцелуев.

Марсель

---

¹ Цитата из предисловия к книге «Переписка Жозефа Жубера, изданная Полем де Рейналем» (1883).

² С крупинкой соли (*лат.*).

³ «Карл Пятый: отречение, пребывание в монастыре Юсте и смерть» (1854) – книга Франсуа Минье.

⁴ Жан Казимир-Перье (1847–1907) – президент Франции в течение шести месяцев в 1894–1895 гг. Объявил о своей отставке, обратившись с прочувствованной речью к Национальному собранию.

⁵ Начало стиха Горация: «Вовремя, если умен, ты коня выпрягай, что стареет» (Послания, кн. 1, послание 1), пер. Н. С. Гинцбурга. Слова, сказанные Карлом V по поводу его отречения от престола.

Р. S. В общем, не следует изумляться. Как видишь, Шефдебьен пребывал на озере все то время, что и мы, и я даже нанес ему по вине г-жи Бартолонии¹ (помнишь?) обязывающий визит. Так вот я видел его здесь *за все время* один раз, сегодня утром. А завтра он уезжает. А ты, только потому, что он находился на озере, хотела, чтобы я отсюда уехал.

Рейнальдо мне не пишет. Почему ты называешь его *бедный* Рейнальдо? Мне это все непонятней, быть может, это выражение связано с чем-то, чего я не смог прочесть в твоём вчерашнем письме. Только бы с ним не случилась беда. Но нет, не может быть, ты бы мне сегодня об этом написала.

Матери

Отель «Великолепный»

Эвиан-ле-Бен

Пятница, час дня [22 сентября 1899]

Милая мамочка,

Постараюсь писать кратко, чтобы не устать: мне надо тебе многое рассказать.

Если мое письмо дойдет вовремя, напиши мне, что я должен дать официанту, который приносит мне обед и ужин (дали ли вы что-нибудь бледному Рафаэлю, который так плохо говорит по-французски и обслуживал вас в последние дни?). Я не хочу превращать его в мученика, но после отъезда многих постояльцев он по-прежнему подает обед мне одному. Если я получу твоё письмо

---

¹ Мари-Тереза Фразер Фризель де Бартолонии (1833–1910) – жена банкира и государственного деятеля Анатоля де Бартолонии, крестница Шатобриана, бывшая придворная дама Жюли Бонапарт, внучатой племянницы Наполеона I.

в воскресенье утром, то успею последовать твоим советам (даже если оно придет только к ужину). У нас вновь прекрасная погода (вчера и сегодня, позавчера был потоп). К сожалению, мой сон по-прежнему не длится всю ночь. Хотя я прилагал к этому все усилия с самого приезда и все еще прилагаю. Я подробно опишу тебе мои горести (вернее, мои радости) в другой раз. Я вернулся из Женевы очень поздно и сразу отправился к Котте¹ попрощаться с ним: он уехал сегодня утром. Потому я вернулся в гостиницу только в полночь. Запястье у меня больше не болит, и повязка снята. Вот почему я смог поехать в Женеву. Накануне Константин передал мне, что, если будет хорошая погода, он поедет в Коппе с Эрманом на автомобиле (автомобиля принца де Шиме² так и нет по причине охоты либо Дела). Шел дождь. Ночь была беспокойной: все мысли о том, поедут они или нет. С половины восьмого я был уже на ногах, ожидая известий и смотря на небо. В результате они поехали. Мы договорились, что я, поскольку мне опасно находиться слишком долго в автомобиле на ветру, поеду поездом до Женевы, где мы встретились (и где депеши – но я получил твое письмо слишком поздно и не мог отправить его отсюда – стоят 2 су одно слово, так что составила круглая сумма, поскольку твои две были не единственными, и на почте отказались убрать некоторые слова. Впрочем, если ты попробуешь убрать из моих депеш хотя бы *одно*, то увидишь какая будет неразбериха. Попробуй). Из Женевы я поехал в Коппе на автомобиле. «Г-жа графиня» обедала в Женеве. Но я предпочел г-же д'Оссонвиль г-жу де Сталь и пожелал подробно изучить все комнаты. В этот день замок как раз

---

¹ Врач в Эвиане. Пруст ценил его широкую образованность.

² Принц Александр де Караман-Шиме (1873–1951) – муж сестры Анны де Ноай.

был открыт для посетителей. Наверное, поэтому они не поехали: экскурсия была изнурительной, повсюду – толпа. К тому же она пошла на вокзал встречать герцога де Броя¹. У нее нет дня, когда она принимает, так что делать было нечего. Снова на автомобиле я поехал из Коппе в Преньи², а оттуда в Женеву (в Преньи г-жи де Ротшильд тоже не было дома. Я дал Константину мою визитную карточку, чтобы он передал ее г-же д'Оссонвиль и г-же де Ротшильд). Когда я приехал на автомобиле в Женеву, похолодало, поднялся ветер, и я подумал, что возвращение на автомобиле в Эвиан может вызвать приступ. Я покинул их в Женеве, поужинал и снова сел на поезд. В связи с этим, поскольку они хотели отвезти меня обратно на автомобиле, Константин сказал, что вред, который мне якобы может причинить резкий ветер, – это все игра моего воображения, потому что папа всем говорит, что у меня ничего нет и что моя астма – только плод моего воображения. Когда я утром проснулся, то как раз убедился, что она вполне реальная, и было бы очень мило с твоей стороны написать мне что-нибудь вроде этого: «Твой отец очень рассержен из-за того, что ты ездил на автомобиле. Ты знаешь, что навредить тебе может немного вещей, но нет ничего хуже для твоей астмы, чем холодный ветер».

У меня плохой почерк, потому что прелестное солнышко меня разморило и разнежило. Я пишу, положив на колени скамейку, нагретую солнцем и вобравшую тепло, которое я бы назвал почти материнским, если бы отсутствие моей матушки не заставляло меня слишком

---

¹ Герцог Жак-Виктор-Альбер де Брой (1821–1901), внук Ж. де Сталь, был кузеном мужа графини д'Оссонвиль.

² Преньи-Шамбези, город в окрестностях Женевы, где на берегу озера находился замок барона Адольфа де Ротшильда и его жены Жюли де Ротшильд (1830–1907).

хорошо чувствовать разницу и неточность этого слова. Разумеется, в автомобиле все мне казалось удивительным и хотелось рассказать о каждом маневре Дику¹, который, наверное, отвечал бы мне: «Ну разумеется». К счастью, я ни Ленге, ни Дешан², ни кто-либо другой: для них наше прибытие на автомобиле в старинный Коппе и «испуганные тени г-жи Рекамье³ и пр. ...» стали бы благословенной темой, которую, как я догадываюсь, они бы весьма развили. Я узнал из твоего письма о помиловании Дрейфуса (он должен был сказать своим неуступчивым сторонникам, которые были против этого «жалкого, похожего на лохмотья»⁴, помилования (именно жалкого, так и говорят: жалкий тип): «мне дороги мои лохмотья». Но я говорю совершенно искренне «бедняга») (какой тип нашел Эрман-Поль⁵: он кажется правдивым, восхитительно чувствительным и полон болезненной грации) и аресте Герена⁶ («Вы гордый нищий»⁷). Не знаю, благодаря кому мое имя оказалось в «Фигаро» в перечне за-

---

¹ Прозвище Робера Пруста.

² Возможно, имеются в виду Анри Ленге (1736–1794), адвокат и публицист, и один из братьев: Эмиль Дешан (1791–1871) или Антони Дешан (1800–1869), поэты-романтики. Но более вероятно, что речь идет о журналистах, современниках Пруста, печатавшихся в газете «Тан» – Ленге и Гастоне Дешане.

³ Жюльетта Рекамье (1777–1849) – знаменитая красавица, хозяйка салона, подруга Ж. де Сталь. Часто бывала у нее в Коппе.

⁴ Измененная цитата из комедии Мольера «Ученые женщины». По мнению сторонников Дрейфуса, помилование означало признание его вины.

⁵ Эрман-Поль (наст. имя Поль Эрман; 1874–1940) – художник, карикатурист, дрейфусар.

⁶ Жюль Герен (1860–1910) – журналист, антидрейфусар. Был арестован за провоцирование антисемитских беспорядков и попытку государственного переворота.

⁷ Цитата из драмы В. Гюго «Рюи Блаз».

всегдаев семейства Витта¹. Благодаря кому-то из этого семейства или г-ну Патеку. – Сожалею: это означает мое присутствие в местном светском обществе, которого я до сих пор избегал (я не посещал даже г-жу д’Осс[онвиль] до тех пор, пока не оказался в Коппе, историю коего прежде тщательно изучил по глупой, но познавательной книжке Поля Дешанеля о г-же Неккер², г-же Рекамье, г-же де Бомон и т. д.³, книжке, которую мне дала на время г-жа Коттен). Не скрою от тебя, что доктор Коттен, кажется, от меня в полном восторге. *Проводит ли он зиму в Париже?* Разумеется (делаю это глупое уточнение, зная, какое впечатление у моей матери), «в восторге» в хорошем смысле; не думай, что это дурная связь, упаси бог!!!!!! Пришли мне визитки, я оставляю их у г-жи Пинар⁴ (Шефдебьен давно уехал) и г-жи Витта. Ты рассказываешь мне поразительные вещи о чете Улифов. Они казались мне воплощением святости и потому занудными. Муж вежлив до смешного, а жене, несмотря на все добрые намерения, никак не удается избавиться от чопорности. Кто такой г-н Галар, который, не будучи со мной знаком, тут как-то подходит ко мне (правда, я немного знаком с его сыном) и спрашивает: «Этот господин – виконт де Моньи?» – «Да, сударь». – «Он сын графа?» – «Да, сударь». – «Я знаком с его отцом». И это все, в духе Кордые. А позавчера он

---

¹ Речь идет о семье барона Джузеппе Витта (1860–1942), итальянского банкира и коллекционера, жившего с семьей на своей вилле в Эвиане. В «Фигаро» был опубликован список присутствовавших на свадьбе его дочери Фанни (Kolb. 2, 342).

² Сюзанна Неккер (1737–1794) – мать Ж. де Сталь, писательница, хозяйка салона.

³ Имеется в виду книга Поля Дешанеля (1855–1922), политика и писателя, «Лики женщин» (1889).

⁴ Речь идет о вдове банкира Альфонса Пинара, которая жила в Амфионе, вблизи Эвиана.

спросил с таким видом, словно разоблачил меня, что мне очень не понравилось: «Вы племянник г-на Вейля?» Будем называть его Югурта¹, чтобы ты спокойно могла сообщить о нем все, что знаешь. Г-жа Улиф, г-жа Коттен и др. надоели мне своими просьбами переехать в другие комнаты: они считают, что в моих слишком сыро. Котте так не думает и вообще полагает, что у меня был не ревматизм, а воспаление синовиальной оболочки. – Ну, вот, а я собирался написать тебе два слова. Но с тобой я изливаю все, что у меня на сердце, и не могу остановиться. Если ты можешь мне сказать, что я должен дать горничной, то не пиши, а *тут же* посылай телеграмму. Я пойму, о чем речь. Запястье у меня *совсем* не болит. Но никому не говори, я воспользуюсь этим, чтобы не отвечать на скучные письма. Что касается Пупетьера², то у меня уже нет времени выразить тебе мою радость. «Великая радость безмолвна»³.

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

*Пьеру де Шевийи*⁴

Париж, пятница [13 октября 1899]

Дорогой Пьер,

Мне переслали из Эвиана целую пачку писем, в которой своим приятным стилем и с первого взгляда – «зна-

---

¹ Царь Нумидии (II в. до н. э.).

² Пьер Пупетьер, сын кровельщика в Эвиане. Пруст просил мать прислать для него денег, что она и сделала (Tadié. 579).

³ Сокращенная и слегка измененная цитата из трагедии Сенеки «Федра» (I в. н. э.): «Великие радости и великие скорби безмолвны».

⁴ Пьер д'Юмийи де Шевийи (1872–1948) – друг Пруста, с которым он познакомился в гостях у К. де Моньи.

комым» почерком – выделяются ваши письмо и открытка. Не думайте, что я где-то прячусь, что я в бегах, в тайном убежище или в тюрьме. Как я вам писал, я уехал в Париж с поспешностью, которую могут засвидетельствовать Бранкованы и каковая, вы это знаете, является следствием долгих предшествующих колебаний. По возвращении я простудился и сейчас не здоров. Я вновь увидел верного и понимающего д'Онсье¹, который одарен не только славной родней (мое воображение никогда не могло оценить подобных преимуществ гения, и оно не воспламеняется от этого при виде могилы Боссюэ или рукописи «Мыслей»²), но и свободным, приятным умом. Он по доброте своей следует везде за мной, а я веду его только в такие величавые места, как Лувр или Национальная библиотека (где в «Ревю женераль»³, рядом – о, судьба! – со статьей г-на Трогана⁴ и статьей г-на Бордо⁵ я наконец нашел, прочитал и полюбил «Семь светочей архитектуры» Рёскина⁶, весьма замечательное сочинение). Я часто думаю о наших предполагаемых озерах, обещанных ледниках, о нашей воображаемой

---

¹ Граф Франсуа д'Онсье де ла Бати (1871–1906) – друг Пруста, с которым он познакомился в Эвиане.

² Книга (1670) Б. Паскаля.

³ Имеется в виду «Всеобщее обозрение точных и прикладных наук», бельгийский журнал, основанный в 1890 г.

⁴ Эдуард Троган (наст. имя Луи Жубер; 1861–1934) – писатель, музыкальный критик и журналист, с которым Пруст также познакомился в Эвиане.

⁵ Анри Бордо (1870–1963) – адвокат в Тононе, писатель, с которым Пруст познакомился в свою бытность в Эвиане и затем переписывался.

⁶ Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель и художник, профессор изящных искусств в университете Оксфорда. Книга «Семь светочей архитектуры», посвященная протестантской готике, вышла в 1849 г.

Ломбардии и мечтаю о несовершенных путешествиях, что является способом их совершить, в ожидании того времени, когда в согласии с закономерностью, заставляющей в конце жизни реализоваться наши юношеские смутные планы и приведшей меня этим летом в Тонон, мы вдвоем совершим – во исполнение старинного обета и ради претворения в жизнь все еще не утраченной мечты – столь маловероятное паломничество на берега, где играл Фабрицио¹.

Передайте, прошу вас, в зависимости от ранга и возраста выражение моего почтения или мой дружеский привет всем тем, кто радушно принимал меня в Тононе: вашим родителям, г-ну Патеку и наконец г-ну Бордо. Но я не решаюсь включить в этот общий список то совершенно особое существо, коим является ваша сестра: ей словно предназначены стихи из «Дома пастуха»², которые несколько дней тому назад я осмелился читать ей под мерное покачивание автомобиля (Боже! Я должен вам больше десяти франков) на темнеющей дороге, когда надвигалась ночь. И не знаю, в этих ли восхитительных стихах или в ней было тогда больше поэзии. Мое почтение также мадемуазель де Фора³. Примите уверения, дорогой Пьер, в моей нежной дружбе.

Марсель Пруст

---

¹ Герой романа Стендаля «Пармская обитель» (1839).

² Философская поэма (1844) Альфреда де Виньи.

³ Речь идет о дочери графа Амеде де Фора, видного савойского деятеля, историка.

*Пьеру д'Орлеану*¹
9, бульвар Мальзерб
Четверг 30 ноября [1899]

Дорогой друг,

Я не ответил вам раньше, так как был серьезно болен. Вы спрашивали меня, верен ли я тому хорошему и плохому, что намечалось во мне в мою бытность в полку. По крайней мере две вещи остались без изменения. Мое здоровье – отвратительно, и очень редко бывает, чтобы я не страдал целый день. Я сдержал и другое обещание: не забывать друзей.

Когда мы увидимся, я расскажу, почему не писал вам. При встрече мне это будет легко, я буду счастлив увидеть вас. Обстоятельства не всегда позволяют выразить то, что мы так живо чувствуем. Я обращался к вам только мысленно, беседовал с вами молча, но память о вас не поблекла, и я думал о вас, когда пришло ваше неожиданное, милое письмо.

Как жаль, что проклятое «дело» в то же время встало между нами. Вы задали мне в связи с ним вопрос, на который я бы очень хотел не отвечать, но это было бы малодушием с моей стороны. Вы спрашиваете, не забыл ли я, что моими командирами были такие офицеры, как Валевский² и Невиль. Конечно, нет. Я вспоминаю о них с чувством глубокого уважения и благодарности. И не только их я почитаю. Я часто вспоминаю полковника Арвера, майора Аппера. Я испытываю чувство любви не только к командирам, которые были так добры ко мне, но и к Армии вообще. По мере размышлений я пришел

---

¹ Лейтенант Пьер-Феликс-Габриэль д'Орлеан (1865–1907) служил в Орлеане вместе с Прустом. В момент обмена письмами д'Орлеан, как следует из контекста, находился в заморском департаменте Франции.

² Капитан Шарль Валевский (1848–1914) был внуком Наполеона I.

к выводу, что мне больше всего по душе именно армейская жизнь. Я сожалею, что здоровье не позволило мне продолжить службу. И когда на армию так глупо и отвратительно нападают, меня переполняют чувства скорби и гнева.

Почему я не могу на этом остановиться, почему ваша откровенность вменяет мне в обязанность сказать вам все, сказать то, что может отвратить вас от меня, и как раз в тот момент, когда я узнаю, что вы по-прежнему питаете ко мне симпатию? Но поступить по-другому было бы лицемерием. Нет, что касается дела (я не говорю о том, что ему сопутствовало, о проявлениях милитаризма и антимилитаризма, антиклерикализма и т. д., повторяю, мне омерзителен и антимилитаризм, и антиклерикализм), так вот, что касается дела *с юридической точки зрения*, то я был и остался *дрейфусаром*, всегда верил в невиновность Дрейфуса и восхищался самоотверженным поведением полковника Пикара. Мне было нелегко сказать вам это, но вы сами попросили. Хотя, придерживаясь такого мнения, я испытываю искреннее чувство любви к армии и чувство презрения к некоторым ее противникам, я знаю, что становлюсь для вас нравственным уродом, что моя позиция в ваших глазах – это порок. Но, даже находясь так далеко от вас, я не имею права вас обманывать.

Хотя, как я полагаю, после всего сказанного мое имя будет вычеркнуто из списка ваших друзей, я все же скажу вам еще два слова на всякий случай и отвечу на ваши вопросы. Я немного писал, издал книжку, дрался (говорю вам это, чтобы вас посмешить) на дуэли и – вы будете смеяться еще больше – чувствовал себя во время этой дуэли отлично!

Одним словом, если бы не это грязное Дело, вы, быть может, нашли бы меня даже чуть лучше, чем раньше. Увидев, в каком я состоянии, вы бы поняли: то, что вы при-

нимали за расслабленность и отсутствие энергии, было началом недуга, в котором я не виноват. А в нравственном отношении вы нашли бы меня не столь легкомысленным, как прежде. Но еще больше я надеюсь, что нашел бы вас не изменившимся, таким же добрым и милым, как раньше. Ваше письмо показалось мне тому доказательством. Я словно слышал ваш голос. И зачем только вы заговорили со мной о деле? И почему психология толпы, которую я не могу объяснить и которая должна помочь нам понять остававшиеся доселе загадочными эпохи, позволяет иначе думать о религии, морали, искусстве, политике и при этом оставаться друзьями, в то время как иное мнение, когда речь идет о виновности или невиновности человека, то есть о факте, а не о принципе, воздвигает между людьми непреодолимое препятствие? Одно только это различие во мнениях полностью переменяло все общество, мнение стало своего рода знаком, паролем, в зависимости от которого люди объединяются или расходятся. Если какой-нибудь прославленный генерал выступает в защиту Дрейфуса, он немедленно становится объектом ненависти со стороны защитников армии, если обладатель знаменитого имени – дрейфусар, аристократия отвергает его, если священник на стороне Дрейфуса, католики нападают на него с бранью. В то же время если гражданское лицо – против Дрейфуса, ему достаются словно воинские лавры; если радикал – против Дрейфуса, все клерикалы голосуют за него, если еврей – против Дрейфуса, его защищают антисемиты, и он принят в Сен-Жерменском предместье. Есть только это, ничего другого нет. «Быть или не быть. Вот в чем вопрос».

Читая газеты, понимаешь, в какую необычайную с точки зрения общественной жизни историческую эпоху живешь. С точки зрения частной жизни эта эпоха еще поразительнее: никакие связи, в том числе родственные,

не принимаются в расчет, когда речь идет о деле. Поэтому, несмотря на кое-какие весьма утешительные для меня исключения, я не осмеливаюсь предположить, что таинственная нить, еще связывавшая меня с вами через моря, не порвется в то время, как порвались такие прочные узы, узы людей, бывших вместе все дни. Как бы то ни было, воспринимайте мой ответ, каков он есть, то есть не как невежливость или вызов, от которых я далек столь же, сколь и от вас, а как признание, от которого я тем более не мог уклониться, что мне трудно было его сделать. И если вам еще не опротивели все заморские товары, то примите снисходительно, как забавную редкость из далеких стран, выражение неизменной симпатии и благодарности от друга из Франции, который, растроганный больше, чем он сумел выразить, вашим изысканным, неожиданным письмом, будет очень счастлив, если однажды сможет пожать вам руку, если, конечно, вы подадите ее дрейфусару!

*Ваш бывший подчиненный
Марсель Пруст*

Мэри Нордлингер¹
Вторник [5 декабря 1899]

Мадемуазель,

Какая досада, что вы не в Париже, и какая досада, что в вашу бытность в Париже мы так мало общались и что я так плохо воспользовался этой возможностью. Ибо такие письма, как то, которого вы меня недавно удостоили, вызывают больше, чем чувство благодарности, а именно – чувство подлинной симпатии. А это чувство требует

---

¹ Мэри Нордлингер (1876–1961) – английская кузина Рейнальдо Ана, живописец, скульптор, большой друг Пруста.

непосредственного общения с тем, кто вам симпатичен, и абстрактных идей ему мало. Оно не такой философ, как вы, когда вы говорите: «Не знаю, есть ли у меня друзья среди живущих». Книги не могут заменить друзей. Простите, что я как будто вам противоречу. Вы сами заставляете меня чувствовать к вам такую требовательную симпатию, которая, когда я читаю ваше прекрасное письмо и вижу изысканные знаки вашего внимания, еще больше возрастает и побуждает меня стремиться к вам.

Я был не слишком счастлив все то время, что не имел чести видеть вас. Мое и без того плохое здоровье еще больше ухудшилось. И, к несчастью, мое недомогание как будто отразилось на моем воображении, которое хотя бы мне, если не другим (ибо вы исключение, поскольку вам нравится то, что мной написано, как, впрочем, вы исключение во всем), дарило немного радости. Уже давно я работаю над одним большим произведением, но оно остается в набросках. Порой я задаюсь вопросом, не похож ли я на мужа Доротеи Брук из «Миддлмарча», который собирал обломки. Последние две недели я занят одной небольшой работой, совершенно не похожей на мои обычные занятия: я пишу о Рёскине и некоторых соборах. Если мне удастся, как я надеюсь, опубликовать ее в каком-нибудь журнале, я вам тут же пошлю журнал. Если бы у меня было опубликовано что-то еще, я бы вам это послал, но до сих пор я наполняю только ящики моего стола.

Не знаю, сумел ли я выразить, какое удовольствие доставило мне ваше письмо. Мне нелегко это сделать. Мне кажется, что смешно воспринимать как нечто большее, чем любезность, то, что вы говорите о моей книге, и полагать, что это соответствует действительности, то есть что у меня есть подлинный талант. Поэтому я не решаюсь отвечать на вашу похвалу. Но вы видите, какое

удовольствие мне доставили, и я прошу вас: когда вам нечем будет заняться, возьмите перо и подайте мне весточку. Если у вас когда-нибудь появятся вопросы относительно какой-нибудь французской книги или французского художника, будет очень мило с вашей стороны обратиться ко мне. Хотя я плохо отвечаю на письма из-за моего скверного здоровья, которое, впрочем, немного улучшилось, но по-прежнему отвратительно, мне доставит большую радость написать вам, и я буду польщен тем, что вы обратились ко мне за справкой!

Передайте, прошу вас, привет вашей сестре. Примите, мадемуазель, уверения в моем почтительном восхищении и благодарности,

Марсель Пруст

Мэри Нордлингер
[После 21 января 1900]

Мадемуазель,

Когда я узнал о смерти Рёскина, мне так живо представился ваш образ, что я *должен* был вам написать. Дело не в том, что иначе я бы о вас не вспомнил. Вот уже некоторое время, как я болен, мне нелегко писать, и я не хотел диктовать письмо для вас, но самая нежная благодарность за ваше письмо, за присылку книги с вашими драгоценными пометами жива во мне, и я не изредка вспоминаю о вас, но в глубине души общаюсь с вами по несколько раз в день. Однако, когда я узнал о смерти Рёскина, мне захотелось именно вам, а не кому-то другому сказать о моей печали, светлой, впрочем, и не безутешной, ибо я чувствую, как мало значит смерть для того, кто продолжает жить с такой силой и кем я так восхищаюсь, кого слушаю, стараюсь понять и кому хочу быть верным

в большей степени, чем живым. Месяц тому назад я хотел спросить вашего совета относительно того, что я писал о нем. Но опасение побеспокоить вас, весьма глупое, ибо речь шла о том, что вы любите, и, значит, вам было бы интересно, остановило меня, и я обратился за советом к одному другу-англичанину. Потом я еще хотел спросить вашего совета относительно то какого-нибудь слова, то заглавия, то мысли. Но тогда не все то же опасение, а болезнь (я так глупо подцепил грипп, не тяжелый, однако он добавился ко всему остальному) помешала мне вам написать и заставила задать вопросы тем, кто был рядом и кому не надо было писать. А вот у вас нет оправданий, почему вы ничего не спросили у меня о французских авторах и не пожелали узнать мое драгоценное мнение о жизни вообще (мое тщеславие заставляет меня полагать, что я мог бы ответить на ваши вопросы). Вообразите, что, когда вы прислали мне книжечку Рёскина с вашими милыми пометами, похожими на засушенные цветы, одна из которых была словно цветок, сорванный нами вместе, ибо она заключала цитату, которую вы с изяществом почерпнули в моей книге, я как раз написал кое-что о Рёскине. Я не помню в точности, что именно (я пошлю вам текст, как только он будет опубликован), но смысл был примерно следующий: «Так он доставляет нам радость, подобно тем, кто посылает нам в подарок то, что долго служило им и что они не собирались дарить, и именно такие подарки – самые драгоценные для чувствительных душ». И мгновение спустя я получаю эту книжку, бывшую в вашем личном пользовании, этот столь изысканный подарок, и книжку именно Рёскина. О, предустановленные гармонии!

Сказал ли вам Рейнальдо, что жестокий Рёскин запретил переводить его произведения на французский язык, так что мои бедные переводы останутся

неопубликованными? Но в моих статьях о нем будут большие фрагменты из этих переводов.

*С искренним уважением, благодарный
Марсель Пруст*

Дугласу Эйнсли [?]¹

Четверг вечером [весна 1900?]

Увы, дорогой друг, уже более двух лет я не могу обедать не дома, мои тяжкие ночи приковывают меня днем к постели. И сейчас, в пору сильных приступов, я пользуюсь спокойными часами между двенадцатью и четырьмя и сплю. Так что я не могу прийти на обед. Как-нибудь постараюсь вас увидеть. Но лучше не назначать заранее время встречи, я никогда не знаю, что со мной будет завтра. Не пытайтесь меня увидеть дома: если я буду болен, я не смогу вас принять, а если я буду хорошо себя чувствовать, то меня не будет дома. Я прочитал с огромным интересом вашу великолепную хвалу Моро². Не напрасно он оставил полотна, полные красок и мыслей, раз их увидели теперь такие глаза, как ваши. Знаете ли вы его картину «Женщина, несущая голову Орфея», в Люксембургском музее?³ Так вот, мне кажется, что, открыв в полотнах покойного художника неизменную жизнь и тем оживив его, вы должны были чувствовать, что тоже с благоговением несете голову Орфея. Мне грустно думать, что вы были

---

¹ Дуглас Эйнсли (1865–1948) – друг Пруста, английский дипломат, поэт и переводчик, автор воспоминаний о Прусте.

² Гюстав Моро (1826–1898) – художник-символист, которого Пруст считал идеалом художника. По мнению Ф. Колба, Эйнсли, по видимому, воздал ему хвалу в письме к Прусту (Kolb. 2, 393).

³ Картина «Фракийская девушка, несущая голову Орфея на его лире» (1865) находится в настоящее время в музее Орсе.

больны. Берегите тот драгоценный инструмент, из коего, написав мне, вы извлекли столь полные очарования звуки.

*Преданный вам
Марсель Пруст*

*Константину Бранковану
[31 января? 1901]*

Дорогой друг,

Не думаю, что духовные волны, объект исследований Нового института психологии, способные на расстоянии достичь того, кто их вызвал¹, существуют в действительности, и не могу поручить им уведомить вас, что я был болен гриппом с первого дня нового года и ждал, когда состояние здоровья позволит мне выразить вам глубокую печаль, причиной которой является ваше отсутствие, а также мою живейшую благодарность за ваше сердечное участие, служащее мне поддержкой и утешением. Все, кто знает, что такое дружба, оценили бы вашу любезность. Но если вы вспомните, что я постоянно болен, лишен всех радостей, живу без цели, ничего не делаю, ни к чему не стремлюсь, ибо жизнь моя кончена, и только чувствую, как страдают из-за меня мои родители, то вы поймете, какое значение приобретают для меня дружеские привязанности, ведь в моем сердце остались только мои друзья, и как я благодарен тем, кто, как вы, с такой деликатностью выражают мне дружеские чувства. Говорю вам спасибо от всего сердца. Ваше прекрасное письмо

---

¹ В январе 1901 г. во Франции был открыт «Международный психологический институт». Во вступительной речи физика и биолога Эмиля Дюкло, опубликованной в газете «Фигаро», имеются параллели с этими словами Пруста (Kolb. 2, 417).

меня глубоко взволновало. Меня, как никого другого, интересуют жизненные планы, ибо я испытываю потребность в таком плане, и, хотя некоторые не совсем ясные пассажи вашего письма (из-за почерка, а не по причине стиля или содержания) требуют уточнений, за которыми я обращусь к вам после вашего возвращения, то, что вы пишете о «Vita Nuova»¹, просто поразило меня, и я много думаю о ваших словах. А ваша телеграмма в первый день Нового года доставила мне бесконечную радость. Не забуду того момента, когда я ее получил. Я почувствовал истинное присутствие друга.

Я не стану, дорогой друг, выражать вам свои пожелания. Мои друзья знают, к чему стремятся, и я желаю им того, чего они сами себе желают, а не того, чего я пожелал бы им, если бы меньше желал им счастья и почитал то, что уготовано им судьбой. Если Румыния представляет собой благоприятную почву, где ваша жизнь может принести много плодов, оставайтесь, дорогой друг, в этой стране столько времени, сколько необходимо. Я решусь даже принести в жертву мои собственные интересы и сказать: оставайтесь там навсегда, если так будет лучше. Единственный наш долг – быть достойными той частицы вечности, которая внутри нас, и скоропреходящие обстоятельства нашей жизни должны тому как можно более способствовать. Если все же вы решите, что временное пребывание в Париже (полагаю, что вы приняли именно такое решение) не противоречит исполнению высшего долга, то я буду, как никто другой, счастлив увидеть вас и побеседовать с вами в часы вашего отдохновения.

*Ваш искренний друг
Марсель Пруст*

---

¹ «Новая жизнь» Данте.

Графине де Ноай

Среда, в половине первого ночи [1? мая 1901]

Сударыня,

Я ожидал ваших стихов с беспокойной уверенностью человека, приготовившегося созерцать незнакомую красавицу. В их красоте я был уверен так же, как принц из сказки, для которого работали пчелы и цвели розы, был уверен в том, что у него будут и мед, и розы. Ибо гениальность, как и природа, не обманывает. Произведения вашего духа всегда будут драгоценны, как запах боярышника. Но к моей уверенности примешивалось беспокойство, потому что в явных чудесах, бессознательно совершаемых поэтами, всегда есть нечто непредвиденное, это каждый раз новые мысли и чувства, новая тайна, некая индивидуальная реальность, которая не будет воспроизведена вторично. Так одна роза похожа на другую, но поэзия всякий раз иная. Я был уверен в качестве вашей поэзии, но ждал нового. Моя уверенность оправдалась, как и мои ожидания. Я только что прочитал ваши стихи, так как я только что вернулся домой после вечера у г-на де Монтескью. Когда их принесли, я уже уходил (должен ли я говорить вам, что ничего не сказал о них г-ну де Монтескью, поскольку вы просили никому их не показывать?). Я положил ваши стихи в конверт на имя мадемуазель Лапарсери¹. Я уже знаю, что многие строки мне особенно нравятся. Я почувствовал то особое выражение, ту породу, вернее, ту индивидуальность, которую с восторгом находишь в любимом поэте. «Голуби, чья белизна, как стяг», «солнца путь без тени, неуклонный», «лебеди, танцующие в вихре», «край сокровенный нежности

---

¹ Кора (наст. имя Мари-Каролина) Лапарсери (1875–1951) – актриса, читала неизданные, посланные Прусту стихи Анны де Ноай на вечере у него дома 6 мая 1901 г.

моей»¹, и та восхитительная простота, с которой вы обращаетесь к природе, вы словно на «ты» с бесконечным и с «круглощечкой луной»² и называете Совесть «Товарищ давний мой».

Сударыня, не знаю, как вас благодарить. Меня мучает мысль, что этой бесконечности будет поставлен предел в негостеприимных умах. Благодарю вас за то, что позволили вашим стихам украсить один из вечеров, подобно тем голубям, что гуляют вечером, а до того отдыхали у ваших сандалий. Потом они снова улетят, и никто не прервет их полет.

Вот уже час ночи, так поздно я вернулся после вечера у г-на де Монтескью. Я мог бы сказать вам еще немало, как говорится в одном знаменитом стихе Коппе. В частности то, что мадемуазель Лапарсери назначит вам свидание.

Простите за это длинное и плохо написанное письмо, результат усталости от утомительных приготовлений и от длительной беседы с таким блистательным собеседником, как Монтескью. В общем, не надо печалиться, когда чего-то нет. Обычно мы получаем то, чего более не желаем. Но к вашим стихам это не относится: я любил их еще тогда, когда почти не знал. Два года назад мне были известны только две строки:

Кто помнит летним днем средь роскоши цветенья
О том, что нежных роз зимой исчезнет прах³?

Я спрашивал о ваших стихах у тех, у кого они могли быть, потому что, услышав эти две строки, я почувствовал, что во мне родилась новая страсть, и не знал, как ее

---

¹ Цитаты из стихотворения А. де Ноай «Совесть».

² Речь идет о стихотворении А. де Ноай «Слова, обращенные к луне».

³ Цитата из стихотворения А. де Ноай «Наша любовь» (1892).

удовлетворить. Так было после того, как я впервые увидел одну картину Гюстава Моро и услышал одну мелодию Форе (упоминаю о них, потому что это были страсти, а что до их художественной ценности, то о ней можно спорить). В то время я никак не мог предположить, что однажды вечером вместо двух строк получу два стихотворения, почти переработанные для меня и написанные рукой поэта. Таковы поэтические реванши, уготованные нам судьбой, так исполнилось горячее духовное пожелание.

*Ваш исполненный уважения почитатель, сударыня,
Марсель Пруст*

Жану Виньо¹

Воскресенье вечером [29 сентября? 1901]

Дорогой друг,

Этот год был для меня ужасен в плане здоровья. Вот уже скоро октябрь, а я до сих пор не был в состоянии ни на один день покинуть Париж. С мая 1900 года я не уезжал ни на один день. Простите, что я так много говорю о себе. Вы не должны пенять мне за то, что я до сих пор не поблагодарил вас за вашу книгу². Ваша книга – не однодневка и ее красота не блекнет по прошествии времени, через десять лет я буду любить ее так же, как сейчас (а я желаю и предсказываю ей еще более впечатляющую долговечность), и потому мне не кажется странным говорить вам о ней спустя столько времени. И, быть может, теперь, когда все вам уже всё сказали о вашей книге, поблагодарили за нее, вам будет приятно узнать из этого запоздалого письма, что ее продолжают перечитывать и любить.

---

¹ Жан-Гастон-Луи Виньо (1875–1962) – поэт, прозаик, журналист.

² Речь идет о сборнике стихов Ж. Виньо «Прием» (1901).

Ваши стихи не только прелестны и достойны восхищения. В них есть, и это должно исполнить вас доверия и радости, весьма яркая и глубокая оригинальность – духовная. Нет другого сборника стихов, который бы так отличался от всей современной и предшествующей поэзии, отличался не намеренно, что обычно только выдает общий исток, но в силу вашей искренности и таланта, в котором проявляется оригинальность вашей души. Вы как будто ввели в литературу новое чувство. Не знаю, как его назвать. Это нечто большее, чем нежное чувство к другу. Это и не милосердное отношение к гостю. Слово «гостеприимство» слишком отсылает к Древней Греции, которой, впрочем, не была известна чарующая изысканность душевного гостеприимства. Это и не только отношение в широком смысле человека к человеку. «Прием» – вот подходящее слово, которое подразумевает изящество и деликатность, отличающие прием от гостеприимства. Уверен, что это благородное и прелестное слово, «прием», будет отныне в ходу, хотя оно и не включает всего богатства чувств, которое вы вкладываете в это понятие. Это ваша находка, и она останется таковой. Чувства так глубоки и просты (в ваших стихах есть изысканные пейзажи, а в стихотворении о хлебе словно звучит, с важностью, «Отче наш», и хлеб у вас действительно насущный), а два образа, которые я не могу назвать ни друзьями, ни хозяином и гостем, ни братьями, но Принимающим и Принятым, остаются загадочными, чуть намеченными и невидимыми в тени, так как освещены только стена и сад. Эта тайна – эстетическая оригинальность книги, а выраженное в ней новое чувство – ее духовная оригинальность. Поздравляю вас, завидую вам, благодарю вас и прошу принять уверения в искренних, дружеских чувствах.

Марсель Пруст

Фернану Грегу
Четверг [28 ноября 1901]

Дорогой друг,

Думаю, мне не надо было сообщать тебе в той записке, которую я оставил у тебя во вторник, что я только оправился после серьезной болезни. Читая мою записку, ты должен был понять, что некоторое время мое окно было плотно закрыто и до меня не доносились «шорохи жизни и голоса современников», и поэтому я не слышал тех голосов, которые уже прославляли «Открытое окно»¹, и решил, что это сборник стихов. Антуан Бибеско² сообщил мне приятную новость: «Грег посвятил вам кое-что в своей новой книге». Мне даже в голову не пришло, что речь идет, быть может, не о книге стихов. Все же это восхитительная, поэтическая книга. Я напишу тебе о ней позже, а сейчас хочу сказать тебе, что радость от того, что мне посвящено одно произведение³, еще больше возросла, когда я увидел, что речь в нем идет о старых колоколах Онфлера. Я знал, что это стихотворение в прозе замечательно. Но не помню, чтобы оно казалось мне таким прекрасным. Думаю, что во французской литературе нет прекраснее стихотворения в прозе, да, это действительно так (быть может, только некоторые стихотворения в прозе Бодлера могут соперничать с ним, но не думаю, что они его превосходят). Я не знаю стихотворения в прозе, в котором было бы столько «Правды и Поэзии»⁴. Мне кажется, что,

---

¹ Сборник критических статей и литературных эссе Фернана Грега, оп. в 1901 г.

² Князь Антуан Бибеско (1878–1951) – румынский дипломат, двоюродный брат Анны де Ноай, друг Пруста с 1899 г.

³ Прусту посвящено стихотворение в прозе Ф. Грега «Колокола над морем».

⁴ «Поэзия и правда» (1833) – автобиографическая книга Гете.

хваля его, придется разбирать, как Триссотен¹, каждое слово и восторгаться каждым словом по отдельности, ибо неслыханное богатство мысли и чувства превращает каждый эпитет, каждую часть фразы в маленький мир, полный глубокой, разумной красоты. Маленькая дверь, такая домашняя, прижатые друг к другу домики, уже это очень красиво. Но порт у подножия домиков, которые придают ему кротость, вот слова, на которые сердце отзывается так же, как на звучание колоколов, о которых ты говоришь далее. Но останавливаться на каждом слове недостаточно. Все слова погружены в ту атмосферу, что создали окна домиков и вода в порту. Быть может, это та кротость, о которой ты пишешь. Во всяком случае, это поэзия. Но красота – только порог, только порт. Лодка медленно уносится течением, но она еще не отплыла. Но вот вся эта красота приходит в движение, зрелище приобретает что-то новое, что-то подвижное. И тогда ты находишь выражения такой красоты, которые по сравнению с неподвижной красотой начала то же, что слова по сравнению с песней. Фраза «Волна ее еще качает» – восхитительна, в ней есть скрытое богатство мыслей, смутность и глубина размытых образов, словно смотришь в воду в том порту. Слово «качает» передает медленное движение воды и в то же время отчасти – материнскую ласку домиков и порта, тесно связанного с ними. Думаю, ни у какого Лоти не найдешь ничего столь же уютного, как эта церковь, теплая, как большой альков. Сравнение с соборами великолепно. Но больше всего мне нравятся (до сих пор все было на своих местах, но как только колокола начинают звонить, они простирают свою власть надо всем, поглощают все и, в общем, подводят итог, ибо

---

¹ Персонаж комедии Мольера «Ученые женщины», салонный поэт.

они наполняют сердца моряков теплом земли-матери и противопоставляют, как ты сказал раньше, коварству моря радушие домашнего очага), больше всего мне нравятся в тот момент, когда звонят колокола, мачты, ставшие неподвижными земными устоями, восхитительный образ, который еще более усилен следующим: «подобно морякам и т. д.». Я прошу у тебя прощения, я действительно поступил, как Триссотен. Твоя книга доставит мне много радости, пробудив воспоминания, в частности, эссе о Верлене напомнит о тех прекрасных словах, которые сказал о тебе господин Дарлю, когда оно было опубликовано в «Ревю де Пари». Я был прав, когда недавно сообщил тебе, что, наверное, опять заболею. Мне уже не здоровится, как ты мог заметить по тому, насколько мне трудно выражать мои мысли. Поэтому я не решаюсь просить тебя еще о встрече. Сегодня я лег спать в полдень и проснулся в девять вечера. Образ жизни, не слишком подходящий для встреч с друзьями, к тому же он каждый день меняется.

*Твой благодарный
Марсель Пруст*

Графине де Ноай
Воскресенье [1 июня 1902]

Сударыня,

Пишу вам два слова, чтобы сказать о радости, которую я испытал, узнав, что вы получили премию¹, и о моей досаде от того, что два других поэта, имен которых я не могу припомнить, украли у вас половину ее и что вас увенчали в компании с этими двумя разбойниками. Такова была

---

¹ А. де Ноай получила премию Французской академии за свой сборник стихов «Безмерное сердце» (1901).

и участь Христа. Потомки забыли имена разбойников (предсказываю ту же судьбу и вашим разбойникам), а имя Христа бессмертно. Ваше имя тоже бессмертно. В общем, я очень доволен, что вам дали премию: мне нравится, когда мир внешних форм и его суетная иерархия следуют реальному миру и подлинной иерархии умов. Поэтому я проявляю интерес к выборам в Академию, когда речь идет о большом писателе, хотя все это так мелочно по сравнению с талантом. Вы знаете, что я считаю ваш талант единственным в своем роде. Он олицетворяет не одну премию, но все премии вместе взятые, не кресло или ложе в Академии, но высшую Академию, превосходящую ту, которая насчитывает сорок членов, Академию, в которой будете только вы. Такая Академия – в нашем вкусе. Действительно, было бы мило, если бы такой единственный поэт существовал и правил Францией, подобно тому Персидскому Поэту, которого Гюстав Моро изобразил в виде женщины¹ и который воспламеняет народ своим пурпурным, как у вас, одеянием и своими песнями. Я воспользуюсь этим сравнением, если когда-нибудь какой-нибудь Кальметт² позволит мне написать статью о вас. Она должна быть хвалебной хотя бы ради него. Если вы напомните принцессе де Шиме³, что я ее люблю, то это будет очень мило с вашей стороны. Примите, сударыня, уверения в моем глубоком почтении и передайте привет г-ну де Ноаю: я недавно услышал по телефону его прелестный голос, напомнивший мне о его изяществе, глубине и чистоте. Я его очень люблю – это ему слишком безразлично, чтобы быть неприятным. Передайте Эрма-

---

¹ Речь идет о картине «Персидский поэт» (1886).

² Гастон Кальметт (1858–1914) – журналист, директор газеты «Фигаро».

³ Элен Бибеско-Бассараба Бранкован, принцесса де Караман-Шиме (1878–1929) – сестра А. де Ноай, писательница.

ну, что связь между Донасьеном и Писателем¹ напомнила мне связь между Леоном де М.² (в смеси с Фердинандом де М.³) и Барресом, а г-ну Анн-Жюлю⁴, что я понимаю его детскую гордость материнскими лаврами.

Повергаюсь к вашим стопам, сударыня.

Марсель Пруст

Графине де Ноай

Суббота, вечером [28 июня 1902]

Сударыня,

От всего сердца благодарю вас за книгу: многие шедевры в ней мне уже знакомы, но в ней есть еще и много того, чего я не знал и что по меньшей мере так же прекрасно. Я напишу вам еще, когда прочту ее, но уже сразу могу сказать, что «Ностальгия», «Год», «Изобилие», «Волны», «Вечерняя меланхолия», «Природа-недруг», «Память», «Полдень» по меньшей мере на том же уровне, что и стихи, опубликованные в «Ревю де монд». И, продолжая от всей души любить «Безмерное сердце», полный решимости не любить так сильно ничего другого, не позволять другим сборникам брать над ним верх, не изменять ему с «Тенью дней», я все же чувствую, что эта книга – нечто большее, что вы выросли, подобно тому, как растет дерево, простирая новые ветви. Да, вы стали выше. Я не думал, что может быть что-то прекраснее «Безмерного сердца». Но

---

¹ Согласно Ф. Колбу, таких персонажей в произведениях А. Эрмана нет (Kolb. 3, 54).

² Граф Леон де Монтескью-Фезансак (1873–1915) – кузен Р. де Монтескью, писатель, националист, антидрейфусар.

³ Фердинанд де Монтескью-Фезансак (1870–1920) – брат Леона де Монтескью.

⁴ Маленький сын (1900–1970) Анны де Ноай.

мне кажется, что «Тень дней» превосходит его и умалает. Это вторая ветвь, более высокая. Понятие смерти иное в этой книге, как и понятие бессмертия. Вы видите себя в ней поэтом среди поэтов, но возвышающимся над всеми. Эпиграф прекрасен, смысл его превратен, и вы исподволь меняете стих Расина¹. Я скажу вам, что подходит в качестве эпиграфа для «Волн» с их возвышенным финалом:

Притворна нежность, если нет
К гармонии у нас стремленья.

Правда, мы воображаем эту гармонию каждый раз в зависимости от обстоятельств и находим ее тогда, когда пьем пенистое пиво, купаемся в море или наслаждаемся морским ветерком. Комментарий, достойный госпожи Каро². Мне бесконечно нравится стихотворение «Городок»: помимо глубокой красоты в нем есть то «остроумие», которое вы проявляете в беседе и которое отличает теперь ваши литературные произведения.

Извольте заверить г-на де Ноая, что я понимаю с чувством радости ту гордость, то нежное, глубокое счастье, которые должны переполнять его при виде вашего гения и славы, пошлой и случайной спутницы гения.

Вот уже несколько месяцев я занимаюсь изысканиями, читая Библию. Собираясь переписать некоторые цитаты, я нахожу их такими бледными из-за плохого

---

¹ Эпиграф к сборнику А. де Ноай взят из трагедии Расина «Федра»: «И света яркого не вынести глазам» (пер. М. Донского). В оригинале использован глагол «éblouir», что значит «ослеплять» («Слепит глаза мне свет дневной, что вижу вновь»), но также «восхищать». Именно второе значение, отсутствующее у Расина, отмечает Пруст.

² Полина Каро (урожденная Кассен; 1828–1901) – автор многочисленных сентиментальных романов.

перевода, с которым я работаю, что мне хотелось бы сравнить его с более точным. Г-н де Ноай сказал мне, что у него есть очень хорошая Библия. В чьем переводе? Быть может, он мог бы дать мне ее на время, если она не слишком большая. Все ссылки у меня готовы, так что я ее быстро верну.

Говорят, что поэты – возвышенные сводни. Не напомните ли вы о моей неразделенной, позабытой любви неблагодарной, проживающей в доме 31 (авеню Анри Мартен)? Восхищаюсь вами и бесконечно люблю вас, сударыня.

*С уважением,
Марсель Пруст*

Эдуарду Роду
[Лето 1902]

Милостивый государь,

Если вы не знаете, что я вот уже шесть месяцев лежу в постели (за это время я вставал и выходил из дома, может быть, раз десять), то, наверное, подумали, что «Поток»¹ не дошел до меня. Нет, я его получил и прочел, правда, не «с улыбкой, похожей на голубые воды Лемана», но со слезами, горючими слезами, которые до сих пор не забыты. Немногие книги заставили меня испытать такое грустное и глубокое чувство жизни и усилили во мне способность страдать от этого чувства. Но в тот момент я не мог по состоянию здоровья вам написать. И моя благодарность, как у всех незнакомых вам читателей, выражалась в том, что я постоянно думал об этой такой простой и бесконечной драме жизни, которую являет ваша книга,

---

¹ Роман (1902) Э. Рода на тему разорения сельских тружеников.

и о том, сколько страданий может выпасть на долю человека до того, как сколько-нибудь окрепнет ствол липы. Мне кажется, что по мере того, как вы пишете, вы упрощаете ваши художественные средства и ваш материал, чтобы у души читателя не осталось посредников между ней и жизнью. Какое бы восхищение ни внушала мне серия ваших шедевров, в которых не замечен ни единый изъян, словно вы дарите потомкам ваши избранные произведения, являющие полноту вашей мысли и драгоценный, цельный плод ваших размышлений, все же, если бы надо было выбирать, я выбрал бы одну из ваших последних книг, быть может, именно «Поток», который я поставил на полку моей библиотеки рядом с другой любимой книгой, «Мельница на Флоссе»¹: в ней на том же фоне реки можно найти такое же величие домашней жизни и яркий трагизм. Ах, как чудесно то, что вы написали! Не думаю, что можно говорить об «удаче», когда речь идет о подобном искусстве, если, конечно, в отношении таких вершин вообще можно говорить о ремесле. Так, времена года сменяются в вашей книге, как в реальности, частью которой она является. Нам жаль Маргерит, оттого что она не увидела весны, и нас бесконечно чарует появление неброских осенних цветов. Какое изысканное выражение. Я пишу вам в постели, и у меня нет книги под рукой, но я помню запах бледных первоцветов, маленьких гвоздик, ярче, чем капли крови, и чертополоха, чьи волосатые стебли с трудом выдерживают тяжесть фиолетовых голов. Но все эти чарующие картины не утешают и не дают позабыть о людской злобе, которая с такой силой изображена в вашей книге, и о том, как грустна жизнь, от чего начинаешь сожалеть, что не «ушел» со всеми теми, кто умер. Когда Бертиньи вспоминает свою жизнь, она

---

¹ Роман (1860) Джордж Элиот.

представляется ему полной печали, и это рождает в нас больше грусти, чем сама его смерть.

Примите, милостивый государь, выражение моего почтения и восхищения,

Марсель Пруст

Жаку-Эмилю Бланшу¹

Суббота [август-сентябрь 1902]

Дорогой друг,

Я бесконечно благодарен вам за то, что вы взяли на себя труд ответить мне. Только ваш ответ меня немного опечалил, и тут вы, конечно, не виноваты. Мне грустно, что вы видели меня (а я вас нет) единственный раз в году именно во время того праздника и могли не то чтобы осудить меня, но убедиться в правильности тех обвинений, которые давно выдвинуты против меня и кажутся мне несправедливыми. Не менее грустно и то, что, поскольку моим другом является такой не только совсем не светский, но просто решительно чуждый светскому обществу человек, как Фенелон², одно его имя придает светский характер моему поведению и окончательно убеждает вас в верности вашего впечатления. Впрочем, я был бы не прав, сожалея об этих недоразумениях, поскольку вы говорите, что они полезны и помогают нам, столкнувшись с несправедливыми, неблагоприятными суждениями о нас, лучше понять себя. Но если бы я чувствовал себя лучше и мог чаще видеть вас – не затем, чтобы у вас

---

¹ Жак-Эмиль Бланш (1861–1942) – художник, завсегда́тай светских салонов, автор самого известного портрета Пруста (1892, Музей Орсе).

² Граф Бертран-Альфред-Мари де Салиньяк-Фенелон (1878–1914) – дипломат, друг Пруста с 1901 г.

составилось обо мне хорошее представление, что не соответствовало бы действительности, но потому, что мне хотелось бы казаться вам не таким неприятным, то я был бы счастлив. Вы столь же добры, сколь строги, и потому в конце концов соглашаетесь на то, о чем я вас прошу. Во всяком случае так мне кажется. Ибо я полагаю, что «одна мысль» означает намерение сделать набросок – на том двусмысленном и немного загадочном языке, которым изъясняется г-н де Монтескью, оставляя в душе просителя беспокойное сомнение относительно того, как была понята и будет выполнена его просьба. Помню, как я послал ему однажды горшок с гортензиями, и он ответил, что принес его на могилу в дар одному покойнику, который меня благодарит и приветствует, а позже утверждал, что я сделал вид, будто не догадываюсь о том, что он выбросил горшок в окно. В другой раз он пригласил меня на обед, прося извинить его за то, что обслуживать нас будут летучие мыши. Это меня так напугало, что, прежде чем отправиться к нему, я написал Пози, спрашивая, правда ли это. Впрочем, «одна мысль» может означать и намерение сделать рисунок. Что было бы отлично. Это не значит, что я предпочитаю рисунок. Но я полагаю, что альбом должен явить то, чем вы особенно прославились, вашу живопись. Формат альбома – как у небольшого листа писчей бумаги, например, вот этого. Поскольку мадемуазель де Фенелон¹ уехала, я прошу вас быть столь любезным и прислать мне ваш готовый лист. Что касается того, что вы говорите о госпоже де Фенелон², то мне трудно судить, так как я с ней не знаком. Я встречался с ней один раз несколько лет тому назад, но, кажется, не разго-

---

¹ Сестра Б. де Фенелона Франсуаза собиралась составить альбом, для которого Пруст просит Бланша прислать рисунок.

² Маргерит де Фенелон (урожденная Дешан; 1855–1936).

варивал. – Да, я был бы рад увидеть вас на лоне природы, посреди тех вещей, которые одухотворены вами и прекрасны, потому что на них устремлены ваш взор и ваши мысли. Но я смогу поехать в Ба-Фор-Блан¹, только если изменится состояние моего здоровья – хотя оно намного лучше и последние две недели я каждый день встаю с постели, я все еще не могу жить «у других». Все же мне бы очень хотелось повидать вас там. Может быть, однажды мои мечты осуществятся.

В ожидании этого момента прошу вас передать госпоже Бланш уверения в моем глубоком уважении и принять также уверения в моем восхищении и дружеских чувствах.

Марсель Пруст

Имя девушки – Франсуаза, но поскольку у нее нет незамужней сестры, то думаю, что ее можно называть просто мадемуазель де Фенелон.

Госпоже Додэ

Суббота [13 сентября 1902]

Сударыня,

Я слишком поздно благодарю вас за прекрасные часы, проведенные в вашем восхитительном Прэ², одном из самых красивых мест, какие я когда либо видел. Я был бы так счастлив осмотреть его вместе с вами, поговорить о нем с вами, послушать то, что скажете вы, а я вас даже не увидел. Поэтому у меня в Прэ было смешанное чувство счастья и печали. Но в конце концов я очень рад, что побывал там. Если этой зимой мое состояние будет продолжать

---

¹ Вилла Ж.-Э. Бланша в Дьеппе.

² Замок Прэ на берегу Луары.

улучшаться и если вы позволите мне бывать на Университетской улице, то у меня будет в ваших глазах маленькая заслуга, ибо я увидел и полюбил то, что вы любите, и отныне приобщен к тем воспоминаниям, которые связаны у вас с этим местом, так что если вы скажете Прэ, то перед моими глазами будут не только буквы П, р, э, но картина вашего прелестного, старого поместья, которое утром блистало на фоне Луары и цветов; я уже так любил его, что суматоха поспешного отъезда оказала мне услугу, ускорив расставание с этим домом, которого я прежде не знал и который никогда не забуду. Вы были не готовы и не смогли принять меня. Люсьен заставил меня крикнуть в окно смешные слова «Прощайте, сударыня», которые остались без ответа. Я должен был сказать «Спасибо, сударыня», я понимаю это, думая о вашей доброте, перебирая сегодня ночью все знаки вашего внимания, вспоминая прекрасную комнату, теплую, уютную, где было все, что мне нужно. Я поблагодарю Люсьена, я собираюсь ему написать. Скажите Леону, как я был рад тому, что его сердечное отношение, которое я встретил в Фонтенбло, не изменилось: мое восхищение им придает этому отношению особую цену. И знайте также, что, какой бы ни была моя бесцеремонность, ответственность за ее самое смешное проявление следует возложить на телеграф. Я никогда не требовал «бульона на винном спирту» (и никакого другого), который, наверное, привел в замешательство вашу кухарку. Хотя она каким-то образом вышла из затруднения (признаюсь, мне очень любопытно было бы узнать, каким именно), необходимые приготовления к отъезду заставили допоздна бодрствовать все ваше общество, и вы, наверное, были весьма удивлены неучтивости, с какой я отказался от этого странного блюда, заказанного мной по телеграфу. Речь шла о «грелке на винном спирту». Но я так верю в вашу доброту, что надеюсь, вы только немного посмеялись надо

мной, читая такую депешу, и не рассердились на меня. Выражая вам глубокую благодарность, бесконечно тронутый вашим неизменным благоволением и заботой, прошу вас, сударыня, принять уверения в моем искреннем почтении.

Марсель Пруст

Антуану Бибеско

[Среда вечером 1 октября 1902]

Дорогой Антуан,

Поговорив с тобой по телефону, я предупредил Бертрана, Бийи и Рейнальдо, что не поеду с ними, а пойду к тебе. Тебе интересно узнать, куда мне хочется больше пойти – к Фюрси¹ или на постановку Бернштейна². Отвечаю *без обходных маневров*. Но я забыл, что было уже девять часов, а я еще не начинал ужинать. Когда мы ушли от Вебера, было без четверти одиннадцать, и я не осмелился ни пойти к тебе, ни, быть может, разбудить тебя моим звонком, ибо ты, увы, не таков, как я, когда я болен, и к тебе нельзя прийти в любое время. Скажи мне, будешь ли ты выходить завтра (в четверг): мне кажется, что в пятницу я уеду в Брюгге и, возможно, завтра не буду вставать, так как не очень хорошо себя чувствую. Но если ты останешься дома, я постараюсь прийти к тебе. Если я не смогу одеться, то накину пальто поверх пижамы. Бертран, как и я, нашел, что сегодня утром ты очень хорошо выглядел. У меня боли, и мне трудно писать. Вывожу с трудом еще несколько слов, чтобы сказать тебе о моей большой нежности.

М. П.

---

¹ Кабаре на Монмартре, принадлежавшее шансонье Анри Фюрси (наст. имя Анри Дрейфус; 1866–1929).

² Анри Бернштейн (1876–1953) – драматург, автор популярных пьес. Речь идет о премьере его пьесы «Обходной маневр».

Возвращаю тебе с благодарностью «Мастеров прошлого»¹. Я их купил, чтобы не брать с собой и не портить твой экземпляр. У тебя ничего нет почитать до моего отъезда в Бельгию-Голландию?

Матери

Гостиница «Европа», Амстердам

Пятница [17 октября 1902]

Дорогая мамочка,

Я только что получил два твоих письма. Прости, что я мало тебе писал. Но я совершаю это путешествие с таким старанием – можно сказать, с такой пользой для ума – и пытаюсь охватить все, так что у меня не остается ни минуты. Часто я выхожу в половине десятого или в десять часов утра и возвращаюсь очень поздно. Позавчера я отправился на большом корабле в Волендам, очень любопытное и, думаю, мало известное место! Сегодня был в Гарлеме, смотрел Хальса. Со вчерашнего дня я здесь один: я в таком ужасном моральном состоянии, что побоялся отравить путешествие бедного Фенелона и отпустил его отдохнуть вдали от моих стонов! Завтра я увижу его в Гааге, но вечером вернусь ночевать в Амстердам и приеду в Париж в воскресенье или понедельник. Я буду очень рад обнять после столь долгой разлуки мамочку и папочку. Наверное, сразу я бы не решился на такую долгую разлуку. Я увеличивал ее постепенно, каждый день. Сколько раз мне казалось, что уже завтра я вас обниму. Я не мог поверить, что останусь вдали от вас две недели. Это относится и к моему братцу, если он не дума-

---

¹ «Мастера прошлого» (1876) – книга писателя и художника Эжена Фромантена (1820–1876), посвященная голландской и фламандской живописи.

ет, что успешная карьера должна оградить его от моей неумеренной нежности. Кража, из-за которой моя поездка так дорого тебе обойдется, очень меня расстроила. Если не считать этого прискорбного происшествия, то я расходую средства с такой же осторожностью, как г-н Рувье¹. Гостиница – дорогая до безумия, последние два дня Фенелон в ней не столовался, не желая платить десять франков за скромный обед или ужин. Но кто виноват? И почему он выбрал эту гостиницу и в какой-то мере заставил меня в ней поселиться, поскольку, когда он забронировал для меня комнату, я был еще в Антверпене. Как в особенности это могло произойти по совету *Йетманов*²? Если я буду еще путешествовать, нужно будет выбирать гостиницы среднего уровня, в которых так же хорошо и где не надо платить бешеную цену за избыток роскоши, к которой я равнодушен. И к тому же здесь ты даже лишен удовольствия быть в «своем» обществе, поскольку в городе нет ни одного француза. Ибо путешествие само по себе не дорого. Нам ничего или почти ничего не стоили самые интересные экскурсии. Спасибо за совет провести время на лоне природы, тем более что калорифер внушает мне страх, и я полагаю, что если, несмотря ни на что, у меня *нет здесь ни следа астмы* (а у меня ее действительно нет), то потому, что в гостинице паровое отопление. Но мое моральное состояние не позволило бы мне последовать твоему совету, мне было бы *только плохо*. Фенелон был *единственным человеком*, с которым я мог уехать. Если бы я не опасался, что мой мрачный вид ему надоест, и если бы в особенности у меня еще были средства (это главная причина, и я говорю о ней без стеснения: поскольку ты

---

¹ Морис Рувье (1842–1911) – министр финансов.

² Леон Йетман (1873–1930) – адвокат, друг Пруста, с которым в 1893–1895 гг. он учился Сорбонне, и его жена Мадлен (урожденная Адан; 1873–1955), скульптор.

увидишь меня и получишь это письмо почти в одно и то же время, то не сможешь мне ответить, так что мое письмо не означает подготовку к выклянчиванию денег), то я остался бы еще на неделю в Голландии или Бельгии. Но ехать в Иллье или куда-то еще, особенно сейчас, было бы подлинным безумием.

Даже возвращение в Париж в общество Бибеско (если он не уехал), Рейнальдо и т. д. кажется мне трудным, как любая перемена обстановки. Но в конце концов это знакомое место. Но Иллье или какое-нибудь другое место – это было бы ужасно *в данный момент*.

Фенелон очень мил. Ты написала ему прелестное письмо, поставив на его имени лишний диакритический знак. Впрочем, этот знак, как и написание имени Бибеско через k¹, не имеют значения. Знаешь ли ты что-нибудь о жизни Фромантена? Досадно не знать ничего о том, с кем провел две недели в гостинице.

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

Подозреваю, что ты не читаешь моих писем: это было бы гнусно. Сие письмо написано в момент псевдоуспокоения, хоть его прочитай.

Антуану Бибеско
Понедельник [3 ноября 1902]

Милый Антуан,

Ты даже не позволял мне говорить с тобой о том, что было предметом твоего беспокойства, о чем я тогда еще не

---

¹ То есть Bibesko, что подчеркивало иностранное происхождение имени, а не Bibesco.

знал, и мысль об этом внушает мне опасение, что в такой момент ты с гневом выбросишь мое письмо. Я чувствую, что я, как и все те, кто мало знал твою матушку¹ и ничем не напоминает тебе о ней, стали для тебя чужими. Но все же позволь, не нарушая твоей скорби, сказать тебе, до какой степени я ее разделяю. Если бы ты знал, сколько раз я сегодня с утра мысленно проделал, мой бедный мальчик, твой путь, представил тот момент, когда ты узнал все, твой слишком поздний приезд и все то, что за ним последовало. Меня страшит сила твоей скорби, и я хотел бы быть около тебя без твоего ведома. Мне было бы очень грустно видеть тебя, но, быть может, не так, как сейчас, когда я ничего не знаю, беспрерывно дрожу от страха и думаю о том, что вот сейчас тебя душат рыдания. Любовь к маме, восхищение твоей матушкой, любовь к тебе – все слилось воедино, и я чувствую, как ты страдаешь, чувствую с такой силой, с какой, как мне казалось, невозможно переживать горе другого человека, даже если он стал частью тебя и от него в значительной степени зависело твое счастье, которое рухнуло одновременно с его собственным. Когда я думаю о том, что твои бедные глаза, твои бедные щеки, все то, что я так люблю, ибо твое лицо, беспрерывно меняясь, выражает твои мысли и чувства, в этот момент несут и будут еще долго, будут всегда нести печать скорби... а сейчас еще и все мокрые от слез. Мне физически больно представить тебя таким. Я напишу тебе, я не буду тебе писать, я буду говорить с тобой о твоей скорби, я не буду говорить с тобой о ней, я буду делать то, что ты хочешь. Я не прошу у тебя любви. В твоей душе не должно остаться места для других чувств. Но я никогда не думал, что моя любовь к тебе так сильна. Я очень несчастлив.

Марсель Пруст

---

¹ Княгиня Элен Бибеско (урожденная Эпурано; 1855–1902) – пианистка и меценатка, хозяйка салона. Умерла 18 октября.

Антуану Бибеско

Понедельник [10 ноября 1902]

Милый Антуан,

У меня нет от тебя известий, но, несмотря на это, я знаю все и даже больше, чем нужно, так как, постоянно думая о тебе, я чувствую то же, что испытываешь, когда тобой владеет ревность, хотя она тут ни при чем. То есть, не имея никаких точных сведений, я беспрерывно воображаю самое для меня мучительное, вижу тебя то в слезах, и это приводит меня в отчаяние, то ужасающе спокойным, и мне тяжело от того, что ты больше не плачешь и, значит, тебе не становится легче; и я воображаю не только твое измученное лицо, твои бессонные ночи, твои ужасные или спокойные, то есть еще более ужасные сны, если ты спишь, твое пробуждение! – но все твои мысли, и от этого я страдаю еще больше; и я все же говорю себе: княгиня Бибеско безмерно восхищалась своим сыном. Все же Антуан должен помнить, что она еще рядом, что ей больно и она страдает от того, что он себя мучает и так скорбит, он должен постараться не умерить свою скорбь или забыть – ты этого никогда не сделаешь – но претворить свою скорбь в силу духовной жизни, ибо только духовная жизнь – прости меня, милый Антуан, что я уже тебя утешаю, – позволит тебе стать тем, кем хотела тебя видеть твоя мать, и достичь успехов, о которых она мечтала. Конечно, в этих успехах теперь не будет сладости, ибо к их достижению побуждала тебя мысль о том, что они доставят ей радость, а ты не сможешь больше увидеть ее улыбку и сложить к ее ногам твои венки. Но ты возложишь их на ее могилу. Милый Антуан, в те дни, когда я был несчастлив, я проникся большой любовью к словам Рёскина, истинность и точность которых доказывает то обстоятельство, что такой ум, как ум Рёскина, намно-

го превосходящий наш собственный, способный гораздо быстрее уловить все противоречия, но умеющий преодолеть их, полагал эти слова истинными и точными:

«If, parting with the companions that have given you all the best joy on Earth, you desire ever to meet their eyes again and clasp their hands, where eyes shall no more be dim, nor hands fail – if preparing yourselves to lie down beneath the grass in silence and loneliness, seeing no more beauty, and feeling no more gladness – you would care for the promise to you of a time when you should see Gods light again, and know the things you have longed to know, and walk in the peace of everlasting Love и т. д.»¹

Если ты думаешь, что такие слова могут быть восприняты твоим братом и утешить его, прочти ему этот фрагмент. Я написал ему два дня назад, но не осмелился процитировать эти слова. А я помню, как они мне помогли. И думаю, что они всегда смогут утешить.

Теперь я рад только тем, кто может говорить мне о твоей матери или о тебе.

Верь, милый Антуан, в мою глубокую нежность.

Марсель Пруст

Скоро ли ты вернешься? Меня, наверное, заставят уехать зимой из Парижа, но я хотел бы прежде тебя увидеть.

---

¹ «Если, расставаясь со спутниками, подарившими вам самую большую радость, какую вы знали на земле, вы мечтаете однажды снова взглянуть в их глаза и пожать им руку там, где взгляды уже не тускнеют, а руки не слабеют, если, готовясь лечь под дерн в безмолвии и одиночестве, где вам уже не увидеть красоты и не испытать больше радости, вы размышляете об обещанной вам минуте, когда вы увидите сияние Бога, познаете вещи, которые жаждете познать, и вступите в мир вечной любви...» (англ). Цитата из «Амьенской Библии» Дж. Рёскина (пер. И. Кузнецовой).

Константину Бранковану
[До 24 ноября 1902]

Дорогой друг,

У меня к вам несколько просьб, я не знаю, когда вас увижу, и потому пишу вам.

Вы обратились ко мне с любезным предложением дать что-нибудь для «Латинского возрождения»¹. Я думаю о том, что могло бы больше понравиться вашим читателям, чем моя скромная проза. Я только что полностью перевел замечательную книгу Рёскина «Амьенская Библия»². Суть ее – «латинская», так как это история христианизации Галлии и Востока³, представленная в соборе Амьена. Полагаю, что эта книга выйдет в издательстве «Меркюр» в феврале или марте⁴. Мне кажется, что она представляет большой интерес (говорю так, потому что я всего лишь переводчик), и я хотел бы опубликовать в каком-нибудь журнале если не всю ее, так как в ней есть длинноты, то по крайней мере большую часть. Согласны ли вы на то, чтобы таким журналом стало «Латинское возрождение»? Подобная публикация Рёскина станет первой. И мне кажется, что она будет интересна вашим читателям. Сообщите, что вы думаете об этом и частями какого объема можно было бы опубликовать книгу?

Второе. Я знаю, что вы очень дружны с г-ном Бернштейном. Не могли ли бы вы, без всяких с вашей стороны усилий или затрат, предоставить возможность по-

---

¹ К. Бранкован основал в 1902 г. литературно-художественный журнал «Латинское возрождение» («Ренессанс латин»).

² «Амьенская Библия» Дж. Рёскина была опубликована в 1880–1885 гг.

³ Речь идет о Византии.

⁴ Перевод Пруста под названием «Паломничества за красотой. Амьенская Библия Джона Рёскина» вышел отдельной книгой в 1904 г.

смотреть «Игрушку»¹? Если да, то я был бы счастлив. Но, разумеется, этот нескромный вопрос требует столь же откровенного ответа! Впрочем, для меня это не имеет большого значения.

Я пишу письма Антуану, но без всякого намека на ответ. Мне тяжело и грустно, что я ничего о нем не знаю. Если у вас есть новости, я был бы рад их узнать.

*Сердечно ваш
Марсель Пруст*

Альфреду Валлетту²
Четверг [27 ноября 1902]

Милостивый государь,

После получения вашей телеграммы, которую вы имели любезность послать мне без промедления, я написал вам письмо. Но я уверен, что забыл отправить его. И в то же время не могу его найти. В общем, не знаю, может быть, я его все же отправил. Пишу вам на всякий случай и повторяю то, о чем писал вам в том письме. Если вы получите оба, то прошу вас простить меня за повторы. Если бы я помнил те выражения, в каких было составлено первое письмо, я бы постарался сказать вам о том же по-другому. Но мои воспоминания смутны, и, возможно, фразы, выражающие то же чувство, будут те же. В общем, если фразы будут повторяться, то не потому, что, как это обычно бывает, память слишком хороша, а потому, что память – слаба. Итак, вы отвергаете мою бедную «Амьенскую Библию», и, признаюсь вам, я не могу понять,

---

¹ Пьеса «Игрушка» А. Бернштейна была поставлена 26 ноября 1902 г. в парижском Театре Жимназ.

² Альфред Валлетт (1858–1935) – писатель, основатель в 1890 г. журнала, а затем одноименного издательства «Меркюр де Франс».

почему. Даже если эта публикация пройдет, как вы говорите, незамеченной, она не потребует затрат издательства «Меркюр», так как я оплачу все расходы, и не будет позорной для него. Ибо в конце концов это прекрасное, неизвестное и необычное произведение. Вы полагаете, что «Меркюр» совершит ошибку, опубликовав Рёскина, причем, по мнению многих, самую лучшую его книгу? Я искренне верю в то, что так оно и есть, ибо именно эту книгу я выбрал для перевода. Но я утверждаю также, что, даже если бы она не была лучшей книгой Рёскина, то перевести и опубликовать следовало бы именно ее. Потому что это его единственная книга о Франции, посвященная одновременно истории Франции, французскому городу и французской готике. Ее следовало бы опубликовать хотя бы из тех соображений, что читателю, если бы он захотел убедиться в верности написанного, проще было бы поехать в Амьен, чем в Верону или Падую. Эта книга напрямую касается нас. Вот почему Общество по изданию трудов по искусству хотело начать издание переводов Рёскина с этой книги¹. Мне кажется, что я также цитировал вам фрагмент (который тогда внушал мне беспокойство) из книги г-на Брюна², в котором он говорит, что если какое-нибудь произведение должно особенно заинтересовать французов, то именно «Амьенская Библия», единственное имеющее отношение к нашей истории и нашим памятникам. Наконец вы знаете, что Рёскин считал эту книгу в высшей степени показательной для его системы взглядов.

---

¹ Это издательство заказало Прусту перевод фрагментов «Амьенской Библии», однако, как предполагает Ф. Колб, вскоре обанкротилось (Kolb. 3, 181).

² Жан Брюн (1869–1930) – географ и историк, автор книги (в сотрудничестве с Анриеттой Брюн) «Рёскин и Библия: к истории одного замысла» (1901).

В понедельник утром я отправлю в «Меркюр» посыльного. Если все мои доводы вас не тронули и не убедили, если ваше решение остается прежним, не берите на себя труд отвечать мне. Отдайте посыльному мою рукопись. Это будет черный парус Тезея. Но тогда мне придется, подобно женщине, несущей на картине Моро голову Орфея, начать грустное странствие с целью найти приют для гения. Это не терпит отлагательства, и до тех пор, пока вопрос не решится, я не могу ответить вам по поводу «Избранных страниц» Рёскина¹. Я бегло просмотрел две единственные книги о Рёскине: цитаты так незначительны, что повторов не будет, так что одно из моих возражений отпадает. Но другое остается. Эта книга создаст поистине бледное впечатление о его гении! Вместо живого собора будет мертвая коллекция разрозненных фрагментов. О нем узнают то, чем он походит на других великих писателей, а не то, чем он от них отличается. Как бы то ни было, даже если я прерву работу над «Сокровищницами королей»², мне нужно сперва пристроить странствующую, изгнанную «Библию». Она могла бы сказать, обращаясь к «Меркюр» и цитируя саму себя: «Стучала, и вы мне не отворили»³. Подумайте, что она скажет в том случае, если я, возможно, найду непросвещенных издателей.

Простите, милостивый государь, мою настойчивость и примите уверения в моих лучших чувствах.

Марсель Пруст

---

¹ А. Валлетт предлагал Прусту издать «Избранные страницы» Рёскина.

² «Сезам. О сокровищницах королей» – название первой лекции в книге Дж. Рёскина «Сезам и Лилии» (1901), которую Пруст также перевел.

³ «Стучите, и отворят вам». Лк. 11:9; Мф. 7:7.

Антуану Бибеско
Четверг [4 декабря 1902]

Милый Антуан,

Напрасно я все время думал о тебе и воображал твою скорбь: когда я получил твое грустное письмо, увидел твой мелкий, совершенно изменившийся почерк, маленькие буквы, сузившиеся, как глаза, которые долго плакали, все это вновь так потрясло меня, словно я впервые осознал твою глубокую печаль. Помню, когда матушка потеряла своих родителей, а это было для нее так ужасно, что не знаю, как она смогла жить дальше, я видел ее каждый день с утра до вечера и ничего особенного не замечал, а потом поехал в Фонтенбло и позвонил ей оттуда. И вот я вдруг услышал в трубке ее надтреснутый, глухой, навсегда изменившийся голос и только по этим, словно кровоточащим, обломкам впервые с ужасом осознал, что она навеки сломлена своей утратой. Такое же впечатление произвело на меня твое письмо, в котором чувствуется, как тебе тяжело писать, говоришь ли ты о своей печали или нет. Твое письмо обрадовало меня, если можно так сказать, но и заставило очень страдать.

Что касается моего приезда к тебе, то ты не понял, что я тебе предлагаю. Я *должен буду* покинуть Париж, но мне физически невозможно сделать это немедленно. Хотя причина еще должна храниться в полной тайне, я тебе все объясню, если ты захочешь, и ты сможешь судить сам. Я не прошу тебя отвечать мне, чувствуя, какое для тебя усилие писать письмо. Но, может быть, ты мог бы через кого-нибудь сообщить мне о твоих планах и о том, подходит ли тебе мое предложение провести в Коркове¹ март, апрель, май и, если хочешь, июнь (в том случае,

---

¹ Город на юго-западе Румынии.

если еще не настанет пора цветения). У меня такое ощущение, что ты приедешь в Париж почти в тот же момент, когда я уеду, и это меня огорчает. Вернее, не огорчает, ибо в таком случае я никуда не уеду, что бы ни случилось, и сделаю все, чтобы провести с моим бедным, милым Антуаном целый месяц, поплакать вместе с ним, вернее, не поплакать, а постараться вновь привязать его к жизни, окружить заботой, сделать для него все, что смогу. Увы, я уже корил себя за то, что в моих письмах говорил тебе только о твоей скорби, и хотел начать говорить о других вещах, начав с тех, что наименее неприятны тебе в твоём нынешнем состоянии, с тех, что, представляя некоторый духовный интерес или будучи просто привычными для тебя, нашли бы с большей легкостью и не наперекор тебе «путь к сердцу твоему»¹. Но твое грустное письмо отбросило меня вниз той дороги, по которой я начал подниматься, приготовив кое-какие новости: они могли не то чтобы заинтересовать тебя, но удостоиться твоего внимания. Я чувствую, что ты столь изможден, столь далек от всего – или столь поглощен одной мыслью, что я не дерзаю рассказывать тебе о том, что хотел рассказать. Скажу только причину (покажись, что никому не скажешь о ней), по которой я не могу немедленно уехать (но если я тебе необходим, то все равно уеду): мой брат собирается жениться, я должен нанести визит девушке, с которой еще не знаком, и т. д., и т. п. Только об этом никто не знает и не должен знать.

Если ты все же хочешь куда-нибудь поехать без меня в декабре, то я советую тебе не Египет, а Константинополь, где ты мог бы увидеть Бертрана². Твое присутствие

---

¹ Слегка измененная цитата из «Федры» Расина.

² Б. де Фенелон уехал в Константинополь в декабре 1902 г. в качестве атташе французского посольства.

смягчило бы его начавшееся изгнание и скрасило непривычное для него одиночество. Ты его старый друг, его общество было бы для тебя приятным и тебе не надо было бы скрывать от него свою скорбь, как в случае с другими людьми, общество которых становится от этого невыносимым. Все здесь говорят о тебе с большим сочувствием. Многие твои друзья, с которыми я недавно познакомился, например, г-жа Лебаржи¹ и г-жа Тристан Бернар², очень растрогали меня, говоря со мной о тебе. Но расскажу тебе о том, что меня наиболее взволновало. Я пошел к Галле³ проследить, как установят вазу. Мне говорят, что рабочих не будет, так как г-н Галле-отец сегодня умер⁴. Я отвечаю служащему, что г-н Галле-сын, должно быть, очень опечален. «Господин Галле об этом не знает». «Как это возможно?» «Он пребывает в состоянии отчаяния, его здоровье так плохо, что ему не решаются сообщить весть, которая может стать для него роковой». «Его погрузила в отчаяние болезнь отца?» «Нет, он не знал, что его отец болен. Г-н Галле потерял месяц назад ту, которую он больше всех почитал, княгиню Бибеско, и с тех пор он в таком подавленном настроении, что пришлось его изолировать и запретить ему какие-либо занятия. Конечно, сударь, понятное дело, это была такая добрая женщина и т. д.». И этот служащий не подозревал, что я тебя знаю. Подобное я слышал сотни раз.

---

¹ Симона Лебаржи (урожденная Полина де Бенда; 1877–1985) – актриса, играла в пьесах А. Бернштейна.

² Сюзанна-Ребекка Бернар (урожденная Бомзель; 1869–1928) – жена писателя Тристана Бернара, в свое время одного из сотрудников «Ревю бланш».

³ Эмиль Галле был автором стеклянных ваз в стиле модерн.

⁴ Шарль Галле-Рейнемер (1818–1902) – художник по стеклу.

Прости, милый Антуан, я говорю с тобой только о грустном. Но это в последний раз. Я больше не буду тебе писать, а когда увижу, буду говорить с тобой только о другом. Если у тебя нет сил читать мои письма, не читай их, а если у тебя не будет сил слушать меня, ты уйдешь, но быть заодно с твоей скорбью преступно, и я этого себе больше не позволю. Твоя мать сурово осудила бы преступного друга, который, конечно, не из удовольствия, но по причине слабости и печали отказывается осушить слезы ее сына. Я уверен, что если бы мы были вместе, то нашли бы в серьезных, значительных занятиях компромисс между утешениями, которые ты бы не принял, развлечениями, которые тебе чужды, – и скорбью, в которую ты все же не должен погружаться, хотя бы потому, чтобы сохранить твои воспоминания, сам образ прошлого живыми, цельными и ясными, не позволить слезам замутить и затемнить их.

Поэтому свадьба брата – ужасно досадная помеха. Но еще до того, как это было решено, я написал тебе, что смогу приехать не раньше конца февраля и остаться в марте, апреле и далее, столько времени, сколько ты пожелаешь. Я хотел бы, готовый приехать немедленно, если свадьба расстроится, чтобы ты ответил на это мое предложение. Остаться на зиму в Париже мне не позволяет ни моральное, ни физическое состояние. Но если ты вернешься в январе – и когда бы ты ни вернулся – я отложу отъезд, чтобы немного побыть с тобой, если ты не против и считаешь, что мое сочувствие сделает приемлемыми мои попытки пробудить в тебе интерес к жизни, к разным проявлениям духовной жизни и к той или иной деятельности.

Я нашел, что г-жа Лебаржи – совсем не такая, как я ее себе представлял, а в точности такая, как ты ее описывал: очень, очень умная. Я познакомился с ней на

репетиции «Игрушки». Се¹ привел меня к ней в два часа ночи, чтобы сообщить о провале пьесы. – Стоит с кем-то познакомиться, как потом встречаешь этого человека каждый день. В течение следующей недели я дважды ужинал, сидя рядом с ней, у г-жи де Пьербург² и г-жи Штраус, и она мне очень понравилась. Сегодня я ужинал у четы де Ноай, где была твоя кузина Маргиломан³, которую, как я знаю, ты очень любишь, но мне не довелось с ней поговорить. Впрочем, я несколько раз ужинал у твоих кузин, они очень милы. Но ты – единственный человек, которого я бы хотел сейчас видеть. От всего сердца обнимаю тебя и люблю.

Марсель Пруст

Матери

[Суббота вечером 6 декабря 1902]

Дорогая мамочка,

Я не могу с тобой поговорить и потому пишу тебе, чтобы сказать, что ты меня совсем не понимаешь. Ты знаешь или догадываешься, что, как только я возвращаюсь домой, я плачу ночи напролет, и тому есть причина. Но ты мне целый день повторяешь, что я не смог уснуть ночью, потому что слуги легли спать только в одиннадцать часов. Было бы хорошо, если бы именно это мешало мне спать!

---

¹ Эдмон Се (1875–1959) – комедиограф и театральный критик.

² Маргерит-Эмери-Арти Тома-Галлин, баронесса де Пьербург (1856–1943) – хозяйка салона, романистка (под псевдонимом Клод Ферваль), весьма ценимая Прустом.

³ Элиза Маргиломан (урожденная княжна Штирбей; 1870–1957) – первая жена Александру Маргиломана, бывшего румынского министра иностранных дел, впоследствии премьер-министра Румынии.

Сегодня я допустил ошибку, когда, задыхаясь, позвонил, чтобы позвать Мари, которая должна была окурить помещение: она сказала, что только что закончила обедать. Ты меня тут же наказала, заставив, после того как я принял трионал, не выходить из комнаты и рыдать весь день. По твоей вине я был в состоянии такого возбуждения, что, когда бедный Фенелон пришел с Лорисом¹, при первых же его словах, должен сказать, очень неприятных, я набросился на него с кулаками (на Фенелона, а не на Лориса) и, не соображая, что делаю, схватил его новую шляпу, стал топтать ее, рвать и под конец отодрал от нее подкладку. Ты можешь подумать, что я преувеличиваю, потому прилагаю к моему письму кусок подкладки, чтобы ты убедилась в том, что это правда. Но не выбрасывай его, а верни мне, может быть, он ему еще пригодится. Разумеется, если ты увидишь Фенелона, то не говори с ним об этом. Впрочем, я доволен, что в тот момент мне под руку подвернулся друг. Если бы тогда папа или ты сказали мне что-нибудь неприятное, я бы, конечно, ничего не сделал, но мог бы наговорить вам невесть чего. Вследствие этого происшествия у меня начался жар, я не смог одеться и послал спросить у тебя, могу ли я поужинать у себя в комнате. В связи с этим замечу: ты полагаешь, что делаешь приятное слугам, когда наказываешь меня, запрещая им являться на мой звонок, обслуживать меня за столом и т. д. Ты глубоко заблуждаешься. Ты не знаешь, до какой степени твой камердинер был смущен сегодня вечером от того, что не мог меня обслужить. Он все поставил около меня и попросил прощения, сказав: «Госпожа приказала мне так сделать, я не могу ослушаться». – Что касается «мебели», которой ты меня лишила, как и десерта, то я не

---

¹ Жорж де Лорис (1876–1963) – друг Пруста, впоследствии писатель, автор воспоминаний о Прусте.

могу без нее обойтись. Если она тебе необходима, дай мне другую или я ее куплю. Я бы скорее обошелся без стульев. В отношении слуг могу сказать следующее: ты знаешь, что я психолог и что у меня есть чутье, и я уверяю тебя, что ты заблуждаешься во всем. Но это меня не касается, и я всегда буду рад тебя здесь поддержать, если ты меня заранее предупредишь, ибо я не могу догадаться, что, если Мари кончила обедать, то я подвергаю ее риску быть уволенной, когда прошу развести огонь в комнате, где Фенелон и Лорис не могли оставаться без пальто, и окурить помещение. Хотя в том состоянии отчаяния, в котором я нахожусь, мне безразличны все эти мелкие дразги, я глубоко опечален тем, что в столь поистине грустные часы не нахожу с твоей стороны той моральной поддержки, на которую, как мне кажется, я мог бы рассчитывать. Дело в том, что, как только мне становится лучше, тебя начинает раздражать тот образ жизни, который мне на пользу, и ты разрушаешь все, так что я снова заболеваю. Это уже не первый раз. Сегодня вечером я переохладился; если начнется приступ астмы, который при таком положении вещей не заставит себя ждать, я не сомневаюсь, что ты снова будешь ласковой со мной, как в прошлом году в это же время. Но грустно, что у меня нет в одно и то же время здоровья и твоей любви. Если бы у меня сейчас было и то, и другое, мне было бы легче противостоять печали, которая, в особенности со вчерашнего вечера (но я тебя с тех пор не видел), стала слишком сильной, так что я не могу продолжать сражаться с ней. Поэтому я хотел забрать мое письмо к г-ну Валлетту, но было слишком поздно. Впрочем, я смогу написать ему нечто совершенно противоположное. Мы еще поговорим об этом.

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

Константину Бранковану
[15 или 16? января 1903]

Дорогой друг,

Вот переписанные и приведенные в соответствие друг с другом фрагменты «Амьенской Библии» для февральского номера. Другие, для мартовского номера, я пришлю позже. Думаю, что посылаемые фрагменты должны составить около 25 страниц. Но я могу ошибаться. Сообщите мне, когда будете знать, точное количество страниц. Если то, что я посылаю, больше 25 страниц или меньше, мне будет не трудно сократить мой материал или добавить другие фрагменты.

Роман вашей сестры¹ восхитителен. Обращаясь к новому жанру, она каждый раз его обновляет и расширяет, так что он становится способен воплотить ее необъятные чувства и мысли. Не только современный роман, но саму французскую фразу она преображает, воссоздает и наделяет новыми возможностями, позволяющими немедленно выразить то, что прежде было неведомо. Ваша сестра – замечательный писатель. Какая семья!

Ваш преданный и благодарный
Марсель Пруст

Я видел д'Юмьера, который спросил меня, как обстоят дела с его переводом Киплинга. Я ответил, что вы мне обещали ему написать.

---

¹ «Новое упование» (1903) – первый роман А. де Ноай.

Константину Бранковану
[Вторая половина января 1903]

Дорогой друг,

Вы знаете, как я вас люблю – и мне в особенности не хотелось бы походить на человека, который упрекает вас в чем-либо после того, как вы были столь милы по отношению ко мне и моему Рёскину, – но все же мне кажется невероятным, учитывая, что я работал четыре года над переводом «Амьенской Библии», что этот перевод должен вот-вот появиться, что он стоил мне большого труда и что я придаю ему большое значение, – учитывая все это, мне кажется невероятным, что вы могли сказать *в присутствии Лориса (да и любого другого)* то, что вы сказали: «В сущности вы ведь не знаете английского, и в вашем переводе должно быть много ошибок». Я знаю, что вы сказали это без злого умысла, милый Константин. Но я спрашиваю вас, *могли ли поступить хуже тот, кто ненавидел бы меня и пожелал бы одним словом уничтожить результат четырех лет моей работы*, которую я продолжал даже во время болезни, тот, кто хотел бы, чтобы никто не читал мой перевод и чтобы он был признан несостоявшимся? Повторите то, что вы сказали, хотя бы трем человекам, и я вполне мог бы не посвящать этому переводу ни одного часа из тысячи (и еще больше) часов, которых мне стоила работа над этим произведением.

Что касается самого перевода, то вы знаете, что у меня нет привычки расхваливать то, что я делаю, и навязывать окружающим мои произведения. Но я считаю, что данный перевод, не в силу моего таланта, которого у меня нет, а потому, что он выполнен с огромным чувством ответственности, является переводом, каких мало, настоящим воссозданием подлинника. Если бы вы знали, что в подлиннике не осталось ни одного со-

мнительного выражения, ни одной темной фразы, по поводу которых я не советовался бы по меньшей мере с десятком английских писателей, переписка с коими составляет целые папки, вы не произнесли бы слово «ошибка». Углубляясь в смысл каждого слова, в значение каждого выражения, стараясь понять связь идей, я до такой степени постиг этот текст, что каждый раз, когда я обращался за советом к англичанину или к французу, прекрасно знающему английский, относительно какого-нибудь трудного места, они обычно не сразу видели трудность и поздравляли меня, говоря, что я знаю английский лучше, чем англичанин. Они ошибались. Я не говорю ни слова по-английски и не очень хорошо читаю на этом языке. Но за четыре года работы над «Амьенской Библией» я выучил ее наизусть и до такой степени усвоил, что она приобрела для меня полную прозрачность, в которой видны только туманности, существующие не потому, что наше зрение не совершенно, а потому, что созерцаемые понятия неизбывно темны. По поводу более двух десятков фраз д'Юмьер говорил мне: «Это невозможно перевести, это не имеет по-английски никакого смысла. На вашем месте я бы это выбросил». Но благодаря терпению я находил смысл даже таких фраз. И если в моем переводе есть ошибки, то только в ясных и легких местах, ибо что касается темных мест, то я размышлял над ними, переделывал их, углублялся в их смысл годами.

Я говорю вам, дорогой друг, вещи, говорить которые мне не свойственно. Думаю, что я ни разу в жизни не рассказывал никому столько о себе самом. Но я был немного возмущен вашим несправедливым высказыванием и напуган при мысли о последствиях, которые могут иметь для меня ваши слова. При случае спросите у Антуана Бибеско, хорошо ли я понимаю, по его мнению, текст

Рёскина. Он часто видел, что я сомневаюсь в смысле там, где он не находил ничего непонятного. Выслушав мои объяснения, он соглашался с тем, что мои сомнения оправданы. И когда он видел, как в конце концов я выходил из положения, то говорил: «Никогда бы не подумал, что можно так хорошо переводить». Как ни смешны мои доводы, разве они не необходимы? И в то же время, если вы попросите у меня пить по-английски, я вас не пойму, так как я изучал английский, когда у меня были приступы астмы и я не мог говорить, я выучил его глазами и не умею ни произносить слова, ни понимать их. Я не претендую на знание английского языка. Я претендую на знание Рёскина. А вам известно, что я претендую на немногое. Но, быть может, вы останетесь при противоположном мнении и будете продолжать считать, что мой перевод ложен. Но в таком случае будьте мне другом и не говорите об этом никому. Пусть читатели сами это заметят. Простите меня за откровенность и примите уверения в моей благодарности и дружеских чувствах.

Марсель Пруст

Р. S. Исправленная корректура – у моего консьержа. Я внес все изменения. Но если ваш журнал присылает вторую корректуру, я мог бы ее прочесть, чтобы убедиться в том, что мои исправления были правильно поняты. (Если я говорю, что «внес все изменения», то потому, что так думаю.) Но, разумеется, я сделаю все исправления, которые вы сочтете нужными. Только я опасаюсь, что мы слишком упростим Рёскина и ослабим его странное очарование, превратив его в своего рода Мериме.

Люсьену Доде

[Суббота 14 февраля 1903]

Милый малыш,

Несмотря на верх сложности, прочтите мое письмо терпеливо и ответьте по-доброму. Я был уверен, что больше у вас не *ужинаю* (я даже написал вчера г-же де Ноай, что приглашен вечером, после ужина). Но чтобы быть в состоянии прийти вечером, я делал все возможное (я в постели вот уже *одиннадцать дней*, мой милый). Вообще-то я был очень болен и надеялся, рассказав о моем состоянии вашей матушке, что вы меня навестите. Даже те, с кем я никогда не вижусь, приходили узнать, как мои дела. (Это не злой упрек, а легкое сожаление.) Сегодня я проснулся простуженный, с небольшой температурой и сильным кашлем. Это повергло меня в отчаяние при мысли о завтрашнем дне (о моем визите после ужина, как я полагал). Я получаю записку от д'Юмьера, который пишет, что уезжает в Лондон, и если мне нужны объяснения английского текста, то он придет ужинать сегодня, в субботу, в семь часов. Мне было так плохо, что я не решался встать. Тут я получаю вашу милую телеграмму. Быстро пробежав ее, прочитав «До завтрашнего вечера, надеюсь», я вижу подтверждение того, что речь не идет об ужине, и решаюсь поэтому пригласить д'Юмьера сегодня на ужин (меня пугает, как вы понимаете, не мой визит к вам после ужина, а то, что я наверняка заболею после такого усилия). Я начинаю пичкать себя лекарствами, чтобы встать и принять д'Юмьера. Потом перечитываю ваше письмецо и вижу: «вы уже так давно не приходили *ужинать* к нам». Я прочитал сперва только «не приходили к нам», слово «ужинать» написано так мелко, «ужи» в конце одной строки, «нать» в начале другой. Я уже не могу отказать д'Юмьеру: он предупредил меня, что пойдет на завод, а потом ко мне.

Если мне сегодня плохо, то вы можете себе представить, в каком состоянии я буду завтра. Разумеется, если вы ждете меня на ужин живого или мертвого и если я потом слягу на полгода, я все равно буду у вас в 8 часов. Только нет ли тут кое-чего от Руместана?¹ Быть может, вы написали мне, ничего не сказав об этом госпоже Доде, которая, увидев меня, воскликнет: «Что это еще за явление? Нас же будет 13 за столом!» Мне кажется, что количество человек за вашим столом должно быть «продумано» – или включать меня, или нет. Если нет, как я и полагаю, то мой приход будет столь же катастрофическим, как и в противном случае мое отсутствие (вы понимаете, что «мое отсутствие» значит просто «одним человеком меньше», а не отсутствие меня, Марселя, души общества). Так вот, если нет, то я приду сразу после ужина и, возможно, тогда у меня будет больше шансов «остаться в живых», чем в том случае, если я приду на ужин. Не правда ли, прелестное согласие в ответ на приглашение?!

Теперь у меня нет никаких сомнений, что вы приносите мне несчастье (я все любезнее, хотя и невольно). Ибо всякий раз, когда я серьезно заболел, это случалось в тот день, когда я должен был что-то делать вместе с вами. И теперь у меня появился страх, что я заболею в тот день, когда вы меня куда-нибудь пригласите, настоящая фобия, вследствие которой я тут же становлюсь больным (как вы понимаете, из страха, что не смогу прийти).

Нежно преданный вам

Марсель

Подытожим: я поступлю так, как вы скажете, и заранее вас благодарю.

---

¹ Нума Руместан – герой одноименного романа (1881) А. Доде, провинциал, достигший в Париже политической власти. Вернувшись в провинцию, он хочет путем разных маневров примирить все партии.

Пьеру Лавалле

Суббота вечером [28 февраля 1903]

Милый Пьер,

Позволь твоему когда-то близкому другу – нашей дружбе уже много лет – другу, который, получив известие об ужасном постигшем тебя несчастье, почувствовал, как воскресла вся его былая любовь к тебе, позволь ему не потревожить тебя в твоей глубокой скорби, но выразить, до какой степени он ее разделяет. Твой брат был таким утонченным, обаятельным, добрым, так любил тебя, так восхищался тобою – и мы его больше никогда, никогда не увидим! Это ужасно, это приводит меня в отчаяние и возмущает. Я уже давно не видел твоего брата. Но, обреченный из-за болезни на одиночество, я привык часто и без причины думать о тех, кто когда-то внушил мне симпатию и дружеские чувства, думать с такой силой, что их духовное присутствие становилось реальным. Твой брат был из тех, кого я знал мало, но чей прелестный облик, редкостные изысканность и мягкость сохранились в моей памяти, и я постоянно вспоминал о нем, горячо желая ему счастья, приятной и долгой жизни. Увы! Но ты можешь вообразить, сколь возрастает моя печаль и скорбь, которая пребудет вечно со мной, при мысли о вашем общем горе, о горе его молодой, прелестной жены, такой милой, совершенной, как никто другой. Но в особенности мне мучительна мысль о твоей скорби, милый Пьер, и мне физически почти невозможно ее вообразить. Я пишу тебе, лежа в постели, и эти несколько строк, которые едва могут выразить то, о чем я непрерывно думаю после того, как узнал об этом ужасном несчастье, мысленно постоянно пребывая с тобой, с ним, со всеми вами, с теми, о ком я буду думать еще долго, эти несколько строк – все, на что я способен, желая выразить

тебе мое сопереживание и дружеские чувства, поскольку мне очень трудно выходить из дома. Если все же теперь, по прошествии нескольких дней, тебе было бы приятно поговорить с кем-нибудь, кто просит только о том, чтобы поплакать вместе с тобой, я приду к тебе в любой из вечеров, буду приходить каждый вечер, если хочешь. Я полностью в твоём распоряжении. Но дай мне знать. Я не хочу быть назойливым и понимаю, что порой те, кто нам наиболее сочувствует, кажутся нам равнодушными, слишком мало напоминающими нам о том, кого мы любили, и их вид для нас невыносим. Ты сам разберешься в своих чувствах и поймешь, будут ли мои искренние сочувствие и скорбь тебе на благо или во вред.

*Весь твой в эти страшные дни,
Марсель Пруст*

Матери

[Понедельник 9 марта 1903]

Дорогая мамочка,

Зная, подобно всем матерям, что нужно сделать, чтобы добиться противоположного результата, ты одним своим письмом в одночасье сделала невозможными три перемены, намечавшиеся на следующий день после моего последнего ужина в городе (в прошлый четверг, у Пьербург) и отложенные по причине моей очередной простуды. Очень жаль, так как потом будет слишком поздно. Даже если раньше я вставал в пять утра, с мая до конца июля я ни в коем случае не встану ранее семи часов вечера, ибо хорошо знаю, что может преподнести в это время года моя астма. – Но ты наверняка решила, что если у меня было намерение изменить мой образ жизни, то достаточно было написать: «Перемени твою жизнь,

или твой ужин не состоится», и я тут же откажусь от намерения что-либо менять – не в силу моего легкомыслия и капризного нрава, а в силу моей серьезности и рассудительности – а если у меня не было намерения менять мой образ жизни, то не угроза или обещание вознаграждения заставили бы меня сделать это, иначе как бы я выглядел в моих собственных глазах и что бы ты сама обо мне подумала?

Что касается собственно ужина, который ты с такой деликатностью называешь ужином кокоток, то он состоится, хотя его дата еще не определена, скорее всего, 30 или, может быть, 25 марта, ибо я не могу поступить иначе, и дать его до Пасхи для меня важнее, чем то, что это грозит мне разорением. Ибо он неизбежно состоится в ресторане, поскольку ты отказываешься дать его дома. У меня нет никаких иллюзий: хоть ты и говоришь, что тобой руководит не желание наказать меня, ты не дашь мне на ужин в ресторане ту сумму, которой он бы стоил дома. Все это тем более странно, что помимо других, быть может, причин посерьезнее, о которых я не буду говорить, один только Кальметт или Эрвье¹ столь же полезны для меня, сколь полезны для папы Лион-Кан² или для Робера его начальники. Беспорядок, на который ты жалуешься, не мешает тебе давать необходимые для них ужины. И мое состояние не мешает мне, как бы плохо я себя ни чувствовал, присутствовать на этих ужинах. Поэтому мне трудно поверить, что, если дело не в том, чтобы наказать меня, возможное для них становится невозможным, когда речь идет обо мне. По правде говоря, мне следовало бы дать четыре или пять ужинов, во всяком случае один в честь

---

¹ Поль Эрвье (1857–1915) – популярный романист и драматург.

² Шарль-Леон Лион-Кан (1843–1935) – постоянный секретарь Академии нравственных и политических наук, в которую надеялся быть принятым отец Пруста.

Кардана¹ и один в честь Валлетта. Я не могу пригласить их на ужин с избранной публикой, которую хочет видеть Кальметт, или пригласить Эрвье на ужин вместе с г-жой Лемэр: я должен дать сначала один ужин, потом другой. Я не понимаю, почему ужины, возможные в том случае, если они полезны для папы или Робера, и на которых я неизменно присутствую, хотя мое участие в них по причине моего состояния здоровья стоит бóльших усилий, чем ваше, становятся невозможными, когда речь заходит об ужинах, полезных для меня. Вернее, понимаю, но объясняю это иначе, чем ты. – Сегодня ночью я с высокой температурой работал над переводом Рёскина и очень устал. Чувство усталости преобладает у меня над всеми другими при мысли о тех препятствиях, которые поочередно встают на пути моих попыток наладить мою жизнь, и я не стану тебе долго писать. Около 1 декабря, когда ты сокрушалась, что я не занимаюсь никаким умственным трудом, я сказал тебе, что слышать это невыносимо, что я воистину воскрес, а вместо того, чтобы восхищаться и восторгаться тем, что сделало возможным это воскресение, тебе понадобилось, чтобы я тотчас же принялся за работу. Я все же принялся за нее, и именно за ту, которая была тебе угодна. Если бы я мог работать в более благоприятном для здоровья месте, которое бы отапливалось печью без отдушины, то я был бы не до такой степени изможден, не знаю, по правде сказать, я так не думаю. Тем не менее я все еще почти жив, и, несмотря на огромный объем сданной работы, ты ежедневно приводишь мне слова тех, кто удивлен и счастлив видеть меня в столь хорошем состоянии, и я нашел возможность, как тяжело мне ни было, присутствовать на свадьбе Робера. Всего этого

---

¹ Жюль Кардан (наст. имя Кардон) – секретарь редакции газеты «Фигаро», в которой печатался Пруст.

тебе недостаточно, вернее, для тебя все это ничто, и до тех пор, пока со мной не случится то, что случилось два года назад, ты будешь видеть во всем только плохое. Даже в этом несчастном «Латинском возрождении»! Ты умудряешься отравлять мне дни, когда оно выходит¹. И ты понимаешь, что в том состоянии духа, в каком я его получаю, второй номер не доставит мне по твоей милости больше радости, чем первый. – Как и третий. – Но я не претендую на радости. Я уже давно от них отказался. И радость, о которой я говорю, и впрямь совершенно пустая. – Я только не понимаю, почему в тот момент, когда ты требуешь от меня составить счет и т. п., ты вновь вводишь меня в убыток, заставляя давать ужин в ресторане, ужин, который должен был состояться до помолвки Робера, ибо вы попросили меня перенести его и дать после 3 февраля. Я слишком долго ждал, вот и все. Вместо того, чтобы тогда лечь спать, я писал тебе ответ до изнеможения. Не знаю, смогу ли я ужинать в столовой. Постарайся протопить ее. Позавчера там было так холодно, что я простыл, так как в настоящее время совершенно обессилен. Не выдержав, я вышел на улицу, как ты помнишь, несмотря на туман, чтобы пройтись и разогреться, и у меня опять поднялась температура и продолжается жар. Ты не можешь и не собираешься сделать мне что-либо на благо. Но, избавив меня от слишком частых переохлаждений, ты сделаешь что-то, что не будет мне во вред, а это уже очень много. И облегчит мою жизнь. Я бы желал по целому ряду причин жить отдельно от вас, но поскольку я плачу за мои порошки (что все находят невероятным, я же считаю это совершенно естественным), то, быть может, мне придется платить и за снятое жилье. Поэтому я смиряюсь

---

¹ Журнал «Латинское возрождение» печатал главы из «Амьенской Библии» Дж. Рёскина в переводе Пруста.

с тем, что есть. Моя грустная жизнь весьма настраивает на философский лад. Ее недостаток состоит в том, что вы почти столь же естественно смиряетесь с тем, что другие, как и вы, пребывают в печали. Но во всяком случае, если я тебя расстраиваю, то это не зависит от меня. Я всегда стараюсь доставить тебе радость. Чего не могу сказать о тебе. Воображаю себя на твоём месте, отказывающим тебе дать не один, а сотню ужинов! Но я тебя не упрекаю и прошу только не писать мне больше писем, на которые надо отвечать: я изможден и мечтаю только о том, чтобы избавиться от подобных усилий.

Тысяча нежных поцелуев.
Марсель

Антуану Бибеско
[Между 25 и 30 марта 1903]

Милый Антуан,
(Как видишь, я не сержусь на тебя. – Впрочем, следует сердиться только в том случае, когда речь идет о незначительных вещах, и к тому же я полагаю, что такое случается слишком часто, чтобы каждый раз чересчур нервничать и переживать). Я хотел сказать тебе кое-какие *ultima verba*¹, после чего эта тема будет навсегда закрыта. Сегодня Немезида наказала меня за желание превысить возможности Фортуны:

1. поверив, что дружба может быть свободной от обычных ограничений и стеснений;

2. нарушив ради друга все священные обязательства хранить чужие секреты и т. д., и т. д.

---

¹ Последние слова (*лат.*).

Должен сказать, что это из-за тебя я совершил второе нарушение законов *fas et nefas*:¹ я принес тебе в жертву то, что до сих пор было постоянной чертой моего характера, а именно: неспособность повторить плохое, сказанное о ком-то, поскольку ты неоднократно заявлял, что это единственное доказательство дружбы, которое я тебе не дал.

Поверил ты словам, что женщине влюбленной
Подсказывал ее рассудок помраченный?²

Впрочем, если оставаться в рамках «Андромахи», то можно сказать, что едва я дал такое доказательство, мучаясь от стыда, что нарушил клятву, предал друга и принес тебе в жертву мою чистую совесть, как ты тотчас же наказал меня, ответив совершенно в духе Макиавелли и воссоздав известную трагическую ситуацию: Расин выразил ее в возвышенном стихе, который я бы повторил, если бы теперь мне не было на все наплевать.

Примерно наказать меня решили боги.

Практический вывод: если хочешь, мы расторгнем этот невозможный, жестокий договор, который уже причинил мне столько вреда. Я выбрал для его расторжения странный момент, поскольку ты услышал от меня множество откровений, а сам ничего не рассказал. Неподходящий момент для раздела имущества: я дал тебе все, а ты мне – ничего. Я продаю мои акции не вовремя. Но это не

---

¹ Дозволенными и запретными средствами (*лат.*).

² Цитата, как и следующая, из трагедии Ж. Расина «Андромаха» (1667; пер. И. Я. Шафаренко и В. Е. Шора), в которой Гермiona, поначалу требовавшая от Ореста отомстить Пирру, затем упрекает его за убийство этого царя.

важно, лишь бы все кончилось. Только не наша дружба. Я, конечно, буду с тобой не менее ласков. Но больше не будет ни откровений, ни заключенного союза, ни общих могил.

*Выражаю тебе мои дружеские чувства,
Марсель*

Я мог бы ясно объяснить тебе мотивы моего письма. Но ведь это бесполезно, не так ли?

P. S. Приятен ли тебе Соссин (без жены)? Я не решился пригласить его без твоего разрешения, но уже написал письмо и только жду твоего слова.

Скажи Константину и Эрману, если увидишь их, что я настаиваю на *пиджаках*: это позволит мне пригласить еще пару друзей, но избежать *званого ужина*, которого я ни в коем случае не желаю.

Попроси твою кузину Шиме¹ прийти на ужин в среду в закрытом или домашнем платье. Если не хочешь, я сам ей напишу. Скажи ей, что будет скучно, что все это только затем, чтобы повидаться с друзьями, и спроси, есть ли какие-то особые блюда, которые она предпочитает.

Максиму Детома²
[Вторая половина апреля 1903]

Милостивый государь,

Я решил встать, хотя и очень болен, и пойти на вашу выставку. Я очарован. Но и грустен: ваше творчество исполнено такого глубокого понимания природы и любви

---

¹ Речь идет о принцессе Элен де Караман-Шиме.

² Максим-Пьер-Жюль Детома (1867–1929) – художник, ученик Дега. Ниже идет речь о его выставке, где были представлены рисунки на темы Парижа и Италии.

к жизни, что заставляет чувствовать себя несчастным того, кто, будучи заточен из-за болезни у себя дома, не может пойти после знакомства с вами посмотреть на актеров, священников, простых людей, парижанок и на те далекие просветы голубого неба, которые видны на горизонте вашего «Сельского жителя». После вашей выставки смотришь по-новому на жизнь и на людей, и даже на маленькие окошки, выходящие на Большой канал, которые мне бы хотелось сравнить с вашими. И когда обстоятельства мешают утолить ту огромную жажду действительности, которую возбудил в нас художник, облекший эту реальность в особую красоту (всего лишь почерпнутую им в действительности, которую он заставил сбросить, так сказать, маску и водрузить свой флаг), начинаешь еще больше страдать от того, что до такой степени находишься вне жизни.

Недавно я подумал в связи с моим столь замечательным врагом, г-ном Фламаном¹, что полезно, прежде чем говорить о живописи, позаниматься ею, а вы словно предупредили меня, что говорить о живописи, никогда ей не занимавшись, очень опасно. Так что я сказал уже слишком много. К счастью, я пишу вам, перевернув перо, так как иначе оно отказывается выводить какие-либо буквы, и если я напишу что-нибудь неправильное, считайте, сделайте милость, что мой почерк неразборчив и что это он повинен в моих стилистических ошибках. Мне хотелось бы все же, чтобы в этом письме вы ясно прочли о моей симпатии, искреннее выражение коей я прошу вас принять.

Марсель Пруст

---

¹ Альбер Фламан (1877–1956) – журналист, вел светскую хронику в ряде газет, отличался язвительностью, рисовал карикатуры представителей высшего общества. Пруст скорее в шутку называет его «врагом», так как их отношения оставались дружескими.

*Луизе де Морнан*¹

Вторник [вечером 2 июня 1903]

Мадемуазель,

Бесконечно благодарю вас за то, что вы так мило вспомнили обо мне, я очень тронут. К сожалению, я не могу принять ваши столь любезные приглашения: я *никогда* не выхожу из дома в течение дня. Я был бы счастлив сделать для вас исключение в любое другое время года. Но каждый год с 15 мая до 1 июля у меня смешная – и очень мучительная – болезнь, которая называется сенная лихорадка, точнее цветочная, во время которой, если я выхожу из дома, то это самым пагубным образом сказывается на моем здоровье. В конце июля я решаюсь выйти перед закатом, но очень редко. Вот почему я буду лишен (что меня очень печалит, поверьте) возможности отобедать с вами и аплодировать вам в Буфф². В сущности в это время года меня можно увидеть (и это время я предпочитаю также во все другие сезоны) только вечером после 8 часов до какого угодно часа ночи (хоть до глубокой). Если вы больше не заняты сразу после первого представления³ – (ведь «У камелька»⁴ начинается не раньше одиннадцати вечера, как мне кажется), скажите мне, когда вы свободны, и доставьте мне удовольствие поужинать со мной и г-ном д'Альбуфера⁵, где вам будет угодно. Если же вы по-прежнему играете сразу после первого представле-

---

¹ Луиза де Морнан (наст. имя Марта Монто; 1884–1963) – актриса, близкая знакомая Пруста.

² Буфф-Паризьен – парижский театр.

³ Основному спектаклю обычно предшествовало несколько коротких представлений.

⁴ Комедия (1903) Абеля Таррида, в которой играла Л. де Морнан.

⁵ Луи-Жозеф Сюше маркиз д'Альбуфера (1877–1953) – возлюбленный Л. де Морнан.

ния и *каждый вечер*, то *лучше* было бы, если бы мы встретились *после* основного спектакля. Впрочем, Бертран¹ скоро приедет и доставит нам, надеюсь, возможность поужинать. В том случае, если вы не сможете поужинать со мной, о чем я буду сожалеть, лучше будет дожидаться приезда Бертрана, он не заставит себя долго ждать. Но в любом случае нам надо очень серьезно поговорить. Г-н д'Альбуфера сообщил мне о ваших пожеланиях, которые, даже если предположить, что они выполнимы, требуют предварительного устного обсуждения. Когда писать о каких-то вещах трудно, говоришь о них так бегло.

Обращаю внимание вашего друга на статью в «Ла Пресс» сегодня вечером (номер «Ла Пресс» датирован «3 июня, среда», но вышел во вторник вечером), которая, надеюсь, вам понравится. Она тем «полезнее», что единственный, кого читают в «Ла Пресс», это Мартен Галь² (именно потому, что он настоящая «gale»³. Но не по отношению к вам, признайтесь). Зато, как вы могли убедиться, с «Ле Солей»⁴ я потерпел полное фиаско, так как Леон Доде расточает вам там за что-то похвалы, объединив вас с г-жой Мило⁵ и г-ном (посредственным актером, которого вы не любите (в пьесе), потому что он рогоносец). Это не мешает Леону Доде сохранять уверенность в том, что он был очень любезен!

В общем, скажите, сможете ли вы поужинать со мной как-нибудь вечером в 8 часов или в четверть девятого (но не раньше, чем дня через два-три: пока что мне

---

¹ Бертран де Фенелон был ранее возлюбленным Луизы де Морнан.

² Псевдоним А. Фламана.

³ Смысл: «он настоящая язва».

⁴ «Ле Солей дю диманш» («Воскресное солнце») – еженедельник, посвященный в основном светской и театральной хронике.

⁵ Мило д'Арсиль (ум. в 1950) – актриса.

нездоровится), при условии, впрочем, что я *приглашаю*, так как я, увы, старше и вас, и г-на д'Альбуфера, и не могу позволить пренебречь этой грустной привилегией. В противном случае (если вы заняты и если г-н д'Альбуфера не хочет оставить вас одну и поужинать со мной) поужинаем как-нибудь после приезда Бертрана. Ведь ваши планы (пьеса Круассе¹) рассчитаны на довольно долгий срок, и никакой спешки нет.

Передайте привет вашему другу и примите, мадемуазель, уверения в моем почтении,

Марсель Пруст

Возвращаю вам билеты в Буфф и посылаю письмо заказным, чтобы они не потерялись.

Луизе де Морнан

Четверг [9? июля 1903]

Дорогой друг,

То, что вы обо мне помните, мне драгоценно, и я вас благодарю. Как мне хотелось бы прогуляться с вами по улицам Блуа, которые должны быть прелестной рамой вашей красоты. Это старая рама, эпохи Возрождения. Но и новая, ибо я никогда вас там не видел. А в новых местах те, кого мы любим, кажутся нам словно обновленными. Увидеть, как в ваших прекрасных глазах отражается веселое небо Турени, увидеть вашу изысканную фигуру на фоне замка было бы для меня волнительней, чем лицезреть вас в новом наряде. Это значило бы увидеть вас по-новому украшенной. Мне хотелось бы посмотреть, как

---

¹ Франсис Круассе (наст. имя Эдгар-Франц Винер; 1877–1937) – драматург, автор популярных комедий.

сочетается с красивой вышивкой вашего голубого или розового платья, которые вам так к лицу, тонкое и столь грациозное каменное кружево старого замка, которое, несмотря на всю древность, все же не менее ему к лицу. Я пишу вам все это таким плохим пером, что мне пришлось его перевернуть. Голова у меня тоже не совсем в порядке. Не удивляйтесь тому, что результат не блестящ. Впрочем, я могу говорить женщинам, что я восхищаюсь ими и люблю их только в том случае, если на самом деле это совсем не так. А вы знаете, что я вами очень восхищаюсь и очень вас люблю. Поэтому мне всегда будет трудно вам об этом говорить. Не подумайте, что мои слова – нескромная, претенциозная и неуклюжая попытка ухаживать за вами. Хотя это и не имело бы последствий, так как вы быстро поставили бы меня на место, я бы предпочел скорее умереть, чем поднять глаза на женщину, обожаемую моим другом, ведь его благородное, нежное сердце с каждым днем придает ему все больше цены. Но, быть может, мне все же позволено питать к вам некоторую толику дружеских чувств и огромное восхищение... Это на ваше усмотрение. В ожидании вашего вердикта, ставя все на карту, с дерзостью, которая, наверное, является следствием большого расстояния, отделяющего улицу Курсель от Шоссе Сен-Виктор¹, я делаю (мысленно прося разрешения у А[льбуфера].) одну вещь, которая была бы мне безумно приятна, если бы однажды я смог позволить ее в действительности, а не только в письме, а именно, дорогая Луиза: я вас целую.

Марсель Пруст

Если, как я надеюсь, думая о вас и о нем (ибо часы, проведенные с вами в разлуке, кажутся мне очень долгими,

---

¹ Город к востоку от Блуа, в 180 км от Парижа. Пруст жил в Париже на улице Курсель.

когда я воображаю и вашу, и его печаль), А[льбуфера].
вновь с вами, передайте ему, пожалуйста, чтобы он прежде всего не звал меня больше Пруст, а также, что я его очень люблю. Мое почтение вашей сестре; я с ней не знаком, но она должна быть очаровательна, если похожа на вас. Если к тому же ей свойственны ваши нежность и *верность* (то, что я наиболее ценю в вас, если не ошибаюсь на ваш счет; только будущее покажет, прав ли я), то она должна быть совершенством. Но я чувствую, что все же предпочитаю вас!

Роберу де Бийи

[Понедельник вечером 27го июля 1903]

Милый Робер,

«Радость, радость, слезы радости» (Паскаль)¹.

Я в восторге. В дружбе я *буржуа*, а не философ, и «награды» моих друзей² доставляют мне наивное удовлетворение, как если бы они были членами моей семьи. Когда речь идет о моих друзьях, я испытываю самые дурные чувства и прежде всего крайнее самолюбие. И я так же простодушно доволен тем, что вас наградили, как если бы я был вашим братом – или вашим консьержем. Я тут же попросил Альбу³ сообщить благую весть Фенелону, но слишком поздно (так как вскрыл ваше письмо только после того, как проснулся, в 6 часов), ибо Альбу, как он сказал мне сегодня вечером, увидел Фенелона уже после того, как вы у него побывали

---

¹ Пруст цитирует «мемориал» Паскаля: слова, записанные им после пережитого мистического озарения.

² Р. де Бийи стал кавалером ордена Почетного легиона.

³ Имеется в виду маркиз д'Альбуфера.

и он узнал о вашем награждении. Итак, милый Робер, это для меня большая радость, большое удовлетворение от того, что нелепая несправедливость исправлена, большая надежда, что отныне вы приложите чуть больше усилий не только для того, чтобы вас по достоинству ценили умные люди, но и для того, чтобы вы при этом достигли высокой ступени на общественной лестнице почестей. Вы должны стремиться к этому хотя бы ради того, чтобы современное гражданское общество приблизилось к идеальному, создать каковое поможет ваш ум. Обнимаю вас от всего сердца, но обниму еще крепче, когда вы станете офицером ордена Почетного легиона. Что и следовало доказать.

Я рад, как член вашей семьи, которая должна по этому случаю испытывать самую большую радость, и остаюсь, милый Робер, преданный вам

Марсель Пруст

Жоржу де Лорису

[Среда вечером 29 июля 1903]

Дорогой друг,

После ухода Альбу я вновь думаю о ваших треклятых законах¹ и в состоянии крайней депрессии и отупения (вероятно, общих у меня с теми, кого я защищаю!) набрасываю кое-какие ни на что не претендующие размышления, продиктованные разве что здравым смыслом, намного уступающие рассуждениям Ива Гюйо² и не

---

¹ Имеются в виду законы, направленные на отделение церкви от государства, которое произошло во Франции в 1905 г.

² Ив Гюйо (1843–1928) – журналист и политический деятель, атеист.

достигающие, с позволения сказать, высоты наших дискуссий на эту тему. Поэтому, прочитав, сразу порвите мое письмо: мне было бы очень стыдно, если бы кто-нибудь еще его прочел. До сих пор я думал только о преимуществах и опасностях христианства и о его праве на существование, о свободе вообще. Но теперь я пытаюсь проникнуть в суть ваших законов и понять, что они значат для вас; мне совершенно не понятно, чего вы хотите. Сделать Францию *единой*? (Как это заставляют предположить ваши идеи относительно Сен-Сира¹ и другие, которые я не могу обсуждать, так как они касаются слишком специальных предметов.) Не думаю, что вы хотите, чтобы все французы стали одинаковыми. Эта мечта, к счастью, неосуществима, так как глупа. Но вы, наверное, хотите, чтобы все французы стали или хотя бы могли быть друзьями, за исключением тех случаев, когда ими движут особые, личные причины для взаимной ненависти, и чтобы никакая априорная вражда не могла извратить судебное разбирательство, как то имело место несколько лет тому назад. И вы полагаете, что бесплатные школы учат ненавидеть масонов и евреев (сегодня вечером, кажется, именно образование, а также присутствие Альбу вызвало ваш гнев, так что я даже не решился искренне высказаться, например, по поводу Кошена² и т. п.). Это правда: в последние годы евреев не принимают в обществе выпускников этих школ, что нам в сущности безразлично, но что является признаком того опасного состояния умов, которое породило Дело и т. д. Но скажу вам, что в Иллье, центре маленькой коммуны, где позавчера мой отец председательствовал на вручении премий, по-

---

¹ Элитная военная школа, основанная в 1802 г.

² Дени Кошен (1851–1922) – политический деятель, выступавший против законов, запрещавших учебные заведения ряда религиозных конгрегаций.

сле принятия законов Ферри¹ кюре больше не приглашают на эту церемонию. Учеников приучают к мысли, что с теми, кто его посещает, не следует общаться, и так с обеих сторон идет работа по разделению Франции. А я вспоминаю эту деревушку, поглощенную борьбой со скудной землей, порождающей скупость, деревушку, где единственное, что устремлено к небу, часто покрытому облаками, но нередко и божественной синевы, которое каждый вечер со стороны Бос² преобразает закат, единственное, что устремлено к небу, это все еще красивая колокольня; я вспоминаю кюре, учившего меня латыни и тому, как называются цветы в его саду; я знаю образ мыслей зятя моего отца³, местного антиклерикала, который после «Декретов» больше не приветствует кюре и читает «Непримиримого»⁴, а после Дела еще и «Свободное слово»⁵, и мне кажется, что нехорошо не приглашать больше на вручение премий кюре, представляющего в деревне нечто более сложное для определения, нежели то, что символизируют аптекарь, продавец табака на пенсии и оптик, но все же вполне достойное уважения, хотя бы благодаря одухотворенной колокольне на фоне заката, которая с такой любовью сливается с розовыми облаками и на взгляд того, кто впервые оказывается в селе,

---

¹ Жюль Ферри (1832–1893) – политический деятель, министр просвещения, способствовал принятию в 1880 г. законов (Пруст далее называет их декретами), отстранивших духовенство от участия в школьном образовании.

² Равнина в центре Франции.

³ Имеется в виду Жюль Амьо (1816–1912), муж его сестры Франсуазы-Элизабет.

⁴ Газета («Лентрансижан»), основанная в 1880 г., левой направленности.

⁵ Газета («Ла либр пароль»), основанная в 1892 г., орган антидрейфусаров.

выглядит все же лучше, дышит бóльшим благородством, бескорыстием, умом и любовью, коей мы все жаждем, нежели другие сооружения, хотя бы и воплощающие недавние законы. В общем, по мере развития антиклерикализма увеличивается пропасть между двумя Франциями. И это вполне естественно. На это можно дать следующий ответ. Если у вас опухоль, я должен вырезать ее, доставив вам массу неприятностей: вы будете страдать, у вас поднимется температура, потом вы будете выздоравливать, но по крайней мере после этого вы будете здоровы. Впрочем, я именно так рассуждал в связи с Делом. Если бы я думал, что после запрета конгрегаций, занимающихся преподаванием, исчезнет то, что питает ненависть французов друг к другу, я бы только приветствовал этот запрет. Но я думаю совсем иначе. Во-первых, ясно, что все, вызывающее у нас отвращение в клерикализме и прежде всего антисемитизм, точнее клерикализм сам по себе, никак не связаны с католическими догматами и католической верой. Мне кажется, что не стоит продолжать род Альфонса Юмбера¹, Кавеньяка и других крайних антисемитов. А священники, не столько сторонники Дрейфуса, сколько приверженцы терпимости, кажутся мне терпимыми до такой степени, до какой они сами отличаются терпимостью. В настоящее время самые громкие защитники католицизма (Баррер² и т. п.) – неверующие (и принимать их поддержку – позор для католицизма, но вспомним, что мы приняли поддержку Гойе³ и стольких других, в том числе *дурных* людей, антисемитов в глубине души). И клерикалам плевать на это. Ибо они знают, что сель-

---

¹ Альфонс Юмбер (1844–1922) – журналист, главный редактор газеты «Эклер», развернувшей кампанию против Дрейфуса.

² Камилл Баррер (1851–1940) – посол Франции в Италии с 1897 г.

³ Юрбен Гойе (наст. имя Дегуле; 1862–1951) – журналист и антисемит, ставший на сторону Дрейфуса с целью дискредитации армии.

ский кюре, монах, епископ, папа могут быть на стороне правительства, а редактор «Свободного слова» – не может. И они полностью прощают их за то, что они не ходят в церковь (кроме тех дней, когда туда идет Шарбоннель¹) и оскорбляют почти всех служителей церкви, прежде всего папу. Если конгрегации будут изгнаны, если католицизм во Франции исчезнет (если он вообще может исчезнуть, ведь идеи и верования прекращают свое существование не благодаря законам, а когда то, что в них было истинного и полезного для общества, утрачивает свою истинность и полезность), клерикалы, неверующие и потому еще более ярые антисемиты, ненавидящие дрейфусаров и либералов, будут столь же многочисленны, что и прежде, и при этом в сто раз хуже. Кроме того, даже если учителя (школьные) плохи, то не они формируют мнение молодых людей (кроме тех, которые продолжают свое образование в высших учебных заведениях и становятся в таком случае столь же яркими сторонниками таких людей, как Бутру² или даже Лависс³, что и выпускники коллежей Станисласа⁴ или Кондорсе), а пресса. Если бы вместо ограничения свободы преподавания ограничили свободу печати, тогда, быть может, стало бы меньше поводов для разделения и ненависти. Но *интеллектуальный протекционизм* (который поддерживают ныне законы, в сто раз более отвратительные, чем

---

¹ Виктор Шарбоннель (1863–1926) – бывший священник и публицист-антиклерикал.

² Эмиль Бутру (1845–1921) – философ и историк, уделявший много внимания нравственным вопросам. Пруст слушал его лекции в Сорбонне и неизменно восхищался им.

³ Эрнест Лависс (1842–1922) – историк. В 1898 г. уволился с поста профессора истории в военной школе Сен-Сир, протестуя против преследования Дрейфуса и Пикара.

⁴ Элитный коллеж в Париже.

Мелин¹) тоже не годится. И при этом мы говорим только о других, о тех, кто нас ненавидит. А мы сами, что же, мы имеем право ненавидеть? и единая Франция будет означать не союз всех французов, но подавление одних другими и т. п. (у меня нет сил продолжать). Приведу один пример, свидетельствующий вовсе не о ненависти, но о милом лукавстве, вашем и Бертрана. Когда Бертран насмехается над монахинями, «вынужденными путешествовать», когда вас раздражает клерикал, читающий «Свободное слово», вы настроены отнюдь не враждебно, но почти так же, как очень милый офицер, которого раздражает еврей, читающий в поезде «Аврору»², в то время, как сам он читает «Свободное слово». Дело в том, что [...] черпают темы для разговоров и идеи в «Эко», «Эклер» и газетах, которые читают в их кругу. А у тех, кто не отличается узостью мысли, будь то профессор Сорбонны (или аббат, разделяющий *современные идеи*), Фенелон, Радзивилл³, Лорис, Габриэль де Ларошфуко⁴, Гиш⁵ (я нарочно беру людей с самым разным уровнем мышления!) или просто Марсель Пруст, идеи будут схожи (как и у самых крайних членов конгрегаций). Будьте уверены, что требование быть лицензиатом словесности для вступающих в военную службу в большей мере продвинуло республику по пути либерализма, нежели все изгнания монахов.

---

¹ Жюль Мелин (1838–1925) – политический деятель. Был противником пересмотра дела Дрейфуса.

² Газета («Орор»), основанная в 1897 г., в которой была опубликована знаменитая статья Э. Золя «Я обвиняю!» в защиту Дрейфуса.

³ Леон Радзивилл (1880–1927) – сын польского князя, вошедший в круг друзей Пруста в 1902 г.

⁴ Габриэль де Ларошфуко (1875–1942) – друг Пруста, литератор.

⁵ Антуан-Огюст-Аженор-Арман де Грамон, герцог де Гиш (1879–1962) – журналист, романист, близкий друг Пруста с 1902 г.

Другие, те, кто не «трудился»¹, такие, как Парис², Альбу, [Мюллер?]³, продолжают разделять политические идеи своего круга, то есть *своих газет*. Впрочем, все это не касается сути дела, которое не так просто, как вам кажется. Например, мы говорим – и прежде всего я сам, а также Альбу – мы говорим очень легкомысленно о иезуитах. Если бы мы были лучше информированы, то узнали бы о иезуитах то, что заставляет задуматься, в частности, то, что Огюст Конт, которого превозносит, но, по-видимому, недостаточно хорошо знает генерал Андре⁴, так восхищался Орденом Иезуитов и был настолько уверен, что только иезуиты могут принести пользу Франции, что добился встречи с генералом Ордена с целью создать из школы позитивизма и Ордена Иезуитов единую организацию. Однако генерал Ордена не пошел на сближение, и переговоры провалились. Нам постоянно повторяют, что абсолютные монархии не терпели иезуитов. Но разве это серьезный довод против иезуитов? Думаю, что все же в конечном итоге я против них, но мне хотелось бы, чтобы противники клерикализма поступали аккуратнее и хотя бы осматривали великие общественные сооружения, прежде чем начать их разрушение. Я не люблю иезуитский дух. Но в конце концов есть иезуитская

---

¹ «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их». Ин. 4:38.

² Виконт Франсуа де Парис (1875–1958) – знакомый Пруста, с которым он посетил замок Германт.

³ Как предполагает Ф. Колб, речь может идти о Морисе Мюллере, одном из представителей золотой молодежи (Kolb. 3, 389).

⁴ Генерал Луи Андре (1838–1913) – военный министр (1900–1904), атеист и либерал. Способствовал полному оправданию Дрейфуса. При нем была установлена система слежки за офицерами с целью ограничить продвижение по службе тех из них, кто отличался консервативными взглядами.

философия, иезуитское искусство, иезуитская педагогика. Возможно ли антиклерикальное искусство? Все это не так просто, как кажется. Каково будущее католицизма во Франции, то есть сколько еще времени и в каких формах будет продолжаться его влияние? Этого вопроса никто не может даже поставить, ибо католицизм, изменяясь, обретает все большее величие, и с XVIII века, когда он казался убежищем невежественных монахов, он оказывает даже на тех, кто должен был его сокрушать и отвергать, влияние, которого не могло предвидеть предыдущее столетие. Даже с точки зрения борьбы с христианством путь, пройденный со времен Вольтера до Ренана (пройденный в направлении католицизма), огромен. Ренан – антихристианин, обращенный в христианство. «*Groecia capta, или точнее Christianismus captus ferum victorem cepit*»¹. Век Карлейля, Рёскина, Толстого, даже если он и был веком Гюго или Ренана (не говорю уже о том, не является ли он веком Ламартина или Шатобриана) – не антирелигиозный век. Даже Бодлер связан с Церковью, хотя бы своими богохульствами. Но в любом случае этот вопрос не имеет ничего общего с христианскими школами. Во-первых, потому, что христианский дух не убьешь, закрыв христианские школы, а если он должен умереть, то умрет и в теократическом государстве. Во-вторых, потому, что христианский дух и даже католическая догма не имеют ничего общего с духом партий, который мы хотим уничтожить (и которому сами подвержены).

Я до крайности утомлен и жму вашу руку, заклиная вас немедленно сжечь это идиотское письмо.

Ваш Марсель Пруст

---

¹ Первая часть цитаты из послания Горация («Греция, взятая в плен, победителей диких пленила», кн. 2, послание 1, пер. Н. С. Гинцбурга) изменена на «Христианство, взятое в плен...».

Для меня было бы мукой узнать, что кто-то видел это глупейшее письмо.

Что касается Дени Кошена (не говорю об Энаре¹, прекрасном человеке и великом уме), то предполагаю, что он заражен консерватизмом, реакционным духом и клерикализмом. Но он замечательно говорит и высказывает мысли, которые мне нравятся, он тем более либерал, что в настоящий момент естественно жаждет только свободы (поскольку мы говорили только о справедливости и любви, желая реального проявления справедливости и любви), и его речи приводят меня в восхищение. Я бы не стал заходить слишком далеко и предлагать ему портфель. Но поддержанный им министр не произвел бы на меня, хотя я весьма прогрессивен, более устрашающего впечатления, чем в 1898 г. кабинет министров, поддержанный коллективистами², – на г-на де Витта³, хотя он и был роялистом. Ибо неотложной необходимостью в то время было исправление несправедливостей, допущенных Генеральным штабом, а ныне – несправедливостей, допущенных правительством, если мы не хотим, чтобы на нас ополчилась огромная партия, способная увеличиться еще больше, как все партии, движимые борьбой за справедливость (пример тому: социалисты-дрейфусары). В настоящий момент социалисты, будучи антиклерикалами, делают ту же ошибку, что в 1897 г. клерикалы, будучи антидрейфусарами. Клерикалы искупают ее сегодня. А мы будем искупать ее завтра.

---

¹ Эдуард Энар (1837–1913) – банкир, политический деятель – либерал, католик, меценат.

² Имеются в виду радикальные социалисты, которых Ж. Жорес называл «коллективистами», или коммунистами.

³ Конрад де Витт (1824–1909) – депутат парламента, единственный из правых, поддержавший пересмотр дела Дрейфуса.

Жоржу де Лорису
Четверг [20 августа 1903]

Дорогой друг,

Я напрасно собрал сведения о Бретани, так как потерял их. Сообщаю вам то немногое, что мне известно. Бег-Мей¹ – это огороженный яблоневый сад, спускающийся до залива Конкарно, самого благородного, приятного и прелестного места из всех, какие я знаю. И думаю, что залив Морбиан тоже очень красив. Вы, конечно, не сможете не посетить мыс Ра, вы знаете, что это такое: по старинным представлениям – край земли, гигантская гранитная скала, вокруг которой всегда бушует море и находится залив Мертвых; напротив – остров Сен. Это мрачные места, над которыми тяготеет знаменитое проклятие. Но признаюсь, что я предпочитаю им Пеннмарш, который вы, конечно, посетите: это смесь Голландии, Индии и Флориды (Харрисон² *dixit*). Нет ничего величественнее, чем зрелище в этом месте бури на море.

Вы сослужили мне службу, дорогой друг, не сказав, когда мы были в гостях у Бертрана, правду (как всегда!) Пикару³, которая может стать причиной многих неприятностей. Поскольку я хотел продемонстрировать ему мою прямоту и дружеское расположение, я не решился упустить представившуюся возможность, когда он попросил меня быть его свидетелем. Это настраивает против меня

---

¹ Городок в Бретани, где Пруст был с Р. Аном в сентябре 1895 г.

² Томас-Александр Харрисон (1853–1930) – американский художник, маринист и пейзажист, с которым Пруст и Ан познакомились в Бег-Мейе.

³ Пруст принял приглашение стать секундантом драматурга Андре Пикара (1876–1923), у которого ранее была дуэль с Ж. Бизе.

Штраусов, Лебаржи¹ и доставляет массу других неприятностей. Не сообщаю вам новости о Бертроне, думаю, у вас их больше, чем у меня, как и у фаворита Анро². Он (Бертран) уехал из Парижа, кажется, в субботу, недели две назад. В тот вечер мы с Антуаном поужинали вместе с ним и погрузили его в поезд, он был навеселе. Антуан уехал из Парижа, обидевшись на меня. Кажется, он в Англии. Мне хотелось бы вас увидеть, дорогой друг. Передайте дружеский привет Анро. Не осмеливаюсь просить вас выразить мое почтение вашим родителям, что несправедливо (то, что я с ними не знаком), учитывая тот факт, что я очень люблю и пересказываю всем «словечки» вашего отца. Как грустно, что Лабори³ превращает дело Юмбер⁴ в пародию на дело Дрейфуса, где он сам играет роль Генерального штаба, постоянно обещая не разглашать свои нелепые тайны. Я только потому сожалею, что являюсь дрейфусаром, что это печалит благородного, верного Альбу. Он очень просил меня объяснить ему дело Дрейфуса, чтобы он мог разделить мои убеждения, но мне не хватает духа. Надеюсь, что Бретань заставит зазвучать благородные, чарующие струны, чудом соединенные в вашей душе со струнами, звучащими важно и сурово. Если бы вы мне сказали: в такой-то день я буду в Пемполе⁵ или на острове Бреа и т. д., я бы сел в поезд и примчался к вам (если бы в тот момент еще был в Париже). Еще раз

---

¹ Огюст Лебаржи (1858–1956) – артист театра Комеди франсез, у которого была дуэль с А. Пикаром.

² Люсьен Саншолль Анро (1877–1926) – коллекционер и художник, близкий друг Ж. де Лориса.

³ Фернан Лабори (1860–1917) – адвокат Дрейфуса.

⁴ Ф. Лабори был в 1903 г. адвокатом Терезы Юмбер, приговоренной к каторжным работам за мошенничество в крупных размерах.

⁵ Пемполь – город в Бретани, имеющий железнодорожное сообщение с Парижем, ближайший к переправе морем на остров Бреа.

привет Анро. Не передаю ничего Парису¹, ибо нахожу, по размышлении, что он вел себя по отношению ко мне весьма неудовлетворительно. К тому же я даже не могу вспомнить, как он выглядит, и если иногда мысленно его воображаю, то всегда вижу одно и то же: как он раздает серпантин тем, кто собирается танцевать котильон, хотя я никогда не видел его на балу!

*Ваш
Марсель Пруст*

Жоржу де Лорису
Отель «Великолепный», Эвиан-ле-Бен
[8 или 9? сентября 1903]

Дорогой Жорж,

От всего сердца благодарю вас за все ваши милые слова. Я смогу лучше ответить на них при встрече. Но почему вы ссылаетесь на «начало нашей дружбы»? Разве продолжение – хуже? Кое-что другое мне тоже не понятно. Впрочем, вы, наверное, сказали мне все из добрых побуждений, желая сделать мне приятное, и сами не можете ничего объяснить. Вы спрашиваете, как мое здоровье, отвечаю. После того как мы с вами расстались, бодрящее общество двух Альбу² не ослабило мою лихорадку, и я уехал в состоянии, которое невозможно описать. В поезде я и не думал уснуть. Я увидел восход солнца, чего со мной не случалось уже давно. Это красиво, прелестный закат наоборот. Утром меня охватило бешеное вождение при виде сонных деревушек (именно деревушек, а не сонных девушек!), на западе слабо

---

¹ Речь идет о Франсуа де Парисе.

² Имеются в виду Луи д'Альбуфера и Луиза де Морнан.

освещенных лунным светом, а на востоке – в ярких лучах восходящего солнца, но я сдержал себя и остался в поезде. В одиннадцать часов я приехал в Аваллон¹, осмотрел город, взял машину и через три часа прибыл в Везле² в совершенно невообразимом состоянии. Везле – чудное место, каких много в Швейцарии, расположенное на вершине горы, высящейся над всеми остальными, видное отовсюду за несколько лье и такое живописное, что захватывает дух. Церковь – огромная и столь же напоминает турецкие бани, сколь и Собор Парижской Богоматери. Она построена из черных и белых камней, и у нее вид прелестной христианской мечети. Если бы я не был таким уставшим (я отправил почтовые открытки, и *вам первому пишу письмо*), то рассказал бы вам, что чувствуешь, входя в эту церковь, это любопытно и замечательно. Расскажу в следующий раз, сейчас нет сил. Вечером я вернулся в Аваллон, меня так трясло, что я не смог раздеться. Всю ночь я гулял. В пять часов утра я узнал, что поезд уходит в шесть утра. Я сел в него. Проехал мимо прелестного средневекового городка, который называется Семюр³, и в десять часов прибыл в Дижон, где видел прекрасные вещи и большие надгробия герцогов Бургундских, разноцветные муляжи которых не дают о них никакого представления. И в одиннадцать часов вечера я приехал в Эвиан. Эта бешеная скачка, без сна, несмотря на болезнь, эта «погоня за смертью» настолько изменила меня, что я не узнавал себя в зеркалах, а на вокзалах меня спрашивали, не надо ли мне помочь, и я понял, насколько мудр был ваш

---

¹ Древний город в Бургундии. Пруст осматривал его средневековые церкви.

² Город в Бургундии к юго-западу от Аваллона.

³ Семюр-ан-Осса, город в Бургундии.

заботливый совет (очень тронувший матушку) не уезжать в таком состоянии. И все это время я старался выздороветь. И теперь я примерно в том же состоянии, что до отъезда (и до болезни), но встаю каждый день в два или три часа пополудни, поскольку вы из суеверия придаете этому значение. Я с беспокойством думаю о Бертроне в связи с последними событиями в Турции¹ и ожидаю газету с мучительным нетерпением. Я успокоюсь, когда он получит назначение или неподалеку от нас, или в какой-нибудь тихой Америке, подальше от болгар. Мне кажется, что вы не одиноки, и я этому очень рад. Вы впервые вновь упомянули в вашем письме госпожу ...² Я вам о ней больше не говорил, не зная ваших чувств. Судя по радостному, умиротворенному тону вашего письма, вы обрели спокойствие или думаете о возобновлении ваших отношений. В последнем случае да будет с вами, дорогой друг, благословение тех сил, которые уже дарили вам жизнь и счастье и к которым с пылкой мольбой обращают молитвы о вас ваши друзья.

Марсель Пруст

Я не видел госпожу де Ноай: она уже уехала из Эвиана. Сердечный привет Бертрону. Антуану я напишу, пока что передайте ему привет. Я сообщу вам о моих планах, еще не определенных. Что касается уединенного домика, то я об этом еще не думал и мне в это не верится, но никому ничего не говорите, а то какое же уединение, если все туда явятся?

---

¹ Речь идет о восстании болгар.

² Имеется в виду, как полагает Ф. Колб, будущая жена Ж. де Лориса (Kolb. 3, 421).

Госпоже де Ноай

Понедельник [26 октября 1903]

Сударыня,

Вы так любезны. Я был бы очень рад поужинать с вами в среду. Но в четверг я должен выйти из дома (и не могу поступить иначе, это дело откладывалось уже четыре раза из-за моей болезни). Я не могу выходить два дня подряд, так как после каждого выхода из дома я болею в течение нескольких дней. Порой у меня такая жизнь, когда за все удовольствия надо платить, даже не испытав их, когда тобой владеет то своего рода «грустное отвращение, жалкое и безнадежное чувство», которое испытывала бедная, милая, благородная Сабина при виде того, как в ее гостиной слуга передвигал мебель и подметал¹. Я хотел бы жить в уединении и заниматься трудом, приносящим плоды, в каком-нибудь большом монастыре, коего вы были бы одетой в белое великолепной настоятельницей. (Хотя мой клерикализм – временно – ослабел, так как я прочитал историю освобождения коммун и увидел, сколько эти бедные горожане и охваченные энтузиазмом крестьяне страдали от всех этих свиней. Меня это тем более потрясло, что самая драматичная история, рождающая самый сильный «гражданский» трепет, как вы говорите, это история бедной коммуны Везле, где месяц тому назад я простодушно и невольно любовался – ценой стольких приступов астмы! – чудесной церковью аббатства, не подозревая о жестокости аббата Понса де Монбуассье².) Но я все забуду из любви к церквям, коими я всегда хочу быть принят,

---

¹ Отсылка к роману А. де Ноай «Новое упование».

² Пруст читал книгу Огюстена Тьерри «Письма об истории Франции» (1827), в которой говорится о восстаниях горожан в Везле в XII в.

Как золотистый шмель раскрывшимся цветком¹,

а также потому, что эти горожане отличались еще большей, насколько это возможно, жестокостью.

И к тому же я совершенно не знаю истории. Я только что прочитал «Старые бумаги, старые города» и «Баца» Ленотра². И все же это чересчур – то, что Клемансо вдохновлен примером террора и ни в коем случае не позволяет отделить его от Блока³.

Сударыня, вы не мой исповедник, и я не знаю, почему я не могу избавить вас ни от одной из моих нелепых мыслей. Я хотел бы, чтобы выражение моего самого глубокого почтения умерило впечатление от этих дерзких излияний.

Марсель Пруст

Передайте Ренье выражение моего восхищения, а Бонье⁴ – выражение моей симпатии.

---

¹ Цитата из седьмого стихотворения второй части цикла П. Верлена «Мудрость» (1881), пер. А. М. Ревича.

² Ж. Ленотр (наст. имя Луи-Леон-Теодор Госслен; 1855–1935) – автор книг по истории Французской революции на основе неизданных архивов. Пруст упоминает его книги: «Революционный Париж. Старые дома, старые бумаги» (1900) и «Барон де Бац. Конспиратор-роялист в эпоху террора» (1896).

³ Блоком назывались коалиция леворадикальных и социалистических сил в парламенте и еженедельник, основанный Жоржем Клемансо (1841–1929) в 1900 г., который заявлял о намерении продолжать дело якобинцев.

⁴ Андре Бонье (1869–1925) – романист и литературный критик, сотрудник газеты «Фигаро».

Луи д'Альбуфера и Луизе де Морнан
30 октября 1903

На ваши вчерашние упреки у Ларю¹, пробуждающего во мне меланхоличные и дорогие воспоминания, так как многие из моих друзей словно появились на свет в несколько слишком ярком, пурпурном убранстве его заведения (как те императоры, которых называли Порфирородными, – многие из них умерли молодыми), я даю благородный ответ в форме книги-цветка², преподношу аллегорический дар значительной части моего прошлого. Наши книги – всегда ретроспективные исповеди, обращенные к тем, кто нас раньше не знал. Эта книга – уже очень давняя и похожа на меня весьма смутно: она словно фотография сильно изменившегося ребенка. Изменившегося не к лучшему, увы, и вы не сможете произнести банальную фразу, которую говорят в таком случае: «Я вас не узнал, вы так выросли». Я не вырос, скорее наоборот. Да позволит мне ваша дружба немного поверить в жизнь, которая изранила меня. А вам я желаю, перелистывая эту книгу, найти некоторое удовольствие, слушая рассказы о моих грезах.

Марсель Пруст

---

¹ Хозяин и название ресторана.

² Весь этот текст – посвящение, вписанное в подаренный Прустом экземпляр книги «Утех и дни».

Морису Барресу

Пятница вечером [13 или 20 ноября 1903]

(я получил книгу¹ только недавно)

Милостивый государь,

Сердечно благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне и подарили вашу книгу: это жест короля, знающего, как распалить любовь своих подданных. Ваша книга – тоже электуарий, и при виде этого изобилия восточных перлов и французских гиацинтов я не в состоянии в полной мере осознать действие тех сил, в чьей сладостной власти я нахожусь. Восточные перлы, золотые дукаты – чудесные символы: это дети на острове Родос, переходящие от дома к дому и поющие Песнь Ласточки, дети, подобно маленькому Давиду, пляшущие и поющие перед ковчегом, еще не зная, почему они его почитают, это вечные эмигранты, рисующие на дне таинственного моря обломки исчезнувшего корабля, это поцелуй, запечатленный на пахнущих медом ручках изысканной маленькой индуски, грациозная печаль неба Испании и Италии, это имперские розы, чудом расцветшие на лоне святой Елизаветы, Изола Мадре², благоуханный букет на голубоватом озере, Венеция, когда утро окрашивает ее воды в золотой, бледно-голубой с сиреневым оттенком и розовый цвета, это терапия Изабеллы Баварской и почти вся последняя глава.

Но я не хочу продолжать сравнение: мне стыдно за его искусственность. Между тем вот какие две силы осо-

---

¹ Речь идет о педагогической книге М. Барреса «Французская дружба. Записки одного маленького лотарингца об изведанных им чувствах, придающих цену жизни» (1903), написанной с целью достижения национального примирения после вызванного делом Дрейфуса раскола французского общества. Далее Пруст использует образы из этой книги.

² Остров на итальянском озере Лаго Маджоре.

бенно воздействуют на меня в электуарии. 1. Магические слова «О, жалкое счастье. Спустя тридцать лет оно все еще со мной и не позволяет мне находить удовольствие в театрах и т. д.»: быть может, никогда не появлялось философской книги, менее абстрактной по своей сути. Чтобы найти приют для наших сыновей и вашего сына, вы не стали строить силой разума из материалов, свезенных со всех стран (как венецианцы, строившие собор св. Марка), искусственные дворцы, вы позволили вашим сердечным воспоминаниям, самым дорогим и потому истинным, увести вас в таинственные гроты прошлого, в край, одновременно реальный и вымышленный, действительно расположенный возле Миркура¹, в котором живет, однако, сеньор де Водемон² и разлиты запахи ваших прошлых весен. В любом случае это наиболее верная эстетическая доктрина. Потому к этой книге всегда будут возвращаться как к самой искренней (если иметь в виду интеллектуальные предпосылки искренности) и самой вдохновенной. В ней есть страницы, которые останутся услаждением безумцев и требником мудрецов.

Вторая, с моей точки зрения (или третья, если считать восточные перлы), сильная сторона электуария, самая сильная с точки зрения искусства, это появление во французской литературе чувства отцовства, изображение чувств отца и матери к их ребенку, отличающееся мягкостью, нежностью, удивительной тонкостью, когда описываются милые заботы французских родителей о здоровье ребенка и то, как, опасаясь крутых склонов, они спрашивают совета у врача, послав ему телеграмму, их самозабвение и то, как они спокойно думают о смерти,

---

¹ Город на востоке Франции, входивший в состав герцогства Лотарингского.

² Графы де Водемоны владели в Средние века частью герцогства Лотарингского.

печалась только о том, что однажды не увидят больше маленького Филиппа и что их смерть огорчит его, – все это совершенно очаровательно. Я уже говорил вам о том, какими восхитительными кажутся мне диалоги Филиппа и его отца, и не буду к этому возвращаться. Диалоги между его отцом и матерью – не менее прекрасны, и когда они спорят (такова замечательная отповедь матери, исполненная столь трогательной важности: Позвольте Филиппу, когда он начнет отличать прекрасное и т. д.), и когда единодушно заявляют: «Нам кажется, это очень хорошо, если его сердце останется почти закрытым», и когда отец так мило замечает, говоря о матери: «А твоя матушка через десять лет»¹. Эта фраза пронзила мне сердце, словно длинный стилет, о котором вы говорите в последней главе. А в комичной фразе «Демолен², возможно, прав» (как бы хохотал над ней Доде) сочетаются человечность и тонкий комизм, в основе которых – трогательная симпатия. Подумать только, эта книга вышла из-под пера того же автора, что и возвышенные, но жестокие «Лица панамистов»³, «Венеция»⁴, «Тоledo»⁵. Все ваше творчество – великий электуарий.

*Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст*

---

¹ У Барреса родители обещают ребенку, что проживут достаточно долго и не умрут раньше него.

² Эдмон Демолен (1852–1907) – социолог и педагог, ратовавший за создание школ-интернатов, прививающих любовь к труду и к спорту.

³ Речь идет о книге М. Барреса «Их лица» (1902), посвященной распаду общественной жизни Франции, в частности панамскому скандалу.

⁴ М. Баррес. «Amor et dolori sacrum. Смерть Венеции» (1902).

⁵ О Тоledo Баррес писал в книге «О крови, сладострастии и смерти» (1893).

Госпоже де Караман-Шиме

[Немного позднее четверга 26 ноября 1903]

Принцесса,

Я все надеялся, что смогу посетить вас, и так много думал о вас, с такой благодарностью, по несколько раз в день беря ваше милое письмо, льющее бальзам, что мне казалось, я вас уже поблагодарил мысленно.

Принцесса, я очень несчастен. А матушка – еще больше, так что мне стыдно говорить о моей боли. При встрече я расскажу вам, как все произошло. Вы увидите, что это было ужасно, и мне были очень нужны ваши ласковые слова. Папа уехал в таком хорошем состоянии. А потом в четыре часа я услышал разговоры в коридоре, позвонил в колокольчик, чтобы перестали разговаривать, так как, когда я отдыхаю, всегда соблюдается тишина, и матушка, приоткрыв дверь, но так, что я ее не видел, сказала мне, чтобы я не сердился (если бы вы знали, как нежно она это сказала), что только что позвонили и сообщили, что папе стало плохо на факультете и что его везут домой.

Принцесса, такое невозможно слышать, когда ты жил, как я, в столь приятной близости со своими родителями, которую мое плохое здоровье (я благословляю его) сделало еще теснее: я больше не ужинал в городе и все время был дома. Я постараюсь немного рассказать о том, что произошло, но мне это очень трудно, принцесса, даже в письме; напрасно я стараюсь внести ясность в те часы, которые изнеможение не позволяет мне восстановить. Вы знаете, что у нас в доме не проходило ни дня без того, чтобы о вас двоих¹ не говорили с восхищением. И теперь каждый день матушка, которая неслыханно бодро

---

¹ Имеется в виду также А. де Ноай, сестра адресатки.

и внешне – совершенно как прежде, которая все замечает, обращает внимание на все и, при том, что жизнь ее окончательно и безвозвратно сломлена, сохранила независимость ума, говорит о вас двоих с благодарностью и перечитывает те добрые слова, которые вы обе написали.

*С почтительной благодарностью,
Марсель Пруст*

Морису де Флери¹
[Пятница 27 ноября 1903]

Сударь,

В нашем огромном горе мы обязаны вам утешением и глубоко благодарны вам. Портрет моего отца, нарисованный вами², большим писателем, словно возвращает его нам, и этот портрет – такой яркий и в то же время тонкий, как будто вы знали его лучше нас. Это немного низко сидящее на носу пенсне, немного запрокинутая голова – если бы речь шла о ком-то другом, я бы только восхитился мастерством умелого романиста, замечательно воссоздающего своего персонажа. Но при виде потрясающе правдивого портрета того, кто еще три дня назад был с нами таким, каким вы его рисуете, и кого мы никогда больше не увидим, мы могли только плакать, проливая сладостные слезы, потому что он был нам отчасти возвращен.

Еще раз сердечное спасибо, сударь, от матушки, брата и меня.

Марсель Пруст

---

¹ Морис де Флери (1860–1931) – врач.

² Адресат Пруста опубликовал в газете «Фигаро» некролог его отца.

Госпоже де Ноай

Четверг [3 декабря 1903]

Сударыня,

Вы так любезны. Я понимаю, почему в те времена, когда была жива вера, любили Пресвятую Деву: она позволяла хромым, слепым, прокаженным, расслабленным, всем несчастным коснуться края своей ризы. Но вы – еще лучше, и всякий раз, когда проявляется ваша великая доброта, мне становится еще очевиднее неколебимая основа вашего гения, утвержденная на века. И если вы не хотите быть лучше Пресвятой Девы, то я скажу, что вы подобны карфагенской богине¹, которая во всех возбуждала сладострастие, а в некоторых – жажду благочестия.

Сударыня, не надо меня жалеть, хотя я и очень несчастен. Жалеть надо мою бедную матушку. У меня не хватает духа даже *помыслить* о том, какова будет ее жизнь после того, как она навсегда потеряла единственного человека, ради которого она жила (я даже не могу сказать: единственного, после смерти ее родителей, которого она любила, ибо всякое другое чувство было так далеко от этого). Она посвящала ему все минуты своей жизни – до такой степени, что это может показаться невероятным тем, кто этого не видел. Теперь все эти минуты, утратившие свой смысл и радость, напоминают ей, словно злые феи, изобретательные на пытки, о горе, которое всегда будет с ней. Но никто этого не осознает. Матушка так бодра (и бодрость ее – совершенно естественна и не позволяет заподозрить искусство владеть собой), что внешне нет никакой разницы между нею, какой она была неделю назад, и какая она сейчас. Но я-то знаю, как глубока, сильна

---

¹ Танит, или Астарта, богиня, почитавшаяся в Карфагене и упоминаемая в романе Г. Флобера «Саламбо».

и долговременна переживаемая ею драма, и мне не может не быть страшно. Поэтому я почти не могу думать и о моей утрате. А между тем она велика. Вы видели папу только два-три раза и не знаете, как он был мил и прост. Я старался не доставить ему удовлетворение – я сознаю, что всегда был тем, что отравляло его жизнь, – но доказать ему мою любовь. И тем не менее меня иногда возмущали некоторые его слишком уверенные, слишком категоричные утверждения, и я вспоминаю, что недавно в воскресенье, когда мы говорили о политике, я сказал то, чего не должен был говорить. Не могу вам передать, как меня это теперь мучает. Словно я был жесток с кем-то, кто уже не может защищаться. Не знаю, чего бы я не дал, чтобы в тот вечер быть только нежным и любящим сыном. Но в конце концов я почти всегда проявлял по отношению к нему только нежность и любовь. Папа был настолько благороднее меня. Я всегда жалуюсь. А папа, когда был болен, думал только о том, чтобы мы об этом не узнали. Есть вещи, о которых я еще не могу вспоминать. Это слишком тяжело. Жизнь возобновилась. Мне было бы легче переносить ее, если бы у меня была какая-нибудь цель, какое-нибудь честолюбивое стремление. Но таковых у меня нет. Меня несколько согревало то, что родители были счастливы вместе, хотя я и страдал – а сейчас страдаю еще больше – чувствуя, что только из-за меня их счастье не было безоблачным. Теперь все мелочи жизни, прежде приятные, стали мучительными. Но в конце концов жизнь берет свое, а внезапная боль проходит. И скоро я смогу вас увидеть. Обещаю впредь не говорить вам, как эгоист, о вещах, которые я даже не могу вам объяснить, ибо никогда о них не говорил. Я почти могу сказать, что никогда о них и не думал. Из них состояла моя жизнь. Но я этого не замечал. Передайте принцессе де Шиме, что я хотел написать ей на днях прежде, чем начну

отвечать на письма, что будет невероятно утомительно. Но матушка, узнав, что я отказался от публикации Рёскина, вбила себе в голову, что папа только и мечтал о том, когда она состоится, и ожидал ее со дня на день. Поэтому мне пришлось отдать противоположные распоряжения, вновь взяться за верстку и т. д. Так что передайте принцессе де Шиме, что в течение нескольких дней я не смогу ей написать, но что ее такие милые слова, лучшие из всех, что были мне написаны, каждую минуту служат мне бальзамом, единственным, который у меня есть.

Примите, сударыня, выражение моей почтительной дружбы.

Ваш благодарный почитатель

Марсель Пруст

Эдмону Жалу¹

Воскресенье [13? Декабря 1903]

Сударь,

Благодарю вас за присылку «Торжества беспечности». На первой странице этой книжки, которая мне так понравилась, вы любезно написали несколько строк, и мне приятно видеть, что моя симпатия к вашему большому таланту не лишена взаимности. Меня всегда немного удивляет, что кто-то читал «Утехи и дни». Мой издатель уверял меня, что никто никогда не спрашивал у него эту книгу. Наверное, он несколько преувеличивает. Но это большое счастье – писать хотя бы для одного такого тонкого читателя, как вы. Думаешь, что случай, познакомивший его с этими листками, так же исполнял волю Провидения,

---

¹ Эдмон Жалу (1878–1949) – писатель и литературный критик. Далее речь идет о его повести.

как легкий ветерок, приносящий одинокому дереву пыльцу с деревьев того же семейства, бесполезную для других, но драгоценную для него, особую. Стих Малларме

О, как бредовый лоск небытию идет!¹

(не знаю, правильно ли я цитирую) мог бы служить точным эпиграфом для вашего прелестного «Торжества». Но это небытие прочувствованное, взвешенное, воссозданное, то есть это уже не небытие, но целая жизнь, целая мудрость, настоящее искусство. И это «Торжество беспечности» – также «Торжество смерти»². Но вместо «голосов, так вкрадчиво из мрака взывающих»³ и наполняющих вашу книгу ритмичной музыкой с искусством, не имеющим себе равных, чувствуется, как мне кажется, комическая жилка, скрытая, но дающая о себе знать. В этом отношении весьма показательна фраза, завершающаяся словами: «и внушали ему постоянный ужас: он страшился моли». Я считаю ее восхитительной. А какие чудесные имена вы дали всем этим персонажам. Говорят, что во дни сотворения мира (кажется, об этом есть в «Книге Бытия») Предвечный «называл» всех существ. Он должен был поручить это дело вам. Я смакую, словно старое бордо, одно только имя г-на де Понто-Шале.

Примите, сударь, уверения в моей благодарности.

Марсель Пруст

---

¹ Цитата не из Малларме, а из стихотворения Ш. Бодлера «Пляска смерти» (пер. В. Микушевича).

² Отсылка к роману Габриэле Д'Аннунцио (франц. пер. 1896).

³ Цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Плавание»: «О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака Взывающие...» (пер. М. Цветаевой).

Жозефу Рейнаху¹
[Декабрь 1903]

Сударь,

Я был очень тронут и очень горд, прочитав прекрасные слова, которыми вы почтили память моего отца. И я благодарен вам от всего сердца за то, что вы поняли, в каком горестном состоянии я нахожусь, и нашли, чтобы пожалеть меня и подбодрить, такие трогательные, полные сочувствия, добрые слова. Я еще изнеженнее из-за моей болезни и того образа жизни, который вел последние пять-шесть лет, и мое домашнее воспитание было, конечно, далеко от спартанского. Любовь к родителям, жизнь которых полностью разделяешь, месяцами не выходя из дома, еще больше усиливается, и в их постоянном обществе находишь бесконечные радости, не знакомые другим. Но когда пробил час расставания, чувствуешь, что рвутся теснейшие узы, которые другие не успели или не имели случая узнать. Тогда каждая минута, каждый повседневный жест становятся ужасными, так как они напоминают о той сладости, которой больше никогда не почувствуешь. Утешает только то, что память того, кого больше нет, почитает такой человек, как вы, и что вы сочувствуете нашему огромному горю.

*С чувством уважения, восхищения и благодарности,
Марсель Пруст*

---

¹ Жозеф Рейнах (1856–1921) – журналист и политический деятель, друг семьи Штраусов. Автор многих публикаций в защиту Дрейфуса, в том числе трехтомной «Истории Дела Дрейфуса» (1901).

Роберу де Монтескью
[Вторник 19 января 1904]

Сударь,

Вы знаете, что ваше драгоценное существование необходимо для Французской Литературы, для всех умов, которые вы вдохновляете вашими книгами и вашими словами, а также для тех сердец, которые любят вас и, подобно моему, кровоточат из-за ваших ран¹. И потому как радостно видеть, что вы со славой вышли из этого боя, в котором вели себя великолепно, ибо вы великолепны во всем, хотя от подобных битв следовало бы освободить поэтов, ибо у них свои битвы, и надо беречь их жизнь и силы. Но в вашем случае в час боя вам должен приходиться на помощь какой-нибудь предок, волшебным образом придавая вам доблести и отваги. Об этом, мне кажется, свидетельствует отчет², красноречивый, как надгробная речь Боссюэ (к счастью, в этом отчете нет ничего траурного) по случаю смерти одного из принцев Конде. – «Трижды сей доблестный Принц и т. д. ...»³. Все это великолепно, это мужество, эта живая картина поединка, которая так достойно соответствует вашему портрету в «Красных перлах»⁴. Но теперь мы больше не хотим, чтобы вы продолжали подвергать опасности вашу жизнь и нисколько не считались с ней по примеру Байрона. Теперь мы хотим, чтобы царствовали «гений и порядок» и вы жили внешне тусклой жизнью отшельника Пор-Рояля. Передайте Итурри, что

---

¹ Р. де Монтескью был легко ранен на дуэли.

² Дуэль была описана в газете «Фигаро».

³ Речь идет о поминальной речи, которую Ж.-Б. Боссюэ произнес в марте 1687 г. не по случаю смерти, а в память о Луи де Бурбоне, принце де Конде.

⁴ Сборник сонетов (1899) Р. де Монтескью на тему французской истории.

я думал о нем: он, должно быть, волновался и страдал, и примите, сударь, уверения в сердечном уважении.

Марсель Пруст

Мэри Нордлингер

[Первая неделя февраля 1904 г.]

Дорогой друг,

Знаете ли вы, что мне по-прежнему все больше нездоровится и это мешает мне как работать, так и принимать у себя молодую девушку? Но я очень скучаю по вас и, не имея возможности сказать вам об этом устно, посылаю это письмецо с выражением нетерпения и дружбы. Вы забыли у меня Уистлера («Изящное искусство»)¹. Я пошлю вам книгу вместе с прекрасными изображениями света и тени, прекрасными песнями сумерек, которые вы мне прислали: их вид мне очень понравился и очень меня порадовал. В особенности я оценил Санлис, волны, цветы, облака². Это все, что надо.

Дорогой друг, «Сокровищницы королей» – замечательное сочинение. Но они тщетно притягивают к себе, когда не хватает стольких других сокровищ, например, здоровья, к которым я бы охотно добавил несколько лилий из «Садов королев»³.

До встречи.

Ваш Марсель Пруст

---

¹ Джеймс Уистлер (1834–1903) – англо-американский художник, предшественник импрессионистов, ценимый Прустом. Автор книги «Изящное искусство создавать себе врагов» (1890).

² Речь идет об акварелях М. Нордлингер, в том числе акварели «Деревья в Санлисе» (1898).

³ «Лилии. О садах королев» – название второй лекции в книге Дж. Рёскина «Сезам и Лилии».

Я исправил ошибки, на которые вы указали, и еще полсотни, а точнее, сотни три других¹.

Мэри Нордлингер

[Первая неделя февраля 1904]

Спасибо за не бальзамические бальзамины. Это бальзам для меня, тем более что они не благоухают. Семена – остроумный подарок (именно остроумный, а не духовный: слово *spirituel* теряет свое первое значение из-за треклятого влияния вашего английского языка) для того, кто любит цветы и не переносит запахи. Семена – это воображаемые цветы, как карликовые деревья Бинга² – воображаемые деревья, в первом случае они – будущее цветов, во втором – прошлое деревьев, заключенное в маленьком подарке. О самом же Уистлере я не хочу ничего писать. Экземпляр книги – редкостный, и было бы преступлением что-нибудь на нем писать. К тому же это поистине книга великого человека, и такое ничего не значащее имя, как мое, на ней неуместно. Разве что я уподоблюсь кокни, который пишет свое имя в Амьенском соборе (см. «Амьенскую Библию», гл. IV). Рёскин и Уистлер презирали друг друга, так как их *системы* были противоположными. Но истина – *едина*, и они оба ее прозревали. Даже во время судебного процесса, начатого против Рёскина³, Уистлер говорит: «Вы упрекаете меня в том, что я написал эту картину за несколько часов. Но я написал ее благодаря опыту всей моей

---

¹ М. Нордлингер правила прустовский перевод «Сезама и Лилий».

² Зигфрид Бинг (1838–1905) – немецкий художник, обосновавшийся во Франции, пропагандист японского искусства.

³ Уистлер в 1877 г. подал в суд на Рёскина, обвинившего художника в слишком большой цене, которую тот запросил за одну из своих картин, ничтожную, по мнению Рёскина.

жизни». В это же время Рёскин писал Россетти¹: «Я предпочитаю то, что вы делаете быстро, немедленно, ваши эскизы тому, над чем вы трудитесь. Труд занимает у вас, допустим, полгода. Но то, что вы рисуете сразу, – это результат многих лет мечтаний, любви, опыта». В данном случае враждебные, быть может, но сходные лучи двух звезд попадают в ту же точку. Это астрономическое совпадение.

Благодаря Рейнальдо (все, что я когда-либо делал, я делал «благодаря Рейнальдо») как-то в один из вечеров я увидел Уистлера. И он сказал мне, что Рёскин ничего не понимал в живописи. Возможно. Но в любом случае, даже когда он отступал от истины, рассуждая о картинах других, его ошибки представляли собой чудесные картины, которые следует любить сами по себе. И мы вдвоем постараемся представить их и принять во Франции в виде тщательных и полных любви копий.

Сердечно ваш
Марсель Пруст

Не могли бы вы срочно сообщить Коко, что *его трость* нашлась и находится у меня?

Я очень болен.

Роберу де Монтескью
[Март 1904]

Сударь,

Огромное спасибо за чудесное письмо. «Это не какой-нибудь смешной бриллиантик, а бриллиант величиной с кулак». И вправду «сочинил бы целый том, чтобы

---

¹ Данте-Габриэль Россетти (1828–1882) – английский художник-прерафаэлит и поэт.

заставить вас написать одну страницу»¹. Как жаль, что написание этой великолепной страницы, более глубокого дополнения к теории Шопенгауэра, оставлено одному мне. «Я не достойна такой красоты», сказала одна дама, когда ей подарили картину Греза. Что касается упреков в адрес Рёскина, связанных с Уистлером, Карром² и Эженом Сю³, то позвольте мне сказать вам, что наши суждения значимы сами по себе, а их приложение к тем или иным людям настолько меняется в зависимости от эпохи и страны, что мы можем прочесть у Гете, что во французской литературе никогда не было ничего, равного «Песням» Беранже, у Стендаля – что готические соборы – это позор Франции, у Ницше, что век, давший миру (несколько писателей, наших друзей, которых я не осмеливаюсь назвать) – величайший из всех веков, у Толстого – что открытия Вагнера смешны, а также множество нелепых суждений о наших современниках⁴. Что касается сравнения самого себя с Карром, то у Рёскина это в то же время юмор, следствие политических пристрастий и возвышенное простодушие гения, признающего своими учителями тех, кто бесконечно ниже его. Что же тогда сказать

---

¹ Цитата из письма В. Гюго театральному и литературному критику Полю де Сен-Виктору от 4 апреля 1866 г. (Kolb. 6, 354).

² Альфонс Карр (1808–1890) – писатель-романтик. Рёскин хвалит его в «Амьенской библии» (Kolb. 6, 354).

³ В книге «Современные художники» (1843–1860) Рёскин положительно отзывается о романе Э. Сю «Парижские тайны» (Kolb. 6, 354).

⁴ Сведения о высказываниях Гете и Толстого Пруст почерпнул во французских переводах «Разговоров с Гете в последние годы его жизни» И.-П. Эккермана (1836–1848) и статьи Толстого «Что такое искусство?» (1897); о похвалах Ницше А. Франсу, П. Бурже, П. Лоти и в особенности Мопассану он мог прочесть в статье Анри Лиштенберже «Ницше о Франции и Германии», опубликованной в «Ревю де Пари» в октябре 1900 г. (Kolb. 6, 355).

об ошибочных суждениях д'Оревилли о Флобере¹, Сент-Бёва о Бальзаке² и т. д. Что касается страницы, о которой вы говорите (из «Stones of Venice»³, кажется, где речь идет о Сан-Марко), то я нахожу ее прекраснее любой из страниц великих писателей, которых вы цитируете. Но, очевидно, я ошибаюсь, поскольку вы иного мнения.

Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст

Госпоже Доде
[Начало марта 1904]

Сударыня,

Мне бы хотелось, чтобы у меня каждый день появлялся какой-нибудь перевод, и я получал письма, подобные вашему. И если бы я только написал фразу об очаровании, «которое от одного языка, как бы помимо слов, передается другому» или, говоря о том, что кто-то пришел слишком поздно и ушел слишком рано, сказал, что «он появился, словно во сне» (есть ли что-либо, столь же чарующее, у госпожи де Севинье?), или написал о Рёскине, «который доехал до Тура» и, «взглянув на Галлию провидческим оком», предлагает ее оригинальное восприятие, которое заставляет меня взглянуть на всю «Амьенскую Библию» по-новому и словно впервые – если бы я мог написать хоть одну из подобных восхитительных фраз, мне не нужны были бы никакие похвалы, так

---

¹ Жюль-Амеде Барбе д'Оревилли (1808–1889) – писатель-романтик. Неоднократно подвергал критике романы Флобера «Воспитание чувств» и «Госпожа Бовари».

² В своем труде «Пор-Рояль» Сент-Бёв обвинял Бальзака в шарлатанстве, преувеличениях, мнимой научности.

³ «Камни Венеции» (1851, 1853) – книга Дж. Рёскина.

как у меня было бы нечто более драгоценное, даже более драгоценное, чем ваши чествования: удовлетворение литератора, которое ничто не может заменить и которого у меня нет! Теперь всякое мое письмо, адресованное на имя Доде, – не что иное, как песнь благодарения, и, чтобы сказать обо всем том, чем я обязан вам, Люсьену и Леону, мне пришлось бы писать вам каждый день. Не бойтесь, что эта угроза осуществится, но позвольте мне еще раз, сударыня, с глубоким восхищением выразить вам чувство моей почтительной благодарности.

Марсель Пруст

Госпоже де Ноай

[Суббота вечером 12 марта 1904]

Сударыня,

Я пишу вам не затем, чтобы сказать о том, какие мысли у меня постоянно возникают в связи с вами: я понимаю, что вам это должно быть совершенно все равно. Но я хочу немедленно дать вам знать о тех похвалах, которые вам еще не так приелись.

Сегодня вечером я ужинал с Монтескью, который с почти болезненным возбуждением, пронзительным голосом и с только ему свойственными жестами сказал: «“Увещание”¹ – это не только возвышенно, чудесно, великолепно, это *самая прекрасная вещь из всех, какие я читал*, полагаю, что мой развитый вкус и широкая культура позволяют мне заявить, что это *самая прекрасная вещь из всех, какие были написаны*». И он начал читать ваше сочинение наизусть, полностью, постоянно приговаривая: «Гениаль-

---

¹ Новелла (1903) А. де Ноай.

но! Гениально!», а выйдя со мной на улицу, он время от времени внезапно останавливался, воздевал руки к небу и бормотал: «В тот вечер небо было невыразимого цвета», заставляя прохожих останавливаться, а меня обрекая на ужасную простуду, и, оглушенный этой фразой, словно ударом тока, стучал ногами с риском сломать каблуки и откидывался назад. Это еще не все. В тот вечер он говорил с хозяевами о «Молитве лицом к солнцу»¹. И тоном пророка заявил: «Я скажу вам *точно, что это такое: это самая прекрасная вещь, какая написана со времен "Антигоны"*. Как возвышенно! *Это прекраснее, чем Софокл*». Говоря о «полных нежности объятьях», он сказал, что это «миф прекраснее, чем языческий миф о Млечном пути», и прочел наизусть, восхитительно, должен признать, ваше стихотворение, подчеркнув контраст между «Понтом Эвксинским» и трогательными солнечными часами провинциальных домов священников. Потом он сказал, что прежде не знал ваших стихов, которые я процитировал в «Амьенской Библии», что он считает их прекраснее всего, и т. д., и т. д.

Дорогой друг (простите, сударыня), не думайте, что я нахожу все это необычным. Это неизбежный отзвук ваших божественных слов, наполняющий слух любого, кто имеет уши, чтобы слышать. Но каждый раз, когда я на минуту позволяю утихнуть моему восхищению и слушаю, как ставший на мгновение братским другой голос воспекает другую строфу, доказывая, что мы, не сговариваясь, поем о вас в унисон ту же хвалебную песнь, каждый раз мне так радостно, что хочется повторить вам ее с тем же нежным, молитвенным исступлением.

Знаете ли вы, что я вам звонил позавчера (уже не помню, в какой единственный день я смог встать), чтобы

---

¹ Стихотворение (1903) А. де Ноай.

узнать, не могу ли я прийти поблагодарить вас за ваше великолепное письмо (которое я вам верну, так как мне кажется, что некоторые относящиеся ко мне фразы бесконечно превосходят масштаб моей личности и отличаются красотой, которая мне не принадлежит и должна стать достоянием ваших читателей).

Если увидите Эрмана, скажите ему, что, если он сможет некстати вернуть в одну из своих статей два слова о моей «Амьенской Библии», то доставит мне большое удовольствие, так как это позволит продать несколько экземпляров, в чем я лично не заинтересован, но хотел бы, чтобы великодушный поступок опубликовавшего меня издателя не стал для него слишком разорительным. Я печатаю книги раз в десять лет, так что Эрман может не опасаться этого прецедента. Но я полагаю, что его статьи с их слишком совершенной композицией, чуждой какого-либо чужеродного элемента, не смогут вынести такого насилия, даже если предположить, что он сочтет это возможным из дружеских чувств ко мне, в чем я совсем не уверен. В общем, если вам не хочется ему об этом говорить, я сам могу это сделать или не делать этого, ибо никакой пользы все равно не будет!

При встрече я расскажу вам ужасные вещи. Возможно, я попрошу Эрмана об услуге понеприятней, но от нее, надеюсь, он не откажется. Я пригласил моего издателя на ужин и в настоящий момент не могу кроме него пригласить больше двух человек. И я хотел бы, чтобы одним из приглашенных был Эрман. Но не предупреждайте его об этом. Так как я еще не уверен, что вторым не будет один из друзей Ренье, впрочем, прелестный человек.

Я сейчас скажу вам одну из ужасных вещей, но обещаю молчать, как *могила*. Я сказал Монтескью, что Горацио – это не я. Но что он сделал, Монтескью: он сказал мне, что не смог найти автора и *опубликовал статью*

в виде брошюры¹, сделав несколько исправлений, как он мне сказал, в пунктуации. Я не решился ничего сказать, опасаясь, что выдам себя, если начну возражать, но что вы скажете о таком обороте? *Молчите, молчите, молчите.*

*Почитающий вас
Марсель*

Есть ли у вас известия о вашем молчаливом кочующем кузене, моем непостоянном друге или во всяком случае о моем бывшем друге Антуане Бибеско?

Роберу де Монтескью

Р о з е н к р а н ц. «Кто этот молодой господин?»

П о л о н и й. «Его зовут Горацио, это все, что я о нем знаю». («Гамлет»)²

[Воскресенье 13 марта 1904]

Сударь,

Огромное спасибо за прелестную брошюру. Мне хотелось бы знать, откуда взято посвящение и к чему относится последний стих. Очень жаль, что ваш секретарь приходил напрасно. Но я не думал, что он придет сегодня, и не приготовил книги. Я оставляю их дома, так как мне сказали, что он должен зайти еще раз, о чем я сожалею: это слишком любезно с вашей стороны, но я боюсь, что, не оставив, а послав их вам, я все усложню.

---

¹ Речь идет о брошюре «Праздник у Монтескью в Нейи (отрывок из мемуаров герцога де Сен-Симона)», пастише Пруста, опубликованном первоначально в газете «Фигаро» под псевдонимом Горацио (Kolb. 4, 91–92).

² Пруст имитирует трагедию Шекспира.

Мне было очень грустно узнать вчера из ваших слов, что господин д'Итурри тяжело болен. Я в этом не сомневался. Но, признаться, мне кажется, что он – из тех приговоренных, чей приговор никогда не приводится в исполнение, и что он вскоре будет помилован и проживет еще много счастливых дней, на которые не рассчитывал. Помнится, уже много лет тому назад мой бедный папа установил, что он тяжело болен. А вы видели, как он оправился. Думаю, что он совершенно напрасно беспокоится, да и вы тоже.

Я был очень рад видеть и слышать вас вчера вечером и немедленно сообщил госпоже де Ноай о том, как замечательно вы ее хвалили. Я уверен, что она будет этим особенно гордиться.

Певцов есть двое или трое,
И вас все видят в их числе,
Умеющих почтить хвалою,
Что длится вечно на земле.

(Малерб)¹

Боюсь, что из-за моих слов у вас создалось вчера впечатление, что мой перевод сделан не только мной. Нет, он полностью сделан мной одним. Порой я спрашивал совета у д'Юмьера, но весь перевод – мой, и я его переделывал раз двадцать. Если я сказал вам, что не сделал бы его без госпожи***, то потому, что у нее я получил первые уроки английского языка. Но она уехала из Франции до того, как я открыл первую книгу Рёскина, так что она не могла перевести мне ни строки.

---

¹ Слегка измененная цитата из «Оды Марии Медичи» (1611) Ф. Малерба.

До свидания, сударь, и не становитесь слишком воинственным в замке д'Артаньяна¹. Следуйте лучше урокам Готье, а не д'Артаньяна.

Ваш исполненный уважения почитатель
Марсель Пруст

Морису Барфесу
[13, 14 или 15 марта 1904]

Сударь,

Вы были очень любезны, написав мне такое большое письмо, и я от всего сердца благодарю вас. Но какие странные упреки вы мне адресуете. Я не знаком с г-ном Метерлинком, следовательно, я не пошлю ему мою книгу, следовательно, он о ней не узнает, и мне, стало быть, останется неизвестным, понравится ему или нет сравнение его с Расином. Но мне известно, что я такого сравнения не делал. Я сказал, что жизнь Расина, Паскаля, Толстого, Метерлинка состоит из двух частей. Мне нравится эта мысль. И если когда-нибудь мои статьи захочет напечатать какая-нибудь газета, я напишу статью под названием: «Как прекрасна жизнь, обращенная в начале к искусству, а в конце – к морали». Это будет статья о Метерлинке, и я скажу в ней о Расине, Паскале, Толстом и, надеюсь, о других тоже. Но такое может случиться даже с посредственными людьми, и я никогда не собирался ставить всех на одну доску. Добавлю, что если бы я написал статью о Метерлинке, то сравнил бы его с Вергилием. Что касается таланта (о котором я и не помышлял), то я, конечно, не думаю, что талант Метерлинка делает его похожим на Расина. Но все же я считаю его большим мыслителем и читаю его теперь чаще. Однако

---

¹ Д'Артаньян был предком Монтескью. Речь идет о замке в Пиренеях.

повторяю: когда я говорю «Баррес и Шатобриан», я имею в виду их произведения. А в случае с Метерлинком я имел в виду только жизнь, разделенную на две половины: мне нравятся эта симметрия, мое хитроумие и такой способ донести мою мысль до читателя. Вы говорите: если благородные души будут восторгаться листками Метерлинка в течение трех веков, то Расином к тому времени – шесть столетий. Но в этой милой игре никто никогда никого не догонит, и это просто способ одним махом решить (и омолодить) спор древних и новых, и впрямь слишком жестокий для нас, «людей современных»¹. И к тому же я чересчур идеалист (вроде Бутейе²) и воспринимаю произведения искусства как бы в отрыве от времени и того восхищения, которое они вызывают, и мне было бы совестно не снять с них патину, которая образовалась в результате стольких пылких взоров. Но очень мило то, что, желая смягчить ваши слова, вы называете меня Марсель. И я был бы бесконечно счастлив, если бы упрёки ушли в прошлое, а вот это стало привычкой. Я посмотрел страницу 150, где вы отметили опечатку в примечании 2. Примечание 2 о Севре и Париже, как мне кажется, не содержит ошибок. Что касается Патера, то, конечно, не я его переведу³. Мне надо перевести еще два сочинения Рёскина, а затем я попробую перевести мою собственную бедную душу, если к тому времени она еще останется жива.

Ваш благодарный почитатель.

Марсель Пруст

---

¹ Цитата из комедии Мольера «Мнимый больной» (1673), пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

² Персонаж трилогии М. Барреса «Роман народной энергии» (1897–1902).

³ Речь идет о книге историка искусства Уолтера Патера (1839–1894) «Статьи и эссе» (1895), в которой, как и у Рёскина, описывается Амьенский собор.

Анри Бордо

45, улица Курсель

Понедельник [28 марта (или 4 апреля?) 1904]

Милостивый государь,

Простите, что я только сейчас выражаю вам восхищение, которое вызвал у меня ваш «Путь без возврата»¹, и благодарю за то, что вы так любезно прислали мне вашу книгу. Помните ли вы в «Замогильных записках» диалог Шатобриана и юной канадки: «Гийоми, Гийоми». Я не мог поверить, что во французской литературе есть такая прелестная картина, полная такой одновременно отточенной и ускользающей грации, такая четкая и в то же время размытая. Я считаю, что ваше изображение убегающей Флоры, которая бросает букеты фиалок, и последующий диалог достойны сравнения с этой бессмертной страницей. Как и отъезд Флоры и ее неподвижная фигура на носу корабля. Столь оригинальная и удачная форма дневника, фрагменты которого читают персонажи, сами по себе уже романические, превращает вашу книгу в роман о романе, в тень отблеска и грезы. Вот что окончательно одухотворяет эту философскую сказку, созданную художником, который бесконечно чувствителен к красоте мира и замечательно одарен умением ее передать. Прекрасные места, в которые вы с наслаждением ведете нас гулять, напомнили мне прелестную прогулку, во время которой мы познакомились, и обычай перипатетиков, возобновленный в условиях нашей цивилизации. Впрочем, это ваш дар, почти ваша «специальность» – передавать душу пейзажей. Я часто читал в «Фигаро» красивые описания ваших паломничеств. Получили ли вы маленький рассказ, намного нескладнее и не столь красноречивый,

---

¹ Роман (1902) А. Бордо.

о моем паломничестве к собору Богоматери в Амьене, по следам Рёскина?

Возвращаясь к «Пути без возврата», скажу, что мне также очень понравился конец, полный глубоких и противоположных истин. Очень глубокая философия жизни заключена в этой фразе: «Кто сказал, что нельзя дважды пройти по тому же пути?» Такое повторное обретение прошлого – совершенно ново и прекрасно. Но этой философии, глубокой, «но лишь до определенного предела», как сказал Паскаль¹, дает ответ еще более глубокая философия: «Нет, наш путь – без возврата. Горе тому, кто хочет оспорить у Времени немного своей юности. Тогда оно отнимает у вас воспоминания, которые оставляет, проходя». И весь этот усиливающийся ритм на страницах, где речь идет о прошлом счастье, о признании, пробуждающем ревность, а затем о доказательствах любви, еще большей, чем мог вообразить Эрве в самые счастливые дни.

И все же да, обретение прошлого возможно. Мы пытаемся обрести его, поднимаясь по потоку чарующих воспоминаний и создавая прекрасную книгу. Вам это удалось. Путь остается без возврата в действительности. Но не в искусстве. Еще и поэтому искусство заслуживает имя утешителя. И ваша книга, именно потому, что вы сумели ее написать, содержит философию оптимистичнее, чем та, которая в ней выражена. Истина – в мире чувств. Вне его – только заблуждение.

Примите, милостивый государь, уверения в моих наилучших чувствах.

Марсель Пруст

---

¹ Цитата из «Мыслей» Паскаля, который пишет об атеизме как о признаке силы ума, «но лишь до определенного предела» (Kolb. 4, 99).

Мэри Нордлингер

[Воскресенье 17 или 24 апреля 1904]

Дорогой друг,

Спасибо за чудесные, свернутые цветы¹, которые позволили мне сегодня вечером «сотворить весну», как говорит госпожа де Севинье², невинную, рожденную в воде весну. Благодаря вам в моей темной, освещенной только электричеством комнате, расцвела весна, какой она бывает на Дальнем Востоке. Спасибо также за прекрасный перевод, который я внимательно просмотрю и, если позволите, поправлю, робко, с чувством нежности и уважения. Но все же поправлю. Вы говорите по-французски не только лучше, чем француженка, но как настоящая француженка. Вы пишете по-французски не только лучше, чем француженка, но как настоящая француженка. Но, когда вы переводите с английского, ваша изначальная природа дает о себе знать; словам возвращаются свойства, нюансы, смысл вашего родного языка, и они подчиняются его правилам. Как бы ни были очаровательны эти английские одежды французских слов, вернее, это внезапное появление английских оборотов и физиономий среди французских одеяний и масок, следует умерить эту живость, отойти от оригинала и придать ему французский вид.

Нет, я, конечно, не пойду просить Мане и Фантена, чтобы они меня добили после того, как Клуэ и Фуке меня почти доконали³.

*Ваш друг
Марсель*

---

¹ Японское изобретение: бумажные цветы, раскрывающиеся в воде. Фигурируют в знаменитом описании в романе «В поисках утраченного времени» того, как прошлое воскресает из чашки чая.

² Цитата из письма маркизы де Севинье к дочери от 26 апреля 1690 г.

³ Речь идет о выставках французских художников конца XIX и XIV–XVI вв.

Что такое «перл венецианских четок»?

P. S. (Понедельник) Поскольку мое письмо забыли отослать, добавляю короткий постскриптум. Я боюсь, что вы рассердитесь на меня из-за «Сезама», так как я все переделал, впрочем, я могу оставить ваши выражения, если хотите. Но мне кажется, что текст, который вы перевели, отличается от того, с которым я работаю, так как в них все время встречаются расхождения. Или вы пропустили несколько слов. Будет лучше, если я один посмотрю то, что вы сделали, а затем мы все обсудим. В тот день я спал, но услышал звонок. Я не сразу проснулся и не сразу спросил, кто звонил. Когда же спросил и узнал, что это были вы, было слишком поздно, вы уже ушли. Впрочем, даже если бы вы не ушли, я был не в состоянии вас принять. Я так и не выхожу из дома, но непременно рискну это сделать (только вечером, а не днем).

*С уважением, сердечно,
Марсель Пруст*

Роберу де Флеру

[Вторая половина апреля 1904]

Милый Робер,

Из-за болезни, вернее, из-за ухудшения моего обычного состояния я не смог пойти в «Либерте»¹. Потом ты сказал мне, что это появилось дня за два-три до заметки в «Фигаро». Тогда я попросил все газеты за прошлую неделю, ничего, затем за позапрошлую, тоже ничего, посланный искал в редакции, безрезультатно, и только на

---

¹ Одна из самых популярных вечерних газет, основанная в 1865 г. Р. де Флер опубликовал в ней статью об Альфонсе Карре, в которой неоднократно с похвалой упомянул прустовский перевод «Амьенской Библии».

днях я нашел статью, напечатанную гораздо раньше, чем ты мне сказал: такая скорость еще трогательнее и любезнее с твоей стороны. И я прочитал прелестные вещи; в насмешливом и прозрачном потоке твоей беспокойной и глубокой диалектики весьма залежалое зерно здравого смысла, свойственного Альфонсу Карру, обретает невиданные свежесть и блеск. Ты лучше оправщика жемчужин. Ты похож скорее на персонажа «Тысячи и одной ночи», который завораживал меня, когда я был подростком, превращая старые лампы в новые. Это скромное чудо становится великим, когда речь идет о духовных вещах. А ты сумел зажечь старую, негодную лампу, так что из нее стали исходить почти лучи, ясно освещающие настоящее положение дел. Могу ли я признаться тебе, что не это меня особенно тронуло? И что на этот раз мне больше всего понравилось в тебе не, как сказал Мюссе, ты сам, но твое отношение ко мне, твоя прелестная, милая похвала, изящество и добрая воля, с какими ты поднял «Амьенскую Библию» со дна бурных и ясных вод, так что она стала подобна церкви Иса в Бретани¹, колокольню которой видели в морской глубине. Ты – драгоценный друг, и я обожаю тебя.

Марсель

Прежде чем снова залечь, я заходил в «Фигаро» проститься с тобой до твоего отъезда. Тебя там не оказалось, но мне сказали, что ты еще не уехал, так как у тебя заболело горло. Надеюсь, что это недомогание длилось недолго и что тебе и твоей жене удалось немного насладиться солнцем и цветами, от которых мне так плохо, но которые я так люблю.

---

¹ Легендарный город, по преданию поглощенный океаном.

Роберу де Монтескью
Пятница [22 апреля 1904]

Сударь,

Если бы в последние дни я не был прикован к постели, то непременно пришел бы к вам выразить мое почтительное и глубокое сочувствие вашему горю¹. Я едва был знаком с вашим отцом, но уже сам факт того, что он был вашим отцом, превращал его в чудесное, особое существо и усиливал таинственный ореол, который всегда окружает поколение людей выдающегося ума, вокруг его личности, вызывавшей всеобщее уважение. Когда несколько лет тому назад, в то время, когда я еще выходил из дома, я увидел этого высокого старца, уже в тени надвигающейся ночи, гордого от того, что ваше творчество придает блеск его имени, я все повторял «отец г-на де Монтескью» со странным чувством, в котором были удивление и благоговение. Помимо стольких других свидетельств, которые так ясно это подтверждают, у меня есть литературное свидетельство того, что вы бывали в щедром душевном единении с теми, кто не всегда разделял ваши духовные устремления. Поэтому я с грустью думаю о том, как мучительна для вас утрата того, кто олицетворял это единение и кого вы больше не увидите, и о всех печальных воспоминаниях, которые должны в этот жестокий торжественный момент неотступно осаждать вас.

Поверьте, что я более чем кто-либо скорблю вместе с вами, будучи почитателем вашего творчества, преданным и уважающим вас.

Марсель Пруст

---

¹ Имеется в виду смерть отца Р. де Монтескью, графа Тьерри де Монтескью-Фезансака (1824–1904).

Эдуарду Роду

Суббота [21? мая 1904]

Сударь,

Я только что получил ваш превосходный роман¹ и один раз прочитал его, что почти святотатство. Вместо того, чтобы шаг за шагом с благоговением следовать этими путями истины и красоты, я, если можно так сказать, «пробежал» огромное пространство книги, движимый большим интересом, подгоняемый неизбежным развитием событий, увлекавших в свой поток персонажей и меня вместе с ними, гадающий об их судьбах, неуверенно, по мере того как, если воспользоваться вашим великолепным, точным и деликатным выражением при описании болезни Валентина, вы «поднимаете покров, скрывающий завтрашний день». Чего только нет в этой книге, во всяком случае, насколько я мог бегло и часто сквозь слезы заметить! Есть прежде всего вся жизнь и заря иной жизни – и жизнь не изолированная, но в какой-то мере «в цепи других», на своем месте, в лоне бесконечности, быть может, загадочной, но дающей ей масштаб. Сколько нежности я уже чувствую к Алисе, сколько ненависти вызывает у меня гнусный и такой подлинный Романеш (о! его интервью), как мне симпатичен Бернар (с его противоречивыми чувствами, совершенно противоположными, когда начинается травля его отца в газетах, которые он любил читать; его трагический допрос отца и финальный разговор с Бюрье – верх мастерства). И сколько слов, полных глубины и почти неотделимых от простой и живой ткани повествования. Самые простые слова могли бы стать великолепными заголовками,

---

¹ «Победитель» (1904) – социально-политический и психологический роман.

как, например, следующие, которые я отметил на ходу: «Потоки Жизни», хотя есть и другие, еще лучше. Свет, просиявший в душе г-на Дельмона после смерти его дочери, – большая находка, как и различные объяснения, едва заметные перебои в четкой работе завода, эти первые признаки боли. А внезапное открытие, которое делает Алиса, поняв, что у ее сестры хищная душа, а прощание, когда она не подает руки Бюрье, а добрый врач, верящий в целительную силу вкусных сиропов, а столько других вещей, да и вообще все. Помимо прочего, я завидую, сударь, вашей способности вынашивать простой и многообразный мир, живой и умирающий, который, мы чувствуем, должен воскреснуть, и каждый год понемногу производить его на свет полностью завершенным, со спокойствием загадочного материнства. Если бы мое состояние не ухудшалось с каждым днем, я бы пришел к вам и сказал обо всем этом лучше, и поблагодарил вас за то, что вы взяли на себя труд написать мне по поводу моего исследования Рёскина и перевода «Амьенской Библии». Если бы вам представился случай упомянуть о них в какой-нибудь вашей статье, я был бы очень горд и счастлив. Но все это действительно далеко от современных проблем, и я почти тут же беру назад мое несбыточное пожелание. Я не сумел сказать вам, насколько я чувствую силу вашего искусства, которое не украшает жизнь никакими арабесками интриги, но и не обнажает и не упрощает ее, как другие романисты, создающие произведения «простые, как жизнь» (которая вовсе не проста!). У вас все трагическое, комическое, вся философия, вся красота почерпнуты в жизни. Эта череда прекрасных, простых и сильных книг все величественнее, зеркало все яснее и глубже. Ваша душа действительно погрузилась в жизнь, полюбила ее и прониклась ее мукой, и только у жизни заимствует знакомые и «живые» символы, чтобы выразить

суть философии. Это символизм только потому, что значение реальных вещей обретает мощь и силу.

Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст

Мэри Нордлингер
[25 или 26 мая 1904]

Дорогой друг,

Урна чудесна! Четыре головы, напоминающие Гарпократа¹ (одинаково изображающие сон), – изысканны, символический змей прекрасно закрывает урну, а лепестки цветов, листья и кольца змей – восхитительны. Но больше всего мне нравится Боль, так тесно связанная со своим дорогим Прахом, с которым она едина, ее покров, как в «Миддлмарч», ее глубокая, горестная задумчивость; в особенности то, что она не *добавлена*, это не еще одна *фигура*, ее так чудесно изображенные ноги исключают какой-либо декоративный мотив, как на других сторонах, ибо она, бедная, занимает место, она не символ, она здесь живая и подлинная, ее тело исключает что-либо другое, не добавлено, она прилегает к урне в той позе, в какой следует, новой и в то же время естественной, вымышленной и вместе с тем необходимой, в ней нет ничего и от условной боли, это ваше подлинное творение, истинное и потому открывающее новые истины о том, что такое боль, являющее те позы и выражения лица, что нам свойственны, когда она овладевает нами, и воссоздав которые вы заставили нас почувствовать правду, что смутно хранят наши некогда проникнутые болью жилы и наше

---

¹ Древнегреческий бог тишины, изображаемый с приложенным к губам пальцем.

согбенное тело во власти горя и холода. То же можно сказать о загадочном выражении лиц уснувших голов, вернее Сна (я не смог определить точное символическое значение цветочного орнамента).

Я пишу вам все это в постели, будучи болен уже неделю. Я не могу ни говорить, ни есть, ни спать и т. д., и т. д. и, лежа в постели, видел едва ли в течение пяти минут эту красивую урну с человеческим обликом, форма которой – создание вашего ума. Теперь проблема состоит в том, чтобы решить, превосходит она или уступает блюду, одновременно более личному и безличному, но менее мощному и одухотворенному. Я слишком изможден, чтобы развить эту мысль. У меня есть силы только подписать письмо.

*Ваш друг
Марсель*

Я хорошо поработал!

Фернану Грегу
[4 июня 1904]

Дорогой Фернан,

Помнишь, что нам говорили о метафизике Аристотеля? Что до него ошибка материалистов состояла в том, что они думали установить реальность материи, исследуя ее, а ошибка последователей Платона – в том, что они искали реальность вне материи, в абстрактных идеях; Аристотель же понял, что реальность состоит не в абстракциях и не в самой материи, но как бы спрятана за ней и заключена в каждой отдельной вещи, в чувстве ее формы и законах ее развития. То же можно сказать и о твоей поэзии, не материалистической и описательной,

не рассудочной и абстрактной, но заключающей в целом,
в самой форме индивидуальный, трансцендентный дух,
которым проникнута каждая вещь как в мире природы,
так и в мире человека, будь то

Гюго слезящиеся, маленькие глазки,
Вобравшие в себя весь бесконечный мир,
...Его блуждающий, усталый взгляд...

или на его лбу

Избранничества знак, морщин глубоких сеть,
Приметы гения, которых не стереть,

или сияние,

Что летним вечером все длится без конца,

или заря,

Когда подрагивают листья в одиночку¹.

Ты сам дал совершеннейший пример той метафизики, какой является твоя поэзия, в чудесном стихотворении «Цветок»: его последние десять строк, в которых мысль обретает внезапную глубину, а маленький цветок достигает вечности – самые прекрасные из всех, тобой написанных.

Вот, дорогой друг, о чем я думал, перелистывая только что полученную книгу. Я уже нашел в ней несколько шедевров, как бы еще неведомых, но уже кажущихся классическими; их восхитительный стиль не позволяет

---

¹ Цитаты из стихотворений Ф. Грега из его сборника «Свет человечества» (1904).

сомневаться в их долговечности и создает иллюзию, что они написаны уже очень давно (так движущийся поезд создает иллюзию, что движется тот поезд, который стоит). Я также попытался определить твою философию: она истиннее, чем оптимизм или пессимизм, ей ведомы все тяготы жизни, но она находит в них радость, то есть это ни пессимизм, ни оптимизм, но *витализм*.

Да, конечно, твое имя будет славиться вместе с другими именами среди тех, кто после тебя обратится к осеннему ветру. И «Грезы летнего дня» останутся одновременно твоим «Поэтическим искусством» и твоим Евангелием. Дорогой друг, я чувствую себя уставшим сегодня вечером. Иначе я бы написал тебе о том, как, будучи очень болен, я не смог ни поблагодарить тебя за твое милое письмо, ни поздравить тебя с публикацией статьи о Верлене. Я не могу больше писать и просто посылаю тебе дружеский привет и выражаю мое восхищение.

Марсель Пруст

Госпоже де Ноай

Суббота вечером [11 июня 1904]

Сударыня,

Я долго не получал «Изумленный лик»¹, думал, что не получу его никогда, и радовался этому. Потому что с некоторых пор я весьма гневаюсь на вас (очень почтительно), а когда я сержусь на кого-нибудь, то мне надо, чтобы тот, на кого я сержусь, был в чем-нибудь виноват и его вина не давала воинственным фанфарам умолкнуть в моем сердце, питала мою обиду и печаль и вооружала меня против него. Однако я только что получил «Изумленный лик»

---

¹ Роман (1904) А. де Ноай.

и раздосадован. Но я тут же прочитал двадцать страниц и оказался перенесенным в ту область, куда только самые великие гении могут позволить нам проникнуть и где нет места ни любезности, ни обиде. Каждый шаг в этом сверхъестественном краю наполнил меня таким восторгом, что мне захотелось немедленно, прежде чем продолжать чтение, повергнуть к вашим ногам гирлянды и венки и благословить великий, могучий и мудрый гений, чудный гений, приоткрывающий нам тайну всех вещей, перед которым спадают все личины и для которого мысль (цветок) может, как и для Бога, иметь «на своих бархатных лиловых лепестках красивое, гладкое, яркое, блестящее желтое пятнышко, словно разбилось упавшее с дерева яйцо королька»¹. Так вы рассеиваете серый туман, покрывающий все вещи в силу нашей посредственности, и открываете перед нами неведомый мир, который мы предчувствовали в минуты высшего прозрения, мир, где все – истина и красота.

Конечно, отвергать ваши прошлые книги ради утверждения нынешней – святотатство. Но было бы также нелепо не признавать вашего развития, такого же безудержного и поразительного, как рост растительности в жарких, влажных странах. Вот как приблизительно можно сравнить двадцать страниц «Нового упования» с двадцатью страницами «Изумленного лика». В «Новом уповании» сильный, новаторский гений разрушил все прежние способы говорить, сочинять, мыслить. Там совершен переворот. В «Изумленном лице» все идеально восстановлено согласно некоему божественному плану. В одном романе царствует языковая свобода и языковой мятеж Сен-Симона. В другом – порядок и чистота Евангелия (я говорю почти исключительно о грамматике). В то

---

¹ Пруст цитирует «Изумленный лик».

же время в «Новом уповании» порой появлялась поэзия, добавляя божественный орнамент к роману о жизни душ. Там вы порой как бы кокетливо роняете кое-какие из ваших тайных сокровищ, подобно Шатобриану (последовавшему совету, который дал ему Жубер и повторил *Матье Моле, дед вашего супруга*¹) и Барресу.

Теперь все иначе. Поэзия больше не появляется время от времени. Она – постоянна, неотъемлема, как чудесное свойство вашего глаза, который видит во всем красоту, истину, новизну, гений. Невозможно предпочесть что-то одно: маргаритки, густые, как ромашки, или сложенные пальцы, тонкие, недвижные и кроткие, словно горящие свечки, или воду в источнике, словно замерзшее серебро (о! великолепная жажда и славная прохлада!), или елочки в горшках, издающие в полдень сильный, drobный аромат, или хрупкую, зеленую весну, или желание рассмеяться в церкви, потому что день был такой погожий, или мягкие, лиловые сумерки, словно из перевернутой вазы рассыпались анемоны, или аббатису, тихонько подбирающую края рясы, когда слишком близко от нее проходит монахиня. Такова ваша мысль, таков ваш стиль. Это даже не череда чудесных образов, это своего рода гениальное видение мира, непрерывно создающее. В «Атала»² есть, быть может, два-три совершенно прекрасных образа. А у вас на каждой странице они возникают каждый раз, как меняется слог. И тогда, если «Новое упование» предстает как переворот, совершенный в языке, а ваш новый роман – как золотой век вновь обретенного языка, – то Стихотворения в нем не предстают больше как эскизы, служащие фоном той или иной картины или воссоздаю-

---

¹ Луи-Матье, граф де Моле (1781–1855), был дедом графа де Ноая. О каком совете Жубера идет речь, неизвестно.

² Повесть (1802) Ф.-Р. де Шатобриана.

щие ту или иную деталь. Я все это осознаю лучше, когда прочту больше. Вам надо смириться с тем, что я напишу вам еще не один раз. При виде законченного совершенства этих страниц у меня на мгновение появилось грустное чувство. Мне показалось, что ваша жизнь в литературе столь бесконечна, во всяком случае столь полна, что вы могли бы беспрерывно обновлять качество ваших книг, но что ваш талант уже никогда не обретет такой силы и великолепия и что вы достигли уровня, который не сможете превзойти. Я долго думал об этом и решил, что это не так. Я верю, что вы сможете написать книги еще прекраснее, такие, о которых мы и не подозреваем, которые скрыты в глубине вашей души подобно тому, как весна и лето скрыты в ту пору, когда их ничто не предвещает, книги, столь прекрасные, что после них можно будет сжечь все библиотеки, закрыть все фортепьяно, разрушить все обсерватории. И если я не могу представить себе, какими они будут, то мне кажется, что я могу вообразить, каким образом вам удастся их написать, благодаря какой дисциплине, каким добровольным ограничениям, каким новшествам. Но кто дерзнет заглянуть в это священное будущее? Мимоходом замечу следующее. После Библии «необычные образы» приводят меня в отчаяние, ибо они – не признак истинного гения, не проистекают из языка и не согласуются с ним. Так вот чудо произошло второй раз: в «Изумленном лице» (замечу в скобках, как вы любите это слово «лик», такое нежное, когда вы его произносите, и обретшее мягкость вашей речи в конце вашего стихотворения «Озеро наших ликов»). И «словно разбилось яйцо королька и т. д.» (когда речь идет о лепестках мысли) – это совершенно библейский образ, такой же гениальный, такой же долитературный, так же превосходящий все другие.

*Прощайте, сударыня.
Марсель Пруст*

P. S.

После того как я вам написал, я вновь взял «Изумленный лик». И все прочитал. Теперь утро, но такое серое, что, глядя на бледное небо, невозможно сказать, будет ли день солнечным или хмурым. Я словно в забытии после такого долгого чтения и почти не могу говорить с вами об «Изумленном лике». И к тому же мне пришлось бы все начать с начала, поскольку все, что мне казалось таким прекрасным и о чем я вам говорил, было не главным. Я как раз остановился там, где все только начиналось. Смутно припоминаю среди самых великолепных вещей: «В ней есть деревенское уродство, она напоминает не улетающих на зиму птиц, пахнущих барбарисом», «Вы слышите: он *вас предпочитает*», «Серебряный колокол, увенчанный розами», «Видите эту желтую линию? Это золотой ножик, направленный мне в сердце», (а!) забытая в саду белая чашка (это не только Клод Моне, не только такой же прекрасный Мане, это сам дух импрессионистического пейзажа), возвышенные и умирительные молитвы, придуманные сестрой Екатериной. Аббатиса и Бог, настоятельница перед своим настоятелем, стоя. Он видит мир таким же, как и я, *голубым, желтым и лиловым!* и «*Будьте осторожны, сестра моя*». Помада красных роз. Священник в своей сутане, раз и навсегда. Сестра Екатерина, приходящая на помощь священнику: «Хватит ли нам обоим сил?» Лето, золотая дорога, уходящая вдаль, лилия, треснутый в четырех местах колокол, солнце, зажигающее тысячи счастливых окошек, окошки, в каждом из которых блестит солнышко, «У меня ноги подкашиваются», «Вас не отталкивает то, что я монахиня?» (божественно!).

Мне не нравится то, что вы не любите *старушек*. Это нехорошо, вы похожи на г-жу Форен¹.

---

¹ Жанна Форен (урожденная Боск; 1865–1954) – художница и скульптор, любившая изображать детей.

Возвышенно и смешно: *я все знаю о его семье*, он любит меня и т. д., руки, опущенные в воду, эвкалиптовые листья священника, лицо сестры Колетт, похожее на виноградник или на заросли кустарника. Волнение красивой женщины, говорящей себе в то же время «меня мог бы любить поэт» и т. д. и постоянно испытывающей волнение, не спящей от того, что рядом с ней на подушке его прекрасное лицо, которое можно потрогать руками (у вас не так, это толкование того, о чем вы пишете).

Мне не нравится, что вы завидуете любви Колетт. Ла-Плата¹ – чудесно. Вор, бедняк болезненного вида, величественно, изумительна литания во славу вишен, слив, мушмулы, груш, абрикоса, безудержная и гениальная. Мы прикладываем руку к сердцу, быть может, от того, что желание – внутри нас². Но, сударыня, я слишком устал, я не могу больше вспоминать. Вы проявили бóльшую жестокость, чем мать аббатиса, чем Бог: вы заставили сестру Софию послушаться, позволить своему возлюбленному уйти, отдать его письмо. Нам больно думать о том, что его любят другие женщины. И вы сделали это не потому, что вами движет вера, необходимость подчиниться какому-то правилу или, как аббатисой, тайное желание, но в силу извращенности, чтобы сделать больно вашему собственному сердцу, облечься, написав роман, в романическую грусть и погрузить всех нас в безысходное отчаяние.

До свидания, сударыня, я слишком нездоров.

*Ваш
Марсель Пруст*

2-й Р. S. Последние двадцать страниц – самые прекрасные в книге и самые прекрасные из написанных вами.

---

¹ В романе А. де Ноай упоминается залив Ла-Плата в Южной Америке.

² Пересказ текста А. де Ноай.

Госпоже де Ноай

[Воскресенье вечером 12 (или 13) июня 1904]

Сударыня,

Я не смог угадать, что именно вы нашли милого в моем письме, но ваш короткий ответ привел меня в смущение. Позвольте мне сказать еще два слова и внести поправки в мое вчерашнее письмо. Вновь возвращаясь к нему, перечитывая восхитительный конец вашего романа, я понял, что от меня ускользнуло сходство аббатисы с г-жой Бюльто¹. Аббатиса, быть может, – самое прекрасное в вашей книге, а также принесенная аббатисе жертва. Учитывая указанные ею достойные причины, по которым она не уезжает, можно решить, что вы не принесли ее в жертву желанию сделать больно себе и нам. И мы чувствуем, что со временем боль пройдет (ср. с первым огорчением в «Новом уповании»). Стараясь дать ответ на вопрос, какая из ваших фраз самая прекрасная, я бы предпочел следующую: «Я вижу мир голубым, желтым и лиловым». Это не значит, что тысячи других фраз, например, немыслимые в октябре бегонии, свежие и зазеленелые, словно звон колокола на заре, или грустный рот испанских кукол (я привожу именно эти примеры, так как мне кажется, что они отсутствуют в моем вчерашнем письме), это не значит, что тысячи других фраз менее прекрасны. Но фраза «я вижу жизнь голубой, желтой и лиловой» представляется мне центральной, «источником освещения» всей книги. Я хочу сказать, что самое поразительное, самое прекрасное в этой книге (и, вероятно, наименее удивительное для вас, так как наиболее для вас естественное и самопроизвольное, ис-

---

¹ Огюстина Бюльто (1860–1922) – писательница и журналистка, поддерживавшая начинающую поэтессу А. де Ноай и оказавшая на нее значительное влияние.

ключающее участие рассудка или усилие воли) – это то, что она состоит не из частей, а является единым целым, погружена целиком в единую атмосферу, в которой краски находятся в подчинении друг у друга, дополняют друг друга, как весенним утром в саду, на который глядишь из столовой через цветные стекла при наполовину опущенной занавеске, в то время как «струи воздуха» из сада проникают в побеленную, освещенную солнцем гостиную. Этот гениальный, истинный колорит делает вас величайшим импрессионистом, и ваша приглушенная гармонией смелость невероятна (вспоминаю *голубой ветер*, *розовую аллею*, заточенное в лесу солнце и т. д., и т. д.). Все сообщается, сочетается друг с другом, и это согласие имеет разные оттенки и градации. Лунный свет серебрит и Жюльена, и низкую стену, и камелию. Нет ничего «внедренного» в книгу, все в ней окутано волшебной атмосферой, начиная с первого слова и кончая последним. Нельзя изменить ни один тон, нельзя убрать ни одно слово, не нарушив всю эту жизнь и не угасив тут же все отблески, как в тот миг, когда закрывается окно освещенного солнцем магазина на площади. Но это многоцветное единство – всего лишь материальный символ того поразительного качества, которым отличается эта книга, как и все чудесные книги. И так непонятно, так удивительно то, что это качество является первостепенным, обеспечивающим долговечность книги и доказывающим гениальность творца. Ибо, если задуматься о том, что же составляет совершенную красоту некоторых произведений, «Басен» Лафонтена или комедий Мольера, то окажется, что это не их глубина или какое-то на первый взгляд важное достоинство. Нет, это своего рода постепенный переход красок, прозрачное единство, в котором все вещи, утратив свой первоначальный облик, располагаются рядом друг с другом

в определенном порядке, освещенные тем же светом, отражающиеся друг от друга, и при этом ни одно слово не остается для них чужим и не противится их союзу (я чувствую, что сам становлюсь непонятным, так как плохо выражаю свою мысль, но она впервые пришла мне на ум, и я не умею ее выразить). Полагаю, что это называют лаком мастеров, и именно это качество в высшей степени присуще «Изумленному лику». Надеюсь, вас не обидит, что история со Стигматами показалась мне очень глубокой и забавной, а еще забавнее – досадное смирение монахини, которая требует смирения от других и приглашает вас откусывать курятины. Какая великолепная мысль: придать образу монахини (и замечательно, благосклонно истолковать) самые оригинальные черты госпожи де Ноай и *Бито*¹, превращающие монахиню в язычницу (ср. со вдовствующей герцогиней де Ноай²), кокетку и великого поэта Природы. Я нахожу восхитительно оригинальными характер аббатисы и дружбу сестры Софии и аббатисы. В сущности, несправедливо ценить мягкость только в суровых людях и быть чувствительным к приязни исключительно тех, кто любит только вас, но эта несправедливость до такой степени мне свойственна, что я втайне дорожу ею, я, у которого не бывает друзей, который только заключает соглашения с грабителями. Но, сударыня, если гордость – большое достоинство, то что же тогда большая добродетель, если не смелость? И почему смелы всегда смиренные, а горделивые – малодушны? Самая впечатляющая фраза: «Как вы были прекрасны для застывших сердец, для изгороди, отлогого склона, подсолнуха в саду, сторожа на переезде...».

---

¹ Героиня одноименного стихотворения А. де Ноай из ее сборника «Безмерное сердце».

² Клотильда де ла Ферте-Мен-Моле де Шанлатре, герцогиня де Ноай (1831–1913) – свекровь А. де Ноай.

Прощайте, сударыня, примите уверения в моем почтительном восхищении вашим гением (Бальзак никогда не говорит: восхищение, которое вызывает у меня ваш гений, но: восхищение вашим гением).

Марсель Пруст

Я в упоении от «пренебрежительных отказов ваших». Кто этот поэт?¹ Предлагаю издать «Изумленный лик» для распространения на вокзалах под названием: «Часослов герцогини» или «Шанлатре: стоянка пять минут».

Сударыня, если у вас есть силы, прочтите это письмо, оно несколько точнее, чем первое.

Люсьену Доде

Вторник вечером [14 июня 1904]

Дорогой мой,

Я только что получил ваше письмо, и моей первой мыслью было послать вам телеграмму с вопросом о здоровье госпожи Доде. Но я побоялся, что в особой атмосфере Прэ, где царят одновременно покой и озабоченность, телеграмма вас только лишний раз потревожит. Поэтому я сдержал себя, несмотря на тревогу, и только прошу вас не забывать обо мне и сообщать новости. Хотя, судя по вашему письму, новостей не предвидится: вы говорите, что все дело в переутомлении и что, в общем, ничего страшного нет. Но почему, если ваша матушка только переутомилась, вы вызвали трех врачей? Если вы были встревожены, пусть даже вам достаточно для этого малейшего повода, значит, она все-таки

---

¹ Цитата из стихотворения Жана Пассера (1554–1602), фигурирующего в романе «Изумленный лик» (Kolb. 4, 159).

приболела. Я боюсь, что в вашем письме что-то важное осталось недоговоренным. Все-таки три врача! Правда, в «Любви-целительнице»¹ врачи все время повторяют хором: «Совет – хорошо, четыре – лучше»², что, как мне кажется, является вашим девизом. Но почему Ландольт³? Опять угроза для глаз? А этот другой Ланд⁴, врач, который не слишком внушает оптимизм? Что касается переутомления, то действительно, если представить себе четыре или пять жизней, которыми живет ваша матушка, каждой по отдельности и с таким совершенством, словно она живет только одной из них, то станет ясно, что это превосходит обычные возможности и вообще человеческие силы. И поскольку маловероятно, что она перестанет заботиться о вас троих, писать прекрасные вещи и оплакивать вашего отца, вам никогда не удастся – не говорю, с достаточной нежностью, здесь незачем давать вам советы, но с достаточной тщательностью следить за ее здоровьем (правда, и здесь советы вам не нужны), которое она подвергает таким различным испытаниям, до нее несовместимым друг с другом. Я плохо выражаю свои мысли, так как мне сильно нездоровится, но, несмотря на неловкий слог, от вас не укроется мое глубокое участие.

Дорогой мой, читая ваше письмо, я думаю о том, что невозможно, чтобы такое, самое поразительное известное мне сочетание природных качеств, интеллектуальных, душевных, нравственных, физических, то есть

---

¹ Комедия (1665) Мольера.

² Пер. З. Венгеровой.

³ Эдмон Ландольт (1846–1926) – швейцарский офтальмолог, практиковавший во Франции.

⁴ Луи Ландузи (1845–1917) – терапевт. Пруст называет его «другой Ланд», так как Ландом называли также врача Ладисласа Ландовски (Leriche. 280).

ваших качеств, было известно, в какой-то мере благодаря доверительным признаниям на расстоянии, только очень немногим, в том числе мне, и что совершенно необходимо, чтобы достоинства вашего ума и вашей личности каким-то образом нашли свое выражение. Если бы был жив ваш отец, то он, подобно оракулу, немедленно дал бы вам на этот счет глубокий и верный совет. Не могли бы вы в какой-то мере заменить его и понять ваше предназначение, поскольку вы так хорошо читаете в своей душе?

Во вторник я пошел посмотреть Моне, один. То ли по причине крайней усталости, то ли потому, что я привык к этой живописи, я не испытал волнения, как прежде. Тем не менее я нашел его картины восхитительными и, быть может, еще более, чем предыдущие, приближающимися к тому, что он ищет. Но колорит зачастую был мне неприятен, некоторые фоны лондонской башни показались весьма условными, а красное солнце – тошнотворного, банального цвета. Туманы – прелестны, как и мост. Заодно я посмотрел отличную коллекцию изображений Венеции и Дьеппа, сделанных Зикертом¹. Для этой выставки Бланш написал пояснение, которое мне кажется очень удачным (впрочем, оно вполне пустое) и которое я вам пришлю, если хотите. С тех пор я выходил только вчера вечером один на десять минут, и они меня прикончили. Я получил удивительное письмо: «Сударь, если вы можете покинуть ваши ночные беседы, ваши бутылки сидра, ваших полуночных посетителей и т. д., то приходите ужинать и т. д.». Это было письмо от «вашего друга» г-жи де Клермон-Тоннер².

---

¹ Уолтер-Ричард Зикерт (1860–1942) – английский художник-постимпрессионист.

² Элизабет де Грамон, маркиза, затем герцогиня де Клермон-Тоннер (1875–1954) – сводная сестра друга Пруста герцога А. де Гиша, писательница, автор воспоминаний о Прусте.

Но она приглашала меня на следующий день после того, как я ходил на выставку Моне, и я к ней не пошел. Впрочем, я вам, наверное, уже говорил об этом ужине. На этой неделе у меня было много посетителей, но, как ни поразительно, Альбу ни разу не пришел. Он не был у меня уже неделю. Не знаю, что и думать.

Я получил «Изумленный лик». Ничего не говорю вам о нем из-за ваших предубеждений, но они исчезнут, когда вы прочитаете книгу. Как и в случае политики в последние двадцать лет, о которой мы как-то говорили, на первый взгляд это явно боевое произведение. Но в действительности вы увидите, что оно естественно расцвело на знакомом вам стебле с внутренней необходимостью, которой писатель не может противиться. И вы увидите, что оно намного превосходит «Новое упо[вание»]¹

Неустановленному лицу
[Среда 22 июня? 1904]

Сударь,

Я сейчас отвечу на ваше письмо – и даже прокомментирую мое собственное (позавчерашнее), что кажется мне не лишним! – Но прежде позвольте сказать вам (и прошу вас понять меня правильно, я постараюсь, впрочем, прояснить чувство, которое мной движет) следующее:

Если мое письмо, которое вы плохо поняли, оскорбило вас, то, чтобы избавиться от вполне понятного неприятного чувства, я предлагаю вам следующее: пришлите ко мне двух своих друзей. Мне нет надобности говорить, что я не представляю им никаких извинений! Мне их часто представляли, я никогда их не делал и начинать уже

---

¹ Конец письма утрачен.

несколько поздно. Впрочем, я не могу поверить, что вы решитесь требовать извинений за письмо, которое, как я вам докажу, было только откровенным и сердечным. Но я немедленно соглашусь на поединок, на каковой вы не имеете никакого права, не будучи оскорбленным: я считаю, что только такого рода встреча может ослабить то нервное напряжение, которое я сам не раз испытывал и причиной которого, судя по всему, мне теперь пришлось стать, о чем я сожалею. Если такое решение, представляющееся мне немного нелепым, вам по нраву, прошу только о том, чтобы поединок был на пистолетах, так как я действительно в данный момент чувствую себя немного уставшим¹

Луизе де Морнан

Воскресенье [3 июля 1904]

Милая Луиза,

Я не мог поблагодарить вас раньше за вашу прелестную телеграмму, так как не видел Луи и потому не знал вашего адреса. А в то утро, когда я его увидел, в моем сердце был так жив ваш милый, очаровательный образ, что я поведал Луи о моих чувствах, прежде чем смог написать вам о том, как я вас люблю. Я говорил с Луи о его предполагаемой поездке. Он сказал, что, естественно, напишет вам *обо всем*, что ему известно. Но мне показалось, что это *все* мало что значит. Он знает, что поедет в Германию с принцем д'Эсслингом², но ему не известно, ни когда, ни как. Все это показалось мне весьма

---

¹ Конец письма утрачен.

² Виктор Массена, герцог де Риволи принц д'Эсслинг (1836–1910) – политический деятель. Луи д'Альбуфера собирался жениться на его дочери.

неопределенным. Он сказал, что известие о его помолвке со дня на день станет официальным и будет опубликовано. Вот день, когда я не смогу читать газету с обычными равнодушием и рассеянностью, день, когда мне очень хотелось бы быть возле вас. Я слышал, что его невесту очень хвалят, и порадовался за него. Сегодня вечером мы ужинали с ним вдвоем. Я впервые ужинал с ним без вас. Мы оба были поглощены одной мыслью. Со мной случайно приключилась неприятность из тех, над которыми вы обычно посмеиваетесь. Мне все время хотелось чихнуть и я беспрестанно тер нос и глаза жестом, которому вы так хорошо подражаете, и, перенесясь в еще более далекое прошлое, так как я давно не задавал такого вопроса, я, забывшись, спросил официанта: «Какой сорт пива у вас есть?» Я тут же вспомнил ваши милые насмешки, и мне захотелось разом смеяться и плакать.

Надеюсь, что ваше путешествие прошло благополучно, и прошу вас передать выражение моего почтения вашей матушке и вашей сестре. А вас, моя милая Луиза, позвольте очень нежно поцеловать.

Марсель Пруст

Альберу Сорелю

[Воскресенье вечером 10 июля 1904]

Уважаемый, дорогой Учитель,

Порою жизнь, наверное, желая показать, что в ней есть все (все, даже то, что, казалось бы, совершенно исключает ту «философию», которую мы мало-помалу извлекаем из нее, все, даже волшебное осуществление наших дерзновенных упований, то есть нечто «романическое»), преподносит нам сюрпризы и дарит сказочные

мгновения счастья. Конечно, тот, кто сказал бы мне, что великий историк, которым я так восхищался, учитель, которого я столько раз слушал, когда он «вскрывал подноготную» Истории и своими страстными математическими доказательствами просвещал наши умы, о литературных вкусах которого я так подробно расспрашивал, оценив их благодаря эссе о «Темном деле» и «Изнанке современной истории», собирая и стараясь проверить то, что о нем рассказывали, тот, кто сказал бы мне, что великий последователь Бальзака, сам своего рода Бальзак, если принять во внимание, что «Барон Бидар»¹, как я в том твердо убежден, никак не ниже «Полковника Шабера»², – напишет однажды в «Тан» целую статью о скромном переводе самого безвестного из своих учеников и в этой статье с благоволением и добротой учителя каждый раз, когда представится случай и стараясь, чтобы он представился, будет давать доказательства своего лестного внимания к переводчику, своему бывшему ученику, снискавшему столь любезную похвалу, тот, кто сказал бы мне обо всем этом, меня бы, конечно, по правде говоря, очень удивил, потому что, убежденный «логикой» жизни, я бы не поторопился поверить в такую невероятную радость.

Вот почему, когда кто-то из «Тан» сказал мне о вашем намерении, это известие показалось мне, который с трудом верит даже в заслуженные и естественные радости, слишком большой радостью, чтобы когда-нибудь стать реальной. Вернее, она уже была реальной. Ибо я радовался вашему бесконечно любезному намерению. Я знал, что оно так и останется намерением, но уже это намерение было для меня сладостно.

---

¹ «Барон Бидар. Происшествие 1813 г.» (1904) – повесть А. Сореля.

² Роман (1832) Бальзака.

Сегодня вечером я смотрел альбом Тернера «Реки Франции»¹, который мне дали на время, и он был раскрыт на картине «Онфлер». Я думал о том, что бы вы сказали о ней, не решаясь сам утверждать то, к чему я был весьма склонен, а именно: что Тернер совершенно не передал бесконечное обаяние этого старого нормандского городка. В этот момент один из моих друзей принес мне «Тан». Сударь, я очень горд от того, что стал причиной, а порой и предметом этой великолепной статьи, очень горжусь тем, что мое имя произнесли вы; но, быть может, меня еще больше растрогало воспоминание о вас: когда вы произносите мое имя, я словно слышу ваш голос, и мне это в высшей степени приятно.

В вашей статье есть только одна ошибка: Рёскин не исцелил меня. Я болен вот уже несколько лет. Но больной никогда не был так «избалован», так счастлив в согласии с таинственным законом «компенсации» Эмерсона² и со сказочными развязками, как я сегодня вечером, читая вашу статью. Жаль, что вы так мало сказали об «истории», какой ее видит Рёскин. Я, конечно, подозреваю, что она у него сомнительна, но мне бы хотелось знать, что вы об этом думаете. Поэт нанес у него вред историку, экономисту, философу. Быть может, в его «Гении христианства»³ следует искать только несравненные образы. Но у вас-то «этика» исторических событий, о которой вы писали, не охладила ни страстного культа Шуберта и Шумана, чьи ритмы и созвучия перешли в ваш стиль, ни любви к Бальзаку, который никогда не смог бы, столкнув в поединке и смешав все «силы» французского языка, затем собрать

---

¹ Альбом рисунков Джозефа Тернера (1775–1851) «Реки Франции» вышел в Лондоне в 1837 г.

² Речь идет об эссе Ральфа Уолдо Эмерсона «Компенсация» (1841).

³ Пруст прилагает к книге Рёскина название книги Шатобриана «Гений христианства» (1802).

их и провести строем в заключительном параде лучше, чем вам удалось это сделать в нарастающем сравнении (в начале вашей статьи), полном оттенков различных восприятий, выразившихся в книгах и в произведениях искусства. На этой странице, которую я считаю, быть может, самой удивительной из написанных вами, есть своего рода симфоническое развитие, вагнеровский «подъем», следующий основной теме и непрерывно преобразующий ее, вся звучность французских слов, возникающих стремительно в блеске своего достоинства и очарования (звук рога «преобразует» их мимоходом). Это чудесно. Еще раз спасибо, дорогой Учитель, вы доставили большое удовольствие вашему благодарному читателю.

Марсель Пруст

Быть может, в этом несравненном фрагменте именно прелестная фраза о Лейпциге и «Фаусте» – самая исполненная грез и самое полное их чудесное воплощение.

Мэри Нордлингер
[Август 1904?]

Дорогой друг,

Самая прелестная вещь, которую я когда-либо видел, это отражение, когда я был в деревне, в зеркале, прикрепленном к окну, кусочка неба и пейзажа с купой деревьев-братьев. И мне кажется, что вы только что навсегда подарили мне это неизбежно беглое обаяние уже далеких минут¹. И сама зеркальная поверхность таинственно

---

¹ Речь идет об акварели М. Нордлингер «Деревья в Санлисе», которая до последних дней висела возле постели Пруста.

и светло хранит купу деревьев, словно избравших ее своим местопребыванием, потому что им нравится быть вместе и составлять внушительную группу, и ненадолго нахмурившееся небо. Как я благодарен вам за этот чудесный подарок, за то, что вы подарили мне кусочек природы, один из видов неба, мгновенное выражение вашей души, внимательной к природе и полной тайн, ведомых только ей. Я искренне и от всего сердца благодарю вас.

*Ваш
Марсель Пруст*

Матери
Яхта «Элен»
Четверг [11 августа 1904]

Дорогая мамочка,

Я подробно отвечу на все твои возможные вопросы. Поездка на поезде до Гавра прошла без всяких приступов и без чувства тяжести благодаря устроенному мною сквозняку. – На вокзале меня встречал г-н Мирабо¹. С ним на автомобиле – до порта. В порту Гавра – сильная астма (я не задыхался, у меня не было приступа, была астма), на борту судна – усиление астмы, но не задыхался. Устроился у себя в каюте около часа или двух часов ночи. Окуривание, никакой пользы. Не могу раздеться, так как холодно, влажно и т. д. Около трех часов ночи принимаю трионал и пытаюсь уснуть. Лежу одетый с половины четвертого до пяти утра. В пять поднимаюсь на палубу (в пять утра). В семь мы отплываем. Мое дыхание не очень ровное, но в общем удовлетворительное,

---

¹ Поль Мирабо (1848–1908) – тесть Р. де Бийи, банкир, владелец яхты «Элен».

я завтракаю, потом астма отступает, люблюсь красивым морем в хорошую погоду; обед в половине первого, астма все больше отступает, после обеда чувствую себя очень хорошо (так и не спал и не раздевался). В семь часов мы бросаем якорь в виду Шербура. Ужинаем (разумеется, на борту) (легко), после ужина у меня не было чувства тяжести, но пропало желание ложиться. Я остаюсь на палубе *без всякого ощущения тяжести* (заметь, что в последние три часа было очень холодно, все замерзли, кроме меня), я чувствовал большую легкость и мне было очень хорошо (без астмы). Тогда я решаю не покидать яхту завтра утром – (то есть сегодня). – Между половиной третьего и тремя часами утра ложусь (раздевшись) (впервые после Парижа), сплю хорошо, но в семь часов просыпаюсь от сильного приступа астмы. Погода хмурая, моросит дождь. Моя астма, кажется, хорошо перенесла сырость. Я хочу сойти на берег, но тут объявляют, что вечером мы поплывем в Динар. Тогда я решаю остаться и провести пару дней в Динаре. Между тем г-н Мирабо плохо спал. Он продолжает лежать и просит, чтобы яхта оставалась на месте: так ему будет спокойнее спать. До вечера останемся в порту. Уже одиннадцать часов утра и поздно менять решение и сходить на берег. Я не завтракаю, так как ужин накануне, хоть и был легким, отбил у меня желание завтракать, и одеваюсь. В половине первого я обедаю, но очень легко. После обеда steamlaunch¹ везет нас в Шербур. Я хочу остаться один, написать письмо и отдохнуть, но не нахожу ни места, где можно укрыться от ветра, ни закрытого автомобиля и потому иду дальше, еле тащусь, выбиваюсь из сил, обливаюсь потом, надо опять садиться в катер на сильном ветру, я снова начинаю кашлять и т. д. Мы возвращаемся на яхту, которая по-прежнему упорно

---

¹ Паровой катер (англ.).

стоит на месте: г-н Мирабо пообедал в постели и встанет только к полднику. Снаряжают парусный ялик, чтобы немного прокатиться, я проплываю метров сто, но тут же прошу возвратиться, так как мне немного страшно. Теперь я снова на борту яхты (по-прежнему стоящей неподвижно на рейде, со вчерашнего вечера) и пишу тебе. Хотя милое вчерашнее плавание солнечным днем (впрочем, солнце и сегодня светило, но прелесть пропала, так как мы стоим на месте), отсутствие астмы и очаровательное одиночество вчера вечером в виду Шербура мне очень понравились, я думаю, что завтра утром сяду в поезд и уеду в Париж с остановками в Байе и Кане. Но это еще не окончательное решение. Ни в коем случае не посылай телеграмм (только если это действительно необходимо): вчера вечером с твоей телеграммой возникло много сложностей. Г-н Мирабо очень мил со мной и Бийи, он нам как брат, сказал бы я, если бы святотатство мне не было противно. С нами на борту также г-жа Фортуль, урожденная де Бургуэн¹, которая крайне мила со мной, г-жа супруга Жака Фора², очень хорошенькая, мадемуазель Оберкампф и г-жа Бийи³, милая со мной и просто милая. Яхта – чудо. Впрочем, я хотел только сообщить тебе о моем здоровье, а об остальном рассказать при встрече. Я, конечно, не притрагивался к эфирному сиропу⁴, так как ни разу не задыхался с тех пор, как тебя покинул. О морской болезни я даже не вспомнил. Надо сказать, что вспомнить о ней было невозможно, до такой

---

¹ Инес-Мари Фортуль (1862–1953), кузина П. Мирабо.

² О ней известно только то, что она была разведена со своим мужем.

³ Жанна де Бийи, урожденная Мирабо, жена Р. де Бийи.

⁴ Лекарство для снятия бронхоспазмов, изобретенное доктором Гийомом Булле в 1799 г.

степени море, хотя и не совершенно спокойное, было прекрасным, а волнение – легким. У г-жи де Бийи все же случилась морская болезнь, но мне кажется, это из-за парового катера. У меня легкая склонность к астме, и я жалею о моих недавних усилиях, но в конце концов астмы у меня нет. Не знаю, когда ты получишь это письмо; наверное, его сначала отправят в Париж, а потом обратно в Этрета¹. Мне странно думать – ведь я свернулся клубочком в твоём сердце, постоянно думаю о тебе с нежностью, тысячу раз в минуту мысленно обращаюсь к тебе и так же часто тебя целую – мне странно думать, что мое письмо отправится так далеко искать тебя и придет к тебе спустя столько времени после того, как я его пишу. Между нашими сердцами – более совершенная, телефонная связь. Вчера жизнь на яхте меня совершенно очаровала, и я поинтересовался у Бийи, сколько стоит взять напрокат яхту. Ты не согласишься! Содержание нашей (не считая той огромной суммы, которой она стоила) обходится в 25 000 (двадцать пять тысяч) франков в месяц (разумеется, в том случае, когда она в полном снаряжении). Г-н Мирабо великолепен, огромный, могучий саксонский бог, похожий лицом на г-жу де Бийи как две капли воды: тот же нос, тот же цвет лица, те же глаза (более синие), те же волосы, та же манера говорить. Мерклен² воскресил его, и он прекрасно себя чувствует. Думаю, это нарушение диеты (он съел слишком много дыни) помешало ему спать сегодня ночью, а нам – отправиться сегодня в плавание. Нежно поцелуй Робера и Марту³. Я так счастлив, что они радуют тебя, как милые дети, милее, чем я.

---

¹ Курортное место неподалеку от Гавра, где отдыхала мать Пруста.

² Пьер Мерклен (1852–1906) – врач.

³ Марта Пруст (урожденная Дюбуа-Амьё; 1878–1953) – жена Робера Пруста.

Уверен, что Диас¹ обрадуется тому, что в его мастерской будет жить Марта: она так похожа на тот тип женщины, который он всегда изображал, у нее такие же красивые глаза, прекрасные волосы, красивое лицо. Он наверняка захотел бы, чтобы она ему позировала, если бы Робер этому не воспротивился, так как он обычно пишет не слишком одетых богинь.

Тысяча нежных поцелуев.

Марсель

Никогда не смогу выразить, до какой степени тебя здесь не хватает. Море, которое ты так любишь, краски, которые бы тебя очаровали, воздух, не имеющий ничего общего с воздухом столовой, температура, при которой все закутаны в шали (но не сидят взаперти в каютах, по сравнению с которыми столовая – ледник. Я вынужден оставлять иллюминатор в моей каюте полуоткрытым; утром я страдаю от влажности, но его нельзя открыть, когда хочешь, и надо с вечера решать, останется он открытым или нет). Я видел, как ты страдаешь от жары, прячешься от нее или, смирившись, засыпаешь, сжав кулаки, и мне хотелось бы увидеть, как ты здесь любишь всем и вольно дышишь. Расскажи все же Роберу о твоей недавней усталости и подробно – о твоём здоровье. Я ему ничего не говорю, так как не хочу вмешиваться: тебя привело бы в раздражение, если бы ты об этом узнала (хотя ты бы ничего не узнала). Но подумай о том, что я живу рядом с тобой и ничего не вижу, что ты можешь болеть, у тебя могут быть почечные колики, что ты была больна этой зимой, а я ничего не знал и не знаю. Так хотя бы успокой меня, пообещав все подробно рассказывать Роберу. Счастье и горе заставили его созреть, как плод, который сперва был немного терпким, а потом стал слад-

---

¹ Нельсон Диас (1869–1929) – художник, ученик Г. Моро.

ким. Так что при его уме и доброте он поддержит тебя советом. – Я весьма сожалею о смерти Вальдека-Руссо¹ и в особенности потому, что ты, должно быть, опечалена. И потом поистине чувствуется, что эти последние месяцы были такими невыразимо мучительными, такими горькими, что они были еще больше исполнены разочарования в жизни, чем страха смерти. Быть может, я бы предпочел менее громкое обращение².

Благочестивей я не слыхивал речей³.

Но очень полезно показать человечеству, что религия и политика не имеют ничего общего и что можно строго судить клерикалов и при этом быть благочестивым. Только я думаю, что он им не был.

Тысяча нежных поцелуев, которые скоро станут реальными.

С тех пор, как я начал тебе писать, я согрелся, и у меня больше нет никакой астмы. Ты, как в опере, наклонилась надо мной, когда я тебе писал, и сладость нашего общения заставила исчезнуть последние следы тяжести. Полагаю, что уеду завтра утром. Но нужно будет рано встать. А я плохо завтракал и, значит, нужно будет что-то съесть за ужином, и это помешает мне рано лечь. Вот какие сложности!

*Тысяча нежных поцелуев.
Марсель*

---

¹ Пьер Вальдек-Руссо (1846–1904), бывший в 1899–1902 гг. председателем Государственного совета, умер 10 августа 1904 г.

² Вальдек-Руссо, сторонник закона об отделении церкви от государства, получил перед смертью отпущение грехов и миропомазание, что было расценено как обращение, хотя не он, а его жена пригласила священника в то время, как он сам находился без сознания.

³ Измененная цитата из комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664), пер. М. Лозинского, с изменением.

Фернану Грегу
[22 августа 1904]

Дорогой Фернан,

Проведя несколько дней на борту судна (а что тебе принесло плавание на яхте, пользу или вред?), я прочитал «Латинское возрождение» и был неприятно поражен статьей, которая в нем посвящена тебе. Наверное, с моей стороны было бы тактичнее не говорить с тобой о ней, и, по правде сказать, это было бы мудрее, до такой степени, со всех точек зрения, все это не имеет значения. Но я знаю, какие хрупкость и ранимость скрывает гармоничная оболочка твоей чувствительности, твоего воображения и сердца, и боюсь, что эти глупости тебя огорчили; я подумал, что, быть может, нежное внимание того, кого они сперва возмутили и кто потом понял их полную ничтожность, будет тебе хорошей поддержкой. Эта статья сама по себе – отличная реклама, ибо люди ничего не читают, а здесь к тому же нужно было бы читать «между строк», что значило бы требовать слишком много. Что касается тех, кто читает, то какое значение может иметь статья, в которой красота парнасцев (то есть особая красота, красота некоторых вещей и, следовательно, отсутствие красоты вещей как таковой, красоты жизни как таковой) отождествляется с красотой жизни, с твоим пониманием красоты? Разве что эта статья указывает на твое значительное место в литературе и на слабость аргументов, к которым вынуждены прибегать те, кто хочет его у тебя оспорить.

Эта статья вызвала у меня только одно сожаление. Константин как-то пообещал мне раздел литературной критики в своем журнале, не только пообещал, но и непосредственно предложил. Не предупредив меня, он отдал этот раздел другому, и мы из-за этого совершенно рас-

сорились, так как я не мог молча стерпеть его поступок. С тех пор мы полностью помирились, так как он вел себя весьма деликатно, и я забыл прошлое. Но, увидев, как глупо мой «узурпатор» пишет о тебе, я впервые пожалел о том, что не имел права взяться за перо вместо него.

Не переживай из-за такой ерунды, не нервничай, уверяю тебя, что это совершенно ничего не значит, и в конце концов, если в хоре похвал, в этом «любовном гуле, что несется вслед тебе», нужен был диссонанс, то такой диссонанс в общем приятен и дает тебе подлинные преимущества (что за стиль!). Мне очень нездоровится, и я не могу тебе больше писать, но думаю, что ты меня понял.

*Твой
Марсель Пруст*

Морису Леблону¹
[27 или 28 августа 1904]

Сударь,

Я получил анкету, которую вы прислали, оказав мне честь. Под предлогом уточнения смысла заданных вами вопросов вы спешите указать нам, какими вы желаете видеть ответы. И после двух страниц весьма интересных и, как вы правильно замечаете, необходимых пояснений, вы полагаете, что читатель достаточно «подготовлен» и вам больше не нужно скрывать вашу мысль и вашу цель, которая заключается вовсе не в «проведении опроса», не так ли, но в том, чтобы подавляющим большинством голосов поддержать определенное мнение. Поэтому после

---

¹ Морис Леблон (1877–1944) – писатель, сотрудник журнала «Лез ар де ла ви» («Искусства жизни»), которому было поручено составить и разослать «Анкету об отделении искусств от государства». Пруст не отправил своего письма.

«необходимых пояснений» вы придаете вашей анкете совершенно откровенную форму, спрашивая: «Принимаете ли вы *вековую тиранию* Рима и т. д.? Полагаете ли вы, что государство имеет право порабощать темпераменты?» Кто же осмелится на поставленный таким образом вопрос ответить, что он сторонник тираннии Рима и порабощения темпераментов? Разумеется, вы далеки от этой мысли, но с какой иронией вы тем не менее клеймите на всякий случай такого вероятного храбреца: «Если да, то, значит, нынешнее состояние вещей превосходно».

Однако, сударь! Разве так уж важно, имеет государство «право» порабощать темпераменты или нет, поскольку оно никогда не будет иметь для этого *силу*. То, что *может* поработить художника, это прежде всего благотворная сила более мощного темперамента. И такая зависимость не далека от обретения свободы. Затем это пагубная власть лени, болезни, снобизма. Но каким образом, сударь, может поработить художника государство? Возьмите любого официального художника, чья живопись вам не нравится так же, как и мне. Вы действительно полагаете, что в некой воображаемой, искусно руководимой утопии он стал бы Клодом Моне или хотя бы Вюйаром¹, которым нужно было бы только одно: жить, и которых государство задушило бы? Вы думаете, что г-н Клод Моне, «порабощенный государством», стал бы таким же живописцем, как г-н Z.? Я полагаю, что мы действительно погибнем, но из-за отсутствия не свободы, а дисциплины. Я не думаю, что свобода очень нужна художнику, и считаю, что в особенности для современного художника дисциплина была бы, как для невропата, исключительно полезной. Дисциплина – плодотворная.

---

¹ Эдуард-Жан Вюйар (1868–1940) – художник и декоратор, испытывавший влияние японского искусства.

творна сама по себе, какими бы ни были ценности, ею предписываемые. Если выбирать, то, наверное, было бы все же немного лучше, если бы те, на кого возложена обязанность учить, были действительно «мэтрами». И в этой связи я хотел бы предложить вам не слишком радикальное, но, быть может, достаточно мудрое решение поставленной вами задачи.

Почему вместо того, чтобы требовать закрытия Школы изящных искусств, вы не требуете, чтобы г-н Клод Моне, г-н Фантен-Латур, г-н Дега, г-н Роден там преподавали? Вот что представляло бы интерес. Я, впрочем, не знаю имен нынешних профессоров, но все же не следует забывать, что Гюстав Моро и Пюви де Шаван преподавали на улице Бонапарт¹. Впрочем, есть, я полагаю, много других дополнительных курсов, где могли бы принести пользу не самые великие. Г-н Гастон Буассье², конечно, не такой великий писатель, как г-н Пьер Лоти. Между тем на лекциях первого, наверное, можно было бы узнать больше, чем на лекциях второго. Я признаю, впрочем, что официальная живопись, как и официальная музыка, гораздо дальше от подлинной живописи и музыки, нежели официальная философия и литература – от подлинной философии и литературы. Большинство наших лучших писателей являются или станут (если захотят) членами Французской академии. Г-н Лашелье³, г-н Дарлю, г-н Бутру, г-н Бергсон, г-н Брунsvик⁴ – профессора Университета. Напротив, многие наши великие художники

---

¹ На улице Бонапарт в Париже находится Школа изящных искусств.

² Гастон Буассье (1823–1908) – автор трудов по античной и французской истории и литературе.

³ Жюль Лашелье (1832–1918) – философ-неокантианец.

⁴ Леон Брунsvик (1869–1944) – соученик Пруста по лицей, философ-идеалист.

и музыканты не являются членами Института и, судя по всему, у них нет шансов однажды стать таковыми.

Наконец, сударь, что касается первого пункта, то, заявляя, что, как вы сами могли заметить, я совершенно несведущ в этом вопросе, я настаиваю на половинчатом решении. Подъем уровня образования при более свободном выборе профессоров, с привлечением к чтению лекций таких людей, как господа Клод Моне, Дега, Фантен-Латур, Роден (и другие, которых вы знаете так же хорошо, как и я). Я назвал эти имена как особенно значимые и как имена художников, достигших такого уровня мастерства, которого более никто в наше время не оспаривает.

Что касается второго вопроса, то я не предложу вам никакого решения, так как нынешнее состояние вещей представляется мне превосходным. Хотя я и не думаю, что некоторые места на земле имеют исключительную привилегию на красоту, Рим, если верить тому, что, например, совсем недавно написал г-н Метерлинк¹, все же принадлежит к тем местам, которые могут наиболее плодотворно и длительно воздействовать на воображение художника. Вообще я знаю множество никак не связанных с официальным искусством молодых людей, которые на несколько лет уехали в Рим после того, как долго пытались работать здесь. Разумеется, я думаю, что и в других местах можно найти красоту, что ее можно найти повсюду. Но поскольку надо выбирать, я не вижу причины, по которой какое-нибудь другое красивое место, будь то Онфлер, Волендам, Кемперле² или что-то еще, следует предпочесть Риму.

Что касается «тирании» «римского» идеала, коей мы являемся жертвами, то не кажется ли вам, что, именно

---

¹ Имеется в виду описание Рима в сборнике эссе М. Метерлинка «Двойной сад» (1904).

² Город в Бретани.

стараясь проявить послушание по отношению к другим, мы постепенно обретаем самосознание? Никогда не было власти тираничнее, чем власть византийского иератического искусства над римскими художниками. Но есть ли что-то прелестнее, чем их скульптуры? Последующие, более свободные произведения по-прежнему остаются во власти этого ига со смирением, которое я лично нахожу неподражаемо очаровательным. «Самые красивые в мире скульптуры», как сказал Гюисманс¹, «самые красивые скульптуры средневековья», как сказал Рёскин², находятся на западном портале собора Шартра. Нет оригинальнее, первозданнее, нет более французского шедевра, чем эти восхитительные статуи королев. А между тем насколько создавший их художник еще пребывает в рабстве у византийского стиля и его предписаний. Тем не менее мы не видим, что это «тираническое» влияние чрезмерно подавило его темперамент. В его произведениях есть изысканная смесь свободы и послушания. Не кажется ли вам, что влияние импрессионистов было гораздо тираничнее, чем влияние Рима? Считать, что художественное влияние нуждается в официальной поддержке, чтобы быть действенным, – большая ошибка. Великий тиран – любовь, и те, кто лишен оригинальности, рабски подражают тому, что любят. Истина заключается в том, что единственная подлинная свобода художника – оригинальность. Рабы – это те, кто не оригинальны, и не важно, заботится о них государство или нет. Не старайтесь разбить их цепи, они тут же закуют себя в другие. Вместо того, чтобы подражать г-ну Жану-Полю Лорану³,

---

¹ В романе «Собор» (1898).

² В книге «Два пути» (1858).

³ Жан-Поль Лоран (1838–1921) – преподаватель рисунка в Школе изящных искусств.

они станут подражать г-ну Валлотону¹. Лучше оставить их такими, какие они есть.

Примите, сударь, уверения в моих наилучших чувствах.

Марсель Пруст

Мэри Нордлингер

Суббота [17 сентября 1904]

Дорогой друг,

Не знаю, что вы обо мне думаете, но вы не должны думать, что я забыл о вас! Мне не только нужно многое вам сказать, мне нужно вам ответить. Я не писал вам с тех пор, как получил ваше письмо, написанное на следующий день после моего отъезда из Отея и очень милое, хотя, будь оно не от вас, а от кого-то другого, оно могло бы показаться немного ироничным и пренебрежительным. Ибо в моем ужасном состоянии здоровья я прочитал следующие горделивые слова: «Меня переполняют здоровье, жизненные силы, могучее чувство счастья» и т. д.

Дорогой друг, не подумайте, что я прочитал это с горечью! Поверьте, я, напротив, воспринял эти слова как дар милосердия, как своего рода переливание крови, призванное укрепить дух. И я хотел также ответить подробно на то, что вы еще написали в вашем письме, хотя совсем не был для того пригоден. Ибо я понял, как грустно ваше одиночество. Но я был отнюдь не из тех, кто способен его нарушить, так как за неделю с трудом наберется два часа, когда я чувствую себя хорошо и т. д., и т. д. В последние две недели я постарался-таки подкопить эти два часа и поехал в Версаль ужинать с бедным Рейнальдо, ко-

---

¹ Феликс Валлотон (1865–1925) – рисовальщик и иллюстратор.

торый оправляется от болезни, и проститься с ним, ибо с тех пор, как он уехал в Германию, я его не видел, и возможно, как только мне станет немного лучше, я тоже уеду на несколько дней, а быть может, и на более длительное время. Я нашел, что он неплохо выглядит: ничто не напоминает о его ужасных страданиях.

А ваша поездка в Америку (относительно которой я, быть может, могу сказать вам свое мнение, которое, быть может, покажется вам странным. Я ее вполне поддерживаю, если она вас радует и если в денежном отношении она выгодна. Само по себе предложение совершить эту поездку очень лестно и всякий, кто любит искусство, был бы очень рад совершить ее)? Что-нибудь вырисовывается? И проясняется ли что-то для вас в то время, как вы пребываете в северной Венеции¹? Почему вы не хотите, чтобы ваше имя стояло рядом с моим на обложке «Сезама»? Вы ответили уклончиво. Отвечайте: «Dic nobis Maria, quid...»² («Служба в день Пасхи»). Мне кажется, наши прогулки по Венеции с Saint Marks Rest³ в руках не слишком очаровали г-на Абеля Эрмана⁴, ибо в статье, опубликованной в «Жиль Бласе»⁵, впрочем, глупейшей, он говорит об англичанках (я как будто пользуюсь тем, что вы тоже англичанка), которые считают себя обязанными рассматривать капители Св. Марка, прославленные Рёскином.

---

¹ Так Пруст называет Гамбург.

² Строка из католического пасхального песнопения: «Скажи нам, Мария, что видела, шествуя» (лат.).

³ «Покой Св. Марка. История Венеции в помощь тем немногим путешественникам, которые любят ее памятники» (1877–1884) – книга Дж. Рёскина.

⁴ Пруст ездил с матерью в Венецию весной 1900 г. и встречался там с М. Нордлингер и А. Эрманом.

⁵ Газета, основанная в 1879 г. и близкая к бульварной прессе.

Кстати, не трогательно ли это: один книгопродавец с площади Св. Марка пишет мне, что узнал у г-на Мориса Барреса мой адрес и хочет, чтобы я перевел для него Saint Marks Rest. Думаю, что откажусь, так как иначе умру до того, как напишу что-нибудь *свое*.

Я не мог вам ответить, так как у меня не было вашего адреса, а обращаться с этим вопросом к Рейнальдо значило слишком ему докучать. Он дал мне его в Версале, но я его, конечно, потерял. Наконец матушка сказала, что у нее он есть. Тогда, воспользовавшись этим обстоятельством, я начал свою глупую болтовню, но вы с вашей проницательностью *сумеете* увидеть в ней проявление большой дружбы.

Марсель Пруст

Габриэлю де Ларошфуко

Пятница вечером [последние месяцы 1904 г.]

Дорогой Габриэль,

Спасибо за ваше милое письмо (только что полученное), которое меня очень тронуло. Так вот. Все, что было смутным, неясным от волнения, прояснилось, муть, как говорят о жидкости, осела; теперь я лучше вижу, с чем мы имеем дело, и мое первое впечатление еще больше укрепилось, стало еще благоприятнее, так как я читал с тем же интересом и волнением и часто возвращался мысленно к этой драме¹.

Я хотел бы:

1. Высказать вам критическое замечание как художник (хотя это очень неподходящее слово, я вам объясню,

---

¹ Речь идет о еще не опубликованном романе Г. де Ларошфуко «Любовник и врач» (1905).

почему). Конец, что бы вы ни думали, на самом деле – захватывающий и ясный. Только после того, как Меррьян ударяет себя ножом, он становится немного фатом. Он зачем-то говорит своей любовнице: «Ты знаешь, я не тряпка, не трус, ты видела кровь, и т. д.». Но неудавшееся самоубийство сохраняет величие только при условии, что несостоявшийся самоубийца не воображает, что был героем, иначе он нас немного раздражает (я сильно преувеличиваю, но это затем, чтобы вы почувствовали тончайший нюанс, на который я хочу вам указать, вот почему я преувеличиваю его до смешного). Или вы хотели показать, что с этого момента он становится неврастеником, приводящим в отчаяние окружающих? В таком случае это точно с медицинской точки зрения, но с художественной точки зрения разве уместно его сделанное с тайным самодовольством заявление, что он спит, как бревно, что он капризен, своенравен, ленив и т. д. (я, разумеется, могу ошибаться, решение остается за вами).

2. Высказать вам замечание как человек, который был влюблен; но это вовсе не критика, так как здесь множество истин и психологических возможностей. Писатель выбирает ту, которая может быть нам чужда, и это несколько не преуменьшает ценности его произведения. Вот к чему относится мое замечание. Любовница говорит Меррьяну: «Останемся только друзьями». И это не пробуждает его ревности, он принимает ее предложение. И только потом, когда он понимает, что это врач запретил ей быть его любовницей, его начинает мучить ревность. Это похоже на правду, а если достаточно, чтобы это *могло* быть правдой, то это *прекрасно*. Впрочем, такой поворот больше соответствует тайному замыслу, гармоничной структуре романа «Любовник и врач». У меня с моим особым темпераментом, особой способностью ревновать тут же вызвали бы ревность эти слова: «Останемся только

друзьями», которые я бы воспринял как признание в том, что настало пресыщение, равное начинающемуся равнодушию и содержащее признак отвращения. Я никогда не забуду тот день, когда эти слова сказала мне возлюбленная, которую я любил больше всех. Если после ряда попыток протестовать я согласился, то из гордости. Но я считал, что с того дня она желала уже не меня, а другого. Это было началом разрыва. Потом в течение нескольких лет, а то были годы нежности, целомудренных поцелуев, мы ни разу не коснулись того, что могло напомнить о моих ласках, о запретной теме, о моей мучительной сердечной ране. Теперь на смену всему пришло такое равнодушие, что недавно я позволил себе один шутливый жест, и она сухо сказала мне: «Не делай этого, это нехорошо».

Но повторяю, ваша гипотеза правдоподобна и более соответствует общему плану.

Вообще не сомневайтесь в целом, в описаниях ситуаций, которые вам особенно удаются, но будьте придиричливее в том, что касается «художественного» исполнения, яркости деталей. Вспомните, что фраза часто восхищает нас потому, что говорит нам о виденном, но не выраженном нами. Художник часто напоминает Навуходоносора, который видел на стене то, чего не видели другие. Другие видели только голую стену. Надо не забывать, что наши фразы часто производят такой же эффект. Когда вам надо выразить нравственную, духовную истину, истину, относящуюся к миру чувств, почерпнутую из наблюдений над жизнью или полную иронии, ваша фраза великолепна. В описаниях пейзажей краски иногда не такие яркие, скорее банальные. В вашем романе есть величественные, прекрасные пейзажи. Но иногда хотелось бы красок пооригинальнее. Конечно, правда, что на закате небо словно охвачено пожаром, но об этом говорили уже много раз. А луна с ее потаенным светом кажется немного тусклой.

Забудьте эти пустые замечания классного надзирателя, помните только о том, что я читал вас с интересом и волнением и скажите себе, что создали мощный, великий роман, великолепное, трагическое произведение со сложной и совершенной композицией. И примите уверения в моей искренней дружбе.

Марсель Пруст

Фернану Грегу

Воскресенье [27 ноября 1904]

Дорогой друг,

Я получил твою замечательную книгу¹ и благодарю тебя за твое внимание. Я почти целиком знаю ее, но читал и перечитывал, не отрываясь. Эта «сумрачная и прозрачная встреча с глазу на глаз» с Виктором Гюго, при которой критик смотрит на него не «снизу вверх», – вот подлинная критика, единственно достойная поэта, которого ты нам представляешь, и единственно достойная поэта, каким ты являешься. И когда ты отсылаешь к твоему Виктору Гюго в «Свете человечества», то делаешь это совсем не так, как те критики, «которые писали стихи», Сент-Бёв, Бурже, Леметр, «помещающие» среди своей прозы несколько стихов, которые «как-то написал» «один из их друзей»! Ты делаешь это совершенно искренне, без всякого жеманства. Прелестная статья о Верлене – чуть изысканнее: страстные паломники, дружба, связующая французов, в этой статье блещет ум, всегда очаровательный. Но она элегантна, ухожена, это «передовая статья».

---

¹ «Этюд о Викторе Гюго. С приложением страниц о Верлене, Гуманизме и т. д.» (1904) – сборник публиковавшихся ранее в периодике литературно-критических статей Ф. Грега.

В случае с Виктором Гюго ты намеренно, как Роден, не стал шлифовать глыбу мрамора. Это не значит, что в этой статье не блещет ум. В Гомере есть Оме¹ – восхитительно, как и «мощный рык льва», и многое другое. Твои замечания относительно влияния Сент-Бёва в случае опущения артикля («avec l'armes») исключительно тонки. Я был поражен твоим указанием на то, к чему восходит этот стих:

Морская даль, куда уносятся галеры².

Не повезло фанфарам! Зато сходство следующих стихов вызывает у меня сомнения:

Одетый в белое, как правда, полотно³.

И кротость облика, и чепчиков льняных⁴.

Я бы упрекнул тебя, быть может, за фразы вроде «поскольку маг существует» или «сердиться на собственное удовольствие», которые повторяются несколько раз. Но, когда что-то сказано удачно, то, наверное, не стоит искать другого. То же относится к Рене в Лондоне⁵ и англичизированному Фаусту. Но с чем я все же не могу вполне

---

¹ Аптекарь Оме – карикатурный ограниченный персонаж в романе Флобера «Госпожа Бовари».

² Цитата из стихотворения Ж.-М. де Эредиа «Антоний и Клеопатра» (сб. «Трофеи», 1893).

³ Цитата из стихотворения В. Гюго «Спящий Вооз» (сб. «Легенда веков», 1859), пер. Н. Рыковой.

⁴ Цитата из сонета Верлена, посвященного маркизе Ф. де Ментенон (сб. «Мудрость», 1880).

⁵ Ф. Грег пишет о влиянии Шатобриана, автора повести «Рене» (1802), на Байрона, автора поэмы «Манфред», и о том, что Манфред – это англичизированный Фауст.

согласиться, так это с твоей оценкой Метерлинка. Конечно, я знаю людей, которые испытывают потребность говорить о чуде и тайне. Уже в предисловии к «Амьенской Библии» я попытался опровергнуть разные нелепости. И я написал статью (еще не законченную) о Метерлинке¹, где я говорю о том же, но не упрекаю его за это. В общем, ты увидишь. Но я совершенно не согласен с тем, что ты говоришь об удаче; во всяком случае твои рассуждения меня не убеждают.

Во-первых, говоришь ты, это объяснение ничего не объясняет, так как не Поль или Жан, а «я» Поля или Жана может оказаться удачливым. – Вовсе нет, «я» Поля или Жана не имеет никакого отношения к везению. «Я» предчувствует будущее, что совсем не одно и то же. Впрочем, ты сам об этом потом говоришь, что противоречит сказанному вначале. Если наше «я» таково, то его чутье, его способность предвидеть будущее – не случайность, а проявление тайного разума.

И тогда остается твое второе возражение, что это объяснение упраздняет проблему. Разумеется, но только так такие проблемы и решаются. Рациональная концепция мира не может включить удачу, если удача не имеет рационального объяснения. – И это не значит, что я верю в удачу. Я только верю во многие подобные и не менее невероятные вещи. И потом мне кажется, что это входит в своего рода систему Метерлинка, и не потому, что его соблазнила красота таких слов, как тайна и т. п. Я постараюсь сказать об этом яснее в моей статье, если когда-нибудь завершу ее. Ты восхитителен, ты все знаешь, все понимаешь, все создаешь и все выражаешь. Ты дважды говоришь о Монтичелли – верно и очаровательно: Монтичелли и Делакура, Верлен

---

¹ Эта статья до нас не дошла.

и «Празднество у Терезы»¹. Иногда ты отмечаешь у Гюго не те стихи, которые мне нравятся. Но я так доверяю твоему чутью, что в таких случаях уверен, что ошибаюсь я. Но чаще ты цитируешь именно те стихи, которые мне нравятся, и это преисполняет меня бесплодной гордостью. Надеюсь, что у тебя все хорошо. Не могу поверить, что если бы ты не был совершенно здоров, то смог бы столько написать и с такой силой, и посеять столько семян, которые дадут урожай в будущем. Мы все должны быть благодарны Дюбуа², который столько сделал для тебя.

*Твой
Марсель Пруст*

Порой меня обуревают сомнения. Я задаю себе вопрос, не идет ли прямодушие твоей книги, ее почти разговорный стиль во вред ее «изысканному», тонкому содержанию. Но я думаю, что как раз это делает твою книгу свободной критикой выдающегося ума, придает ей то мощное звучание, которое не умолкнет.

Роберу де Монтескью

Среда [вечером 7 декабря 1904]

Сударь,

Было очень любезно с вашей стороны пригласить меня на это утреннее собрание. Если я вам до сих пор

---

¹ Грег пишет о том, что Верлен, автор «Галантных празднеств», так же близок к Гюго, автору стихотворения «Празднество у Терезы» (сб. «Созерцания», 1856), как Монтичелли (художник Адольф Монтичелли, 1824–1886) – к Делакруа.

² Поль Дюбуа (1848–1918) – швейцарский врач-невролог.

не написал, то потому, что, выйдя сегодня из дома – это был исключительный случай – с целью посетить моих врачей, я надеялся поехать в Нейи и поблагодарить вас. К сожалению, я освободился только в семь вечера. Скоро Рейнальдо расскажет мне, как все было замечательно, и я буду еще больше сожалеть, что не смог прийти. А если еще представить себе, что вы меня больше не пригласите! Мои встречи с врачами были назначены заранее, но то, что я вышел на улицу, будучи не здоров, принесло мне гораздо больше вреда, чем могут когда-либо принести пользы врачи. До меня дошли слухи, слегка искаженные, как всегда, когда они доходят до моей комнаты больного, что вы будете читать лекции в Италии. Хотя вы говорили о том, что евангелизация такой неэстетичной страны, как Америка, была бы действенней, «Лекции в Италии», мне кажется, принесут вам еще больше славы. Подлинно неэстетичной является не та страна, которую не оплодотворило искусство, а та, которая, будучи наполнена шедеврами, неспособна ни полюбить их, ни даже сохранить и в которой краски Тинторетто исчезают под дождем или полностью покрываются новыми красками, которая обрекает на постепенное разрушение свои самые прекрасные дворцы и продает их по частям, очень дорого, из жадности, или очень дешево, потому что не знает, какова их ценность. Подлинно неэстетичной является не девственная земля, в которой искусство живет хотя бы потому, что она его жаждет, но мертвая земля, из которой пресыщенность, отвращение и непонимание изгнали искусство. И я уверен, что ваше «Послание римлянам» будет не менее прекрасно, чем ваше «Послание Филадельфийской церкви».

*С уважением, ваш
Марсель Пруст*

Жоржу Гойо¹

Воскресенье вечером [18 декабря 1904]

Я пишу вам только вечером, так как был очень болен, лежал весь день и раскрыл «Голуа» только вечером.

Сударь,

В ваших благосклонных словах в мой адрес есть что-то от чуда. Ваши сладостные похвалы процвели на скудном поле, урожай с которого был снят уже больше года тому назад. От всего сердца благодарю вас. Как радостно мне думать о том, что я представил Жоржа Гойо Джону Рёскину или во всяком случае немножко больше познакомил первого со вторым. Я знаю, что мое духовное посредничество сводится всего лишь к предлогу или случайности. И, наверное, роль солдата, державшего в исторический день повод коня того или иного великого человека, или роль посланника, всего лишь передавшего ему важное послание, – незначительна, хотя они и принимали «непосредственное» участие в том или ином событии. Но в конце концов простительно, что они радуются своему участию и любят о нем рассказывать. Наверное, вы еще до меня хорошо знали Рёскина. И ваша нежная Муза, восхитительная толковательница, наверное лучше, чем кто-либо другой, научила вас любить его. Но ваше доброе ко мне отношение и желание дать мне его лестное, публичное свидетельство побудили вас задержаться на «Амьенской Библии» и найти в ней как бы мотив, тональность, особенно подходящую для изложения ваших прекрасных мыслей, которые вам дороги и составляют великолепную статью, опубликованную сегодня утром в «Голуа». О чем бы вы

---

¹ Жорж Гойо (1869–1939) – историк, специалист по истории христианской религии.

ни говорили, вы владеете своим предметом, разбираете его подробно и полностью, а затем быстро выходите за его пределы и возвышаетесь над ним. На этой странице теории Рёскина получают не только признание, но и завершение, причем такое, какое он сам был бы неспособен им дать. Я думаю, что ему были неизвестны те немецкие церкви, воспоминание о которых вдохновило вас на захватывающий образ, который сближает и разделяет (как осужденных и избранных в тимпанах XIII века) туристов, преклоняющих голову, и верующих, преклоняющих колена. Вероятно, у него были очень смутные представления о «Гении христианства», и если все его творчество кажется иллюстрацией истин, установленных г-ном Малем¹, то в историческом плане он их не знал и, решая какой-нибудь вопрос, вполне мог согласиться с Виолле-ле-Дюком², которым он пылко и необдуманно восхищался. Ничто так не выражает и не уточняет (а это как раз то, в чем он нуждается) идею его книги, как ваше определение: Библия и Хроника. Начало вашей статьи, содержащее эти два слова, великолепно.

Вы знаете, как я восхищаюсь Рёскином. И я верю, что каждый из нас должен заботиться о душах тех, кого мы особенно любим, заботиться о том, чтобы их узнали и полюбили другие, чтобы они не стали жертвой недоразумений и были спасены, как говорится, от мрака забвения. Вы знаете, с каким чувством ответственности, как благоговейно и осторожно, насколько это было в моих силах, я обращался с Рёскином. Поэтому я глубоко счастлив, и не только потому, что вы сказали добрые слова лично

---

¹ Эмиль Малё (1862–1954) – историк искусства, автор книги «Религиозное искусство Франции XIII века».

² Эжен Виолле-ле-Дюк (1814–1879) – архитектор, реставратор многочисленных архитектурных памятников Франции, зачастую вносивший дополнения и исправления в готические соборы.

обо мне, но и потому, что я вижу, на какую высоту вы поставили (и благодаря вашему авторитету и неоспоримой силе ваших суждений заставили всех поставить) Рёскина, я глубоко счастлив, что смог сделать его сторонником такой великий ум и побудить такой большой талант восславить его и послужить ему. Что касается ваших слов, относящихся к переводчику, то именно такие слова могли найти путь к моему сердцу, к которому, впрочем, вы уже давно сумели проложить дорогу, ибо вы говорите, что этот переводчик был нежен, почтителен и полон благоговения. Единственными подлинными радостями жизни я обязан чувству почтения в том случае, когда неблагоприятные обстоятельства или окаменение моего сердца не позволяли, чтобы я был обязан этими радостями чувству любви.

Прошу вас, сударь, передать выражение моего почтения и дружеских чувств госпоже Гойо и принять уверения в моем искреннем восхищении и благодарности.

Марсель Пруст

Полю Грюнебауму-Баллену¹

Пятница вечером [6 января 1905]

45, улица Курсель

Дорогой друг,

Я только сегодня совершенно случайно открыл твою книгу, которую купил, как только она вышла (но я слишком болен, чтобы быть в курсе происходящего), на странице «Смерть соборов»! Эти слова мне что-то смутно

---

¹ Поль Грюнебаум-Баллен (1871–1969) – соученик Пруста по лицей Кондорсе и Школе политических наук, с 1904 г. член правительства. Принимал участие в подготовке закона об отделении церкви от государства.

напомнили. Я не мог поверить, что в твоей книге может идти речь о статье, оставшейся совершенно незамеченной¹, и что ты по-прежнему питаешь добрые чувства по отношению к ее автору, и решил, что это просто совпадение. И вдруг я вижу, что речь идет именно обо мне! Я был горд и польщен. «Элегантный язык» не так очаровал меня, как следовало бы, а «удивительная ловкость», которую я истолковал почти как «иезуитские приемы», меня почти задела! (говорю об этом, смеясь), но в целом я бесконечно польщен и от всего сердца благодарю тебя за твою доброту, за то, что ты обратил внимание на эти недолговечные, незначительные строки. Я с большим интересом буду читать твою книгу, особенно то, что относится к культовым сооружениям.

Прочитав пока только то, что относится ко мне, я позволю себе ответить на два твоих возражения. Да, наверное, у служителей церкви очень плохой вкус, явно ставший причиной появления некоторых разнородных элементов в этом восхитительном «художественном целом». (Но ты сам знаешь, что это такое: «утонченные натуры» не могут пойти на оперу Вагнера, так как костюм певицы ужасен, хоры плохи, а в некоторых эпизодах пение слишком замедленное. Те, кто действительно любит Вагнера, очень довольны возможностью услышать полностью его оперу и с большей легкостью закрывают глаза на мелкие погрешности, которые они все же очень хорошо видят: я не говорю, что в соборе Шартра – а так ли это на самом деле? – нет того, чего я предпочел бы не видеть.) И все же в это целое можно было бы еще добавить что-нибудь

---

¹ Статья Пруста «Смерть соборов – последствия проекта Бриана» была опубликована в августе 1904 г. в газете «Фигаро». В этой статье Пруст выступает против готовившегося членом Национального собрания Аристидом Брианом закона об отделении церкви от государства.

безобразное, не исказив значения произведений искусства, скорбных статуй в молитвенной позе, которые «устремлены» к полному неизвестности небу и почти столь же нематериальны, что и души. И подумать только, что однажды все превратится в археологический музей! Дорогой друг, я предпочитаю не думать об этом.

Но именно потому, что, как я полагаю, у священников (я чуть было не написал «у поэтов») ужасный вкус, я предвижу весь ужас того, что произойдет в будущем. Они всегда предпочитали новые церкви, уютные и уродливые, грустным пережиткам тех времен, когда царствовала красота. Они предпочитали их потому, что они были уютными. Но и потому, конечно, что они были уродливыми. Но теперь, когда мы можем рассчитывать на их плохой вкус, он впервые достоин прощения. У них почти нет денег, и было бы святотатством в таких обстоятельствах думать о красоте. Они будут искать дешевое, расположенное в центре, отапливаемое, уютное помещение. И будут правы.

Что касается судьбы произведений искусства, утративших свое предназначение, то ты говоришь, что это не смерть, и я признаю, что твоя теория не служит закону об отделении церкви от государства, так как она очень давняя, равно как и моя теория не служит конкордату, так как, хотя она и новее, но распространена уже более сорока лет. Не будем противопоставлять их в письме, которое больной с трудом пишет, чтобы поблагодарить друга, которого он таковым не считал. Но все же твои примеры не кажутся мне убедительными. Я никогда не был в Греции, но знаю, что такое красноречивые руины. Разрушенный памятник – не заброшенный. Культа Цереры больше нет. Культ Христа, как это ни огорчает некоторых, еще есть. В хорошо устроенном государстве культ должен отправляться в зданиях, которые были построены, расписаны, украшены скульптурами и лепниной,

устроены, задуманы ради его нужд, вместо того, чтобы, забросив эти здания, отправлять культ в помещениях, не имеющих с ним ничего общего. Добавлю, что для тех, кто полагает, что мы живем в эпоху последних христиан, любопытно видеть, как они служат и молятся в зданиях, форма которых восходит к первым векам христианства, видеть саму форму креста, и что эти христиане должны вызывать такое же любопытство, как антропоморфы, которых якобы обнаружили в Новой Зеландии.

Процессии в день праздника Тела Христова – мое самое восхитительное воспоминание детства. Сенная лихорадка не позволяет мне поехать в это время за город, а в Париже эти процессии запрещены, так что теперь я могу видеть их только в мечтах. Не сомневаюсь в том, что скоро и звуки колоколов будут звучать только в моей памяти, где еще раздаются некогда волновавшие нас умолкнувшие звуки.

Между тем есть один очень интересный аргумент в поддержку прекращения служб в соборах, который можно было бы поддержать. Он изложен (хотя речь идет совершенно о другом) в прекрасной книге Брунсвика «Введение в жизнь духа»¹. Я говорю о ней в одном из примечаний к «Амьенской Библии». Вообще-то я не уверен, что это аргумент в поддержку упразднения церквей. Но мне так кажется. Это сильная мысль. Мы находим вещи красивыми, только когда они перестают быть объектами веры и становятся предметами незаинтересованного созерцания. Вот только это мысль, совершенно противоположная тому, что думал Рёскин, в которого я углублялся на протяжении четырех лет. И потом наше восприятие вовсе не основано на вере, это созерцание незаинтересованное, но содержащее понимание подлинного смысла произведения искусства.

---

¹ Оп. в 1900 г.

В общем, я беру свои слова обратно. Это не аргумент в поддержку упразднения церквей.

Я очень счастлив быть свидетелем такого всеобщего одобрения повсюду твоей книги. Хотя я ничего не понимаю в политике, я буду читать ее с большим интересом.

Благодарю тебя и остаюсь твоим другом, которому весьма приятно, что недоразумение – в прошлом.

Марсель Пруст

Мэри Нордлингер

[9 или 10 февраля 1905]

Дорогой друг,

Я так часто повторял эти слова: «Я был так болен, я все еще очень болен», означающие мое почти обычное состояние, мучительное, но не исключающее возможности вступать время от времени в переписку, что, я боюсь, они достигнут вашего слишком привыкшего к ним слуха, утратив свою силу, и уже не смогут служить мне оправданием (я, конечно, не хочу сказать, что вы мне не поверите). И тем не менее я был очень болен, почти все время лежал и мог поддерживать с моими друзьями только нематериальные отношения, думая и вспоминая о них. Но уверяю вас, что эти отношения не прерывались, и если я обвинял себя в забвении некоторых дружеских уз, то к вам это не относилось, так как я много думал о вас. То, что вы несколько загадочно, но с такой силой говорите о вашем большом счастье, меня очень обрадовало. Счастье – это то, на что я порой переставал надеяться, но чего никогда не переставал желать другим. И я благословляю волшебника и поклонника Уистлера¹, который

---

¹ Чарльз Ланг Фрир (1854–1919) – американский промышленник и коллекционер.

принес вам счастье. Ибо я не думаю, что вам подарили его только вещи. И чувствую, что не обошлось без кое-кого. Огромное спасибо за прелестную книжку об Уистлере. Я везде искал статью, о которой вы меня просили, но не нашел. Скажите, как называется журнал, я пойду в редакцию и попрошу послать вам эту статью. Когда мне будет лучше, я внимательнее прочитаю книжку об Уистлере и поговорю с вами о ней подробнее. Мне грустно думать о том, что ваш новый друг, которому вы говорили обо мне, как истинный поклонник Уистлера, должен глубоко презирать поклонника Рёскина. Но на самом деле я думаю, что если их *теории*, то есть то, что дальше всего от нашего внутреннего мира, были противоположны, то *в глубине души* они сближались чаще, чем предполагали. Так, самые замечательные слова Уистлера были направлены против Рёскина. «Я действительно написал эту картину за несколько минут, – ответил он судье, – но вложил в нее опыт всей моей жизни». Так вот, я читал, что Рёскин сказал Россетти: «Ваши произведения хороши тогда, когда написаны быстро, а те, что тщательно отделаны, – плохи. Те, что тщательно отделаны, доставляют вам много труда, потому что вы прежде о них не думали и вам приходится тратить на них три-четыре месяца. А ваши экспромты созданы ради удовольствия и в них за один миг выражается то, что вы долго носили в душе, так что в действительности вы создаете их благодаря знаниям, накопленным в течение многих лет». Здесь Рёскин забывает о теории и в драгоценном свидетельстве личного опыта сближается с Уистлером.

На днях, когда мне стало немного лучше, я начал переводить *Queens Gardens*¹, которые я решил добавить

---

¹ «О садах королев» – вторая лекция в книге Дж. Рёскина «Сезам и Лилии».

к «Сезаму». Мой милый старик-англичанин, о котором я вам говорил, будет моей «Мэри»¹.

Я получил в подарок на Рождество новое роскошное издание Рёскина. Вам будет приятно его прочитать, когда вы вернетесь. Вы увидите, какие там великолепные новые иллюстрации. У меня есть друг (г-н Люсьен Доде), который занимался живописью с Уистлером. Если сведения, которые он, возможно, мог бы сообщить вашему другу, могут его заинтересовать, я с удовольствием расспрошу моего друга. Я не был знаком с Уистлером и видел его только на одном вечере, на котором благодаря мне ему сказали о Рёскине несколько добрых слов! У меня после этого вечера остались красивые серые перчатки Уистлера, которые я потом потерял. Но я много слышал о нем от Робера де Монтескью и Болдини². Скажите вашему другу, что в моей комнате с намеренно голыми стенами есть только одна репродукция: замечательная фотография портрета Карлейля кисти Уистлера, где тот изображен в пальто с волнистыми складками, напоминающем платье на портрете матери художника. Чем больше я думаю о теориях Рёскина и Уистлера, тем менее непримиримыми они мне кажутся. Уистлер прав, когда говорит в Ten o'clock³, что Искусство отлично от Морали. Между тем Рёскин тоже изрекает истину, когда говорит, что всякое великое искусство нравственно. Но я заболтался. С уважением и благодарностью, сердечно

Марсель Пруст

---

¹ В отсутствие Мэри Нордлингер, уехавшей на время в Америку, Прусту помогал с переводом английский историк и друг Рёскина Чарльз Ньютон Скотт.

² Джованни (Жан) Болдини (1842–1931) – итальянский художник, портретист, работавший во Франции, автор знаменитого портрета Р. де Монтескью.

³ «В десять часов» (1885) – лекция Уистлера об искусстве.

Луизе де Морнан

[Понедельник 13 февраля 1905]

Милая Луиза,

Я в отчаянии, когда мне говорят, что вы ждете дома моего звонка. Милая Луиза, даже в случае нашей возможной или несомненной встречи мне невыносима мысль о том, что вы *ждете* моего звонка, что вы остаетесь вечером дома, чтобы меня увидеть. Мне было бы слишком грустно думать об этом. Вы должны рассчитывать на меня в самую последнюю очередь. Но сегодня вечером в особенности так маловероятно, что, будучи совершенно больным, я смогу встать и принять вас, что было бы безумием *ждать* от меня вестей. Говорю вам только одно: предупредите у себя дома, чтобы вам сообщили, если я позвоню, и мой звонок будет означать, что мне лучше. Тогда, если по возвращении домой вам нечего будет делать, вы могли бы зайти ко мне. Но повторяю, сегодня вечером это весьма маловероятно. Бог знает, в котором часу я усну. Вчера я звонил вам, потому что, снова разболевшись в последние дни, не смог проведать вас (и никуда не выходил; если бы я вышел, то затем, чтобы пойти к вам). Вчера вечером мне стало хуже, я испугался, что лягу на несколько дней, и мне захотелось попытаться прежде обнять вас. Если сегодня вечером я не смогу встать, то приложу все силы, чтобы принять вас завтра или в среду, если не случится ничего непредвиденного.

*С нежностью, ваш
Марсель*

Госпоже Додде

[Февраль или март 1905]

Сударыня,

Мне было очень приятно вновь увидеть ваш изумительный почерк, ваши летящие, грациозные буквы с прелестным наклоном, написание этих букв, словно настал День Писания (это не игра слов), ваш почерк, в котором есть чистота вашего взгляда и вашего голоса, почерк тонко чувствующей парижанки, француженки, хозяйки Прэ, который кажется также живым и непрестанно обновляемым символом вашего стиля – стиля прекрасного, великого поэта. Я сожалею о том, что не в полной мере наслаждаюсь счастьем черпать из реки живой поэзии и нежной, глубокой мысли. Жизнь моя словно проходит вблизи вас таким образом, что я вижу вас не больше, чем в тот подобный грезе день в Прэ, где на восходе солнца, над туманной Луарой вдруг воссияли золотые солнечные столбы – словно сон наполнился цветением, словно на миг осветились поля. Но поскольку ваше, быть может, самое оригинальное достоинство – сочетание простоты, естественности, душевной искренности и самых глубоких поэтических видений, я чувствую, что заставляю терять терпение замечательную хозяйку дома, каковой вы являетесь, вынуждая ее читать столько бесполезных строк в то время, как она ждет только ответа: да или нет, ответа, который внесет изменения в мысленно сервированный стол либо увеличив количество приборов и, стало быть, затраты, либо образовав пустое место, которое смогут занять гости достойнее. Увы, сударыня (увы для меня), в этот раз я не смогу посетить вас, и причина тому – невеселая тайна, которую я доверю Люсьену после того, как он даст мне обещания и клятвы и ему будет позволено не сообщить вам эту тайну, но заверить вас в том,

что мое присутствие совершенно невозможно. Надеюсь, что он скоро придет, я его уже давно не видел. Передайте ему, что с тех пор, как он последний раз был у меня, я все время лежу и больше не решаюсь с уверенностью сказать ему, что буду там-то вечером, так как теперь часто не могу встать с постели. Но я надеюсь, что это все же будет не так часто, и очень хочу, чтобы он пришел. Я очень ждал его сегодня вечером.

*Почитающий вас и глубоко благодарный ваш слуга
Марсель Пруст*

Госпоже Штраус
[2 или 3 марта 1905]

Сударыня,

Не могли бы вы проявить бесконечную любезность, разрушить злые чары, разлучающие меня с вами, и доставить мне огромную радость? Приходите в *следующий понедельник* к четверем часам на полдник: г-жа де Герн¹ и Рейнальдо будут петь дуэты. Общество будет весьма немногочисленным, а я буду так рад! Мне кажется, что в это время господин Штраус возвращается из дворца², так что было бы очень мило и по-семейному, если бы вы назначили ему свидание у меня дома в четыре часа, оказав мне большую честь и доставив огромное удовольствие. Вы что-нибудь съедите или нет, что-нибудь выпьете или нет, что-нибудь скажете или будете молчать, а если вам станет скучно, то вы уединитесь со мной в соседней комнате. А если я вам наскучу, то оставлю вас одну. Мне неловко

---

¹ Мари-Тереза де Сегюр, графиня де Герн (1859–1933) – внучка писательницы графини С. де Сегюр, друг Р. Ана и Пруста, певица.

² Имеется в виду Дворец правосудия.

беспокоить вас по такому незначительному поводу. Но мне не удалось устроить ужин. Тогда я смирился с полдником, настояв лишь на том, чтобы он был не в субботу и вы не могли отказаться под предлогом, что это день, когда вы принимаете у себя. Есть ли у меня шансы? Не берите на себя труд отвечать мне - - - лучше возьмите на себя труд прийти ко мне - - и остаться.

*С уважением, ваш друг
Марсель Пруст*

*Анатоль Франсу
[Суббота 4 марта 1905]*

Дорогой Учитель,

Я хочу поблагодарить вас за великолепный духовный дар. Я был болен. Простите, что до сих пор не написал вам о том, почему я не знаю ничего прекраснее, чем «На белом камне»¹. Я напишу вам об этом на днях. Сегодня я только хочу сказать вам, что если бы послезавтра, в понедельник, *ровно* в половине пятого вы пришли выпить чаю и послушать немного музыки в узком кругу, то оказали бы мне очень большую честь и доставили огромную радость. Я знаю, что такого рода собрания вам не очень нравятся, и что это одна из причин, по которой вы чувствуете себя счастливым, как Ипполит Дюфрен², который «не участвовал в светской жизни». Поэтому я обращаюсь к вам робко и без особой надежды, как поэт к звезде,

Влекущей взор его, далекой бесконечно³.

---

¹ Роман (1905) А. Франса.

² Персонаж романа «На белом камне».

³ Цитата из романа «На белом камне».

Все же если бы вы пришли, то увидели бы, как музыкальные фразы Моцарта «воздвигают в воздухе белые колонны и разбрасывают гирлянды роз»¹, и очень бы меня порадовали.

Соизвольте принять, дорогой Учитель, уверения в моем почтительном восхищении.

Марсель Пруст

Если сказать всю правду, предваряя ваше неудовольствие, то среди приглашенных, возможно, будут один-два академика, не законченных националиста, но из тех либералов, что «требуют привилегий». Но вы не обязаны находиться с ними рядом, и если их вид вам будет неприятен, то я пойду с вами пить чай в то время, как они будут слушать музыку, а когда они пойдут пить чай, мы будем слушать музыку. Все, чего я хочу, это следовать за вами. Что касается их, то они будут очень рады вас видеть, но я знаю, что их радость не будет взаимной.

Госпоже Штраус

[22 или 23 марта 1905]

Сударыня,

Не могу выразить вам, как я обрадовался, когда узнал, что вы уже выходите. В последние два дня у меня были настоящие приступы астмы, удушья, и я не мог ни писать, ни говорить. Иначе я бы сразу сказал вам о том, как я счастлив. В эти два дня я больше всего страдал от того, что не мог выразить вам радость, которую я чувствовал, несмотря на болезнь, радость при мысли о том, что вы вдыхаете тот воздух, которого мне не хватало, что он

---

¹ Цитата из романа «На белом камне».

должен возбудить ваш аппетит, обновить вашу кровь, придать вам немного сил. Я глубоко рад этому и совершенно счастлив. Меня порадовало бы, если бы мои устрашающие советы попробовать исцелиться в полном уединении усилили в вас из страха, что вам действительно придется уединиться, желание выздороветь и укрепили волю пройти курс лечения. Но что бы ни послужило вашему исцелению, я очень счастлив. Помнится, вы рассказывали, что г-н Алеви¹ выздоровел из страха, что ему придется ехать на воды. Но у него были поражены органы, и болезнь могла оставить следы. В вашем случае, к счастью, последствий не должно быть. Главное, чтобы ваше тело впредь отказывалось болеть (если перефразировать известное вам высказывание Гете²). Ах, мне было бы очень приятно, если бы вы, такая милая, оказали нам ту превеликую милость, за которую мы вас все благословляем, и выздоровели. Быть может, эта милость будет мне оказана. А я сейчас буду ставить банки в надежде, что смогу немного дышать! Впрочем, мое недомогание может пройти за один день, но выходить из дома в нормальное время я не смогу.

На днях я попросил позвонить г-ну Штраусу и спросить, могу ли я прийти разделить с ним его одинокий ужин. Но никто не ответил. А я почти сразу же оказался занят. Недавно я прочитал в «Фигаро», что вы собираетесь на юг и что вы возобновите «ваши приемы». Это больше, чем можно пожелать. Но, быть может, пребыва-

---

¹ Имеются в виду Людовик Алеви или Леон Алеви (1802–1883), кузен или дядя Женевьевы Штраус.

² «Если человек начинает размышлять о своем физическом или духовном состоянии, он обычно заболевает» – высказывание Гете, приведенное в книге «Гете. Максимы и размышления» (1833), которую Пруст, по всей видимости, читал по-немецки (этот язык он знал), так как французский перевод вышел только в 1942 г.

ние на юге принесет вам пользу. Я даже думаю о том, что если у вас нет морской болезни, то вы могли бы воспользоваться замечательными яхтами ваших друзей, князя Монакского¹ и г-на Эдмона де Ротшильда², и это было бы вам на благо. Этим летом я провел пять дней на борту маленькой яхты. Я уже тогда подумал о том, что, быть может, это могло бы принести вам пользу, так как на борту яхты можно дышать свежим воздухом все время, для этого не надо *выходить*. К сожалению, мне придется отправиться на три-четыре месяца в нечто вроде санатория, но думаю, что не раньше, как закончится тот период, когда мне грозит сенная лихорадка. Стало быть, я смогу вас увидеть до отъезда. Если бы я знал, какие книги развлекли бы вас, я бы их вам тотчас же послал, но вы уже все прочитали, как говорит Малларме:

Давно прочитаны все книги – плоть томится³.

Я уверен, что теперь, когда после длительного периода вы будете все больше наслаждаться подлинным здоровьем, вы обретете крепость и силу и станете еще счастливее, умнее и красивее (что же это будет!). Вы почувствуете себя, как та девочка Метерлинка, которой было свойственно такое свежее восприятие природы и добра⁴. Следуйте всем предписаниям врачей, но не принимайте слишком много лекарств. Почти все лекарства

---

¹ Альберт I, князь Монакский (1848–1922).

² Барон Эдмонде Ротшильд (1845–1934) – филантроп и коллекционер, один из основателей государства Израиль.

³ Первая строка стихотворения «Ветер с моря» (1865), пер. Р. Дубровкина.

⁴ Имеется в виду Ариэль, маленькая фея, героиня драмы М. Метерлинка «Жуазель» (1903), чувствовавшая себя после долгого сна «сильнее и счастливее».

отравляют организм, и, поверьте, нет ничего вреднее. Мне кажется, было бы лучше, если бы вы меньше, как вы говорите, «купались не в шампанском, а в минеральной воде», разве что вам предпишут пить ее. Это были восхитительные гигиенические оргии. В сущности, шампанское, быть может, не вреднее! В общем, вам скажут, как поступать. Я не хочу утомлять вас слишком длинным письмом, но если вид коленопреклоненных толп приятен вашему томному взору выздоравливающей, я хотел бы дать вам почувствовать, что люблю вас (это не очень оригинально, потому что все вас любят, но, быть может, мое чувство сильнее и особеннее) до такой степени, что ваша болезнь для меня пытка, а ваше исцеление заставляет меня мысленно (так как я не могу открыть рот) воспевать эту радость.

*С чувством глубокого почтения, ваш
Марсель Пруст*

Поблагодарите господина Штрауса за его письма: он был моим самым терпеливым, неутомимым и очаровательным корреспондентом.

Роберу де Монтескью

Понедельник вечером [24 апреля 1905]

Сударь,

Если бы в последние два дня мне не стало хуже, я бы раньше поблагодарил вас за то, что вы так любезно взяли на себя труд отправить мне ваше письмо из Нейи, так что мне не пришлось посылать за ним. Я не мог встать, и мне было трудно писать. Вы, сударь, более жестоки, чем самые жестокие католические богословы, которые

заставляют нас воспринимать наши болезни как наказание за наши прегрешения. Вы хотите, чтобы мы считали наши болезни нашими грехами и страдали не только физически, но и от угрызений совести, и вдобавок к неизбежным страданиям чувствовали себя виноватыми. Признаюсь, что в вашем письме есть к тому же нечто, о чем я стараюсь не думать, так как это отравило бы те редкие дни, когда я здоров, еще больше омрачило бы остальные и, поскольку все больные – эгоисты, примешало бы чувство горечи к чувству восхищения, почтения и благодарности, которое я испытываю по отношению к вам. Ваша мысль, согласно которой если от силы один раз в две недели я могу встать, одеться и выйти на час-два около десяти часов вечера, то этот единственный невинный досуг может быть рассмотрен как намеренное выздоровление (а стало быть, и болезнь может быть намеренной) ради того, чтобы получить удовольствие от тщеславия. Я прекрасно знаю, что некоторые, не видя меня в тот или иной день, потому что я болен, хотели бы не видеть меня ни разу в течение всего года, а если я появляюсь, то говорят: «Смотри-ка, ради развлечений вы выздоровели». Но мне очень грустно, что почти то же самое мне говорят *вы*, не думая о том, что, если бы я мог выздороветь ради того, что мне больше всего нравится, то пошел бы только туда, где я могу видеть и слышать вас. Когда же я встречу человека, который действительно поймет, как я живу, что я чувствую в глубине души, который, заметив, что я из-за болезни не присутствовал на самом большом веселье, и, увидев меня спустя час (это, впрочем, слишком короткий срок, чтобы счесть его возможным) в самом обыкновенном собрании, подойдет ко мне и искренне воскликнет: «Какое счастье, что ваш приступ прошел!» Ваши упреки несправедливы и в отношении того, что вы называете

«оранжад Ларошфуко»¹. Вот уже четвертый четверг я хочу пойти на Университетскую улицу поблагодарить госпожу де Ларошфуко за то, что она навестила меня, потому что я никогда не выхожу днем и не могу нанести ей визит. А вечером она принимает в подходящее для меня время. Но прошло уже три года, а я к ней так и не выбрался. Вы как будто думаете, что это мой снобизм диктует мне выбор тех домов, которые я посещаю (тогда я бы действительно бывал в тех домах, где бываете вы), и подобная мысль меня унижает, а еще больше удивляет. Исключение и перераспределение удовольствий во время болезни, когда мы лишены почти всего, – такой ясный и естественный процесс, и нам кажется, что все должны непременно догадаться о том, что именно с такой определенностью направляет все наши поступки к благородным и бескорыстным целям. Вернее, нам бы хотелось направлять их к этим целям, да вот тело не слушается. Если бы вы знали, сколько я допустил оплошностей, сколь многое оставило во мне глубокие сожаления, вы бы увидели, что светскость здесь ни при чем! Это не мешает мне вечером, когда я могу выходить, направляться туда, где я могу найти приют и увидеть человеческие лица, разумеется, если это место не причиняет мне вреда. Такие места есть: раньше, когда после обеда мне уже было вредно находиться на приволье, я всегда, и это чудо, мог пойти в Павильон муз² (если не был болен в тот день) и не чувствовал там себя хуже.

Простите, сударь, что досаждаю вам скучными объяснениями. Вам будет непонятно, почему я вообще даю их. Причиной тому – душевное состояние, вызванное вашим

---

¹ Р. де Монтескью назвал так чаепитие в доме Пруста, на которое была приглашена Анриетта де Майи-Нель, графиня де Ларошфуко (1852–1913), жена графа Эмери де Ларошфуко, хозяйка салона.

² Дом Р. де Монтескью в Нейи.

письмом. Вы не знаете, как нервно и тяжело переживает больной, который чувствует, что тот, кого он любит, превратно судит о нем, и что его самые невинные досуги будут истолкованы ему во вред. Это становится причиной сильного возбуждения. Помнится, когда я дрался с господином Лорреном¹, в то время, когда я еще выходил днем, но уже оставался в постели все утро, меня беспокоило только одно: чтобы дуэль не состоялась задолго до полудня. Когда меня предупредили, что она состоится после обеда, мне сразу же стало все равно. Дело в том, что переживания людей нервных не соответствуют важности вызвавшей эти переживания причины. Меня также очень тревожит мысль, что вы придете меня навестить, ведь мне почти невозможно и так мучительно! принимать посетителей днем, так что я, подобно Танталу, не смогу наслаждаться счастьем видеть вас и оказанной мне честью, тем более что скоро у меня начнется сенная лихорадка и я с ужасом думаю о том, что вместо того чтобы просыпаться в девять часов вечера, я стану просыпаться в час ночи.

Сударь, простите меня за это письмо, такое глупое, что я чувствую себя *катоблепасом*². Я столько думал о том, какой замечательной должна быть ваша лекция, и ни слова не сказал вам ни о ней, ни о вас. Я говорил вам только о себе. Но вы всегда так добры ко мне, что мне захотелось сказать вам о том, что вы меня огорчили. Как я хотел бы выздороветь и поехать послушать вас в Брюссель. Быть

---

¹ В феврале 1897 г. у Пруста была дуэль на пистолетах с писателем Жаном Лорреном (наст. имя Поль Дюваль; 1855–1906), который в своей рецензии на «Утехи и дни» намекал на связь Пруста с Люсьеном Доде. Никто из противников не пострадал.

² Легендарное существо, описанное писателями античности, стелом буйвола и всегда опущенной вниз головой кабана. Изображено в романе Г. Флобера «Искушение святого Антония».

может, после курса лечения я буду способен на такие вещи. Передайте самый дружеский привет Итурри. Мне показалось, что он хорошо выглядит. На днях он был так мил. Примите, сударь, уверения в моем почтительном восхищении и сердечной благодарности.

Марсель Пруст

И я вам так и не сказал, почему не смог поехать на лекцию. Если бы вы только знали, почему!

М. П.

Госпоже Штраус

Пятница [28 апреля 1905]

Сударыня,

Вчера я видел Жака (после вашего отъезда я смог выйти из дома только два раза и оба раза мне посчастливилось встретить Жака у Вебера). Он представил меня своей жене¹, с которой я не смог поговорить, так как у меня начинался приступ астмы, но она показалась мне очаровательной. В ней есть что-то такое привлекательное, редкостное, изысканное, нечто от существа высшего порядка. Я все вспоминаю ее глаза. (Думаю, что в этом нет ничего, что может не понравиться Жаку!) Он сказал, что если я хочу, то могу, по его мнению, вам написать, и это не утомит вас. В то же время он сказал, что вы еще слабы, и это меня очень огорчило. Я никого не вижу и потому не могу «держатъ вас в курсе» чего бы то ни было. Я так много работал в последние два месяца в моменты пере-

---

¹ Речь идет о второй жене Жака Бизе (первая, Мадлен Бреге, умерла в 1900 г.), Алисе Франкель (1869–?).

дышки между приступами, что не мог принимать друзей даже у себя дома. В «Латинском возрождении» 15 июня у меня будет небольшая публикация. К тому времени вы вернетесь, и, если это для вас не утомительно, я дам вам журнал. Один раз, когда я выходил (рассказывать об этом не очень прилично, но мы с вами оба больны), я услышал, когда публика расходилась после концерта, как г-жа де Сен-Поль говорила, как *всегда* не отдавая себе в том отчета, непристойные вещи. По ее мнению, пели на концерте плохо. «Дорогая, уж я велю Плансону¹ сделать все, как нужно» (полагаю, что это означало: велю Плансону спеть, как нужно), «Это будет упоительно. В следующий четверг в десять часов. Приглашаются все любители». Толпа немного увлекла меня в сторону, и я ее уже не слышал, но потом меня снова кинуло к ней, и вот что я услышал: «Что делать, дорогая, Мадлен озабочена хорошей кухней, а я предпочитаю угощать вас хорошей музыкой. Она платит две тысячи франков своему повару, а я предпочитаю платить такие деньги моим музыкантам. Сумма-то одна и та же. Только Мадлен платит за то, что попадает ей в рот, а я – за то, что услаждает мой слух. О вкусах не спорят, дорогая, мы же вольны делать, что хотим». Не знаю, читали ли вы статью в «Эко де Пари», где Фламан, желая сделать приятное Примоли² и польстить ему, пишет, как он был счастлив отужинать с ним у Кальве³. И добавляет: «Этот совершенно лысый старец с длинной седой бородой неодолимо напоминает мне Отца небесного, величественного и милосердного». Я не уверен, что Примоли будет очень рад это прочитать; быть может, я уже стар

---

¹ Поль Плансон (1851–1914) – оперный певец.

² Граф Жозеф-Наполеон Примоли (1851–1927) – племянник принцессы Матильды.

³ Эмма Кальве (1858–1942) – оперная певица, прославившаяся исполнением партии Кармен в опере Жоржа Бизе.

и смотрю на все сквозь обманчивую пелену прежних образов, но мне кажется, что его борода просто светлая, хотя и немного с проседью, и что он совсем не похож на почтенного старца.

Меня изнуряют письма Монтескью. Каждый раз, когда он читает лекцию, устраивает празднество и т. п., он не допускает мысли, что я болен, и сперва следуют приказы, угрозы, визиты д'Итурри, который меня будит, а после – упреки за то, что я не пришел. Мне кажется, что выздороветь все же было бы возможно, если бы не было «других». Состояние изнеможения, в которое они вас приводят, невозможность объяснить им, что оплошность, которую вы совершаете, приняв участие в том, что они считают величайшим удовольствием, становится причиной ваших страданий порой в течение целого месяца – все это обрекает вас на смерть.

Я столько читаю ночами, что мог бы, не утомляя вас, прислать вам бесчисленное количество выписок из прочитанного. Но это все такие скучные и серьезные вещи, что я не знаю, понравятся ли они вам. Сегодня ночью я читал письма г-жи Деборд-Вальмор, полные претенциозности в духе г-жи Доде и т. п. В сущности, мы не должны насмехаться над претенциозностью, над тем, что нас раздражает. Все-таки речь идет о талантах. Она посылает Сент-Бёву записки вроде следующей:

Коль вы наш ангел в самом деле,
То вы б, конечно, прилетели
К нам завтра, выбрав час любой,
Проститься с вашей сестрой.
Путь дальний по морскому лону
По направленью к Альбиону
На корабле ей предстоит.
Я не противлюсь, хоть вода меня страшит.

Что ужасно, так это видеть, до какой степени любовь эгоистична. Как только любовник умирает и ждать от него больше нечего, так все кончается (впрочем, это относится не ко всем). Но, в конце концов, она же безумно любила Латуша¹. Он вел себя с ней отвратительно. Но ничто не могло заставить ее забыть его. Он умирает. Сент-Бёв, намереваясь писать статью о Латуше, просит г-жу Деборд рассказать ему то, что она знает об этом человеке, «который был почти талантлив» (выражение в духе Сент-Бёва, не так ли?). «Я бы хотел написать о нем (добавляет он доброжелательно) со снисходительностью, которую заслуживает человек, не совершивший всего того зла, которое он мог совершить». Я думал, что возмущенная г-жа Деборд станет хотя бы умолять его написать хорошую статью. Некоторое время она хранит молчание, затем отвечает. Сперва – картина скорби: «Я пишу вам, а взор мой затуманен слезами, которые не перестают течь, и т. д., и т. д.», затем она переходит к предполагаемой статье: «Вы говорите, что хотите написать о нем со снисходительностью, которую заслуживает человек, не совершивший всего того зла, которое он мог совершить. О, это так, именно так, он сделал много зла, но и т. д. Этот человек, который был почти талантлив. Как это верно. По правде говоря, здесь у меня нет уверенности, и я не могу ничего вам сказать, так как я *не решалась открыть его последние книги из страха, что они окажутся слишком плохими*. Все мне говорили, что они ничего не стоят и т. д.». Сколько злобы! И подумать только, что она была у его ног и безумно радовалась тому, что его имя (Жозеф де Латуш) было частью ее собственного (Жозефа²).

---

¹ Анри де Латуш (наст. имя Ясент-Жозеф-Александр Табо де Латуш; 1785–1851) – писатель-романтик, издатель произведений Андре Шенье.

² Полное имя Деборд-Вальмор: Марселина-Фелисите-Жозефа.

«И волею небес твое ношу я имя»¹ (ее звали Марселина, и эта строка дала повод думать, что ее письма адресованы г-ну де Марселлюсу²). Быть может, я теперь неверно истолковываю ее письмо Сент-Бёву. Следовало бы спросить у кого-нибудь, кто хорошо разбирается в этом вопросе. Мне всегда говорили, что она была ангелом. Поэтому я был немного удивлен. Сударыня, я бы хотел, чтобы вы немедленно поправились. Примите уверения в моем почтении и самых сердечных чувствах.

Марсель Пруст

Госпоже Катюсс
[апрель-май? 1905]

Сударыня,

Почитать что-нибудь о Лане³? К сожалению, у меня ничего нет. Есть смутные воспоминания о соборе и о прекрасной книге Маля, посвященной религиозному искусству, в которой, разумеется, очень мало о Лане. Лан интересен прежде всего своей архитектурой. Как никакой другой город, он привлекает тем, что в нем бутон готики еще только раскрывается. Там лучше, чем в местах пышного расцвета готики, видны ее первые цветы и то, как

Раскрылся медленно невиданный цветок⁴.

---

¹ Цитата из элегии М. Деборд-Вальмор «Одно имя для двух сердец» (сб. «Элегии и романсы», 1818).

² Лодоис де Мартен дю Тирак де Марселлюс (1895–1861) – дипломат и писатель, друг Шатобриана.

³ Город на севере Франции.

⁴ Цитата из комедии Эдуарда Пайрона (1834–1899) «Искра» (1879).

Но как показать это иначе, чем на месте, под сводами волшебного леса? Если бы мои воспоминания были точнее, мне было бы проще рассказать вам о скульптурах и витражах. Ученый, весь пропитанный схоластикой, которая там преподавалась, Лан с педантичной и прелестной настойчивостью представит вам свободные искусства на портале своего собора и на его витраже в виде розы. Вы узнаете Философию с помещенной перед ее грудью лестницей (знаний), Астрономию с возведенным ввысь взором, Геометрию с компасом, Арифметику, считающую на пальцах, Диалектику рядом с хитрым змеем. Архитектура – очень красива. Что касается Медицины, то ее изображение самое заурядное, не такое, как в Реймсе, где она исследует мочу больного (прошу прощения, сударыня). На портале вам понравятся также эритрейская сивилла, которую сопровождает надпись – стих Блаженного Августина, а также Неразумные и Мудрые Девы. Но самое главное на портале, и это одно из важнейших скульптурных изображений – жизнь Пресвятой Девы, как она предсказана в Ветхом Завете. По правде говоря, я чувствую себя слишком уставшим сегодня вечером и не могу вам это описать. Но, может быть, вы обратитесь к моей «Амьенской Библии»? Я немного пишу об этом в примечании (на странице 326). Витражи представляют интерес, особенно на хорах, своими еще романскими толкованиями событий. Предание о повивальных бабках, убеждающихся в девственности Богоматери, изображено на этих витражах, наверное, в последний раз. Весьма необычная рыба украшает Тайную Вечерю, добрый Разбойник сопровождает (неизвестно почему) Святое семейство во время Бегства в Египет. Насколько я помню, художник не осмелился (и это очень в духе романского искусства) изобразить воскресшего Христа. Только Святые Жены плачут

у гробницы. Красивая ваза с цветами изображена между Пресвятой Девой и Ангелом Благовещения.

*Ваш почтительный друг
Марсель Пруст*

*Госпоже Фортуль
Суббота [апрель-май? 1905]*

Помню ли я, сударыня, о красотах плавучего Музея¹ и радостях Волшебного острова! Я очень часто вспоминаю о них, а также об изысканной Владычице Морей, воплощении также доброты, смелости и учености. Если бы после «Элен» я не вел такой невероятный образ жизни, будучи прикован к постели девять дней из десяти, то спросил бы у Робера², нельзя ли увидеть вас на суше, но мне пришлось отложить все мои радости до лучших времен в ожидании выздоровления, которое становится менее сомнительным, так как я наконец решился на серьезный курс лечения.

Что касается того, что вас интересует и к чему давно пора перейти, то я не читал книги г-на Крепе³, но вот Леметр дает в своем труде, который одолжил мне на время мой друг Рейнальдо Ан (простите, что экземпляр такой потрепанный, я посылаю вам его для скорости таким, каков он есть, и к тому же ваше благородство состоит в том, что вы не гнушаетесь не слишком привлекательных вещей), весьма точный и написанный хоро-

---

¹ Имеется в виду яхта «Элен», на которой Инес Фортуль и Пруст были гостями.

² Имеется в виду Робер де Бийи.

³ Эжен Крепе (1827–1892) опубликовал в 1887 г. «Посмертные сочинения и неизданную переписку» Бодлера со своим предисловием.

шим языком анализ. Насколько я помню, Леметр очень несправедлив к Бодлеру, и я думаю, что его чтение поможет вам скорее предвидеть критические замечания, нежели опровергнуть их. Мой экземпляр «Цветов зла» содержит статьи Барбе¹, Асселино² и других, которые довольно хорошо отвечают на то, что можно сказать против Бодлера. Но у вас должен быть точно такой же том. Признаюсь, что Бодлер, не знаю почему, принадлежит к моим любимым поэтам, к тем, кого я знаю лучше всех, и в то же время к тем, чью жизнь и библиографию чьих трудов я знаю хуже всех прочих. Поэтому мне почти нечего сказать вам. К тому же для того, чтобы его защита стала хоть немного убедительной, не мешало бы знать, против чего именно была направлена атака. Вы не говорите, кого обвиняют, человека или художника. Если художника и если не нравится его несколько вышедший из моды «сатанизм», тогда надо, полагаю, ответить, что это не главное в Бодлере. Это один из тех аспектов, что при жизни писателя могут временно затмить все остальное, но чем мы имеем право и обязаны пренебречь. В действительности этот поэт, которого считают бесчеловечным, неумело культивировавшим аристократизм, был самым нежным, самым добрым, самым человечным, самым близким к «народу» поэтом. Такое стихотворение, как «Вино труженика» (если я не ошибаюсь в названии)³ исполнено восхитительного демократического братства, и если бы не его прекрасная форма, то стало бы очевидно, что в нем больше подлинного участия по отношению к обездоленным, чем во

---

¹ Жюль Барбе д'Оревилли.

² Шарль Асселино (1820–1874) – писатель и художественный критик, друг Бодлера.

³ Речь идет о стихотворении Бодлера «Вино тряпичников» (сб. «Цветы зла»).

всей поэзии Франсуа Коппе. Конечно, это единственная слеза человека слишком гордого, чтобы не оставаться внешне спокойным. Но достаточно того, что это «бессмертная слеза», и она говорит нам о том, какое сердце было у поэта. Его называли декадентом? Нет ничего более неверного. Бодлер – даже не романтик. Он пишет, как Расин. Я мог бы привести вам два десятка примеров. Впрочем, это поэт-христианин, вот почему, подобно Боссюэ и Массийону¹, он все время говорит о грехе. Допустим, что, как все христиане, которые в то же время подвержены истерии (я не говорю, как вы понимаете, что христиане подвержены истерии, я хочу сказать: «те из христиан, которые также подвержены истерии»), он познал садистское удовольствие от богохульства. Я был бы очень рад, если бы мне случайно удалось ответить на ту критику, которую вы слышали, и прошу вас, сударыня, принять уверения в моем почтении и преданности.

Марсель Пруст

Госпоже Доде

Суббота [6 мая 1905]

Сударыня,

Я получил и тут же прочел (но не всю) вашу чудесную, очаровательную книгу², чудесный мираж, чарующее зеркало (думаю, что и это слово выбрано вами потому, что означает женские кокетство и грацию и отличает творчество большого поэта, который остается прелестной

---

¹ Жан-Батист Массийон (1663–1742) – знаменитый церковный проповедник.

² «Зеркала и миражи» (1905) – сборник новелл и эссе Ж. Доде.

женщиной, как вы и советуете мадемуазель Антонине Кулле¹. Повсюду я нахожу прелестную, женскую, розовую нить, вплетенную в роскошную ткань, сотканную воображением).

Я с упоением перечитал «Заметки о Лондоне» и впитал свежесть их цветов. Венеция – восхитительна. Я два дня мучился, пытаюсь описать колонны на Пьяцетта, и вдруг обнаружил в вашей книге то, что я хотел сказать, широкое окно в прошлое Венеции. Это великое мастерство! Если бы в Венеции, в Лондоне вас мысленно сопровождал Рёскин, сколько удовольствия вы бы испытали, особенно в Венеции. Впрочем, вы повсюду его предвосхитили и опередили. И он думает то же, что и вы, о Карпаччо, но не так хорошо говорит о том, что есть Венеция, которая существует только на картинах этого прелестного художника. Я был очарован стилем (повсюду) некоторых фраз, когда вы описываете Идеальную библиотеку, ваше бесконечное, божественное мастерство, с каким вы называете того, чей силуэт еще ранее определился благодаря его выбору книг, и эти изысканные, точные слова, такие нежные, которым соседние выражения придают прелестные нюансы: слова «почерк, буквы, строки, наброски». В изумительном «Поэте» и в «Церковных празднествах» меня больше всего очаровали церкви и это необычное упоминание Марэ², эти факелы в руках лакеев. Все, что вы говорите о мадемуазель Анник³, прелестно, а горестная печаль

---

¹ Антонина Кулле-Тессье (1892–1983) – поэтесса и романистка.

² Парижский квартал, в котором в XVII–XVIII вв. жила аристократия.

³ Николетта Анник (1886–1959) – поэтесса. Ж. Доде включила в свой сборник предисловие к ее произведениям, которые были опубликованы в 1903 г. в «Ревю бланш».

г-на Помероля¹ заставляет страдать, но их стихи не стоят, мне кажется, совершенно необычайных стихов двенадцатилетней девочки², которой ведомы поразительные тайны их фактуры.

Быть может, больше всего меня восхитил в вашей книге (но я ее пока только бегло прочитал) божественный, двойной портрет, составленный из литературы и личного опыта и так хорошо выражающий две грани вашего таланта и вашей жизни, что вы становитесь подлинной Рене Мопрен³. В конце, в восхитительном и жестоком описании ее старости, вы сравнивались с великими романистами, когда говорите о том, что ее гений, само ее имя превратились в «пробел». Я почти ничего не читал из произведений Гонкуров, почти ничего не знаю о них, помню только прекрасное лицо Эдмона де Гонкура, которого я видел у вас, и то, как меня очаровали некоторые их книги, такие как «Искусство XVIII века»⁴, но вообще ничего не могу о них сказать, только то, что мы несколько раз смеялись с Люсьеном над несколько карикатурным характером некоторых их страниц. Поэтому я не решаюсь судить о них и боюсь сказать глупости. Но недавно я прочитал процитированную Сент-Бёвом блистательную (но не самую прекрасную) страницу Гонкуров⁵, которая должна быть знаменитой: «Оказаться зимой в уютном уголке и т. д.». И Сент-Бёв, косвенно хваля их, пишет: «Кто не полюбит

---

¹ Шарль де Помероль (1843–1916) – поэт, автор сборника стихов на смерть дочери.

² Речь идет об А. Кулле-Тессье.

³ Героиня одноименного романа (1864) братьев Гонкур, независимая, художественная натура.

⁴ Оп. в 1859–1875 гг.

⁵ Из книги братьев Гонкур «Мысли и впечатления» (1866), в которую вошли фрагменты из их дневника.

друзей, которые могут написать такую страницу, благодаря за двухнедельное гостеприимство, оказанное им зимой в замке в Нормандии?» Так вот я спрашиваю себя, не было ли это написано в том монастыре, превращенном в буржуазный замок?

Сударыня, прошу вас сказать Люсьену, что он мне не ответил и что, если он мне напишет, то я ему не отвечу, не из мести, а вот почему: у меня появился новый недуг. До сих пор у меня было прекрасное зрение. Но я столько времени читал ночью при электрическом свете, что мои глаза очень утомились, и уже четыре дня я их чувствую, они не дают мне покоя, болят, и мне трудно читать и писать. Поэтому я пишу теперь только в том случае, если мне необходимо работать или если я хочу с чувством радости и почтения выразить вам, сударыня, мою благодарность и огромное восхищение.

Марсель Пруст

Меня преследует эта чудесная Венеция, шелест гондол-птиц, крики гондольеров на поворотах, роковые и музыкальные, «горбатые мостики с легкими тенями прохожих», плеск воды «на каменных ступенях, под веслами». Насколько Каналетто, этот признанный мастер, изображавший каналы, далек от этой прелестной, прозрачной акварели. С ней не могут сравняться ни «внушительный портик, соединяющий XVIII и XIX века и носящий великое имя Шатобриана»¹, ни менее славные каналы. Нужно цитировать все, переписать всю книгу!

---

¹ Цитата из сборника «Зеркала и миражи».

Госпоже Штраус

Воскресенье [7 мая 1905]

Ваш ответ – против «правил игры». Больше не отвечайте мне, иначе я не осмелюсь вам писать. Не знаю, смогу ли я написать это письмо. Я столько ночей работал при электрической лампе без абажура, что у меня внезапно (не сегодня вечером, а уже неделю назад) резко понизилось зрение, которое у меня было отличным, и я едва вижу буквы, когда пишу. Так что я словно и не пишу. Если я найду окулиста, который согласится принять меня в одиннадцать часов вечера, то проконсультируюсь с ним. Впрочем, я надеюсь, что это пройдет.

Отправившись примерно в упомянутое время повидать Габриэля де Ларошфуко, я оказался в салоне, где собралось ужасающее общество и где гомонили, как на птичьем дворе. То была весьма галантная словесная перепалка между госпожой Гандеракс¹ и крупной желтоволосой дамой, похожей на царицу кур, которая, не слушая, что говорит госпожа Гандеракс так же, как не слушала бы ее саму госпожа Гандеракс, будь она на ее месте, повторяла: «Нет, нет, сударыня, основать “Псст!”² (речь шла о Форене), когда ты всем обязан Штраусам, когда благодаря им ты зарабатываешь на хлеб, когда без них ты не смог бы рисовать...» Мне кажется, что госпожа Гандеракс была того же мнения, но поскольку та дама все время кричала, то у госпожи Гандеракс был такой вид, словно ей противоречат, чего на самом деле не было. А та все твердила: «Нет, сударыня, повторяю, если идешь на такую подлость, когда без Штраусов у тебя не

---

¹ Жена Луи Гандеракса, директора журнала «Ревю де Пари».

² Сатирическая газета, основанная карикатуристом Ж.-Л. Фореном и направленная против дрейфусаров, к числу которых принадлежали Штраусы.

было бы ни куска хлеба и т. д.». После таких посылок я ожидал в качестве заключения: «Если ты пошел на это, то ты последний мерзавец» или что-нибудь в таком роде. Ничего подобного: «Если ты пошел на такую подлость, когда Штраусы тебя кормят и т. д., то знаете, сударыня, кто ты после этого? Ну что же, я не боюсь сказать, хотя такое выражение, быть может, покажется вам слишком сильным: ты просто марионетка!» – После такого введения это слово показалось мне слабоватым. Но дама, судя по всему, придерживалась другого мнения. У нее был такой довольный вид, что она раза три или четыре повторила с чувством облегчения: «Марионетка, марионетка», потом встала и удалилась. Я спросил у Габриэля, кто это был, он ответил: «Госпожа Уринг». Чувствуя, что я от нее не в восторге, он добавил с важным видом, словно желая меня заморозить: «Одна из лучших подруг госпожи Штраус». Мне показалось, что она больше походила на старую зануду и старую кокотку, чем на одну из ваших подруг. Но я ничего не сказал. Впрочем, она весьма любезно поговорила со мной, уходя.

Теперь о другом, что вас также касается (как говорил Гонкур, только это нам интересно). Мне кажется, я уже писал вам, что не был на лекции Монтескью, от чего тот пришел в ярость. В результате под предлогом сравнения моих незначительных сочинений со своими он сравнил себя с Соломоном, а меня с муравьем. Это сравнение было мне досадно, и я ответил ему, что он всегда старается выбрать красивую роль (я сказал ему и кое-что еще, похлеще), на что он возразил: «С чего вы взяли, что я выбираю красивую роль? Мне незачем стараться: *Я и так в этой роли*». В конце концов, желая утешить меня, поскольку я пропустил его лекцию, он объявил, что прочтет лекцию у меня, в такое-то время; но только через месяц или не знаю когда. На этой столь

торжественно объявленной лекции (мысль о которой не дает мне теперь спать; я, впрочем, сказал ему, что это невозможно) должно быть только *три* слушателя! И в первую очередь: госпожа Штраус. Я написал ему, что вас нет в Париже, что вас – и это правда – никем нельзя заменить и поэтому лучше подождать, когда вы вернетесь. Еще не знаю, что он мне ответит. Мне как-то все время не везет с Гандераксами, начинаются сплетни, поэтому я бы предпочел, чтобы вы не говорили с ними об этой Уринг, хотя ее слова ни в коей мере не могут быть им неприятны. Но они всегда плохо воспринимают то, что я говорю. Молчание по крайней мере не дает пищу для толкований. Я забыл сказать, что в том разговоре участвовал еще один умный человек, которому Габриэль, полностью слившийся, как мне кажется, с семьей своей жены, представил меня, назвав его «мой дядя, г-н Жорж Гейне»¹.

На том концерте, где я услышал такие замечательные разглагольствования госпожи де Сен-Поль, я увидел некоего гиганта, одетого женщиной, с фальшивыми рыже-красными завитками на лбу, нечто вроде Паучьей Царицы или красного муравья в исполнении Барона², и громовым голосом, какой можно услышать на параде: то была госпожа Бартолони. Вот что называется красивая старость. Быть может, с высоты ваших горных вершин и вашего равнодушия жизнь кажется вам слишком ничтожной и вы нисколько не обрадуетесь, узнав, что г-жа де Пурталес³ попросила Рейнальдо сказать госпоже Лемэр, что ей будет в высшей степени неприятно

---

¹ Георг Гейне, брат принцессы Монакской, тещи Г. де Ларошфуко.

² Барон (наст. имя Луи Бушене; 1837–1920) – актер.

³ Луиза-Софи-Мелани Ренуар де Бюссьер, графиня де Пурталес (1836–1914) – знаменитая в свое время красавица, блиставшая при дворе Наполеона III.

встретить у той Артюра Мейера и его супругу (ваш Тюренн¹ добился того, что вопреки своему обещанию она их не примет, и потому она боится их где-нибудь встретить).

Мне не надо говорить вам, что если вас интересуют письма г-жи Деборд в имеющемся у меня томе Сент-Бёва, то я не премину вам их послать. Но за исключением того, о чем я вам уже писал, все остальное для вас очень скучно. Я узнаю, нет ли полного собрания ее писем. Если да, то вы могли бы увидеть, есть ли что-нибудь для вас интересное. Не могу выразить вам, сударыня, как обрадовала меня ваша открытка, написанная так мило и остроумно. Теперь все ваши послания доставляют мне намного больше удовольствия, чем прежде. Я неизменно благодарен вам за то, что вы выздоравливаете. Как великолепно вы пишете! Когда я готовил то, что будет опубликовано в июньском номере «Латинского возрождения», я все время повторял: ах, если бы я мог писать, как госпожа Штраус! И я повторял это, уверяю вас, совершенно искренне, глубоко сожалея, что далек от той ясности, от того восхитительного равновесия, которые отличают ваши чарующие фразы. Но умоляю вас, не пишите мне. Я слишком люблю вас, и потому удовольствие от ваших писем все же не так велико, как сожаление при мысли о том, что я вас утомил.

Примите, сударыня, уверения в моих почтительных, самых искренних дружеских чувствах.

Марсель Пруст

---

¹ Пруст называет так Артюра Мейера, который был горд тем, что в результате женитьбы на Маргерит де Тюренн породнился с семейством, в роду которого был знаменитый военачальник Анри де Тюренн.

Луизе де Морнан

[Воскресенье утром 21 мая 1905]

Милая Луиза,

Я узнал, что вы собираетесь провести лето в окрестностях Трувиля. Я обожаю эту местность, самую красивую из всех, что я знаю, и потому позволю себе дать вам кое-какие указания. Трувиль – безобразен, Довиль – ужасен, район между Трувилем и Виллье – малоинтересен. Но между Трувилем и Онфлером на возвышенности находится самое восхитительное, красивейшее место с идеальными видами на море. Это место знают только художники, и я слышал, как миллионеры восклицали при виде их жилищ: «Как жаль, что я живу в замке, а не здесь». Там есть дикие тропы, отличные для прогулок верхом, и подлинные гнездышки, дышащие поэзией и счастьем. Самое красивое жилище (но можно ли его снять?) – «Маргаритовые аллеи», потрясающее поместье с рододендронами, которые тянутся вдоль моря на целые километры. Оно принадлежало г-ну д'Андинье, и Гитри¹, который его обожал (не г-на д'Андинье, а поместье), снимал дом в течение нескольких лет. Сдается ли он еще? Этого я не могу сказать. Но я мог бы узнать, да и вы сами, если вы знакомы с Саша Гитри², могли бы справиться у него. Быть может, для вас это поместье было бы слишком большим. Но думаю, что его можно снять почти даром. Возле Онфлера тоже есть идеальные дома. Если хотите, я могу навести справки. *Но для этого мне нужно некоторое время.* Порто-Риш, который досконально знает этот край,

---

¹ Люсьен Гитри (1860–1925) – успешный актер.

² Саша Гитри (1885–1957) – сын Л. Гитри, известный актер и комедиограф.

недавно потерял своего сына, и я не могу его сейчас расспрашивать. Мой друг г-жа Штраус, которая там живет, сейчас больна и находится в Швейцарии. Но ее муж в Париже. Если хотите, я могу ему написать, и если он не сможет ответить на мои вопросы, то направит вас к сведущим людям. Он знает всех в Трувиле. Я пишу вам все это, потому что влюблен в эту идеальную местность. Поверите ли, что я убедил друзей купить там поместье за 200 000 франков? Вы и не думали, что я могу быть торговым агентом, не так ли? И тем не менее!

*Нежно целую,
Марсель*

Предупреждаю вас, что если вы напишете мне сегодня, то я рискую получить ваше письмо очень поздно вечером, ибо сегодня в три часа утра (я пишу вам в пять) у меня был сильный приступ. Во всяком случае я не смогу вас принять ни сегодня вечером, ни в последующие вечера.

Нежно целую. Меня весьма опечалило известие (о котором я узнал из вашего милого письма) о том, что с вашей матушкой случился несчастный случай. Если я вам не ответил, то потому, как вы знаете, что у меня очень болят глаза.

*Сердечно ваш
Марсель*

Итак, мы договорились: если вы хотите, чтобы я навел справки, то мне нужно немного времени. Мне надо встретиться с людьми, а вы знаете, что мне это часто нелегко.

*Морису Дюпле*¹
[Конец мая 1905]

Дорогой Морис,

Я хотел еще раз написать тебе по поводу твоей книги² и отзывов. Если я этого не сделал, то вот почему. Г-н де Монтескью будет читать у меня отрывок из своей новой книги и попросил меня пригласить семь человек, которых он назвал. Я просил его добавить еще несколько человек, и в их числе тебя. Только что он мне ответил отказом, который касается всех, о ком я просил: он утверждает, что это придало бы иной характер чтению, и т. д., и т. д. В сущности, я доволен, так как если бы я тебя пригласил, то, думаю, в последний момент попросил бы тебя не приходить. Я не осмеливаюсь встретиться с тобой в присутствии даже одного человека. Но во время публичного чтения! Мне кажется, наш невообразимый безумный хохот произвел бы ужасный скандал. Я ждал его ответа, чтобы все сразу тебе сказать. Его отказ доставил мне облегчение: теперь я не так опасаясь приступа безумного хохота, поскольку тебя не будет. Но все же опасаясь.

О твоей книге: она показалась мне еще восхитительней, чем в первый раз. Тысячи фраз доказывают, что ты большой писатель: сравнение лежащих на кроватях с надгробиями, окна, сияющие золотом и аметистом, и множество других великолепных вещей. Мне нет дела до основной идеи, красивой и, вероятно, ложной; все это не имеет никакого значения. Наверное, идеи Руссо, Флобера, Бальзака и многих других – ложные. Но если абсолютная монархия и клерикализм – не единственное спасение Франции, то разве «Сельский врач» ста-

---

¹ Морис Дюпле (1880–1978) – друг детства Пруста, писатель.

² Роман М. Дюпле «Закал, школа героя» (1905).

новится от этого менее прекрасной книгой, как и романы Барбе д'Оревилли... А вот имел ли ты моральное право говорить это? Думаю, что да, я тебе здесь не судья. Я даже склонен разделить твою точку зрения. Но я чувствую себя слишком больным и не могу об этом писать подробно. Все же любопытно, что мы, обладая, что ни говори, чувством справедливости, так по-разному увидели полковую жизнь: ты – как каторгу, я – как рай. Ну и что? Закат солнца не мешает утренней заре быть прекрасной, представлять одну из сторон правды; художник не может изобразить все сразу, и, черт возьми, ты уже много чего изобразил. Несмотря на основную идею, Люсьен Доде вроде бы побудил императрицу Евгению купить книгу. Во всяком случае он сказал мне об этом, уходя. – Что касается отзывов, то мне не хотелось бы казаться тебе недостаточно услужливым, ибо, клянусь тебе, это не так. Но вот как обстоит дело: когда у меня вышла «Амьенская Библия», я думал, что мои друзья-литераторы будут из кожи вон лезть, чтобы услужить мне. Предисловие было посвящено Леону Доде, который печатается в «Голуа», «Эко» и т. д., и я намекнул ему, что мне было бы приятно, если бы он опубликовал отзыв. *Ни слова ни разу, ни единого намека*, мое имя не было ни разу названо в его статьях, где он упоминает всех подряд. Не говори ему, но я до сих пор с этим не смирился. Я подумал об Эрмане, и ему передали, что несколько слов доставили бы мне радость. В каждой его статье был повод упомянуть «Амьенскую Библию». И ни слова! Более того: он много написал о Рёскине в одной статье, опубликованной в «Жиль Бласе», и ни словом не упомянул ни Марселя Пруста, ни «Амьенскую Библию». Как тебе это нравится? Дело не в том, что превосходные отзывы не появились. Но *все* они принадлежали тем, кого я не знаю, и словно падали с неба, вопреки всем

ожиданиям. Что мне сказать тебе после всего этого? Я могу поговорить с теми, кого я лучше всех знаю, с Эрманом и Доде. Но они ничего не сделают. К тому же тут дело сложнее, из-за сюжета. Пошли свою книгу Бранковану, не прося отзыва, скажи только, что видел его вместе со мной, он будет тронут. Тем временем я дам ему знать, что книга – потрясающая, это не будет похоже на умысел, и, быть может, он опубликует отзыв, хотя у него нет настоящего отдела критики. Всем писателям, которых я увижу, я скажу, что это потрясающе, и постараюсь, чтобы они прочитали книгу, это единственное, что может принести плоды. И я постараюсь, чтобы о ней написали в «Юманите»¹ и в «Эссе»². Если тебе там уже что-то обещали, то сообщи, я не хочу зря трудиться, писать письма. Не могу выразить тебе, до какой степени ты внушаешь мне желание увидеть берега твоей реки, поросшие виноградом.

Твой
Марсель

Роберу де Монтескью

Понедельник вечером [12 июня 1905?]

Сударь,

В вас есть что-то волшебное. И подобного волшебника надо искать в сказках «Тысячи и одной ночи» или в изысканных «Новых тысячи и одной ночи»³ Стивенсона. Наши потомки будут восторгаться не только поэзией,

---

¹ Газета, основанная в 1904 г., была первоначально органом социалистов.

² «Лез Эссе» – ежемесячный журнал.

³ Оп. в 1882 г.

наполняющей ваше творчество, но и поэзией, расцвечивающей вашу жизнь. Если восхищение может быть одной из форм благодарности (которая без сомнения является формой восхищения), то я поступил правильно, сказав вам, прежде чем просто поблагодарить вас от всего сердца, как я делаю это сейчас, до какой степени я был очарован вымыслом, волшебством, прелестной путаницей и глубокой мудростью, которыми исполнена у вас жизнь с ее случайностями и обстоятельствами, превращенными вами в поэзию. Какой урок! И какой подарок!¹ Поистине драгоценный подарок! И бесценный урок! Это «Сезам, откройся», являющий нечто большее, чем содержимое волшебного сундука, – прекрасную истину. В какую золотую ткань вы облакаете сравнение Рёскина, когда пишете, подобно ему: «Ключ от ларца. Ключ от сердец». Какую прелестную историю я пережил. Прелестную историю в духе Виктора Гюго.

Сегодня вечером вам возвращен сей образ.

Вы взяли у меня сокровища только затем, чтобы вернуть мне их в чудесном ларце! К моей благодарности пришивается смущение. Это слишком роскошный подарок. Если бы мне не было в сто раз хуже, чем тогда, когда вы меня видели, я бы тут же пришел вас поблагодарить. Но я не премину сделать это.

В ожидании нашей встречи передайте дружеский привет д'Итурри и примите уверения в моей почтительной благодарности.

Марсель Пруст

---

¹ Речь идет о вечере в доме Монтескью.

Принцессе де Караман-Шиме
[Вторник вечером 20 июня 1905]

Принцесса,

Вы даже не представляете, к каким хитростям я хотел прибегнуть, чтобы вы прочитали хоть несколько строк из этой статьи¹, и я должен быть безумно рад, что вы сами ее прочитали и она вам понравилась. Но, к сожалению, она кажется мне такой мало приятной по качеству, такой разнородной, лишенной прозрачности и тонких нюансов, что я раздосадован. То, что вы цитируете, мне нравится, но это потому, что все, о чем вы говорите, обретает прелесть и остроту. Я бы никогда не нашел таких слов, как «Господь на комод»², и ваша краткость удваивает силу сказанного мной.

Принцесса, эти страницы послужат предисловием к «Сезаму и Лилиям», моему переводу, который должен быть опубликован и состоит из двух лекций: «Сокровищницы королей», посвященные Рейнальдо, и «Сады королев», посвященные мадемуазель Лемэр. Я бы посвятил вам предисловие, если вы не считаете его недостойным вас. Это, конечно, немного, но в книге это единственное, что полностью принадлежит *мне*. Я хотел посвятить вам предисловие и в «Латинском возрождении», но не осмелился. Посвятить вам его в книге я тоже не дерзаю. И сделаю это, если вы не против. Если бы я писал больше и печатался чаще, то было бы лучше подождать публикацию позначительней, но я объясню вам, какие тогда возник-

---

¹ Имеется в виду предисловие Пруста «О чтении» к его переводу «Сезама и Лилий», опубликованное в журнале «Латинское возрождение» 15 июня 1905 г.

² Э. де Караман-Шиме сокращает цитату Пруста из его предисловия к «Сезаму и Лилиям», усиливая таким образом домашнюю атмосферу описанного у него молитвенного пространства (Kolb. 21, 606).

ли бы сложности. В данном случае ничего сложного нет, я просто чувствую себя недостойным. Если вы против, то в любом случае я не стану никому посвящать это предисловие, и вы будете знать, что пробел под заголовком означает, что оно посвящено вам. Если вы предпочитаете более явное и в то же время менее смелое выражение почтения, нежели посвящение, то я мог бы в конце дать следующее примечание (сразу после описания двух колонн на Пьяцетта) (простите, что я говорю вам об этом так, словно вы должны знать, о чем идет речь, но ведь вы были так добры и сказали мне, что все читали):

«Эти страницы были написаны для госпожи принцессы Александр К. Ш. (если вы не хотите, чтобы стояло ваше имя. Можно было бы даже убрать титул, если вы опасаетесь, что вас узнают). Но я почел их слишком несовершенными и недостойными ее несравненного вкуса. И потому я только пользуюсь случаем еще раз выразить ей мое самое глубокое почтение». Не утруждайте себя ответом, принцесса: здесь нет ничего спешного, и это всегда можно будет добавить.

Я был бы очень рад прийти на ужин в понедельник. Но что делать, в этом году я не смог пойти ни на один из бесчисленных вторников госпожи Лемэр. Этот вторник последний. Как вы знаете, она в течение почти двух лет иллюстрировала мою книгу «Утехы и дни», и я ей очень признателен. Я выхожу очень мало, и она встретилась со мной не у меня дома, так что если бы в этот раз я не пошел к ней, то мне кажется, она была бы не очень довольна. А для меня встать в понедельник означает, что во вторник я буду лежать. Вот в чем трудность. Так что лучше было бы перенести нашу встречу. Если бы не такое положение дел, я бы пришел с большим удовольствием. Госпожа де Ноай в последние дни удостаивает меня знаков такой неслыханной доброты, что я не знаю,

как ее благодарить. Я всегда бесконечно ценил ее доброжелательное отношение, а после «Господства»¹, которое я считаю ее лучшей книгой и, быть может, лучшей книгой, какую я вообще читал, тот факт, что она знает мое имя, пишет его на конверте, просто сводит меня с ума. Я не думал, что кто-нибудь прочтет эту статейку, иначе я бы не заставил матушку сказать, что она боится, как бы я не «расплескал» воду из графина. Вы-то знаете, что она говорит гораздо лучше. Но из эстетических соображений, а также противясь мании писателей, которые, описывая себя в романе, тут же дарят себе лошадей, замок, родство с древней беррийской семьей и т. д., я немного понизил качество моего детства, в котором, впрочем, не было ничего изысканного и, быть может, даже не было комнатки консьержки с часами, украшенными раковинами и цветами.

Принцесса, если вы увидите Гишей, то я был бы рад (не безумно рад, поскольку мне это, в общем, все равно, но все же скорее рад), если бы вы им намекнули, что, как вам показалось, я на них сильно сержусь. И сделали то же, если увидите г-жу де Клермон-Тоннер (правда, вы скажете, что не видите ее). Конечно, *хуже всего* было бы сказать им: «Он велел вам передать, что сердится!»

Принцесса, вы создаете изысканные формы, всего лишь цитируя в письме чужие фразы, вы написали чудесные вещи о Христе, который не ведает о своей славе, о Гоццоли, о г-же Греффюль², вещи, которые я порой читаю по вечерам, словно молитву. Почему же вы не пишете, вы, которая пишет, как никто не смог бы написать, ибо никто не владеет острым лезвием, коим вы очерчи-

---

¹ Роман (1905) А. де Ноай.

² Адресатка опубликовала «Впечатления об Италии» в том же номере «Латинского возрождения», где было опубликовано предисловие Пруста.

ваете контуры того, о чем говорите. То, что вы написали бы, так отличалось бы от того, что пишет госпожа де Ноай. Воображаю ваши книги и в их заголовках четкие, точные слова, имеющие немного особый, абсолютный смысл, твердые и полные изящества, такие, как «Отверженная»¹.

Принцесса, я постараюсь вас вскоре увидеть.

*Ваш почтительный друг
Марсель Пруст*

Закончив это письмо, я подумал, что мои слова о том, какими могли бы быть ваши заголовки, как будто означают (ведь это не так, не правда ли?), что я порицаю заголовки госпожи де Ноай. Это было бы глупо. Я до безумия люблю ее заголовки и считаю, что уже они одни, исполненные возвышенной, выразительной точности, – несравненные поэмы.

Жоржу Гойо
45, улица Курсель
Четверг [22 июня 1905]

Сударь,

Я не хочу ждать того момента, когда закончу чтение и повторно перечту многие части вашей книги, поэтому скажу вам то, что позволяет мне утверждать уже первый том²: это более чем великолепное историческое сочинение, это почти создание нового жанра (который начинается с шедевра), столь же возвышенного, что

---

¹ Неопубликованное произведение Э. де Караман-Шиме.

² В 1905 г. вышел первый том четырехтомного исследования Ж. Гойо «Религиозная Германия: Католицизм».

и религиозная вера, столь же тонкого, что и психологический анализ, столь же реального, что и социологические исследования, и, наконец, столь же живого, что и политическая хроника и история. Какие прекрасные химические опыты вы проводите в духовной области, выявляя первичные элементы католицизма в самых сложных образованиях.

Одна глава, написанная с большим темпераментом и потому, наверное, меня особенно восхищающая: та, где вы прослеживаете процесс таяния последней вольтерьянской льдины (я упрощаю, говоря «вольтерьянской»), где вы различаете голос первой ласточки романтизма, которая опустится на пренебрежительно брошенные башни соборов, где вы находите в природе знаки и зерна и точно оцениваете симптомы (будучи скорее наблюдателем-пессимистом, когда, к примеру, вы преуменьшаете значение восторга Гете при виде Страсбургского собора, ибо он нравится ему как персональное произведение искусства. И действительно, это скорее бесчувствие. Но стоит сравнить с путешествием по Франции Стендаля, который возмущен тем, что в Отене рядом с римскими руинами, приводящими его в восхищение, находится варварская церковь¹). Соборы, впрочем, вдохновили вас на прелестные страницы, и меня взволновало то, что Кельнский собор сыграл роль в обращении Доротеи Шлегель². Бесконечно интересны такие любопытные фигуры, как Штольберг³, княгиня

---

¹ Об этом Стендаль пишет в «Записках туриста» (1834). Отен – город в Бургундии.

² Доротея Шлегель (урожденная Брендель Мендельсон; 1764–1839) – жена писателя и философа Фридриха Шлегеля. Перешла вместе с ним в католицизм.

³ Фридрих-Леопольд Штольберг (1750–1819) – немецкий поэт, перешедший в католицизм.

Голицына¹, Фюрстенберг², коллекционеры Буассере³, но прежде всего и особенно Новалис (ваше буквальное толкование «Гимнов Христу»⁴, подтвержденное в достаточной мере цитатами – цитата о иезуитах весьма забавна – очень интересно), и вы великий художник, изображающий не только оттенки мыслей и исторические фрески, но и трогательные особенности жизни личности. В этом отношении следующая глава, «Мюнстерский кружок», одна из самых захватывающих. Фигура Шлегеля (я возвращаюсь назад), сперва отталкивающая, в сущности весьма любопытна. Вы очень строго судите Гете, приписывая его паганизм избытку эгоизма и гордыни. Но должен ли я добавлять, что, если я говорю так, то с величайшим почтением, совершенным благоговением перед суждениями одного из самых сильных и тонких умов, суждениями, после которых нечего сказать. Нечего сказать – и нечего написать. Вы говорите, что прокладываете пути, и это правда, потому что ваша книга принесет плоды. Но в то же время вы охватываете все, весь горизонт. Я хочу сказать, что ваша книга – совершенна. Каждая ваша мысль рождает новые мысли, но вы же их и выражаете. Что остается? Лучше понять вас, ступить на новые, проложенные вами пути, чтобы увидеть, что тот, кто опередил нас и уверенно следует по ним, это вы.

---

¹ Княгиня Амалия Голицына (урожденная фон Шметтау; 1748–1806) – жена русского дипломата князя Д. А. Голицына. Перешла в католичество и в Мюнстере стала хозяйкой видного религиозного салона, «Мюнстерского кружка».

² Франц фон Фюрстенберг (1729–1810) – генеральный викарий и основатель католического университета Мюнстера.

³ Сюльпис (1783–1854) и Мельхиор (1786–1851) Буассере – немецкие коллекционеры и пропагандисты старинного германского искусства.

⁴ Имеются в виду «Гимны к ночи» (1800) Новалиса.

Я прочитал вашу книгу, как роман, то есть начав с конца. Прочитав еще только первый том, я уже заглянул в последнюю главу второго. Это такой соблазн для ума, исследование целого года, и какого года¹! Полагаю, что ваша книга не только доставит большую эстетическую радость и принесет много нравственной пользы (ибо, воспевая славу в вышних Богу, она, действенная и мудрая, приносит и на землю мир человекам благоволения: эта книга предназначена, надеюсь, стать требником французской Церкви, которой понадобится сплотиться), но и побудит также произносить повсюду с еще большим уважением, с еще большей любовью, с еще более сознательным и оправданным восхищением уже знаменитое имя ее автора. Это его шедевр, совершенный труд, произведение мастера. Такие соображения безразличны для того, кто исследует и изображает игру лучей на земле, никогда не забывая о том, что они нисходят с неба, но весьма дороги его друзьям, в числе которых, если вы позволите, был бы горд и счастлив видеть себя

*ваш весьма благодарный и преданный
Марсель Пруст*

Мэри Нордлингер
Суббота [24 июня 1905]

Дорогой друг,

Я давно хочу вам написать, тем более что мне еще во время вашего приезда в Париж была срочно необходима ваша помощь, и меня печалит то, что я потерял много времени, и то, что я лишен общения с вами, но мое здоровье было так плохо, что я не мог ни обратиться к вам

---

¹ Имеется в виду глава о революционном 1848 годе.

за помощью, ни выразить вам свои чувства. Вы явились в Париж, как Мессия, а покинули его, как демон, и ваше пребывание было похоже на мгновенно исчезнувший сон. Как жаль, что вы не предупредили меня о вашем скором отъезде, я бы постарался вас увидеть. Вместо этого я поставлен перед свершившимся фактом, о котором сообщает не радующий меня обратный адрес: Манчестер, Виктория-Парк и т. д. Я также весьма сожалею о том, что не познакомился с г-ном Фриром, чего, естественно, желал, так как он внушает мне интерес и симпатию. Мое уважение к нему бесконечно возросло, как вы можете догадаться, после того как недавно, бросив вызов смерти (и, увы, чуть не умерев) в тот час, когда я обычно ложусь спать, в состоянии крайней усталости я сел в фиакр и поехал смотреть Уистлера. Ради живого на такое не решишься. Только ради мертвого, и причина тому, быть может, – безумная гордыня, в которой себе не признаешься, заставляющая вас вообразить, что всей этой кочующей красоте до того, как она отправится обратно в Бостон, необходимо, чтобы вы ее увидели. Но было бы намного лучше поехать в Бостон. Я бы лучше себя чувствовал. Когда я увидел, что самые красивые картины Уистлера принадлежат г-ну Фриру, я мысленно произнес слова Рёскина, сказанные им о неизвестном скульпторе, вырезавшем и расписавшем прелестный архивольт Св. Марка: «Я не знаю, кто этот человек. Но мне достаточно увидеть этот архивольт, в который он вложил свою радость, свой тонкий вкус и свое видение мира, чтобы громко заявить, что он был художник, счастливый человек, мудрец!»¹ Так я сказал бы и о г-не Фрире, только я не назвал бы его счастливым человеком, не будучи уверен, как Рёскин, что наличие вкуса делает счастливым. Но это

---

¹ Пересказ слов Дж. Рёскина из его книги «Камни Венеции».

возможно. Вы знаете, что в настоящее время во Франции Уистлер страшно упал во мнении художественной элиты. Его считают человеком с большим вкусом, прославившим благодаря этому великим художником, хотя это совсем не так. Жак Бланш в «Латинском возрождении» (читали ли вы мою статью¹ в том же номере, которую Бонье столь преувеличенно превознес в «Фигаро»?), в сущности, выразил это мнение более прямо и даже с большей пылкостью. Я думаю совершенно иначе. Если тот, кто написал бирюзовую Венецию, Амстердам цвета дымчатого топаза, опаловую Бретань, портрет мисс Александер, комнату с занавесками, усыпанными розами, и в особенности паруса в ночи, принадлежащие г-ну Вандербильту² и г-ну Фриру (почему виден только парус, но не судно?), – не великий художник, то, значит, их и вовсе никогда не было.

Дорогой друг, я уже немного устал писать, а еще ничего не сказал о том, о чем хотел попросить вас. Я ждал месяцами вашего возвращения из Америки, неделями – вашего возвращения из Манчестера: я хотел послать вам рукопись, так как мне было нужно многое спросить у вас относительно «Лилий». А теперь я должен отослать ее. Теперь она не может появиться, уже слишком поздно³, но я ее все равно отправляю в печать и, если этой зимой я буду в санатории, то она выйдет без меня, *vox silentiae*⁴. Я посылаю ее издателю, но я хотел бы узнать ваши критические замечания, и если вы мне их сообщите, то я попрошу вернуть мне рукопись на два дня и внесу исправления.

---

¹ Речь идет о предисловии Пруста к его переводу «Сезама и Лилий».

² Уильям Киссэм Вандербильт (1849–1920) – американский миллионер, живший во Франции.

³ Поскольку наступал период летних каникул, неблагоприятный для привлечения внимания к новым книгам.

⁴ Голос тишины (лат.).

Могу ли я послать вам по адресу «Манчестер, Глэдви́лл и т. д.» мой том «Сезама», где я отметил и подчеркнул все те места, которые вызывают у меня сомнения? Я не уверен, что вы поймете, какие именно сомнения, но в конце концов это вероятно. Они всегда касаются одного-двух слов. Полагаете ли вы, что это было бы бесполезно? Но только не потеряйте мой том, который хранит все, что я знаю, и пришлите мне его обратно.

Если это кажется вам сложным, то не обидитесь ли вы, если я обращусь к кому-нибудь другому. Вы знаете, что у меня есть друзья, знатоки английского языка, не столь хорошие, как вы, но которые, быть может, смогут помочь мне с переводом «Лилий». Если вы не против, то я пошлю вам книжку. Скажите ваше мнение.

Примечание, против которого вы возражаете, отсутствует в книге, оно было единственным в журнале («Лез ар де ла ви»¹), где был опубликован перевод, все остальные я хочу опубликовать только в книге. Я не жалею, что не смог послушаться вас (перевод был уже напечатан), так как «Лез ар де ла ви» читают все действительно умные художники Франции. С журналом часто сотрудничают и Бенар², и Каррьер³, и Роден, и внимательно его читают, так что я рад, что ваше имя стало широко известным. В книге я буду столь сдержан, сколь вы пожелаете, я напишу, если хотите, что вы полностью лишены таланта и вообще способностей, и призову вас заняться чем-нибудь другим. Согласны? Если очаровательная венецианская тетушка⁴, пылкая и педантичная, знаток

---

¹ Журнал, выходивший в 1904–1905 гг. и публиковавший эссе и стихи об искусстве.

² Поль-Альбер Бенар (1849–1934) – художник-импрессионист.

³ Эжен Каррьер (1849–1906) – живописец и график.

⁴ Пруст познакомился с Кэролайн Хинришен, теткой М. Нордлингер, в Венеции.

искусства доброты и комфорта и благорасположенная к автору этого письма, проживает в настоящее время в загадочном Виктория-Парке, который я не могу себе представить, то передайте ей, прошу вас, мое глубокое почтение и примите, дорогой друг, уверения в моей искренней симпатии.

Марсель Пруст

Фернану Грегу

[Конец июня 1905]

Дорогой Фернан,

Я с восторгом вижу, что твоя душа, становясь все возвышенней и прозрачней, теперь открыта для всего божественного, что растворено в природе и в жизни. Вот безличное произведение искусства¹ в том смысле, что мы обращаемся к нему как к прорицателю, дабы узнать новые тайны лилий, мимозы, дождя, печали, мальвы, моря, собак, виноградника, всего. Но это и глубоко личное произведение, ваяющее ту статую, о которой ты говоришь. Многие черты твоего вечного лика уже явлены в твоей книге. Мы знаем, кто тот молодой человек в прекрасной, печальной скульптурной группе, который ласкает своих собак и склоняет свой тяжелый лоб на их легкие головы. Чувствуется, что эта группа достигает высоты тех, о которых ты пишешь с мягкой и печальной гордостью в силу очевидности истины. Чуть далее стихотворение «Успокоение» – столь же прекрасное, что и «Вилькье»². Следующее, «Раздумье», – также одно из моих самых лю-

---

¹ Речь идет о сборнике стихов Ф. Грега «Золото минут».

² Стихотворение В. Гюго (сб. «Созерцания», 1856), посвященное памяти его дочери, утонувшей вблизи Вилькье, города в Нормандии.

бимых, как и «Привычка», быть может, не столько из-за описания дома, которое, мне кажется, могло бы быть чуть конкретнее, и полными упоения словами лучше передать охватывавшее тебя в этом доме чувство счастья, сколько из-за той восхитительной мысли, что именно о доме больше всего сожалеют умершие.

Эта мысль – одна из самых волнующих, что я находил у поэтов, хотя я, быть может, и не способен ее анализировать. Какая сильная в своей простоте фраза:

О, радость без труда и мудрость без усилий.

Она стоит твоих чудесных «Золотых стихов». Впрочем, в этой книге почти невозможно что-то выбрать, настолько она правдива. В ней раскрыта ценность всех минут и не позволено ни одному стихотворению быть прекраснее других, ибо все минуты прекрасны и во всех стихотворениях есть красота одной из них, отличной от других, но всегда прекрасной.

Я особенно ценю как нечто необычное для твоего творчества ту окольную тропу – она, впрочем, выходит на большую дорогу и являет вечный горизонт (тайну, которую не следует видеть в доме богов), – каковую составляют твои стихи о латинских поэтах.

Они удивительны, и, возможно, стихи такого рода могли бы быть для тебя блистательными упражнениями, приносящими тебе отдохновение и большую пользу. Разумеется, зная о том, какого совершенства достигло твое искусство, было бы странно советовать тебе обратиться к «редкостной» форме, в то время как тебе свойственна простота мастеров. Но ты знаешь, как и я, насколько сочетание духовных переживаний и естественных чувств, что только и составляет великую поэзию, придает стилю абстрактность; ты на верном пути, у подлинного

источника великой поэзии, и потому не рискуешь сбиться с дороги и заблудиться, даже если ради развлечения снизойдешь до того, чтобы подчеркнуть иногда совершенство формы при помощи чего-то необычного.

Дорогой друг, нет ли у тебя случайно (прости, что говорю с тобой об этом журнале, впрочем, как ты знаешь, уже не существующем) «Латинского возрождения»?

Если ты его не читаешь, то я хотел бы прислать тебе номер, в котором опубликована моя статья: ты знаешь, насколько я доверяю твоему вкусу, и мне хотелось бы, чтобы ты без всякой любезности, ибо в противном случае это было бы вовсе не любезно, ясно сказал мне, что я из себя представляю, есть ли какой-нибудь прогресс или упадок по сравнению с «Утехами и днями» и «Амьенской Библией», а также моими другими вещами. Я хотел бы, чтобы ты поставил «оценку», как в коллеже. И, если это тебя не затруднит, сделал исправления на полях.

Разумеется, я тебя не тороплю и готов ждать, сколько угодно. Прости, что снова посылаю тебе письмо по адресу «улица лорда Байрона». Я не знаю, какой у тебя номер дома по другому адресу. Если будешь мне писать, то будь добр, укажи этот номер, и на этот раз я его не потеряю. Не знаю, почему матушка решила, как это ни смешно, что нам достаточно иметь «Весь Париж»¹ за 1903 год. У нас вскоре будет новый справочник, но покамест у меня нет некоторых адресов. Я должен пройти (и думаю, что пройду) этой осенью курс лечения из тех, что рекомендует Дюбуа. После чего, если я смогу, как говорят, вести, не став полностью здоровым, нормальный образ жизни, надеюсь часто видеть тебя, если не буду тебе в тягость.

*Весь твой
Марсель Пруст*

---

¹ Справочник адресов.

Я считаю (но, как ты знаешь, я получил книгу недавно, и мои впечатления еще немного смутные), что в одном из самых прекрасных (и самых грустных) стихотворений, в котором речь идет о возрасте, о раннем снеге, «опустошенное сердце» – слишком рассчитано на эффект, слишком красиво, в общем, оно мне не очень нравится.

Ты понимаешь: этот образ мне кажется слишком «декоративным», «литературным», немного в духе Мюссе, в общем, не знаю, как сказать.

Р. С. Будучи несколько не склонным к национализму, от которого я никогда не был так далек, как сейчас, я все же должен сказать тебе, что мне отвратительна политика, приведшая к такому плачевному результату. Я считаю, что в то время, когда хотят изменить привычную для нас Францию, в которой «воздух больше не будут сотрясать колокола», очень глупо и не логично столько тратить на армию, чей дух пытаются сломить (ибо мы, как дрейфусары, не боимся это признать), на союз с народом, поражения которого нас радуют и который после каждого поражения вновь ополчается против нас. Можно не быть ни националистом, ни клерикалом (я ни тот и ни другой) и считать, что это очень глупо и грустно!

Боюсь, что мой постскрипtum написан неразборчиво. Я только хочу сказать (с некоторой долей досады, ибо все мои друзья, увы! – антимилитаристы, любители учетных карточек, противники конгрегаций и т. д., и те, кто меня навещает, позволили мне отдать себе отчет в таком состоянии умов), что все же тяжело думать, что мы убиваем друг друга, чтобы иметь армию, и охотно принижаем ее, чтобы иметь союзника, на поражение которого всей душой надеемся (мы, не я, то есть многие высшие умы или просто милые люди), что, приветствовав агрессию Японии в начале войны, мы сделали нравственно возможной беспричинную агрессию Германии, что мы все принизили

и взамен всего этого единственное наше приобретение – то, что больше не будет процессий во время праздника Тела Господня и колокольного звона. Не находишь ли ты, что все это очень грустно? Создается впечатление, что нравственно мы сильно пали.

*Фернану Грегу
[Конец июня 1905]*

Дорогой Фернан,

Я должен послать тебе еще один постскрипtum и сказать, что, когда я писал тебе, то еще не прочитал двух последних стихотворений. «Предки» – не только самое прекрасное, но и основное стихотворение в книге, а по моему молчанию ты мог неверно решить, что оно мне не понравилось. Нет, мое мнение – то же, что твое о «Еве» (о стихотворении Виктора Гюго¹, в общем, ты меня понимаешь): это один из прекраснейших поэтических «вымыслов». Невозможно разделить на части столь грандиозное произведение, написанное совсем иначе, чем все остальное, немного грубо, наподобие фрески. Но этимология имени Грег очень мила, это нечто от Шенье² в мире Гюго. Двойной ряд мертвецов – тоже в духе Гюго, Гомера; ты блистательно являешь этот сон, как и твой сон о Гюго. «Львиная сила» в мышцах – великолепно.

---

¹ Пруст имеет в виду стихотворение Гюго «Освящение женщины» (сб. «Легенда веков», 1859).

² Пруст вспоминает Шенье из-за его южного происхождения, так как отец Ф. Грега родился на Мальте, а мать Андре Шенье была воспитана в Константинополе, где он родился, как гречанка. Пруст знал стихи Шенье, цитировал его оду «Версаль, твои сады, колонны...» в статье, опубликованной в «Ле Голуа» в 1894 г.

В отношении «лемеха» я сдержаннее. Ведь это бодлеровский образ¹. Я понимаю, что здесь у него другой смысл, другой масштаб, но это слово поражает, потому что стихи Бодлера еще на слуху. Теперь я хорошо знаю, что ты создал нечто иное.

*Весь твой
Марсель Пруст*

Луизе де Морнан
Пятница [14 июля 1905]

Милая Луиза,

От всего сердца благодарю вас за ваше письмо. Я вас так и не повидал. Но как я могу винить в этом кого-то, кроме себя? Я могу только надеяться на то, что, снисходя к моему состоянию, мне простят мое такое странное поведение, вызванное обстоятельствами. Просить о прощении – это все, что я могу, а вот вам мое прощение не нужно. Вполне естественно, что, если звонишь даме в десять часов вечера, желая узнать, не может ли она прийти к вам в полночь, то она не обязательно сидит дома, не отходя от телефона. Я мог бы, милая Луиза, упрекнуть вас за провинности посерьезнее, огорчившие вашего друга. Но я отказался от такого рода упреков и от переписки на эту тему с кем бы то ни было. Люди есть люди, и наша горечь не в силах изменить их сердца.

Я рад, что вы в Трувиле: мне приятно вообразить кого-то, кто мне нравится, в краю, который я люблю больше всех других. Так два красивых образа сливаются

---

¹ С лемехом сравнивается мужчина в стихотворении Бодлера «Проклятые женщины» (сб. «Цветы зла»).

в один. Я точно не знаю, где находится ваша вилла Сен-Жан. Предполагаю, что на возвышенности между Трувилем и Аннеквилем¹, но не знаю, обращена ли она в сторону моря или долины. Если в сторону моря, то оно видно сквозь листву, что очень мило, а вечерами у вас, наверное, восхитительный вид на Гавр. На местных дорогах пахнет листвой, молоком и морской солью, и для меня этот запах сладостнее, чем любые «изысканные» смеси. Если ваш дом обращен в сторону долины, то я завидую лунному свету, проливающему на долину опаловое сияние и делающему ее похожей на озеро. Помню, как однажды ночью я возвращался из Онфлера по верхним дорогам. На каждом шагу мы попадали в лужицы лунного света, и влажная долина казалась огромным прудом. Советую вам совершить прелестную пешую прогулку в сторону Ле Кренье² (я не уверен, что пишу правильно это название). Оттуда вам откроется чудесный вид, вас охватит чувство покоя и бесконечности, в которой словно полностью растворяешься. Все ваши заботы и печали покажутся вам столь же мелкими, как смешные фигурки людей внизу на песке. Там словно паришь в небе. На машине советую вам совершить более живописную прогулку в сторону Маргаритовых аллей. Но когда вы туда приедете, надо будет открыть небольшие деревянные ворота (иначе вы ничего не увидите), заехать за ограду на машине (если хозяин там сейчас не живет) и часами гулять в этом волшебном лесу над морем среди рододендронов. Очаровательна также дорога, ведущая к Бомону³, но это в другую сторону. *Старая Канская дорога* под сенью высоких вязов, ведущая в Онфлер, тоже очень красива. Впрочем, в этих местах

---

¹ Город к северу от Трувиля.

² Местечко в окрестностях Трувиля.

³ Бомон-ан-Ож – город к юго-востоку от Трувиля.

можно совершать бесчисленные прогулки, о которых вы должны знать лучше, чем я, который провел там так мало времени и уже так давно. Трувиль вообще усеян виллами моих друзей. Виллы Прево и Кло-де-Мюрье должны быть рядом с вашей. Там же была вилла бедной г-жи де Галлифе, но я не знаю, что стало с домом после ее смерти, так как не знаком с ее детьми.

Моя милая Луиза, ваши письма всегда прелестны. А последние еще и великолепны. С некоторых пор с вами произошла необычайная перемена, в которой, как мне кажется, другая жизнь, преждевременно зрелые размышления, а также театр и чтение сыграли большую роль. Кстати о театре. Робер д'Юмьер сказал, что встретил вас в Водевилье¹ и поприветствовал, а вы ему не ответили. Он был огорчен. Впрочем, думаю, что он об этом забудет от радости, что женится. Ибо он женится. Читая восхитительные письма моей милой Луизы и зная, какое у нее чувство жизни, я не удивлюсь, если в скором времени объявят о выходе ее книги и помимо лавров актрисы и красавицы она будет увенчана еще и литературными лаврами.

Я чувствую себя все хуже, вот уже три недели, как я не выходил из дома и оброс щетиной такой длины, что она уже даже не кажется грязной. Если вы увидите бедную церквушку Крикбефа², всю оплетенную плющом, то передайте ей мой нежный привет, а также сломанной, но стойкой, как старая служанка, старой груше в соседнем селе, своими корявыми от времени, но еще зелеными ветвями изо всех сил поддерживающей маленький домишко, в чьем единственном окне часто можно увидеть

---

¹ Водевиль – театр, открытый в Париже в 1792 г.

² Церковь городка Крикбеф между Онфлером и Трувилем до сих пор остается «часовней в плюще», как ее называют.

милые личики улыбающихся маленьких девочек, но они, быть может, уже не маленькие, не милые и даже не девочки, так как с тех пор прошло много времени.

*С самыми нежными чувствами,
Марсель*

Передайте мое почтение вашей матушке, если она с вами.

Госпоже де Ноай
[начало августа 1905]

Сударыня,

Всего два слова, чтобы сказать вам следующее: на днях я подхватил небольшой бронхит, который добавился к моей астме, и я разболелся. Иначе я бы уже написал вам и сказал, что в то утро, когда я вас встретил, я ничего не ел двое суток, в течение суток не заснул ни на четверть часа и был таким уставшим, что не мог ни говорить, ни чувствовать ваше присутствие, и, наверное, по нашему разговору трудно было бы заключить, что я постоянно думаю о вас. Тот своего рода суровый теологический диспут, в который ваша матушка вступила с вами у подножия алтарей, полный необоснованных опасений, как все, что связано с религией, полный также тонких нюансов и удивительным образом сталкивавший далеко не противоположные аргументы, – все это меня окончательно повергло в смятение, причем до такой степени, что я впервые перестал думать о герцогине де Грамон¹, тяжкая и бесконечно мучительная мысль о которой не покидала меня три недели. Но

---

¹ Маргерит де Ротшильд, герцогиня де Грамон (1855–1905), хозяйка салона и мать друга Пруста, герцога де Гиша, умерла 25 июля.

вот что я хотел сказать: я, для кого ваши книги после того, как я полюбил их, не отходят в прошлое, но продолжают оставаться предметом беспрестанных размышлений, живут в сердце, причем с такой силой, что я непрерывно веду с вами «задушевную беседу», обдумываю какую-нибудь вашу мысль, о которой, придав ей бессмертную форму (совершенно органичную), вы уже беспечно забыли, так вот, я, увидев вас наконец, ничего вам не сказал.

Сегодня я был у нашего дорогого «лекаря поневоле», которого можно только из-под палки заставить говорить о медицине: Бриссо, выглядевшего еще красивее и очаровательнее, чем обычно. Но врачей можно увидеть только днем. А за каждый выход из дома днем я расплачиваюсь тем, что меня потом месяц не отпускает лихорадка. И я начинаю сомневаться в том, что посещение врачей идет мне на пользу. В конце концов Бриссо порекомендовал мне Соллье¹. Нужно будет вам о нем рассказать. Я собираюсь написать книгу о врачах. Я хотел бы знать, где ваша невестка², так как хотел бы ей написать после того, как не смог пожать ей на днях руку. Вспоминаю, как ее любила мать. Мысль о том, что ее мать знала – или чувствовала, что покидает ее навечно, что больше никогда, во веки веков, не увидит ее, сводит меня с ума...

Ваш исполненный уважения почитатель
Марсель Пруст

Разумеется, это письмо не содержит никакого ответа, в нем есть только полное доброжелательности и понимания молчание. Надеюсь, что княгиня³ больше не

---

¹ Поль Соллье (1861–1933) – врач-невролог.

² Коризанда де Грамон, маркиза де Ноай (1880–1977) была женой деверя А. де Ноай.

³ Речь идет о матери А. де Ноай.

сердится. Она бросала на меня ужасные взгляды. Ибо вы, которую она опровергала как схизматика, отрицая превосходство лошади, запряженной в фиакр, над лошадью, запряженной в катафалк, – я не очень хорошо понял причину спора, вы хотя бы понимали ее мысль, знали ее, опровергали, тогда как я, как тупица, ничего не понимал в тонкостях диспута, предлагал, как глупец, автомобиль, в общем, был несчастен и вызывал неприязнь. Я так люблю княгиню и способен только бесконечно сердить ее.

Мэри Нордлингер

[Июль или август 1905]

Дорогой друг,

Я получил вашу драгоценную посылку и от всего сердца благодарю вас. Великолепно! Я напишу вам завтра (если буду хорошо себя чувствовать; я собираюсь написать вам об этом уже два дня) относительно двух-трех объяснений, которые я не понял. Но (я так устал, что не знаю, что пишу) я не хотел больше ждать, чтобы выразить вам глубокую благодарность. Меня весьма повеселило ваше неприятие «Нравственного союза», и когда я дошел до вашей финальной вспышки гнева: «“Нравственный союз”, что за чушь!», то много смеялся! Мои пометы были совершенно неразборчивы, и я вижу, что некоторых вы не смогли прочесть, то есть прочитали их правильно, так, как они представились вашему взгляду, а не так, как их написала моя неумелая рука. Я не понимаю, почему так затягивается ваша ссылка, если можно так назвать пребывание на родине. Что касается меня, то мое заключение, мое уединение (которое вовсе не великолепно, как одиночество в тех краях, где обитают Мэри) продолжают становиться все тягостней, при этом у меня нет, как

у папы римского, вместе с которым мы бьем рекорд добровольного тюремного заключения¹, садов Ватикана для прогулок, впрочем, эти сады, наверное, принесли бы мне много вреда.

Сегодня вечером – неожиданный визит, и я, будучи, несмотря на усталость, не слишком разбит, что теперь случается очень редко, *принял* посетителя. Это был Рейнальдо, вернувшийся с многочисленных и довольно необычных пляжей, где он вел жизнь скорее водевилиста, чем музыканта, если верить его рассказам: думая, что идет к г-ну X через парадный вход, он оказывается у г-жи Z, пройдя через черный ход, но ничего страшного, так как он знаком и с г-жой Z и т. д., и т. д. Он вернулся в совершенном восторге от «Илиады», которую, по стечению обстоятельств, в чем нет ничего примечательного, я как раз читал. Ничего интересного, так как до этого я прочел повести Леметра², и желание ответить ему заставило меня взять эту старую, поразительную книгу, а Рейнальдо побудил к этому чтению вид пляжей, в которых он «ощутил» что-то гомеровское. Он признался, что его печалит тот факт, что «Илиада» – произведение анонимное и коллективное, а не плод «старого Гомера». Я утешил его, объяснив, что ученые считают теперь мнение о коллективном авторстве «Илиады» безосновательным и что таковым его всегда считали здравомыслящие люди. Он продолжал сомневаться, тогда я дал ему «Ревю де Пари», где блестящая статья г-на Бреаль³ ясно докажет ему, что

---

¹ Пий X (в миру Джузеппе Малькиоре Сарто; 1835–1914) – папа римский в 1903–1914 гг., святой. Возможно, имеется в виду тот факт, что он много времени проводил в воссозданной в Ватиканских садах пещере, в которой в Лурде Богородица явилась пастушке.

² «На полях старых книг» (1905) – сборник повестей Ж. Леметра, среди которых были пародии на Гомера.

³ Мишель Бреаль (1832–1915) – лингвист и историк.

Гомер существовал так же, как Массне, что «Илиада» была создана так же, как «Sesame and Lilies», и даже написана, а не рассказана. Мне показалось, что все это его успокоило. Но о том, как я, встав, чтобы купить этот благодетельный журнал, переохладился, отчего буду разбит в течение нескольких недель, я не могу вам написать из-за того, что у меня болят глаза, и это не так интересно с точки зрения истории литературы, да и просто истории, чем авторство «Илиады», мнение Бреаля и мнение Рейнальдо. Рейнальдо особенно поразила в «Илиаде» вежливость героев. Поскольку они называют друг друга «псами» и проводят время, раскраивая друг другу черепа, я не разделяю его мнения. Но это правда, что, даже понося друг друга, они говорят: «Знай, о, благородный Гектор, что я убью тебя, как собаку, пес ты этакий». «Подлая душа, подобная обитающему в аиде собачьему отродью, безупречная Елена».

Дорогой друг, я хотел донести до вас в Глэдвилл немного «атмосферы улиц Курсель и Альфреда де Виньи». Но я слишком устал, и мне это не по силам. Мне самому не хватает сегодня вечером «воздуха». Еще раз спасибо, весь ваш

Марсель Пруст

Госпоже де Караман-Шиме

[10 августа? 1905]

Принцесса,

Пишу вам коротко, так как очень плохо себя чувствую сегодня.

1. Что касается вашего гения.

Как вы знаете, присутствие в организме мышьяка можно установить косвенно, в результате химической

реакции или рассуждения, и прямо – обнаружив само вещество. Так же обстоит дело и с вашим гением. Его можно доказать косвенно, исходя из наличия гения у вашей сестры, более очевидного, так как он проявляется у нее с большим изобилием и постоянством. Тогда можно рассуждать так: госпожа де Ноай – гений. По словам разных, как выдающихся, так и скромных (это я о себе), людей, госпожа де Шиме превосходит свою сестру. Эти люди так думают, а я это говорю, но так не думаю. Я думаю, что если взвесить все за и против, то окажется, что она равна своей сестре. Следовательно, она – гений. Но это слишком незамысловатое рассуждение, содержащее явную возможность ошибки. Потому я предпочитаю заключить о вашем гении прямо. Хотя эта угроза гениальности может вас обидеть, неоспоримо, что вы действительно гениальны. Врач, который, предписывая вам определенный режим, не учтет того, что вы гений, совершит серьезный промах. И не сомневайтесь в том, что если вы немного больны и т. п., то единственная причина вашего недомогания – в том, что вы даете недостаточный выход вашему гению. Об этом можно было бы долго говорить, но я больше не в силах. Я вижу блистательные искры вашего гения на страницах, посвященных Флоренции, в «Отверженной», в ваших «Портретах». Если бы вы даже не написали ни строки и не произнесли ни слова, ваш гений исполнил бы молчаливым и высоким значением, гордостью ту строгую и мощную фреску, каковой вы являетесь, выражаясь в вашем взоре, словно в черном солнце правды (солнце правды, *sun of righteousness*, в английском переводе Библии). Разумеется, речь не о такой глупости, как бессознательный гений красоты. Я говорю о гении, имея в виду дух. Но я так устал!

Теперь о посвящении. Дело в том, что я не *восхищаюсь* или больше не *восхищаюсь* той личностью, с которой

вы требуете, чтобы я обеспечил ваше равенство. И если, обращаясь к ней, я назову себя «восхищенный почитатель», то все поймут, что это женщина, что ее мать больше всех живых существ (за исключением моих близких) сделала для меня, что я уже должен был ей все посвятить, но, не решаясь, надеюсь добиться того же результата, обращаясь к дочери¹, и т. д. На самом деле за мной полсотни посвящений: Франс посвятил мне новеллу, Монтескью – стихотворение, Робер де Флер – рассказ² и т. д., и т. д. Я всем им, в том числе г-ну Эрвье и т. д., и т. д., посвятил что-то в «Утехах и днях», но госпожа Лемэр заставила меня убрать все посвящения, так что я до сих пор никому ничего не посвятил. Всем этим лицам я должен в первую очередь, и вот почему эти два перевода я посвятил тем, кому должен больше всех – Рейнальдо и той даме³. Но прежде всех остальных я хочу воздать должное большому писателю, коим так восхищаюсь (принцессе К.-Ш.), и хочу составить посвящение в следующей форме, которая не позволит родиться мысли о снобизме в уме госпожи Арман:

Автору «Заметок о Флоренции» и «Отверженной»
Восхищенный почитатель

Что касается «друга», то на это я никогда не осмелюсь! Это было бы верхом дурного тона. Я слишком мало знаком с вами, принцесса. У меня будет такой вид, словно я похваляюсь слишком лестной дружбой (правда, тогда получается, что у меня к вам меньше дружеских чувств, чем к Сюзетте Лемэр, и эта неразбериха меня убивает. Но ни за что на свете я не поставлю слов «друг» или

---

¹ Имеются в виду Мадлен Лемэр и ее дочь Сюзетта.

² Р. де Флер посвятил Прусту рассказ «Графиня Триполи, легенда», опубликованный в журнале «Пир» в 1893 г. (Kolb. 5, 333).

³ Сюзетте Лемэр.

«дружба»). Вы были бы очень любезны, если бы сожгли это письмо, в котором я говорю, что не могу восхищаться теми, кто были столь добры ко мне так, как я бы хотел.

Ваш восхищенный почитатель (и тайный друг)
Марсель Пруст

Госпоже Штраус
[незадолго до 26 сентября 1905]

Сударыня,

Через день или два после того, как я получил ваше письмо (ваше первое письмо), быть может, из всех ваших писем доставившее мне наибольшее наслаждение, растрогавшее меня до слез тем, что вы не забываете меня и говорили обо мне с Видмером¹, что вы приглашаете меня к себе в Трувиль и т. д., через два дня после получения этого письма, преисполнившего меня оптимизма, я уехал с матушкой в Эвиан. Я был счастлив! Спустя *два часа* после нашего приезда у матушки начались головокружения, рвота, и она тяжело заболела. Пришлось везти ее обратно в Париж. Но этот обратный путь крайне ухудшил ее состояние. И теперь оно ужасно. Вот почему я вас до сих пор не поблагодарил за ваше письмо и очаровательный постскриптум, полученный от вас спустя несколько дней. Я так несчастен, что у меня нет сил писать. Матушка, которая нас так любит, не понимает, что с ее стороны жестоко не желать лечиться. Она поехала в Эвиан, страдая уремией; о чем никто не знал. Об этом стало известно только в Париже, так как в Эвиане невозможно было заставить ее сделать анализ. Когда я был один с ней

---

¹ Адольф Видмер (1864–1930) – швейцарский врач, лечивший г-жу Штраус.

в Эвиане, мне было больно видеть, как она с сильнейшим головокружением, несмотря на мои предостережения, спускалась утром в салон гостиницы, опираясь на двух человек, чтобы не упасть. В состоянии крайней слабости, представление о которой может дать вам тот факт, что она ничего не ест уже две недели, она продолжает вставать каждый день, умываться, тщательно одеваться, что ей совершенно противопоказано. И при этом невозможно заставить ее принять лекарство или что-нибудь съесть. Мне нет надобности говорить вам о том, как я опечален, и если бы у меня были силы написать вам подробнее, то вы бы увидели, что печаль моя еще сильнее, чем вы можете вообразить, и что не могло случиться ничего ужаснее. Впрочем, со вчерашнего дня есть некоторое улучшение, весьма небольшое, но врач (которого матушка изредка соглашается видеть) уверяет, что если матушка переживет этот приступ, то будет здорова, как прежде. Но мне трудно в это поверить. И я не сомневаюсь, что она уверена в обратном и страшно страдает духовно. Я всегда хотел умереть после нее, чтобы моя смерть не погрузила ее в печаль. Но, быть может, тревожная мысль о том, что она покинет нас, оставит меня, так мало приспособленного к жизни, одного или станет инвалидом, мучает ее еще больше. Пытаясь представить себе будущие горести, воображая самое грустное, я никогда не опасался такого развития событий. Простите меня, сударыня, за все эти подробности, но вы так добры, что я не мог написать иначе, как с сердечным чувством. Если на днях произойдет, как я думаю, более явное улучшение, то я вам напишу. Но вас я умоляю не писать мне, я знаю, что вы мне очень сочувствуете, и совершенно ни к чему писать мне, что утомит вас и потому огорчит меня.

*С искренним уважением ваш
Марсель Пруст*

Госпоже де Ноай

[Среда 27 сентября 1905]

Благодарю вас, сударыня.

Моя бедная матушка¹ никем так не восхищалась, как вами, и была бесконечно благодарна вам за то, что вы добры ко мне. Она умерла в пятьдесят шесть лет, а на вид ей было тридцать после того, как болезнь заставила ее похудеть, а особенно после того, как смерть вернула ей молодость, то время, когда она не знала горестей. У нее не было ни одного седого волоса. Она унесла с собой мою жизнь так же, как папа унес ее жизнь. Она хотела пережить его смерть, жить ради нас и не смогла ----- Она не захотела, выйдя замуж за папу, сменить иудейскую религию из особого уважения к своим родителям, поэтому отпевания в церкви не будет, только прощание завтра, в четверг, ровно в полдень, после чего мы поедем на кладбище. Однако не берите на себя труд приходить, разве что к нам домой. Но тогда ровно в полдень, так как дома никаких молитв не будет и мы сразу поедем на кладбище. Сегодня она у меня еще есть, мертвая, но еще получающая знаки моей любви. А потом ее у меня не будет никогда.

*Уважающий вас друг
Марсель Пруст*

Я хотел догнать вашего посыльного, но он уже ушел, так как я сказал, что никого не принимаю.

---

¹ Мать Пруста умерла 26 сентября.

Госпоже де Ноай

[Четверг вечером 28 сентября 1905 или вскоре после этой даты]

Сударыня,

От всего сердца благодарю вас (*не приходите!*), я напишу вам завтра. Сегодня вечером у меня слишком тяжелая голова. Я зашел в те комнаты, куда мне еще не приходилось заходить, и узнал неведомые прежде лики моей скорби, которая все больше, до бесконечности растет по мере того, как я в нее погружаюсь. Возле спальни матушки паркет всякий раз скрипит, когда по нему проходишь, и матушка, тотчас услышав скрип, слегка чмокала губами, что означало: иди поцелуй меня. И нужно будет покинуть эти места, такие грустные от того, что они были такими радостными, и ставшие частью моей души. Я напишу вам завтра или послезавтра, и мне очень жаль, что вы нездоровы!

Если бы г-н де Ноай мог написать мне, сколько стоят Соллье и Дюбуа и каков комфорт в их заведениях, то оказал бы мне большую услугу. Не знаете ли вы, согласен ли г-н Соллье лечить на дому? Но не спрашивайте об этом у него, так как я уже связан с таким количеством других врачей! Тогда как идеальным врачом кажется мне тот, кто вечно склоняется, как врач на соборе в Реймсе, над пузырьком с мочой, а вовсе не Вашид¹!

[Без подписи]

---

¹ Никола Вашид (1874–1907) – врач-невролог румынского происхождения.

Роберу де Монтескью

[Вскоре после 28 сентября 1905]

Сударь,

Не знаю, как мне благодарить вас за всю вашу доброту. Когда я буду не менее несчастным, ибо этого никогда не случится, а не таким больным, как сейчас, как только я смогу говорить и вставать, я приду к вам. Ваше сочувствие моему горю – новый и превосходный пример того, что

Листья Лилии развернуты вовне¹.

Вы подобны «Соломону во всей славе его»². Ибо «любовь из всех них больше»³.

Жизнь моя утратила свою единственную цель, свою единственную сладость, любовь, утешение. Я утратил ту, чья неусыпная бдительность позволяла мне вкушать в мире и любви тот единственный мед, который я еще порой вкушаю с отвращением в той глубокой тишине, что благодаря ей царит целый день, когда я сплю, и по привычке поддерживается обученными ею слугами и после того, как ее деятельность прекратилась навсегда. Я испил чашу всех страданий, я потерял ее, я видел, как она страдала, я догадываюсь, что она знала, что покидает меня, и не могла дать мне наставления, и тревожилась из-за этого, я чувствую, что из-за моего плохого здоровья был ее печалью и заботой. Чрезмерная потребность вновь увидеть ее не позволяет мне что-либо различить, когда я думаю о ней, только в последние два дня я отчетливо

---

¹ Слегка измененная цитата из поэмы Гюго «Конец Сатаны» (1886).

² Матф. 6:29.

³ 1 Коринф. 13:13.

вспоминаю два особенно мучительных момента ее болезни. Я больше не могу спать, и если случайно засыпаю, то менее щадящий, чем разум, сон являет мне тягостные, ужасные видения, которые, когда я бодрствую, мой разум старается отогнать и противопоставить им что-то, если они становятся невыносимыми. Одного только я избегал. Я избавлен от муки умереть раньше нее, зная о том, как это было бы для нее ужасно. Но настоящей пыткой было для нее и то, что она покидала меня навсегда, зная, как мало я способен в жизни бороться. Должно быть, она поняла, почему мудрые родители перед смертью убивают своих маленьких детей. Ухаживавшая за ней сиделка сказала, что для нее я всегда оставался четырехлетним мальчиком.

Простите меня, сударь, Гесиод говорил, что несчастные болтливы и любят рассказывать о своих горестях. Но все, кто страдает, связаны своего рода узами братства. «И так бедняк становится братом Иисуса Христа». Я никогда не забуду вашу заботу, вашу доброту, ваше великодушное сострадание.

*Глубоко благодарный вам
Марсель Пруст*

Госпоже Додэ

[Четверг 26 октября? 1905]

Сударыня,

Не было ни одного дня, чтобы я не думал о вашем письме и телеграмме, чтобы я их не перечитывал – не потому, что упрекал себя за то, что до сих пор не поблагодарил вас; думаю, вы понимаете, что мое молчание объясняется не моей неблагодарностью: мне слишком часто мешают предаваться моим мыслям, и когда я остаюсь один, то

мне хочется хотя бы еще день оставаться в том же состоянии задумчивости, словно я боюсь, что если начну, хотя бы в письмах к друзьям, выражать свои мысли, то это будет означать, что первоначальный период молчаливых размышлений закончен, и тогда, мне кажется, матушка немного отдалится от меня. Время жестоко потому, что отдаляет меня от нее, но не меняет моих мыслей, которые, напротив, обращены в прошлое, стараются приблизить ее ко мне, как в детстве, когда я провожал ее на железнодорожном вокзале, смотрел вслед уходящему поезду и должен был вернуться домой. Вы знаете, что Люсьен восхитителен, превосходит умом и добротой всех и вся, это словно мой благой бог. Сегодня, зная о том, что у меня будет особенно томительный день, он проявил ко мне такое милое внимание, написал мне замечательное письмо. Вы могли бы передать ему, что я был почти склонен не распечатывать его письмо, а сохранить, как ту малую дозу успокоительного, которую берегут на случай особенно сильной боли. Вчера я был слишком болен и не смог выйти, хотя и собирался.

Сегодня вечером я хотел ему написать на тот случай, если бы он собрался прийти ко мне, но я оказался в состоянии сделать это так поздно, и потом (но здесь я вхожу в такие неинтересные для вас подробности, сударыня) Рейнальдо, который должен был зайти к нему и спросить, не поздно ли прийти, сам опоздал, и в конце концов мы не решились его беспокоить. Я знаю, что матушка так восхищалась Люсьеном, что ее восхищение словно добавилось к моему. Я ему и впрямь бесконечно благодарен. Матушка всегда повторяла: я люблю тех, кто любит моего бедного мальчика, я им так благодарна. Если бы она видела, что значит для меня Люсьен. Матушка была такой скромной, что никто, кроме, быть может, меня, не знал о том, какой у нее большой

вкус. Эта она привила мне тот вкус, который есть у меня и который ничто по сравнению с ее вкусом. Но она его скрывала, и вы едва поверите, если я скажу о ее огромном восхищении вами. Перечитывая ваше письмо, я все воображал, что это она его читает и обращает мое внимание на каждое деликатное проявление чувств, на каждое изящное, тонкое, таинственное, поэтичное и впрямь божественное выражение, подлинные «нити Богородицы»¹. Мне было бы сладостно жить в таком непрестанном общении с ней, если бы чувство, что мое плохое здоровье сделало ее несчастной, тогда как она была так достойна быть счастливой, не мучило меня до такой степени и не мешало предаться моей скорби, которую я мог бы искренне излить только ей. Вы знаете, насколько материнская любовь чужда эгоизма, и понимаете, что она предпочла бы, чтобы я меньше любил ее и был счастливее. Ибо она была скромна и не верила, что одна может дать счастье. Но это была правда, которую я знал еще до того, как настали эти ужасные дни, и у меня были очень счастливые часы, воспоминание о которых все еще было бы счастьем, если бы угрызения совести от того, что я один наслаждался этим счастьем, тогда как матушка была грустна и беспокойна, не омрачали его.

Еще раз от всего сердца благодарю вас, сударыня, и Люсьена за всю вашу доброту. Прошу вас принять выражение моего глубокого почтения.

Марсель Пруст

---

¹ В переводе сохранено взятое в кавычки в оригинале выражение «нити Богородицы», означающее «летающие паутинки бабьего лета» и восходящее к легенде о том, что частицы нитей с веретена Богородицы разлетались по воздуху и согревали зимой птичьи гнезда.

Морису Барфесу

[Булонь-сюр-Сен¹, около 19 января 1906]

Сударь,

Если бы не болезнь, то я бы уже давно поблагодарил вас за ваше такое доброе письмо, которое я много раз перечитывал. Мне казалось, что матушка читает его вместе со мной, что мы вместе восхищаемся им, что она благодарит вас за то, что вы рождаете в моей скорбной душе волнение сладостнее, чем сама моя скорбь. Меня в особенности растрогали ваши столь приятные слова о том, что, как было сразу видно, я был тем, кого матушка любила больше всех. Это не совсем так. Таким человеком был мой отец, хотя и меня она очень любила. Но когда отец умер, она захотела – и не смогла – продолжать жить, чтобы не оставлять меня одного в состоянии тревоги, в какое я всегда погружаюсь без нее, чтобы не оставлять меня в особенности без советчика, без вожатого, безоружного перед лицом жизни, к которой она считала меня еще более неприспособленным, чем я есть на самом деле. Но если, в строгом смысле, я не был тем, кого матушка предпочитала всем остальным, хотя сама мысль о том, что она посреди своих обязанностей могла чему-то или кому-то отдавать предпочтение, показалась бы ей преступной, и, быть может, ей были бы неприятны такого рода нюансы, все же она меня бесконечно любила, и теперь для меня двойная пытка думать о том, что она могла знать, что покидает меня, и мучиться от этого, и в особенности сознавать, что все ее последние годы были омрачены постоянной тревогой о моем здоровье. Вот о чем я буду сожалеть каждое мгновение, что будет не только омрачать мне

---

¹ В этом парижском пригороде (ныне Булонь-Бийанкур) Пруст находился в санатории доктора Соллье.

всякую радость, если когда-нибудь я снова смогу радоваться, но и отравлять сладость воспоминания о ней и о той чудесной жизни, которой мы жили, когда из нас двоих жалели меня, когда я знал такое счастье, счастье эгоиста, наслаждаясь ее нежностью и добротой, в которых было столько скрытой печали. Вся наша жизнь была тренировкой: она учила меня обходиться без нее, если она меня покинет навек, и так с самого моего детства, когда она отказывалась желать мне без конца доброй ночи, прежде чем отправиться в гости, когда, оставаясь в деревне, я видел, как ее уносит поезд, когда много позже, в Фонтенбло, или этим летом, когда она уехала в Сен-Клу, я под всевозможными предлогами звонил ей каждый час. Эту тревогу развеивали несколько слов, сказанных по телефону, или ее приезд в Париж, или поцелуй. И с какой силой я переживаю теперь эти мгновения, когда я знаю, что уже ничто меня не успокоит. А я, со своей стороны, убеждал ее, что вполне могу жить без нее. Простите, сударь, что я говорю вам о таких личных вещах, и позвольте сказать вам еще о других: вы счастливы, ибо вы можете думать о ваших родителях без угрызений совести, говорить себе, что вы доставили им радость и прославили их, а также потому, что теперь ваше счастье составляет юное существо, которое будет с вами и госпожой Баррес всю вашу жизнь. А я теперь чувствую всю горечь слов Христа, которые я читал в Евангелии и часто – у Рёскина, слов, вся сила которых поразила меня только сейчас: «Птицы небесные имеют гнезда и лисицы – норы, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»¹. Еще раз от всего сердца благодарю вас, сударь. Примите уверения в моем восхищении и привязанности.

Марсель Пруст

---

¹ Матф. 8:20.

Я очень рад, что это событие совершается в Академии так просто и с таким блеском. Я, впрочем, до того, как меня постигло мое горе, уже писал об этом в одном журнале. Но академическое кресло – это такая малость для вас! Вы уже давно и навсегда стали членом более славной когорты.

Морису Барресу

Воскресенье [18 или 25 февраля 1906]

Сударь,

Я вам бесконечно благодарен за то, что вы прислали мне это великолепное «Путешествие в Спарту» (*в* Спарту, а не *по* Спарте, как было в Журнале¹: думаю, что путешествие по Спарте – это нечто материальное, просто поездка, а путешествие в Спарту – некий ритуал, который совершаешь один раз в жизни; так говорят: «Вы уже бывали в Венеции?»); и вы хотите точно оценить этот ритуал, предложив в качестве противовеса ваши чувства, исполненные легкости). Но вот чудо, которое меня поражает. Если я в чем убежден, так это в том, что для художника, как и для читателя, критерием красоты, гения, правды являются радость, воодушевление. Вы сами как будто имеете в виду нечто подобное, когда пишете о «жестах, о восторженных излияниях, которые только и убеждают». А Реңан говорит, что «хорошо пишут только о том, что любят». Так вот, первые восемьдесят страниц кажутся мне шедевром того из заключенных в вас двух Барресов, который напоминает насмешливого Шатобриана и впрямь язвит своими насмешками, но умеет охватить

---

¹ В журнале «Ревю де де монд», где в 1905–1906 гг. было впервые опубликовано «Путешествие по Спарте» М. Барреса, вышедшее затем отдельной книгой под названием «Путешествие в Спарту».

больше, чем Шатобриан, и при этом поразить с большей точностью. Я ставлю эти страницы выше замечательных и вызвавших неприятие страниц, посвященных Реннскому процессу. Простите, что я так говорю: «я ставлю их выше» и т. д., словно мое мнение что-то значит. Я только хочу сказать, что вопреки всем моим представлениям об искусстве вы никогда не бываете столь великолепны, столь полны вдохновения и не находите столько изумительных красот, как тогда, когда вам скучно и вы с пренебрежением взираете вокруг. Ваш высокомерный, пресыщенный, насмешливый вид, который я считал таким пагубным для искусства, восхитителен. Эти короткие выпады вроде: «тени Леконта де Лиля и т. д., привезенные из Парижа», «не стоило бы труда совершать это путешествие», «скоро ли кончится этот визит собственника», «претенциозное разрушение Акрополя», «в упоении от муляжей», «Так вот, на нем слой мази», «Ах! Греки не слишком из кожи вон лезли», «что до нас, бакалавров», «это предвыборная улыбка», «надо будет изучить эту этническую проблему прежде чем решить, скучал ли я в Мегаре», «где я был вполне расположен не тревожить их сон», «я болтал, как все» и т. д., все это восхитительно комично и лучше, чем Мольер, так как ближе к нам по времени. Когда я говорил о том, что этот насмешник остается Шатобрианом, я имел в виду удивительное благородство, придающее возвышенность его шуткам: «Или я уже слишком стар, что вижу здесь только помеху и не нахожу ничего приятного?», а говоря о том, что этот Баррес поражает с большей точностью, я имел в виду выражения, равные по силе словам Паскаля, их исключительную сжатость, твердость, подобную твердости пальцев, похожих на куриный клюв, придающие скрытую мощь стольким словам: «поочередно убаюкивающие нас имена, *столь красноречивые*, и берега, *столь молчаливые*», «эти истины,

перелившиеся в научные законы». Но я не хочу заставлять вас перечитывать всю вашу книгу, с трудом разбирая мои буквы. Шатобриан берет верх (я говорю о писателе, ибо как мыслитель вы другой!) постоянной красочностью стиля, тогда как у вас есть пустые страницы, которые вы позволили обглодать козам и где вы «часто скучали, как здесь». Есть даже хвалебные эпитеты, отдающие скукой и холодностью (в главе об Антигоне). Что касается другого Барреса, творца божественных мелодий, то никогда он не был так исполнен вдохновения, как во второй части книги и в Посвящении. Этот стеклянный улей свидетельствует о замечательной научной любознательности, в которой вы состязаетесь с вашим другом, госпожой де Ноай: дружба с ней делает вас молодым, вдохновенным Ламартином. Вы изучаете священные явления, держа Пегаса в узде. Я был очень рад прочитать это превосходное посвящение, придающее столько блеска вам обоим.

*Ваш глубоко признательный почитатель
Марсель Пруст*

*Рейнальдо Ану
[После 16 мая 1906]*

Любезный друг,

Бесконечно претенциозный стиль вас погубит. Как сказал Блаженный Августин, «черви заводятся в самых красивых плодах, а гордыне наиболее подвержены блистательные умы»¹. Бурдалу говорит «о тех, кто не

---

¹ Пруст цитирует проповедь Луи Бурдалу (1632–1704) «О евангельской строгости»; цитата из самого Блаженного Августина не установлена. Проповедь Бурдалу пересказывается далее Прустом по статье Ш.-О. Сент-Бёва «Бурдалу», вошедшей в его «Беседы по понедельникам» (т. 9, 1857).

стыдится не только нескромного превосходства, но и нелепой необычности, коей они похваляются как писатели¹, доходя до того, что воздают благодарение Богу за то, что они не такие, как все люди: *Gratias tibi ego, quia non sum sicut ceteri hominum*»². Что может быть восхитительнее той разницы, которую вы находите (и коей я совершенно не вижу) между «смертной во власти богов и... (ждешь чего-то иного, даже противоположного)... обычной юной богиней». Это напоминает бессмертное словцо, еще изысканнее, герцога де Муши³, которое вы у него позаимствовали или которое сами изволили придумать: «Как, только тринадцать франков! Это невозможно. Я думал – тринадцать франков с четвертью!» Не значительнее кажется мне и разница между смертной во власти богов и обычной юной богиней, вернее, я не понимаю, какая вообще между ними может быть разница, ибо, если я и догадываюсь – правда, очень смутно – что такое смертная во власти богов, то мне совершенно неизвестно, что именно древние и ученые мужи, вроде вас, «из тех, чьи имена на us»⁴, понимают под «обычной юной богиней». Такие тонкости хороши для какого-нибудь Рейнальдо или какого-нибудь Сент-Бёва, для великих литераторов и великих знатоков мифологии. Но не слишком ли неприлично подчеркивать разницу, которую простые смертные не способны увидеть, и демонстрировать пе-

---

¹ «...Как писатели» добавлено Прустом (Leriche. 350).

² «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди» (Лк. 18:11, лат.). Пруст пересказывает пассаж из проповеди Л. Бурдалу «О смирении и о гордости».

³ Антуан де Ноай, герцог де Муши (1841–1909) – политический деятель, бонапартист.

⁴ Цитата из комедии Мольера «Докучные» (1661), пер. Вс. Рождественского.

дантизм и манерность, являя эрудицию, заставляющую вспомнить Арсена Лабрюйера, «который, кичась своим умом, свысока взирает на людей и, видя их издалека, едва утруждает себя изречь, подобно оракулу, несколько слов»¹. Что до меня, бедного простачка, то я вижу во всем этом игру и насмешку. Конечно, ваша фраза восхитительна, крылата, но ее полет напоминает о насмешливой куропатке Лафонтена, которая

взлетает, и смешон
Охотник, что стоит, растерян и смущен².

Человек, над которым посмеивается ваша крылатая фраза, это я, следящий за ней с восхищением и негодованием. Но оставим наконец эту обычную юную богиню, которая тем более ни при чем, что я говорил не о Пуа³, а о Полиньяк⁴. Но вы вновь впадаете в педантизм и становитесь невыносимы, без всякой меры, когда осмеливаетесь упрекать меня за то, что я принимаю графиню де Грей⁵ за «Куланж, тогда как она всего лишь Тианж»⁶. Напишите

---

¹ Цитата из книги Жана де Лабрюйера «Характеры, или Нравы нынешнего века» (1687), пер. Э. Линецкой, Ю. Корнеева.

² Цитата из басни Ж. де Лафонтена «Две крысы, яйцо и лиса. Речь к г-же де Ла Саблиер» (1684).

³ Мадлен дю Буа де Курваль, принцесса де Пуа (1870–1944) – невестка Антуана де Ноая, герцога де Муши. Так Пруст демонстрирует свои собственные познания.

⁴ Имеется в виду принцесса Винаретта де Полиньяк.

⁵ Констанс-Глэдис Герберт, маркиза (а не графиня) Райпон, леди Грей (1859–1917) – английская меценатка, друг Оскара Уайльда.

⁶ Отсылка к письмам маркизы де Севинье. Куланжи были ее любимыми и превозносимыми родственниками, тогда как Тианжи, свойственники фаворитки Людовика XIV маркизы де Монтеспан, не ставились М. де Севинье слишком высоко.

это Сент-Бёву, Валенеру¹, Бюсси², но не мне! Это тем более нестерпимо, что всем нам, не знающим семнадцатый век, все эти второстепенные дамы, упомянутые в письмах г-жи де Севинье, кажутся почти одинаковыми. Тианж и Куланж – это одно и то же, и Куланж напоминает скорее имя какого-нибудь славного аббата³, а Тианж – имя одного из «малышей»: Тианжа⁴ или д'Эльбефа⁵, причем так и остается неизвестным, что именно г-жа де Севинье подразумевала под словом «малыш». Делать вид, что между Куланж и Тианж есть разница, которая бросается в глаза, значит ставить себе только одну цель: унижить меня. Вы говорите об этой ошибке как о столь возмутительной путанице, что указать на нее достаточно, чтобы уничтожить человека. Сказать: «Вы принимаете за Куланж ту, что всего лишь Тианж», все равно: что сказать: «Вы принимаете черное за белое». Значит, мы должны легко различать г-жу д'Аруи и г-жу де Лаварден, маркизу де Ла Трусс и графиню де Санзеи, принцессу де Тарант и графиню де Гито?⁶ К тому же ваша Куланж не столь блистательна, чтобы служить образцом и примером и быть естественно противопоставленной Тианж и Грей. Ибо я не думаю, что вы говорили о Куланж, урожденной де Без⁷, которая

---

¹ Шарль Валенер (1771–1852) – биограф М. де Севинье.

² Граф Роже де Бюсси-Рабютен (1618–1693) – кузен М. де Севинье, автор мемуаров.

³ «Весьма славным» маркиза де Севинье называла своего дядю, аббата Кристофа де Куланжа (1607–1687).

⁴ Клод-Анри-Филибер де Дама, маркиз де Тианж (1663–1708).

⁵ Анри де Гиз-Лоррен, герцог д'Эльбеф (1661–1748).

⁶ Имена упоминаемых в письмах М. де Севинье дам, ее подруг, бывших в том числе ее родственницами.

⁷ Мари де Куланж (урожденная де Без; 1576–1634) – жена Филиппа II де Куланжа, дяди М. де Севинье, в доме которого она воспитывалась.

заменила г-же де Севинье мать и действительно была женщиной выдающейся, или о тех трех Куланж, имена мужей коих я опускаю тем охотней, что совершенно их не помню. Вы наверное говорили о жене малыша Куланжа¹, о которой Сен-Симон писал, что ее надо было ко всему принуждать и всему учить и что ее муж говорил: «Может ли быть такая орфография у здравомыслящей, рассудительной женщины?» Впрочем, я бы назвал ее «здравомыслящей и рассудительной» только после постановок «Эсфири»², когда она внутренне переменилась и писала мужу, сопровождавшему герцога де Шольна³ в Рим: «Государь мой, надобно помыслить о чем-то более основательном». До тех пор она, может быть, и обладала умом, но была так же безрассудна, как и ее муж, и, что еще хуже, поощряла его безумства. Не стану особенно утруждать себя, дабы показать вам, сколь сильно я разъярен, тогда как это не так, и до какой степени вы претенциозны, тогда как вы просто стремитесь к изысканности, но предупреждаю вас, что ежели вы будете и впредь не знать меры и стараться прослыть Валенкуром⁴, то прослывете Лассэ⁵, а полагая, что стали Мере, станете скорее Тревиллем⁶. Все это пренеприятно,

---

¹ Филипп-Эмманюэль де Куланж (1633–1716) – поэт, кузен М. де Севинье. Его жена – Мари-Анжелика де Куланж (урожденная дю Ге де Баньоль; 1641–1723).

² Трагедия (1689) Ж. Расина.

³ Шарль д'Альбер д'Айи, герцог де Шольн (1625–1698) – губернатор Бретани, трижды королевский посол в Риме по случаю избрания папы римского.

⁴ Жан-Батист-Анри дю Труссе де Валенкур (1653–1730) – историкограф Людовика XIV.

⁵ Маркиз Арман де Лассэ прославился своими любовными приключениями.

⁶ Граф Анри-Жозеф де Тревилль – мушкетер и дамский угодник.

особливо то, что вы пожелали воспользоваться тем, что совершали Путешествие г-на Перришона, дабы, едва прибыв на Станцию Шамподе, пустить мне Пыль в глаза, прекрасно зная, что, когда вы вернетесь, я вас прощу, и вы снова станете возлюбленным Селимаром¹. Но это уже чересчур – желать доказать мне, что я не знаю даже грамматики. Впрочем, я весьма обессилен, и напишу вам в следующем послании разные милые вещи о белокожей Глэдис², у которой

На плечи голые ложится мирно снег³.

*Bunch*⁴

Роберу де Монтескью

[Суббота вечером 26 мая 1906]

Сударь,

Я был весьма тронут новым проявлением вашей доброты. Но оно же усилило мою печаль, так как я не могу прийти на вашу лекцию. Я так надеялся, что смогу прийти, и так сомневался в этом, что у меня начался жар. Думаю, что ваша лекция будет замечательной: как только я узнал, что вы написали о Моро, так тут же велел купить каталог и прочитал ваше прекрасное предисловие. Впрочем, слишком скромное, ибо вы упоминаете в нем «Двух

---

¹ Этот перечень, начиная от «Путешествия г-на Перришона», отсылает к названиям комедий Эжена Лабиша. Р. Ан вернулся из Лондона.

² Намек на леди Грей.

³ Цитата из Посвящения драматической поэмы Альфреда де Мюссе «Уста и чаша» (1831)

⁴ Прозвище Пруста в его переписке с Р. Аном.

сестер» Шассерио¹, но ничего не говорите о том, что написали об этой картине поразительные страницы, вы даже не повторили вашего наблюдения относительно того, что у двух сестер и у «Женщины, несущей голову Орфея» одинаковые косы, что было бы весьма ценно в этом предисловии. Все эти дни я надеялся пойти на выставку, но так и не смог. Скоро она закроется, и я не узнаю, как воспринимает ее шлифовальщик тех мыслей, которые вы высказали в вашем предисловии. Я хотел бы найти их выражение и подтверждение в картинах, представленных на улице Сез. Мысли мои так часто возвращаются к вашему горю, что сейчас я больше думаю о той радости, которую испытал бы Итурри, чем о его бешеной деятельности накануне вашей лекции. Вы должны чувствовать себя очень одиноким, не только занимаясь непосредственной подготовкой вашего выступления, но и из-за невозможности поделиться с вашим другом вашими планами и разделить с ним ваше торжество. Не забывайте все же о том, насколько возвысила эта смерть вас обоих. Он,

Лишь в смерти ставший тем, чем был он изначально,
поразил толпу, не понимавшую прежде,

что скорбная скрижаль
Царю немых могил осанною звучала.

Смерть его

Для крыльев Дьявола отныне будь метой².

---

¹ Теодор Шассерио (1819–1856) – художник-романтик, последователь Э. Делакруа. Картина «Две сестры» написана в 1843 г.

² Цитаты из стихотворения С. Малларме «Гробница Эдгара По» (1877), пер. И. Анненского.

А в вас она в еще большей мере явила весь блеск ума и всю щедрость сердца.

*Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст*

Она явила все это в вас. Но и, быть может, явила все это *вам*. Ибо, быть может, вы и сами не знали, на какую верность, на какие страдания и на какую благодарность вы способны.

Альберу Шапфону

45, улица Курсель

[Пятница вечером 8 или суббота 9 июня 1906]

Дорогой кузен,

Робер уехал в Канаду на конгресс, где он представляет Парижский университет. Я провел с ним несколько минут накануне его отъезда, а до того не видел несколько месяцев, так как он участвовал в конкурсе на место хирурга. Он получил это место и тут же отправился в Америку. В течение долгого времени, пока длился конкурс, он не мог прийти повидать меня, а я в последние полгода не покидал постели и также не мог к нему прийти. Зайдя ко мне на несколько минут, чтобы обнять меня перед отъездом, он сказал, что получил от вас письмо, которое его очень огорчило, так как вы пишете, что наш дорогой дядя Жюль утратил прежнюю бодрость. Он обещал прислать мне ваше письмо, но не успел. Теперь он пересекает океан и потому я, дорогой кузен, рискуя быть навязчивым, обращаюсь к вам с просьбой сообщить мне новости, так как я не смогу уже прочитать письмо, полученное Робером. Я бы приехал повидать вас в Иллье, если бы это

было физически возможно. Но вы наверное знаете, что после смерти матушки мне пришлось провести некоторое время в санатории. Потом я вернулся домой, но с тех пор вот уже полгода, как я не могу встать с постели и выйти из комнаты. Наконец, вы наверное знаете, что летом в сельской местности от цветов и вообще зелени у меня начинаются сильные приступы астмы, а сердце у меня и весь организм в настоящее время в таком состоянии, что это может иметь серьезные последствия. Вот почему, не имея физической возможности приехать и поговорить с вами, я осмеливаюсь попросить вас сообщить мне новости, если вас это не затруднит. Было бы также очень любезно с вашей стороны, если бы вы сообщили мне ваш точный адрес: я посылаю вам это письмо немного наудачу, не зная, живете ли вы по-прежнему на улице Сент-Эспри, которая теперь, насколько мне известно, носит имя папы. Вы были бы весьма добры, если бы сообщили мне также адрес моего кузена Андре¹. Две недели или месяц тому назад я получил открытку из Алжира, подписанную фамилией Амьо, без имени. Я предполагаю, что открытку послал мой кузен Андре, а не дядя Жюль, хотя я в этом и не уверен. Я не могу ее найти. Недавно у меня вышла книга, и из-за нее в моей комнате образовался страшный беспорядок, так что эта открытка с обратным адресом (кажется, улица Мишле) потерялась. И хотя в том состоянии здоровья, в котором я нахожусь, я не должен по возможности писать письма, я бы хотел ответить на эту открытку: она была прелестна. И я так люблю Андре! Если вы будете так любезны и ответите мне, то скажите, прошу вас, дорогой кузен, чем я мог бы услужить или доставить радость вам, дяде Жюлю, вам всем. Если вы

---

¹ Андре Амьо (1853–1931), сын Жюля Амьо и его жены Франсуазы-Элизабет, находился в это время в Алжире.

знаете, чем я мог бы порадовать дядю Жюля, может быть, лакомствами или чем-то еще, если вы хотите, чтобы я прислал к вам врача, который попробовал бы вернуть ему бодрость, непременно скажите мне, и я все сделаю. Примите, прошу вас, уверения в моих нежных чувствах.

Марсель Пруст

Роберу Дрейфусу

[Среда вечером 20 июня 1906]

Дорогой Робер,

Как я рад твоему большому успеху в Академии! Конечно, он не равен твоему таланту и твоему мастерству. Но для того чтобы награда была под стать твоему «Гобино»¹, она должна быть исключительной и присуждаться очень редко. Не надо требовать слишком многого. Будем радоваться тому, что талант чествуют и увенчивают, тогда как обычно он остается в неизвестности. Мне это тем приятней, что я слежу за твоими успехами и хорошо чувствую их ритм, я заметил, какое действие произвел твой «Гобино» на публику, обычно нечувствительную к столь высокой литературе, и вижу, что мощная волна громкого успеха завершилась академической пеной, которой ты вправе не придавать значения, но которую я нахожу прелестной. Не могу тебе передать, как я был счастлив, узнав об этом, и как мне было не по себе из-за статьи Бонье о «Сезаме». Зная, как хорошо относится ко мне Кальметт, хотя я никогда не мог понять, почему, будучи так мало знаком со мной и видя меня от силы раз в два года, он так добр ко мне, так восхитительно неизменно добр, я попросил его

---

¹ Книга Р. Дрейфуса «Жизнь и пророчества графа де Гобино» получила премию Французской академии. Граф Жозеф-Артюр де Гобино (1816–1882) – писатель, пропагандист теории неравенства рас.

в том случае, если он велит упомянуть обо мне, не поручать этого Бонье, который уже писал обо мне в прошлом году. Он не послушался меня, и Бонье написал краткое сообщение о выходе моей книги. Я был смущен, но мои опасения на этом кончились. Мог ли я предположить, что это краткое сообщение было только началом и что Кальметт пожелает, чтобы появилась еще и статья обо мне. Столько писать всего лишь о переводе! Боюсь, что опротивлю Бонье, а я его так люблю, что мне это будет очень неприятно. Больше не опубликую ни строки (что, увы, весьма возможно), не попросив у него предварительно письменного обязательства ничего не писать обо мне. Вообще же это прискорбная история, показывающая, до какой степени литература все меньше вызывает интерес и до какой степени самые умные из наших современников, не говоря уже об остальных, неспособны *читать*, даже *газету*. Как ты знаешь, я никого не вижу. Но в последнее время, вплоть до третьего дня (третьего дня я сделал попытку выйти из дома на четверть часа, не одеваясь, отчего мне стало так плохо, что, наверное, я больше никогда не возобновлю этой попытки) кое-кому из моих самых верных друзей удалось меня повидать. Так вот, *ни один из них* (а они все подписаны на «Фигаро») не читал статьи Бонье! Рейнальдо, столь, как ты знаешь, пытливый и любознательный, пришел ко мне на следующий день и спросил: «Вы вчера читали “Фигаро”?» Я скромно ответил: «Да». «Значит, вы читали статью Варенна?» Мы поговорили о статье Варенна, и, видя, что он больше не собирается говорить ни о чем другом, я спросил: «Как вам статья Бонье?» – «Я ее не видел». – Альбуфера, у которого вся семья подписана на «Фигаро», и он в том числе, написал мне, насколько странным кажется ему то, что, хотя я знаком с Кальметтом, «Фигаро» ничего не написала о «Сезаме». Я возразил, что напротив, написала, и даже слишком много, на что он мне ответил: «Ты не

ошибаешься? Моя жена каждое утро читает “Фигаро” от начала до конца, и о тебе ничего не было». Наконец я намекнул о статье Бонье в письме к Люсьену Доде, который ответил мне: «Я не видел ни краткого сообщения, ни статьи, о которых вы говорите (а он читает “Фигаро” каждое утро), не могли бы вы мне их прислать?» – Ах, я много не читаю, но если читаю, то не так. Уверяю тебя (*клянусь тебе*), что я поражен не от того, что это касается меня. И именно потому, что это касается меня, я не привожу других примеров, в том числе того, который меня наиболее потряс.

Прости, что рассказываю тебе о таких пустяках. Я написал тебе только затем, чтобы сказать, как мне было приятно увидеть твое имя среди лауреатов академических премий. Я был так счастлив! Если бы я не чувствовал себя таким нездоровым, я поблагодарил бы тебя за твое давешнее письмо: оно так меня тронуло, что я часто его перечитываю. Статья Бонье наполнила меня счастьем (хотя и с привкусом печали из-за стеснения в сердце, о чем я тебе писал, но я пользуюсь словом «счастье» как самым простым: надо выбирать простые слова, если хочешь закончить фразу), как и его прошлогодняя статья, когда мое Предисловие появилось в журнале, потому что эти статьи словно были написаны в сотрудничестве с моими самыми уважаемыми друзьями. В прошлом году я получил чудесное письмо от женщины, которую почитаю, как, думаю, и ты, за величайшего гения, госпожи де Ноай. Она писала мне восхитительные вещи об этом Предисловии и добавляла: «Вчера мы читали его с Бонье и т. д.». На следующий день вышла статья Бонье, словно полная «благоуханного воспоминания»¹ о букетах похвал, полученных мной накануне. Так и в этом году ты

---

¹ Цитата из стихотворения М. Деборд-Вальмор «Розы Саади» (сб. «Неизданные стихотворения», 1860).

мне пишешь: «Я читал его вчера с Бонье и т. д.», а на следующий день или через день я получаю целый букет похвал Бонье: твои изысканные, легкие строки возвестили о них подобно ласточке. В моем Предисловии мне больше всего нравится не то, о чем мне говорят. Но довольно говорить обо мне. Я хотел бы, чтобы ты почувствовал, что это о тебе я говорю, о моей благодарной дружбе.

Воображаю тебя на недавнем полднике в Булонском лесу, на котором была женщина, предмет твоего восхищения. Она и впрямь очень красива. Я, конечно, не мог прийти на этот полдник, но меня трогает то, что обо мне еще не забыли. Я устаю, когда долго пишу, и потому завершаю письмо.

*Весь твой
Марсель Пруст*

Госпоже Штраус

[Суббота вечером 21 июля 1906]

Сударыня,

Вы были так любезны, написав мне такие прелестные письма. Благодарю вас от всего сердца. Разумеется, никто так оригинально, по существу и так хорошо не писал о деле Дрейфуса. Вашей грации и уму вы обязаны вашей непогрешимостью. Забавно, что хотя бы один раз жизнь, в которой так мало романического, стала похожа на роман. Увы, в последние десять лет у всех нас было в жизни много горестей, разочарований, мучений. И ни для кого из нас не наступит тот час, когда горести превратятся в упоительные радости, разочарования – в нежданное исполнение желаний, а мучения – в сладостное торжество. Болезнь моя будет прогрессировать, мне будет все больше не хватать тех, кого я потерял, все, о чем я мечтал в жизни, станет

все более недостижимым. Но для Дрейфуса и Пикара все не так. В их жизни было нечто провиденциальное, как в сказках или романах-фельетонах. Наши печали основывались на истинах, имеющих отношение к нашей психологии, к нашему существованию или нашим переживаниям. Их же муки были следствием ошибок. Блаженны жертвы юридических и прочих ошибок! Только для этих людей возможны реванш и возмещение ущерба. Впрочем, я не знаю, кто постановщик последних «сцен» этого возмещения ущерба. Но он неподражаем и даже вызывает чувство волнения. Невозможно без слез читать о сегодняшней утренней «последней сцене»: «Во дворе Военной школы в окружении пятисот человек». Когда я думаю о том, с каким трудом мне удалось доставить Пикару, находившемуся в заключении на Мон-Валерьян¹, «Утехи и дни», у меня почти пропадает желание послать ему «Сезам и Лилии»: теперь это слишком легко. Я не могу найти в газетах историю командующего корпусом, о котором пишет «Деба», обратившегося в тот момент, когда он принимал командование корпусом, к председателю трибунала с речью, посвященной делу Дрейфуса. Предполагаю, что это генерал Галльени², но точно ничего не знаю и нигде ничего об этом не нахожу. Я хотел бы знать также имена депутатов, проголосовавших за повышение в звании Дрейфуса и Пикара. О чем будет вам неприятно услышать, я знаю, но надеюсь, что в письме это не вызовет вашей досады: я имею в виду то, что касается Мерсье. Мне не нравится, что Барту³ (ставший дрейфусаром несколько недель тому назад) прославился тем, что с такой грубостью, от которой становит-

---

¹ На Мон-Валерьян, холме на западе вблизи Парижа, находится крепость, служившая тюрьмой.

² Генерал Жозеф-Симон Галльени (1849–1916) – участник колониальных войн, будущий военный министр.

³ Луи Барту (1862–1934) – министр труда.

ся не по себе, оскорбил¹ этого гнусного подлеца: все-таки это семидесятипятилетний старик, имевший смелость подняться на трибуну сената под рев всех собравшихся, зная, что ему совершенно нечего сказать, кроме как привести смехотворный довод, что Кассационный суд заседал за закрытыми дверями и что процедура проходила не по правилам! Но мне пришлось бы исписать много страниц, чтобы выразить вам то, что я обо всем этом думаю, и я избавлю вас от них. Человек, который должен быть глубоко счастлив и который заслуживает этого, человек, достойный зависти, ибо он совершил столько добра, это Рейнах. Сожалею, что газеты и Палата депутатов чествуют его так скромно. Он сделал гораздо больше, чем Золя.

Сударыня, что касается Трувиля, то, возможно, я решусь снять вместе с очень хорошими друзьями жилье в августе возле Кабура. Это еще не точно, но как только я узнаю, где именно, то позволю себе вам написать, чтобы вы через Жака или Робера Дрейфуса или кого-нибудь другого узнали в Трувиле в агентстве по найму, что представляет собой это жилье, хорошо ли оно расположено, не вредно ли для здоровья, и т. д. Но если я и откажусь от этого плана, то, быть может, приеду в Трувиль один с моей кухаркой. Не знаете ли вы, сдается ли шале д'Аркур (маленькое шале в Ле Кренье), не опасно ли жить в таком уединенном месте, достаточно ли оно прочно и нет ли сквозняков в комнатах. Оно также не должно стоить в августе более 1000 франков, поскольку мне понадобится автомобиль и т. д. В общем, я был бы рад так безумно потратиться на Трувиль, но все же до определенного предела². Я хотел

---

¹ Бывший военный министр, при котором был осужден Дрейфус, Огюст Мерсье, пытался оправдаться в Сенате.

² После смерти отца и матери Пруст унаследовал около полутора миллиона франков с годовым доходом почти в 50 000 франков (Tadié. 792).

также нанять, один, небольшое судно и посетить Нормандию и Бретань, ночевать на его борту, а днем ходить к вам в гости. Но мне кажется, что за умеренную цену можно нанять только неудобные и очень опасные яхты. Если бы я не боялся шума и того, что нельзя будет согреть белье, то, наверное, самым дешевым жильем, тем более что я ем очень мало, были бы двухкомнатные апартаменты в Рош-Нуар. Но мне кажется, что стены там очень тонкие и все слышно, а в каминах, возможно, нельзя разводить огонь. Нормандия по моему состоянию здоровья мне не очень подходит. Даже в Трувиле туман, поднимающийся вечером из долины, вреден для меня, а морской воздух меня несколько возбуждает. Все же, если бы я нашел какое-нибудь солидное, не влажное и не пыльное жилище, современное и простое, расположенное не в окружении домов, а на пляже или на возвышенности и плата за которое не превышала бы 1000 франков в августе, то, быть может, я бы снял его. И, быть может, не дожидаясь сентября, чтобы опять отправиться на голгофу в Эвиан¹, я поехал бы на отдых уже в августе. Иметь судно было бы очень мило, но на парусном, наверное, было бы очень холодно, а на моторном, поскольку оно было бы очень маленьким, пришлось бы дышать выхлопами. Простите, что я так много и с таким простодушием говорю с вами о себе и моих планах. Я делаю это нарочно, так как вы в какой-то степени можете помочь мне их осуществить. Если я не хочу платить за снятое жилье больше 1000 франков (за гостиницу я готов платить чуть больше, так как там в стоимость входит питание и т. д.), то потому, что для меня это вообще очень много, к тому же я никогда не знаю, не начнутся ли у меня там, где я собираюсь жить, приступы и не придется ли мне

---

¹ С Эвианом были связаны воспоминания Пруста о предсмертной болезни матери.

уехать через два дня. Разумеется, если я буду себя прекрасно чувствовать, то, возможно, буду продолжать снимать то же жилье и в сентябре. Но думаю, что Эвиан был бы более разумным решением.

*Почитающий вас благодарный друг
Марсель Пруст*

Жоржу де Порто-Ришу

45, улица Курсель [21 или 22 июля 1906]

Сударь,

Я с большим удовольствием узнал, что вас назначили директором библиотеки Мазарини. Вы, кто так любит прелестные вещи и красивые книги, будете жить там в обстановке не столь изысканной, как ваша квартира в предместье Сент-Оноре, но тоже очаровательной. А каждое окно, словно эстамп, будет являть несравненный вид Сены и старого Парижа. У вас будет там уникальное, драгоценное собрание книг. Но все же пусть живущий в вас поэт умерит страсть идолопоклонника-библиофила, напомнив ему, что во всей этой сокровищнице книг едва ли найдутся две, стоящие «Влюбленной» или «Прошлого»¹, и что когда-нибудь первое издание этих двух произведений будет стоить столько же, сколько первое издание «Андромахи». Я с грустью думаю о том, что когда-то работал в библиотеке Мазарини как внештатный сотрудник. И что, если бы позволило мое здоровье, я бы по-прежнему оставался там под началом такого Мэтра, как вы! Надеюсь, что госпоже де Порто-Риш будет не очень жаль покинуть квартиру, которую вы наполнили столь-

---

¹ Психологические комедии Ж. де Порто-Риша, поставленные соответственно в 1891 и 1897 гг. и имевшие большой успех.

кими прелестными вещами. Она была так дорога вам не из-за них, а потому, что с ней связаны воспоминания, радости и печали целой жизни. Но израненное сердце¹ может оставить привычные, дорогие места только ради одного: ради молчания и благородства книг. Я уверен, что библиотека Мазарини станет подходящим местом для ваших мечтаний и вашей печали. И я думаю о том, как радовался бы этой библиотеке Марсель, который так жаждал знаний и так легко приходил в восхищение.

Примите, сударь, уверения в моем величайшем почтении и искренней привязанности.

Марсель Пруст

Эмилю Малу

45, улица Курсель

[Незадолго до 6 августа 1906]

Сударь,

Я бесконечно благодарен вам за ваше любезное письмо, которое представляет для меня тем большую ценность, что я вами глубоко восхищаюсь. Помимо других незначительных свидетельств моего восхищения я беру на себя смелость послать вам мою статью, напечатанную в «Фигаро». С тех пор прошло около двух лет, быть может, больше, но тогда я не осмелился вам ее отправить: до того плохой она мне казалась. Я и теперь того же мнения. Но, прочитав ваше письмо, я случайно нашел ее и решил позволить себе послать ее вам в доказательство моей симпатии, которую вы в ней увидите. Я надеялся, сударь, выразить вам все эти чувства как-нибудь при встрече.

---

¹ В 1905 г. умер юный сын Порто-Ришей Марсель.

Мой бедный друг Шарль Эфрусси¹ (я могу так называть его, несмотря на большую разницу в возрасте, потому что он всегда выказывал мне такую преданную дружбу) пообещал мне, если когда-нибудь мне станет лучше и я буду в состоянии выходить, устроить мою встречу с вами. Даже теперь, когда его нет, я мог бы испробовать другие возможности повидать вас. Но мое здоровье ухудшилось настолько, что я вот уже год или не покидаю постели, или не выхожу из комнаты.

Если бы я мог не выздороветь, но возобновить более или менее нормальную жизнь, то попросил бы у вас разрешения как-нибудь прийти засвидетельствовать вам мое почтение. Я уверен, что одно ваше почти случайно сказанное слово, которое надолго погрузит меня в мечтания, станет для меня источником огромной радости, что вы назовете мне какие-нибудь места, особенно волнующие красотой своих сооружений или своим пейзажем, и они станут целью моих паломничеств, если я вдруг смогу рискнуть предпринять какую-нибудь поездку.

Но все это мечты, которым не так легко сбыться. Если я смогу выходить из комнаты, то отправлюсь в путешествие, а это значит, что мне придется перенести на другой год радость знакомства с вами или вообще отказаться от нее. Я только хотел сказать вам, сударь, что ум мой следил за вашей мыслью с большим рвением. Ум этот ничем особенным не выделяется, но от этого он только еще больше представляет ваших почитателей, ведь я не один восхищаюсь вами. Вам должно быть известно, у сколь многих вы вызываете восхищение.

*Ваш благодарный почитатель
Марсель Пруст*

---

¹ Шарль Эфрусси (1849–1905) – историк искусства и коллекционер.

Разумеется, не берите на себя труд уведомлять меня о получении ни этого письма, ни глупой статьи. Но если я вскоре окажусь в состоянии куда-нибудь поехать, то позволю себе написать вам из тех мест, где буду находиться (быть может, из *Нормандии*, быть может, из *Бретани*, быть может, из *Савойи*, быть может, из *окрестностей Парижа*) и попрошу вас указать мне на какие-нибудь достопримечательности. Я совершенно не разбираюсь в архитектуре и попрошу совета у вас, скорее как у поэта, чем как у знатока. Вообще меня больше всего трогает романский стиль. Но мне показалось (судя по вашей статье о романской архитектуре для какого-то словаря по искусству или энциклопедии), что вы предпочитаете ему готический.

Бросив спустя два года взгляд на мою статью, я вижу, что в ней множество типографских ошибок: пропущенных или измененных слов, потерянных цитат, так что в ней уже почти нет никакого смысла. Но у меня нет духа за неимением переписанной набело рукописи восстанавливать первоначальный текст.

Эмилю Малу

[Версаль, среда 8 августа 1906]

Сударь,

Я был очень тронут, получив ваше письмо. Вы говорите в нем такие прекрасные вещи (например, о церквях, где можно найти «очарование Страстной пятницы»¹), что мне немного совестно хранить их для меня одного. Мне кажется, что я отнимаю у публики нечто, способное подарить ей радость. Такое чувство должен – должен был бы – испытывать коллекционер, не показывающий картину, достойную украшать музей.

---

¹ Имеется в виду эпизод из оперы Вагнера «Парсифаль».

Если я не поблагодарил вас раньше, то потому, что не хотел утомлять вас своими письмами и думал подождать случая, когда я мог бы спросить у вас ваши «соображения» относительно паломничеств в церкви или просто красивые места.

Вы так добры, ваши слова, обращенные ко мне, полны сочувствия и симпатии, потому скажу вам, что состояние здоровья, которое и впрямь лишает меня всего, что я люблю, длится более десяти лет. Сила приступов, которые вызывались малейшим перемещением, самой небольшой прогулкой, позволяла мне, впрочем, осознать глубину моей любви к памятникам прошлого, так как я знал, какую цену заплачу немедленно за те радости, которые я все же не переставал искать. Но физическое страдание так тесно переплеталось с радостью созерцания, что зачастую от последнего ничего не оставалось. Поэтому могу сказать, что почти ничего не знаю.

В настоящее время я в Версале. Мне удалось наконец покинуть Париж, но я очень нездоров. Кан, Байе¹, Ле-Ман², Фужер³, Витре⁴, Валонь⁵, Кутанс⁶, Пемполь – вот названия, которые по разным причинам так сильно будоражат мое воображение, что я, весьма возможно, уеду на день-другой из Версаля в одно из этих мест, куда так часто отправлялся в мечтах.

Быть может, и поблизости от Версаля есть столь же волнующие места. Во всяком случае, если я решусь поехать в Бретань, то позволю себе попросить у вас советов,

---

¹ Старинный город в Нормандии.

² Старинный город в двухстах километрах к юго-западу от Парижа.

³ Город-крепость в Бретани

⁴ Город в Бретани, где находилось поместье маркизы де Севинье.

⁵ Город в Нормандии, «Нормандский Версаль».

⁶ Старинный город в Нормандии.

несколько слов «духовного отца», которые вы так любезно мне адресовали. Как жаль, что такие люди, как вы, не могут составить хотя бы простой список достойных восхищения достопримечательностей в каждом департаменте. Мне кажется, что у вас должны быть ученики, которые постепенно могли бы сделать это, записывая ваши разговоры. Когда речь шла о тех, кем я глубоко восхищался, я часто жалел и сейчас жалею о том, что состояние моего здоровья не позволяет мне стать таким Эккерманом, чего мне очень хотелось бы.

Я решил не ждать случая попросить у вас совета и поблагодарить вас за письмо, которое меня так взволновало, и прошу вас еще раз, сударь, принять выражение моего восхищения и глубокой благодарности.

Марсель Пруст

Прошу вас простить меня за стиль и почерк моих писем. Вы, конечно, простите меня: я очень болен.

Госпоже Катюсс

[Версаль, вероятно в среду вечером 12 декабря 1906]

Сударыня,

Я был так болен последние два дня, что только сегодня утром взял мою почту и прочитал ваше письмо. Потом я уснул и проспал до вечера. Я встал около одиннадцати часов, написал вам, и мое письмо отправится к вам завтра на заре, но что же вы должны были думать обо мне все это время? Вы считаете меня неблагодарным! Вы говорите себе: он спешил написать мне, когда я была ему нужна, а теперь, когда я оказала ему услугу, он не берет на себя труд поблагодарить меня. Сударыня, меня очень

огорчает то, что вы можете так думать до тех пор, пока не получите этого письма. Я так благодарен вам за вашу доброту!

Все, что вы мне сказали, показалось мне – сквозь рассеивающийся туман, вызванный недугом, – великолепным. Я вовсе не настаивал на красных обоях¹, как вы решили. Именно обои ампир показались мне красивыми, хотя и красными. Но они там не подходят. И я вовсе не питаю отвращения к красному, наоборот! Я рад, что деревянная обшивка стен пригодится, мне показалось, что прихожая слишком мала, и я буду очень рад увидеть эту деревянную обшивку: матушке она так нравилась, она так любила свою прихожую. И даже вне зависимости от этого теплого чувства мне будет приятно видеть деревянную обшивку, она была восхитительной, что бы ни думала моя молодая невестка! Увы, то, что вы говорите о квартире на бульваре Османн, мне хорошо известно! Я не видел ее по меньшей мере пятнадцать лет, но помню, что она была верхом уродства, торжеством дурного буржуазного вкуса в ту эпоху, которая еще не отодвинулась в прошлое, чтобы стать безобидной! Это даже не что-то, вышедшее из моды в милом значении слова. Вышедшее из моды! Это что-то слишком уродливое, чтобы выйти из моды. Но я поведал вам о сладостной и грустной притягательной силе, влекущей меня туда, несмотря на еще большее отвращение, которое внушают мне квартал, пыль, вокзал Сен-Лазар и многое другое. Друзья, которые с такой восхитительной преданностью искали мне жилье, поскольку я не мог сам это делать, и знали, что мне нужно, мои вкусы и пожелания: чтобы не было деревьев, шума, пыли, чтобы квартал находился на возвышенности,

---

¹ 27 декабря 1906 г. Пруст переедет на новую квартиру на бульваре Османн, снятую в бывшем доме Луи Вейля.

и т. д., и т. д., не могут прийти в себя от удивления, узнав, что я выбрал «красивую квартиру» какого-нибудь Нусингена¹, менее богатого и гораздо более медлительного. Но я поведал вам причину, о которой, быть может, не сказал больше никому. Другую причину искать не надо, и разум ее не постигает. Если я решусь покинуть эту квартиру, то она хотя бы будет переходным этапом между местом, где для меня почиет матушка и которое не является кладбищем, но квартирой на улице Курсель, и квартирой, которую она никогда не видела, совершенно чужой. И к тому же к этому примешивается многое другое, о чем было бы слишком долго писать. То, что вы говорите мне о золотой осени в Версале, заставляет меня страдать! Ибо поверите ли, за исключением самых первых дней, когда, лежа в постели, я видел лучи заходящего солнца, я все время просыпаюсь с наступлением ночи и ничего не знаю об очаровании ни времени года, ни различных часов дня. Я провел четыре месяца в Версале, словно в телефонной будке, не увидев ничего вокруг. А прежде я все время ездил из Парижа в Версаль, так я люблю эти несравненные места, которые наша печаль сделала еще красивее, чем они были в своем первоначальном великолепии, и чья красота так увеличилась со времен Людовика XIV до времен Барреса! У меня нет перед глазами вашего письма, но мне кажется, вы говорите, что из малого салона нельзя сделать комнату *всю* в гобеленах. А мне бы этого хотелось, она напоминала бы мне прихожую в квартире на улице Курсель или «кабинет в гобеленах» на бульваре Мальзерб. Тогда пусть будут гобелены в столовой.

Видите ли вы Рейнальдо? Он все время звонит мне и хочет прийти, но мне действительно очень нездорово-

---

¹ Барон де Нусинген – персонаж нескольких романов Бальзака, беспринципный, деятельный банкир.

вится, надеюсь, что он не принимает мое поведение за равнодушие. Богу ведомо, что у меня к нему чувства совершенно противоположные! Не знаю, когда я смогу переехать в Париже на новую квартиру. Неслыханная необязательность управляющего зданием, отсутствие доброй воли у той, что снимает квартиру¹, заставляют меня оставаться в Версале на неопределенный срок в условиях крайней дороговизны и крайнего неудобства. Сразу по возвращении – даже если мне придется потом переезжать на новую квартиру – я буду болен в течение нескольких дней, как всегда после смены обстановки. Когда этот период пройдет, я постараюсь увидеть вас, у вас или у меня. Я перечту сегодня вечером ваше письмо, и если найду в нем пункты, на которые должен был ответить, то тут же сделаю это. Сейчас я хотел только поблагодарить вас, потратить на вас те немногие силы, которые остались у меня после этих приступов. Вы отводите под мою спальню голубую комнату. Мне будет в ней очень тяжело. Но если надо меблировать спальню, то и впрямь другой комнаты нет.

Сударыня, я хотел бы еще долго оставаться с вами, благодарить вас за труд, который вы взяли на себя ради меня, но, право, больше не могу. Благодарю вас от всего сердца и прошу вас принять выражение моей почтительной признательности.

Марсель Пруст

Из картин я хотел бы видеть только маленькую, облупленную пастушку, у которой чудовищное и породистое лицо испанской инфанты, портрет мамы и мой портрет кисти Бланша. В то же время точные копии

---

¹ Пруст во время своего отсутствия сдал свою будущую, снятую им самим квартиру (Tadié. 809).

картин Снайдерса¹ будут хорошо смотреться в столовой. Я знаю, что картина Говерта Флинка² (Товий и Ангел) представляет ценность и в общем хороший образчик живописи, немного темный, одного из лучших учеников Рембрандта. Но я рассчитываю оставить ее Роберу (да, впрочем, и все, что он пожелает), как и очень красивый портрет папы кисти Леконта дю Нуи³, предмет восхищения Жака Бланша, но думаю, что Робер будет очень рад иметь его. Я также пошлю ему, если он хочет (или оставляю для него в укромном месте), «Эсфирь и Амана»⁴, «Римскую историю»⁵ и картины Метсю⁶. Впрочем, если он сразу не заберет их, я не поставлю их в укромное место, а то моя невестка решит, что они ничего из себя не представляют. Но, по моему мнению, любая картина, которая не была *желанной*, купленной с трудом и любовью, выглядит ужасно в квартире. Уильям Моррис⁷ сказал: «Имейте в квартире только те вещи, в которых вы находите пользу или которые кажутся вам прекрасными»⁸. Так шкаф, стол, даже уродливые и бесполезные, рожда-

---

¹ Франс Снайдерс (1579–1657) – голландский художник.

² Говерт Флинк (1615–1660) – фламандский художник, автор натюрмортов.

³ Жан-Жюль-Антуан Леконт дю Нуи (1842–1923) – французский художник и скульптор, автор «Портрета профессора Пруста» (1885).

⁴ Картина фламандского художника Франса Франкена Младшего (1581–1642).

⁵ Возможно, речь идет о книге Тита Ливия «История от основания города». Французское издание – под названием «Римская история», 1864.

⁶ Габриэль Метсю (1629–1667) – голландский художник.

⁷ Уильям Моррис (1834–1896) – английский поэт, прозаик, художник.

⁸ Цитата из книги У. Морриса «Надежды и страхи искусства» (1882).

ют мысль о пользе. А картина, которая не нравится, это ужас. И я могу сказать так обо всех картинах, хороших или плохих, которые там будут!

P. S. Если мебель голубого цвета не подходит для моей спальни, то можно было бы добавить к мебели из бывшей спальни папы кое-что из мебели большого или малого салона, которая, быть может, не поместится в этих не столь больших комнатах.

Единственное, почему красивые (относительно) обои ампир кажутся мне не совсем подходящими, это потому, что вся деревянная обшивка прихожей матушки совершенно не в их стиле. Быть может, я мог бы тогда покрыть стены штофом (в подражание старым тканям Жуи¹; у меня были такие занавеси в спальне на улице Курсель и не будет больше, если у меня будут голубые занавеси). Я думаю поставить в большой или малый салон напольные часы из прихожей на улице Курсель, так как часы из малого салона на улице Курсель – весьма неприглядные, а чтобы купить красивые, у меня нет денег!

Еще один постскрипtum, дорогая сударыня. Если вы увидите Робера (или Марту), то скажите им, что я намерен обзавестись кое-какими безделушками, что, как вам известно, я хочу купить красивые напольные часы и, может быть, гобелены, что я постараюсь, если покину бульвар Османн, чтобы у меня был большой салон (если бы вы знали, с каким чудесным салоном можно было снять квартиру на улице Шерш-Миди), а если останусь, то убегу перегородку. Простите, что больше ничего вам не пишу, мне так нездоровится. Но если я когда-нибудь хорошо устроюсь где-нибудь, то не спрошу у вас ни малейшего совета! Ибо мне слишком хорошо известно, что вы даете их

---

¹ «Туаль де жуи» – набивные ткани с изображением исторических и пасторальных сцен, производившиеся во Франции в местечке Жуи-ан-Жоз с XVIII в.

с таким великим тщанием, что это все равно что заставить вас потратить месяцы вашей жизни.

Впрочем, если я говорю об этих планах, которые, наверное, не осуществляются, то лишь затем, чтобы моя невестка поняла, что я хочу оставить у себя красивые вещи.

*Ваш почтительный и благодарный друг
Марсель Пруст*

Мне кажется, что в моем бесконечном вчерашнем письме я сказал вам, в какой восторг привела меня ваша очаровательная открытка. Что касается цветов, которыми я не смог сам заняться, то я чувствую, что букет был сделан очень плохо, и очень этим огорчен.

Говорил ли я вам, что когда матушка подарила мне мебель с инкрустациями, то сказала: «Советую тебе сохранить ее и подарить Гиги и Бикотто¹ на свадьбу». Поэтому мне было очень приятно подарить эту мебель. Только мне кажется, что матушка сделала бы подарок получше. Поскольку ее нет, я боюсь, что от меня, который ее представляет, это не очень хороший подарок. Ну что же, ничего не поделаешь.

Лео Ларгье²
[Январь 1907]

Дорогой друг,

Вы, должно быть, удивитесь, что, будучи слишком больным, чтобы отвечать на письма, я сразу же пишу вам по поводу произведения, касательно коего (как го-

---

¹ Маргерит (1884–1967) и Валантин (1881–1944) Томсон – кузины Пруста.

² Лео Ларгье (1878–1950) – поэт, прозаик, литературный критик.

ворят нынче, словно выражение, которое не является плодом творчества, может сделать фразы красивее; в результате все, что мы пишем, будет датировано 1906, или 1905, или 1904 годом) вы меня никогда не спрашивали.

Дело в том, что мы должны больше заботиться о правде, ибо она призвана внушать почтение, чем о наших корреспондентах, и следует радеть прежде всего о ней. Потому, дорогой друг, если вы не помогаете установить правду, то кто это сделает? Вы достаточно умны, чтобы все понимать, но слишком ленивы или безвольны, не знаю, чтобы что-либо сотворить. Творец или человек посредственный имели бы право ошибиться. Вы ни тот, ни другой. Вы один из совершенно правильных умов, какие я знаю, способных верно судить о самых трудных вещах, а именно о произведениях действительно утонченных. То есть вы – редкий ум, а это можно сказать о немногих, и это накладывает на вас обязанности.

Как же грустно мне было узнать, что вы уронили ваш духовный авторитет, коим облекли вас ваш вкус и ваш возвышенный, правильный ум, удостоив вашего одобрения самое гнусное существо, полностью лишенное ума, стиля, знания грамматики, чувствительности, оригинальности (можно ли после этого говорить о таланте?), первого публициста, который заставил меня понять смысл слова «невыразимый», ибо мне противно его называть, г-на Леото¹. Я лично с ним не знаком и ничего о нем не знаю. Но я читал его книгу, которая называется «Моменты любви»², и если вы не находите, что это самая

---

¹ Поль-Фирмен-Валантен Леото (1872–1956) – писатель, при жизни известный как театральный критик и прославившийся многотомным дневником, опубликованным после его смерти.

² Автобиографический роман (1906) П. Леото, в котором выражено циничное отношение к жизни, любви, искусству и литературе.

отвратительная и глупейшая вещь, какая только может существовать, то один из нас двоих сошел с ума.

К сожалению, вы живете среди друзей, которые так часто употребляют слово «глупый», говоря об очень умных людях, коих они в глубине души считают очень умными, и слово «гнусный», говоря о весьма достойных и замечательных произведениях, что я вполне отдаю себе отчет: называя эту книгу гнусной и глупой, я не говорю ничего. Я говорю то, что вы сотни раз слышали о книгах Базена¹, Бурже, о людях величайшего таланта среди тех, кто вовсе не является избранным свыше.

Но «Моменты любви» г-на Леото! Я не говорю о моральной низости книги, потому что не смогу найти слов. Нет слов, чтобы выразить боль, которую доставляет вам человеческое существо, приписывающее себе чувства, по сравнению с которыми чувства самого жестокого убийцы кажутся достойными уважения. А что касается *таланта*? Скажем откровенно: рядом с этим в настоящее время ни в одной парижской газете нет ни одного романа-фельетона, который не был бы гениальным произведением и в котором не было бы чего-то большего. Что касается тех, кем мы не особенно восхищаемся, таких как господи Прево², Маргерит³, Провен⁴, Э. Арен⁵, Мендрон,

---

¹ Рене Базен (1853–1932) – романист, описывавший традиционную сельскую жизнь.

² Эжен-Марсель Прево (1862–1941) – писатель и драматург, получивший известность благодаря эротическим романам.

³ Братья Поль (1860–1918) и Виктор (1866–1942) Маргерит – романисты-бытописатели.

⁴ Мишель Провен (наст. имя Мишель-Габриэль Лагро де Ланжерон; 1861–1928) – романист и драматург.

⁵ Эмманюэль Арен (1856–1908) – государственный деятель, автор новелл и комедий в жанре политической сатиры.

Майор Z¹, Серж Бассе², Interim³ и другие, то их сочинения блещут знаниями, умом, изяществом, изобретательностью, полны человеческих чувств и эмоций рядом с этими зловонными страницами.

Дорогой друг, я надеюсь, что мы как-нибудь увидимся. В этот день, прежде чем пожать друг другу руки, мы совершим акт покаяния. Я вам прочту вслух, если у меня хватит сил, несколько страниц из «Моментов любви». После каждой фразы, после каждого слова вы исторгнете вопль отвращения, как говорили в те времена, когда я только учился читать. А потом мы обнимемся, радуясь тому, что мы люди, а не безымянная тварь, которая смогла написать такие вещи.

Не давайте слишком большой огласки (устной, разумеется) моему письму в этой его форме, ибо г-н Лео-то – один из тех немногих, с кем я очень боюсь драться на дуэли. Мне кажется, что я вступлю в поединок с духом тьмы. А я не столь чист, чтобы надеяться на победу.

Прощайте, дорогой друг, не утрачивайте из-за того, что ничего не стоит, вашей привилегии правильно судить и побуждать других правильно судить об искусстве и примите уверения в моих преданных чувствах.

Марсель Пруст

---

¹ Псевдоним Поля Фонтена (1859 – после 1930), автора книг о военно-морском флоте (Kolb. 7, 32).

² Псевдоним Пьера Шапотона (1865–1917), автора комедий и журналиста, сотрудника «Фигаро» (Kolb. 7, 32).

³ Так подписывался автор спортивной хроники в газете «Фигаро» (Kolb. 7, 33).

Люсьену Додэ

[Начало февраля 1907]

Дорогой малыш,

Вы унаследовали от отца ту *обоснованную* любезность, которая превращает доказательства уважать себя и восхищаться собой, предоставляемые другим, в столь выверенный шедевр, что те не могут противиться и восхищаются собой. Но, увы, в том, что касается таланта, совести, здоровья, счастья, ничто не может заменить того прямого и непосредственного доказательства, которое мы можем предоставить себе сами. И когда кому-нибудь, кто не радуется жизни, говорят: «У вас есть все, чтобы быть счастливым», тот предпочел бы этим словам немного бессознательного чувства счастья. Так и мне, когда я читаю вас, кажется, что у меня есть талант, когда же я читаю себя, а в особенности когда я пишу – (ибо я себя никогда не читаю) – (впрочем, я уже больше и не пишу), то хорошо *чувствую*, что таланта у меня нет! И мне от этого тем грустнее, что, когда случайно «Утехи и дни» (та книжка, вы знаете, которую иллюстрировала г-жа Лемэр) попадают мне под руку, я нахожу, что прежде он у меня был. Что касается этой статьи¹, то, чтобы закончить с ней, ибо мне совестно так долго говорить о себе, скажу, что я написал ее сразу набело, поскольку должен был сдать в тот же день. И, возможно, это обстоятельство может извинить многие ошибки, но не извиняет качества. И написана она хотя и быстро, но с трудом. Правда, после перевода «Сезама» я не написал ни строки, кроме писем и счетов. И у меня после того, как я так долго писал, так болел безымянный палец, что

---

¹ Речь идет о статье Пруста «Сыновние чувства матереубийцы», опубликованной в газете «Фигаро».

я вынужден был оставить статью незаконченной. Впрочем, объяснять все это слишком долго и скучно, и я подошел наконец к тому, о чем хотел сказать и что гораздо важнее: клянусь вам, что, когда я получаю от вас письмо, в котором вы пишете мне о том, что я сделал, у меня появляется чувство, могу даже сказать уверенность, что это письмо превосходит то, что я сделал. Вы можете сразу же ответить мне, что если то, что я пишу – плохо, тогда то, что пишете вы, может превосходить написанное мной, но ничего из себя не представлять. Но у нас нет нужды обманывать себя, и я могу сказать вам, что мне не так уж свойственна скромность, и если я считаю, что у меня нет таланта, что я не смог, по разным причинам, превратить мои дарования в талант, что мой стиль сгнил, не успев созреть, то вместе с тем я хорошо знаю, что в том, что я делаю, есть больше подлинных мыслей, прочувствованных вещей, чем почти во всех публикуемых статьях. Марсель Прево, Род, Маргерит и др. вскоре будут в Академии. И я хорошо знаю, что если бы мои статьи были написаны не мной и я бы читал их одновременно с их статьями, то мои заинтересовали бы меня гораздо больше. Не считайте меня Монтескью, если я так говорю. Я хочу сказать вам, что, считая вас гораздо выше себя, я считаю вас еще выше многих весьма уважаемых людей. Вы можете также ответить мне, что мои комплименты не могут убедить вас больше, чем ваши меня. Это не совсем одно и то же, ибо ваш талант, то, что не может радовать, если вы сами им не довольны, это талант живописца. И я думаю, что, напротив, вы должны быть довольны своей живописью, быть от нее в восторге. И вы не переставали заниматься живописью, тогда как я больше ничего не пишу. Мне кажется, что вы гораздо лучше использовали ваше время. Мне не следует переутомляться сегодня вечером, но хотелось бы все же

сказать вам нечто полезное, ибо полагаю, что это могло бы сделать вас счастливым, и я сам буду счастлив. Вы не правы, когда судите о себе всегда *во времени*. То, что в нас чего-то стоит, в те мгновения, когда оно чего-то стоит, – вне времени. Это какому-нибудь Рокплану¹ или Альфонсу Карру впору говорить: мне уже столько-то лет, мне было столько-то лет. Думайте о себе только как об инструменте, способном произвести те опыты создания красоты и правды, которые вы хотите, и ваша печаль исчезнет. Впрочем, Лафонтен начал творить самое раннее в сорок лет. В особенности это касается вашего искусства. Посмотрите, Хальс написал свои действительно прекрасные произведения после восьмидесяти лет, а Коро свои лучшие картины – после шестидесяти. И не думайте (покинем точку зрения искусства), что в старости вас будут меньше любить. Совсем наоборот. Я говорю вам о Хальсе и Коро, чтобы вы не думали о потерянном времени, но и не теряли его в дальнейшем. Если вы задумаетесь обо всем этом, то, как мне кажется, у вас появятся радость и страстное желание работать и жить, и я уверяю вас, что написал вам все это с самым сердечным чувством. Если вы признаете правду и пользу того, что я сказал, я буду счастлив в моей любви к вам.

*Ваш
Марсель*

Я буду вам очень признателен, если при встрече с г-ном де Монтескью вы не скажете ему ни что я сейчас в Париже, ни моего нового адреса. Я предпочитаю сказать ему обо всем сам, а покамест не хочу, чтобы он это знал. Если вы найдете возможным ничего ему не говорить (что во-

---

¹ Камиль-Жозеф-Этьен Рокплан (1802–1855) – художник, автор салонных портретов и пейзажей.

все не означает, что мои чувства к нему изменились), то окажете мне услугу.

Я мог бы сказать очень многое в ответ на то, что вы говорите (восхитительно) о привязанности, которая ослабевает и не усиливается (стих, процитированный в моем ненаписанном заключении, как и другой, который я не могу найти и который принадлежит к тому же литературному жанру: речь идет о детях, они

Неблагодарными, счастливые, не будут¹).

Но меня и впрямь утомило это длинное письмо.

Надеюсь, что, хотя моя уставшая рука плохо пишет, вы сможете все прочесть до конца, ибо мне кажется важным то, что я вам написал.

Госпоже де Ноай

[Среда 20 марта 1907]

Сударыня,

Я узнал, что моя статья² опубликована, из вашего великолепного письма, ибо я спал и еще не видел «Фигаро». Какая жалость! Я так и не получил вторую верстку и напрасно беспокоил вас последние два дня, спрашивая, что вы предпочитаете, чтобы я упомянул, и не смог ни добавить «Книги любви» Ронсара, ни заменить «Осенние листья» на «Легенду»³. Я, как в стихотворении Бодлера,

---

¹ Измененная цитата из комедии Эмиля Ожье (1820–1889) «Габриэль» (1849).

² Рецензия на сборник стихов Анны де Ноай «Блистания» (1907).

³ «Осенние листья» (1831) и «Легенда веков» (1859, 1877, 1883) – сборники стихов В. Гюго. А. де Ноай хотела, чтобы они были упомянуты в рецензии на ее сборник в качестве, очевидно, похвального сравнения.

простер длани к Богу, которому жаль меня¹. Впрочем, было еще хуже; ибо как только я получил вашу телеграмму, я попросил «Фигаро» и бросился читать строки, которые вас касаются, дабы насладиться моим страданием, найдя только «Цветы зла». Я плохо искал, я сначала ничего не нашел, решил, что они о вас ничего не напечатали, и почувствовал, что мне плохо. Но спустя мгновение я нашел строки о вас и благодаря испытанному смертельному беспокойству порадовался тому, что иначе огорчило бы меня, так что мне оказалось достаточно «Цветов зла» в сочетании с «Осенними листьями». Но если бы вы знали, какие тут купюры (я говорю о тех, что сделаны не с моего согласия, а без моего ведома!), благодаря которым ничего не понятно! Так, в начале я писал, что не столь искренняя дама после того, как в течение двух часов она покрывала нас ласками и лобзаниями, вынимает часы и говорит, и т. д. И целомудренный Кардан был встревожен, ибо, не предупредив меня, он сократил этот визит, лобзания и пр., так что пассаж начинается со слов: «вынимает часы», что лишено всякого смысла.

Сударыня, подумать только, о такой плохой статье вы написали такую восхитительную страницу! Однажды вы так хорошо объяснили мне – в связи с одним вашим письмом Грегу – секрет ваших несравненных любезностей, что они не могут меня обмануть. Но даже не веря, не можешь не восхищаться красотой сказанного вами, тонкой игрой, когда вы упоминаете различные пассажи статьи, переделывая их, отмечая словом гения то, во что мне не удалось вложить даже талант. Таково появление принцессы де Шиме, которая приносит вам духи, и завитки ее каракуля говорят о времени года – как бо-

---

¹ Отсылка к стихотворению Бодлера «Благословение» (сб. «Цветы зла»).

жественно, а для меня волнительно вдвойне, так как принцесса де Шиме столько значит для меня, у меня даже было ощущение, о котором не смею вам рассказать, когда я говорил по телефону, что это она говорит со мной, тогда как это были вы, мне казалось, что я ошибаюсь, и у меня было такое чувство, словно ее личность заключила в себе другую.

Сударыня, у меня так болит рука, что я не могу вам писать и не знаю, что говорю. Только позвольте мне поблагодарить вас за ваше благословенное письмо, после которого мне стыдно, что статья, столь более низкая по уровню, чем это письмо, опубликована, даже если знаю о нем только я, и простите ту нелепую, совершенно недостаточную фразу о вас, которую я рассчитывал дополнить, но только набросал начало, так как не смог в первый день, прежде чем возвратить первую верстку, вырвать у вас по телефону секрет тех книг, сравнение с которыми вашей порадовало бы вас. Но и в настоящем виде статья способна раздосадовать других поэтов, а это уже что-то.

Ваш поклонник, счастливый от подаренных вами сегодня утром чудесных фраз,

Марсель Пруст

Роберу де Монтескью

[Вторник вечером 26 марта 1907]

Сударь,

Я надеюсь, вы почувствовали в моем поспешном, сбивчивом и кратком телефонном сообщении большую радость, которую доставило мне ваше письмо, и мое желание, чтобы упомянутое в нем намерение немедленно осуществилось. Еще прежде этого сообщения я вам долго звонил, но у вас никто не отвечал, и это заставило меня,

поскольку я не мог с вами связаться, продиктовать мое сообщение служащему в Нейи. Обо всем этом я хотел рассказать вам в более подробном письме. Но вчера у меня был сильный приступ, и я напишу вам всего несколько слов, чтобы поблагодарить вас и сказать, о чем я чаще всего думаю, жалея о том, что до сих пор не сообщил вам моих мыслей.

Я был очень тронут тем, что вы, написавший статью о Бердсли¹, – если бы строки о *предвидении* (то ли это слово, которое вы употребили? во всяком случае, оно кажется мне очень точным) архитектора и садовника принадлежали мне, то я был бы спокоен и больше не пытался написать что-либо другое, ибо что может быть прелестнее? – так вот я был тронут тем, что автор таких строк не забыл поздравить меня с моими статьями! И многое другое меня растрогало, но сегодня я утомлен и пишу вам только о главном.

В сущности, не плохо, даже хорошо, что у вас не было времени на это чтение², если только вы согласитесь дать мне на время тот фрагмент, ибо я воспринимаю только то, что читаю сам и один. Для меня чтение – это одиночество (и вы знаете об этом, если взглянули на мое предисловие к «Сезаму и Лилиям», на то предисловие, о котором вы обещали поговорить со мной, но я так и не знаю, прочитали ли вы его). Согласились ли бы вы передать этот фрагмент?

Я начну понемногу выходить. Одному Богу известно, сколько недель будут длиться приступы после каждого моего выхода, но все же, как только я решусь на более дальние прогулки, то поеду в Нейи. Так будет лучше, ибо

---

¹ Обри Бердсли (1872–1898) – английский художник-график, поэт, представитель модерна.

² Речь идет о предполагавшемся в доме Пруста чтении фрагмента из новой книги Р. де Монтескью.

я найду момент, когда почувствую себя не таким больным и мне не будет грозить жестокая необходимость отказаться от возможности видеть вас, если вы придете. Впрочем, и до наступления перемены в моем образе жизни, за исключением тех дней, когда у меня приступы, вы могли бы повидать меня в семь или девять часов¹. Я не приглашаю вас в восемь, так как у меня еще нет ни кухни, ни столовой.

Посылаю вам – с признательностью за дар и обещание – «Гортензии»². Поверьте, что я сознаю, как много в этой книге мыслей, чувств, красоты, ума. Я часто читаю ее и очень хорошо знаю. Мне кажется, что я понимаю и люблю ее.

Эти погожие дни, которые я ощущаю, не имея возможности лицезреть, рождают во мне неутолимое желание красок, природы, видимого мира. Если у вас есть какая-нибудь поэтичная фотография, что-нибудь воздействующее на чувства, что вы могли бы дать мне на время, чтобы развлечь меня и позволить мне помечтать, то это было бы весьма драгоценно для меня в моем печальном состоянии.

Примите уверения в моем уважении, живейшей привязанности, великом восхищении и благодарности.

*Ваш
Марсель Пруст*

Я глубоко благодарен вам за ваши милые заботы о моем здоровье, о которых свидетельствует ваше письмо. Это то, что меня глубоко трогает. И чего я заслуживаю. Представьте, что я встаю (не одеваясь) раз в неделю!

---

¹ То есть до или после ужина, начало которого во Франции – в восемь часов.

² «Голубые гортензии» (1896), сборник стихов Р. де Монтескью, на котором он обещал сделать надпись.

Роберу де Монтескью
[Среда 15 мая 1907]

Сударь,

Простите, что не сразу ответил вам. У меня в последние два дня был такой сильный приступ, что ничто не могло вернуть мне силы писать.

Вы говорите, что мое письмо позабавило вас. Ваше меня огорчило, ибо вы говорите мне, вполне осознанно, две очень неприятные вещи посреди других, любезных, за которые я вам очень благодарен.

Что касается статьи, то вы угадали. Но не знаю, правильно ли я понял фразу, в которой вы мне о ней говорите. Вы как будто полагаете, что я намеренно умолчал о ней (мне казалось, что я, напротив, все сказал вам). Но, во-первых, я не понимаю, по какой причине я мог желать, чтобы вы о ней не знали. Во-вторых, такая уловка была бы совершенной глупостью, так как статья предназначалась для «Фигаро», которую вы читаете каждый день, а имена госпожи де Ноай и мое, каким бы прославленным ни было первое и каким бы обреченным на вечную безвестность ни было второе (во всяком случае мое полное имя), вам слишком хорошо известны, чтобы не привлечь вашего внимания, даже если бы вы не стали читать статью. Я понимаю, газеты читают так, что здесь нельзя быть ни в чем уверенным. Бонье печатал одну за другой посвященные мне очень милые статьи, краткие уведомления и пр., а мой друг д'Альбуфера, подписанный на газету, не увидел ничего, как он меня уверял. Наконец Бонье напечатал на первой странице статью, на этот раз под названием «Сезам», то есть под тем же, что и книга, которую д'Альбуфера только что получил. Он сравнивал меня в ней с Монтенем и другими достойными лицами, так что мне показалось не лишним узнать, какой эффект

она произвела. Я сказал о ней д'Альбуфера, который стал уверять меня, что я ошибаюсь, что в тот день обо мне не было ничего в «Фигаро», что и его жена ничего не видела и т. д. Наконец недавно одна дама сказала моему другу, который сообщил ей, что я опубликовал в «Фигаро» две или три статьи: «Вы ошибаетесь, это наверное в другой газете, я каждый день читаю “Фигаро” от начала до конца и уверяю вас, что если бы там была статья г-на Пруста, которого я знаю, то это имя бросилось бы мне в глаза». Так что возможно, что если кто-то хочет скрыть от кого-то свою статью, то не сказать об этом – не такой уж плохой расчет, ибо никто ничего не видит и не читает. Но в моем случае я мог быть только счастлив, если бы вы знали, что я готовлю статью о госпоже де Ноай. Это изумительная тема, коей вы были, как и во всем остальном, первооткрывателем, и разделить честь с Юпитером после, увы, полусотни других авторов ни в коей мере не является для меня позорным. Только статья – из рук вон плохая. Такой она была уже в тот день, когда я написал вам. Но как только я отправил мое письмо, статья вернулась ко мне из «Фигаро» с сообщением, что она займет всю газету и что я должен сократить две трети. Несколько оставшихся обрубков больше не имеют никакого вида, и, заставь меня кто-нибудь съесть эти останки моих чад, зарезанных мною самим, я бы их не узнал, как Пелопс своих детей.

Я в особенности прошу прощения за то, что говорю с вами с таким простодушием и так подробно о том, что касается лишь меня и что представляет так мало интереса. Если бы под конец этого письма я так не устал, то попросил бы у вас сведения о шале Шиклер¹ на тот случай, если вы однажды найдете возможность мне написать

---

¹ Шале в окрестностях Сен-Морица.

и будете так добры сообщить их, точнее, спросил бы, есть ли не так далеко, а в особенности не так высоко, жильё такого рода, которое производит (при необходимости и как нечто незнакомое) подобное благотворное впечатление своей сохранностью или тем, как оно воссоздано. Но если однажды я смогу добраться до Нейи, то мне было бы очень интересно послушать, что вы скажете об этом – и обо всем остальном. Вся глава о Сен-Морице – прелестна. Я еще прочитал совсем немного, будучи очень болен, но мне все бесконечно нравится.

Ваш верный и порой опечаленный почитатель
Марсель Пруст

Я вскрыл мое письмо, чтобы сказать вам, что только что прочитал вашу чудесную статью¹. В частности, фраза о Галатях, убегаящих к ивам лорда Хертфорда, – прелестна.

Морису Дюпле
[Начало июня 1907]

Дорогой Морис,

Я прочел твою большую и прекрасную книгу², и мне бы хотелось иметь побольше сил, чтобы лучше сказать тебе о ней. Я поистине восхищен мощью прекрасной и сильной идеи, которая одухотворяет твой труд, и тем, с какой силой ты сделал его столь естественным и в то же

---

¹ Речь идет о статье Р. Монтескью, посвященной парижской выставке «Портреты женщин».

² Роман М. Дюпле «Наваждение» (1907), в котором престарелый ученый, влюбившийся в дочь своей любовницы и терзаемый ревностью, убивает себя и их в автомобильной катастрофе.

время столь строгим доказательством закона жизни, так что нет ни одного эпизода, будь он чистой реальностью или прелестным вымыслом, ни одной фразы, предъявляющей образ то поэта, то социолога, которые не были бы необходимым звеном в твоём долгом и великолепном доказательстве, новым этапом на пути к развязке, к заключению, после которого, вслед за тем как содеянное совершилось, ты сумел оставить – как и при описании самого происшествия – недоговоренность, умолчав о деталях и сделав конец внезапным и обнаженным, что так хорошо соответствует заключительному падению, я имею в виду также нравственное падение, знаменующее возврат к доисторическому животному, ибо в этот момент не только автомобиль оказывается плезиозавром¹. И сами твои поэтические фразы пропитаны той же идеей, я хотел привести тебе в качестве примеров «руки возлюбивших деревья», «изобретение современности с руками доисторического человека», но у меня нет книги перед глазами. Иной раз я бы отчасти осудил твои фразы за это, я не одобряю голую тенденцию, ибо твой инстинкт поэта и богатство твоего языка позволяют тебе избежать этого недостатка: вот о какой тенденции я хочу сказать: о той, что свойственна Жоресу (какой отвратительный писатель!), который делает образ просто слугой рассуждения, подобно тому, как рельефный план помогает ученикам лучше понять урок. Нет, причина образа должна быть в нём самом, рождение его должно быть неожиданным и божественным. И ты, подлинный, великолепный поэт, знаешь это лучше кого бы то ни было. Тот, кто сказал о мускулистых, словно атлеты, деревьях, что весной их чело украсится венками, тот создал один из

---

¹ В конце романа М. Дюпле герой направляет свой автомобиль к обрыву, и тот уходит под воду, «как плезиозавр».

самых великолепных образов, которым может по праву гордиться писатель. Мне кажется, что я уже говорил тебе о звездах под муслином ночи в самом начале. Мне также очень нравятся города, окаменевшие от гнева Иеговы или обращенные в руины по прихоти героя. Автомобиль в цветах, и мельница, и вся эта сцена – прелестны, нагая женщина под покровом поцелуев – также драгоценная находка, как и «великолепный атриум мира иного». Где-то там же, мне кажется, нагромождения камней, столбы, мавзолеи и кресты на путях его жизни. Иней и свет, блестящие на нагих ветвях, словно золото и бриллианты на руках гигантш, колеса, взметающие цветы, словно пламя фейерверка, все это великолепные новые плоды воображения, языка и мысли, очаровавшие меня по ходу чтения. На случай переиздания обращаю твое внимание на следующее: «словить недомогание в море» – действительно плохой вкус, «наверное, я смоюсь» Бревена звучит слишком вульгарно и не соответствует общему тону, «убийственное настроение» весьма возможно в его случае, но не слишком «выдержано» на фоне прекрасного языка всей книги, и наконец нечто, что представляется мне грубой ошибкой во французском языке (ошибка должна быть вопиющей, чтобы поразить меня, ибо никто не знает синтаксических правил хуже, чем я): «новая любовь, коей он упивался опьяняющими гроздьями». Все описания природы (я имею в виду физическую природу, вся нравственная природа описана безупречно) превосходны, всякий раз, когда ты описываешь растение, животное, небо, воду, каждый оттенок точен и прелестен. В особенности совершенны твои картины воды, будь то гребень морской волны, отливающей вечером бронзой и пурпуром, или покрытое птицами озеро на японской ширме. Добавлю все же, что из-за более «изысканного» выбора менее любимых мест (во всяком случае я предпо-

лагаю, что дело в этом) я не нашел ничего равного красивым картинам водных пространств, придающим столько великолепной поэзии местности, описанной в «Закале», книге, впрочем, которую эта в других отношениях намного превзошла, в частности, важностью доказательства и высотой идеи, постоянным углублением психологического анализа, который никогда не исчезает и не ослабевает. Я мог бы еще многое сказать тебе, дорогой Морис, похвалить тебя и за другое, выразить порой свое несогласие и даже сделать критические замечания, но мой ум и даже моя рука устали, и я вынужден закончить письмо (надеюсь, что ты получил то, которое я послал тебе примерно неделю тому назад?). Я хотел бы также поздравить тебя с твоими великолепными типами, такими как Любан-Лютри и др., с той всегда поразительной и строгой правдой, которая отличает даже самые общие описания нарядов вплоть до якоря на тапках моряков. Как видишь, я читал тебя с вниманием, которого требовала вовсе не дружба, но твой талант писателя. Когда я немного отдохну после этого чтения и этого письма, то напишу г-же де Ноай и расскажу ей о твоей книге, как ты просил, и будь уверен, что этим моя пропаганда не ограничится, что я обращаю на книгу внимание всех, кого увижу или кому напишу. Но что касается г-жи де Ноай, то я не теряю надежды познакомить тебя с ней. В ее случае женщина стоит писателя. И разговор ее блистателен и забавен, о чем ее творчество, совсем другого рода, не может дать представление. Она постоянно болеет, и она тоже, но в конце концов, быть может, для нас наступят лучшие дни. Говоря «нас», я имею в виду и тебя, милый Морис; я буду счастлив узнать, что состояние твоего отца несколько улучшилось и что успех твоей книги немного осветил печальное жилище. Кстати об успехе. Поскольку я живу, отделенный от всего и от всех, было бы очень мило с твоей стороны,

если бы ты, когда о твоей книге будут писать в каком-нибудь журнале или газете, сообщал мне дату и название публикации, чтобы я мог прочитать ее. Мне хотелось бы знать, какое впечатление производит твоя книга.

*Твой с нежностью
Марсель Пруст*

Госпоже Штраус
Пятница [21 июня 1907]

Сударыня,

Простите, что опять досаждаю вам: знаете ли вы теперь, что будете делать 1 июля, сможете ли вы прийти на ужин или только после? Мне очень неприятно беспокоить вас. Но дело в том, что *шесть* человек ответили мне так же, как вы! Если меня оставят в неизвестности до последнего дня, то я рискую, в том случае если буду рассчитывать на тех, кто не придет, остаться один на один с госпожой д'Оссонвиль, при отсутствии ее супруга, и госпожой де Клермон-Тоннер, которые придут наверняка, что, как я полагаю, не доставит им большого удовольствия, так как я с ними очень мало знаком, или, в том случае если, желая избежать этого, я приглашу других, а в последний момент шестеро, не давших определенного ответа, придут, я не буду знать, где посадить дам, или во всяком случае посажу их плохо¹. Так что, если 1 июля вы скажете мне в семь часов вечера, что придете на ужин, я буду в совершенном восторге, но посажу вас очень плохо, если другие шестеро тоже придут, как и те,

---

¹ На званом обеде или ужине во Франции почетных гостей принято сажать по правую и левую руку от хозяев дома, то есть количество таких мест ограничено. Женщины за столом должны чередоваться с мужчинами.

кого я еще приглашу. Я пригласил госпожу Эмери де Ларошфуко, которую не видел несколько лет, но с которой хотел бы, чтобы вы подружились, ибо я уверен, что это могло бы принести хорошие плоды в том, что касается княгини Монакской, *убивающей* свою дочь¹. Но, к сожалению, она занята. Остальных приглашенных вы знаете (Габриэля де Ларошфуко не будет). Я пригласил Дюфея², сказав ему правду, что вы, как я боюсь, придете только вечером после ужина. Он тоже ответил мне письмом, что до последнего момента не будет знать, сможет ли он прийти. Мне пришлось смириться с этим, и я не сказал ему, что оставляю для него место, потому что мне нужны мужчины, и я не хочу пребывать в замешательстве, не зная, где его посадить в том случае, если он придет в последний момент.

Уже дали согласие Форе, который не молод, Кальметт, ради которого я даю этот ужин, Беро³, весьма обидчивый, г-н де Клермон-Тоннер⁴, который моложе, но чей род происходит от Карла Великого, несколько иностранцев. Мне очень тяжело писать письма, поэтому я приглашаю по телефону, что мне также очень тяжело, хотя я звоню не сам, а говорю, чтобы звонили, когда я сплю, так что когда один дает согласие, приглашают другого. Я предусмотрел на тот случай, если вы слишком устанете и не захотите ужинать, кое-что вечером, что вам понравится и избавит от необходимости вести разговор. Для этого

---

¹ Имеется в виду Одиль де Ришелье, герцогиня де Гиш (1879–1914), жена друга Пруста, герцога А. де Гиша.

² Эжен Дюфей (1842–1911) – политический обозреватель в ряде ведущих газет.

³ Жан Беро (1849–1935) – художник, секундант Пруста на его дуэли с Ж. Лорреном.

⁴ Маркиз Эме-Франсуа-Филибер де Клермон-Тоннер (1871–1940) – муж маркизы де Клермон-Тоннер.

я пригласил Форе. Вам сыграют то, что вы любите, думаю, что играть будет Форе (к сожалению, Рейнальдо в Лондоне), и, поскольку нас будет от силы человек двадцать, я смогу все же насладиться вашим присутствием, вашими глазами во время музыки.

Порою музыка объемлет дух, как море:
О темная звезда,
К тебе я рвусь тогда¹.

Но, разумеется, я еще больше наслажусь вашим присутствием, если вы отужинаете. Я рассчитываю пригласить Робера Дрейфуса, но буду умолять его никому об этом не говорить, так как я не знаю даже, приглашу ли мою невестку, и хочу, чтобы никто, кроме приглашенных, не знал об ужине, я пошлю кого-нибудь во все газеты, чтобы быть уверенным, что об этом не станут писать. Эти соображения, а также необходимость привести в порядок мою квартиру (она все еще в том виде, в каком была, когда я переехал, так и не благоустроенная) и окурить ее, что утомит меня, подталкивают меня к попытке найти в «Рице» или скорее в «Мадриде», или в «Арменонвиле»² отдельный зал, где можно было бы чувствовать себя как дома и где я бы не так задыхался. Я хотел пригласить г-на Рейнаха, которого давно не видел. Но г-н де Клермон-Тоннер принял приглашение, чего я не ожидал, а он, похоже, настроен против дрейфусаров и очень резок. Поскольку г-н Рейнах – само воплощение дрейфусара, я подумал, что, наверное, было бы лучше избежать их столкновения во время столь немногочисленного ужина, и впервые пригласил г-на де Клермон-Тоннера, который так часто

---

¹ Цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Музыка» (сб. «Цветы зла»), пер. Эллиса (в оригинале: «бледная звезда»).

² Рестораны в Булонском лесу и в Париже («Риц»).

приглашал меня, а г-н Рейнах – ни разу. Если все же вам было бы приятно видеть г-на Рейнаха, то думаю, что мог бы пригласить и его. У меня по-прежнему для вас три бедных, уродливых, маленьких деревца из Японии. Увидев объявление о том, что они продаются, я послал моего псевдосекретаря¹ купить их. Как я был разочарован, когда увидел их. Но все же они станут милыми, и они такие старые и такие маленькие. Словно смотришь на Мон-Блан на горизонте, и он весь уместается в стекле подзорной трубы, а ты говоришь себе: высота его 4 810 метров. Я хотел, послав их с упомянутым секретарем, который принесет их вам на днях, объяснить все это через него, так как писать мне очень тяжело, но я люблю вам писать. Г-жа де Шевинье² ответила мне согласно правилам вежливости, что она просит на всякий случай оставить за ней место! Но потом она сказала, что не придет. Мне очень жаль. Она очень мила. Госпожа Лемэр не знает, вернется ли она к тому времени из Лондона, г-жа де Брантес не знает, не умрет ли к тому времени ее кузен, г-жа д'Эраг³ – не будет ли она на берегах Луары, а г-н Дюфей – не вернутся ли из нижней Нормандии его друзья (буквально).

Дорогая, милая госпожа Штраус, не забудьте эту дату, 1 июля, и если вы в конце концов решите прийти, то не укоряйте меня за то, что я вас плохо посадил, а если, к несчастью, вы не сможете прийти на ужин, то приходите сразу как освободитесь, послушать Форе и повидать меня. Я сообщу вам место.

---

¹ Робер Юльриш (ок. 1882–?), выполнял у Пруста обязанности секретаря.

² Лора-Мари-Шарлотта де Сад, графиня Адеом де Шевинье (1859–1936) – великосветская красавица, хозяйка салона, один из прототипов герцогини Германтской.

³ Анриетта де Монтескью-Фезансак, маркиза д'Эраг (1863–1926) – кузина Р. де Монтескью.

Ваш почтительный друг, который хотел бы писать вам
дольше, если бы не был так утомлен,

Марсель Пруст

Я забыл сказать, что г-жа де Ноай в Лондоне и вернется, наверное, только второго, а г-жа де Шиме – в Голландии и не знает, вернется ли она третьего!

Мне нет надобности напоминать вам, что мое приглашение на ужин или на вечер после ужина относится и к господину Штраусу, которого я жажду увидеть.

Принцессе де Караман-Шиме
[До 28 июня 1907]

Принцесса,

Я был *так* болен, что не смог вам написать, как и моим друзьям¹, относительно Голландии. Но я припоминаю, что видел в Голландии нечто прелестное, единственное в своем роде, невиданное: это Волендам. Из Амстердама надо ехать на трамвае (узнайте поточнее) до Монникендама. Потом – на грузопассажирском судне. Только так, на судне. И вы окажетесь в Волендаме и, я уверен, будете очарованы. (Это легкая прогулка, из Амстердама уезжают в два часа и возвращаются напрямиком обратно.) В окрестностях Амстердама, как я знаю, очень приятно посетить Алкмар, когда на рынке продают сыр, но я там не был, равно как и в Вере, прелестной Венеции, насколько мне известно, ни в Мидделбурге, где восхитительная ратуша. Дельфт мне невероятно понравился, но это классическое место. Картина, которая мне больше всего понравилась в Голландии, впрочем, знаменитая,

---

¹ Имеются в виду супруги Йетманы.

но я вам на всякий случай напоминаю о ней, это «Вид Дельфта» Вермеера Дельфтского (которого еще называют ван дер Меер Дельфтский) (ничего общего с ван дер Нером¹) в музее Гааги. Разумеется, в Амстердаме есть три или четыре картины Рембрандта, которые нравятся мне еще больше. Но этот «Вид Дельфта» кажется мне одной из пяти-шести самых красивых картин в мире, как и портрет женщины того же Вермеера тоже в Гааге² и (не столь прекрасный, но прелестный) вид улочки в Дельфте, его же, в доме Сикса в Амстердаме³. Место, которое доставило мне, быть может, больше всего удовольствия, это Дордрехт, я там поднимался на вершину башен, а потом сел на корабль, который привез меня (если не ошибаюсь) в Роттердам. Впрочем, в небольшом предисловии к «Сезаму и Лилиям», которое вы, оказав мне честь, за которую я никогда не смогу вас отблагодарить, позволили посвятить вам, я невольно выразил многие впечатления от этой божественной страны.

Принцесса, 1 июля, когда я вас приглашал на ужин, будет играть Форе. Очень жаль, что вы его не услышите. Если вы вернетесь, то сообщите мне, даже если не захотите прийти, я спрошу совета у Поля⁴. Ужин будет наверное в «Рице» или в «Мадриде» в небольшом отдельном зале.

*Ваш почтительный друг
Марсель Пруст*

---

¹ Арт ван дер Нер (1603 или 1604–1677) – голландский художник.

² «Девушка с жемчужной сережкой» (ок. 1665 г.).

³ Частный дом, владелец которого Ян Сикс в XVII в. положил начало обширной коллекции картин и предметов искусства.

⁴ Поль Бакар – камердинер Э. де Караман-Шиме.

Эдуарду Роду
102, бульвар Османн
[28 или 29 июня 1907]

Сударь,

Я несколько лет не покидаю постели. В следующий понедельник, 1 июля, я встаю, чтобы повидать нескольких друзей, после чего сразу вернусь к постельному режиму. Не придете ли вы часов в 10, в 10 с четвертью в гостиницу «Риц» (в маленький зал, снятый на мое имя) послушать Форе и увидеть нескольких друзей, столь немногих, что я был бы вам глубоко признателен, если бы вы никому ничего не говорили. Я был бы счастлив сказать вам при встрече все, что я думаю о вашей последней книге¹, самой прекрасной, поистине великолепной, великой. Мне так трудно писать об этом!

*Ваш почитатель
Марсель Пруст*

Рейнальдо Ану
[Среда 3 июля 1907]

[...] в понедельник, а мой праздник был назначен на понедельник 1 июля. В воскресенье в семь часов вечера я узнал из короткого письма Хассельманса², что Форе неожиданно серьезно заболел, что он не будет председательствовать на конкурсе в Консерватории и т. д. Я был болен, не успел ничего приготовить и написал Рислеру, прося его как об услуге прийти играть, сказав, что заплачу ему

---

¹ Роман «Тень опускается на гору» (1907).

² Альфонс Хассельманс (1845–1912) – бельгийский арфист и композитор, преподаватель в Парижской консерватории.

1000 франков, которые он просил, что даже если он будет уставшим, то все равно окажет мне большую услугу, придя на вечер, что я попросил бы его об этом через вас, если бы вы были в Париже, но что уже слишком поздно посылать вам телеграмму в Лондон. Он ответил, что согласен. На следующий день я послал ему тысячу франков, и вечером он играл. Вот мой Buntchnibuls. Я считаю, что Рислер был очень мил. Если вы судите иначе, то заклинаю вас во имя нашей дружбы, а также именем матушки, которую это очень огорчило бы, ничего не говорить Рислеру, а то он может предположить, что, по вашему мнению, он не был безукоризнен. Мы поговорим обо всем этом, но я не хочу, чтобы у Рислера хотя бы на секунду могла возникнуть мысль, что моя благодарность не была совершенно искренней. Но это не все. Сказав мне, что очень занят и не может играть, Хассельманс передумал, получив «более благоприятные новости», и пришел вместе с Айо¹. Итак, 1000 + 600 + 700, вот во что обошелся ужин в «Рице». Впрочем, все прошло очень хорошо, весьма мило. На ужине были: г-жа де Брантес, г-жа де Брие, г-жа д'Оссонвиль, г-жа де Людр², г-жа де Ноай (супруга Матье), г-н и г-жа де Клермон-Тоннер (Филиберта³ была очаровательна), д'Альбуфера, Кальметт, Беро, Бонье, Гиш, Жак Бланш, Эмманюэль Бибеско⁴. После ужина пришли: супруги Каза-Фуерте⁵, супруги д'Юмьер,

---

¹ Эжен-Морис Айо (1862–1945) – скрипач и композитор.

² Соланж Бьянки, маркиза де Людр-Фролуа (1874–1949).

³ Пруст в шутку называет маркизу Элизабет де Клермон-Тоннер по имени ее мужа, маркиза Филибера де Клермон-Тоннера, намекая на ее интерес к женщинам.

⁴ Князь Эмманюэль Бибеско (1877–1917) – брат Антуана Бибеско, румынский государственный деятель.

⁵ Маркиз Илан де Каза-Фуэрте (1882–1962) – друг Пруста, поэт, музыкант, переводчик, знаменитый красавец, автор воспоминаний о писателе.

Полиньяк, Шевинье, Род, Габриак (Александр)¹, Беркгейм, молодой Дюрфор (недурной) (по моему определению, сын Суламифи и подручного мясника), молодой Ластери² (атаксия – и романтизм, помешанный Альфред де Мюссе, виньетка Тони Жоанно³, такой бледный, что его невозможно различить, а в особенности узнать, я не мог понять, кто это), Нефвиль, Листер⁴, Габриэль де Ларошфуко, Гриффон⁵, Юльриш, Эжен Фульд⁶ и др. Меня очень огорчило отсутствие г-жи Штраус, г-жи Гастон де Кайаве⁷ и в особенности мисс Дикон⁸. Но чье отсутствие и впрямь в печаль меня повергло, вы знаете, милейший. Все казались счастливы меня видеть, ужин был отличным, старая Брантес – с остальными зла, а со мной – мила, Гиш составил меню и карту вин.

---

¹ Граф Александр де Габриак (1862–?) – журналист, сотрудник газет «Фигаро» и «Ле Голуа». Пруст написал в 1907 или 1908 г. короткий пастиш, имитирующий длинную фразу Габриака, оставшийся не опубликованным при жизни Пруста.

² По всей видимости, речь идет о графе Луи де Ластери (1881–1955) (Kolb. 7, 213).

³ Тони Жоанно (1803–1852) – иллюстратор и гравер.

⁴ Реджинальд Листер (1865–1912) – советник посольства Англии в Париже.

⁵ Венсан Гриффон – врач, знакомый Робера Пруста.

⁶ Барон Эжен-Шарль-Жоашен Фульд-Спрингер (1876–1929) – представитель банкирского дома Фульдов-Оппенгеймов.

⁷ Имеется в виду Жанна Арман де Кайаве (урожденная Пуке; 1874–1962) – жена Гастона Армана де Кайаве, сына Леонтины Арман де Кайаве. Пруст был одно время влюблен и в Жанну, и в ее жениха (Tadié. 188–193).

⁸ Глэдис-Мэри Дикон (в замужестве герцогиня Мальборо; 1881–1977) – американка, родившаяся и жившая в Париже, знаменитая красавица, предмет восхищения Пруста.

Итак, изысканно все было и отменно¹.

Программа (я прежде всего попросил Buntchnibuls², но сие оказалось невозможно по причине, о каковой скажу вам после):

Соната для фортепиано и скрипки Форе (Айо, Хассельманс)

Рислер: «Анданте» Бетховена

«Вечером» (кажется) Шумана

«Прелюдия» Шопена

Увертюра из «Мейстерзингеров»³

«Идиллия» Шабрие⁴

«Таинственные преграды» Куперена

«Ноктюрн» Форе

«Смерть Изольды»⁵

«Колыбельная»⁶ Форе в исполнении Айо и Хассельманса.

За ту же цену я мог бы нанять Общество исполнителей на духовых инструментах, как в «Беатриче»⁷, если бы оно было в Париже. Рислер, конечно, принес в кармане ваши вальсы. Но под предлогом, что он ничего не знает наизусть из вашей музыки и что следует исполнять песни в последнюю очередь, он играл другие вещи, которые так и не закончил до того, как все ушли. Он предлагал их мне одну за другой, уверяя, что не знает ничего

---

¹ Цитата из стихотворения В. Гюго «Празднество у Терезы».

² То есть сыграть произведения Рейнальдо Ана.

³ Из оперы Р. Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (1868).

⁴ Алексис-Эмманюэль Шабрие (1841–1894) – композитор-романтик.

⁵ Из оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865).

⁶ Колыбельная для скрипки и фортепиано (1880).

⁷ «Бал Беатриче д'Эсте» – сюита для духовых инструментов, двух арф и фортепиано Р. Ана.

из того, что я просил («Венский карнавал»¹, «Венские вечера»² и т. д.).

Милейший, я думаю (но могу ошибаться), что болезнь Форе серьезнее, чем говорят. Не решаюсь высказать мою мысль. Во всяком случае вы знаете, что он вынужден был найти себе замену на конкурсах в Консерватории и что он не смог председательствовать ни на одном. Поэтому я намерен, поскольку больше здесь никого нет (Фелиси³ и Юльриш рассудили за благо выбрать тот же день для отъезда – и уехали позавчера), попросить Леона⁴ каждые два-три дня справляться о здоровье Форе от вашего имени и моего. Если вы не хотите, чтобы от вашего, пришлите *мне* телеграмму.

Прощайте, нежность (нежность – ваше имя в этой фразе).

Buncht

Госпоже де Караман-Шиме

102, бульвар Османн

[вторая половина июля 1907]

Принцесса,

Очень прошу вас простить меня за то, что до сих пор не писал вам, я был так болен последнее время. Знаете ли вы, что до вашего отъезда я много раз звонил вам, хотел попросить разрешения повидать вас и как-то под конец моих попыток мальчик-поваренок сказал мне, что не

---

¹ «Венский карнавал. Фантастические картины» (1839) – фортепианное произведение Р. Шумана.

² «Венские вечера. Вальсы-каприз на темы Шуберта» Ф. Листа (1852).

³ Служанка Пруста.

⁴ Камердинер Р. Ана.

может вас позвать, «потому что не знает расположения комнат».

Телефонные звонки имели эпический размах, но в результате я вас так и не увидел.

Принцесса, можно ли спрашивать названия книг у меня, который вот уже много лет ничего не читает, кроме путеводителей Жоанна¹, географических описаний, ежегодников, посвященных замкам, то есть того, что позволяет мне задумать путешествия, найти города и... никуда не уехать. Думаю все же, что на этот раз поеду в Бретань. Буду вам очень благодарен, если вы порекомендуете мне там какие-нибудь интересные города или красивые пейзажи. Я завидую богатым, которые могут иметь яхты и видеть все, не меняя спальни. Мысль о том, что надо останавливаться в гостинице Ламбаля, потом в гостинице Морле, из которой потом перебираться в гостиницу Кемпера и Плоермеля², чарует мое воображение, но приводит в ужас мою астму...

Принцесса, я пишу вам не затем, чтобы рассказывать все это, а чтобы поговорить с вами о книгах. Некоторые произведения Стивенсона принадлежат к самым увлекательным и в то же время самым прелестным, что я когда-то читал. «Остров сокровищ» – быть может, слишком детский роман (хотя и изумительный). «Динамитчик» страшно запутан, но все же очень мил. «Suicide Club»³ (быть может, опубликованный в новых изданиях, носящих заглавие «Новые тысяча и одна ночь»... или даже «Бриллиант Раджи», по названию второй новеллы) – также замечательная книга. Но наиболее захватывающим

---

¹ Так, по имени писателя и журналиста Адольфа Жоанна (1813–1881), автора первых путеводителей, стали они называться с 1860 г.

² Города в Бретани.

³ «Клуб самоубийц» (англ.).

является рассказ, опубликованный по-французски под заглавием «Странная история доктора Джекила» (он не входит в сборник «Новые тысяча и одна ночь», это отдельная книга, озаглавленная «Странная история доктора Джекила»). Тот факт, что Уэллс присвоил этот рассказ, разбавил его, повторил во всех написанных им произведениях, в частности в «Человеке-невидимке» и в «Случае г-на Льюишема»¹, возможно, немного убавил захватывающую необычность рассказа Стивенсона. Но мне трудно поверить в то, что книга гения перестает быть книгой гения, потому что человек, обладающий подлинным, но незначительным талантом, подражает ей, опошляет ее и распространяет повсюду.

Во всяком случае рассказ Стивенсона так хорош, что его ужас и красота не вызывают сомнений. «Приключения Дэвида Бэлфура»² считается, как мне кажется, скучным произведением Стивенсона. Что касается меня, то я был очарован всеми шотландскими пейзажами. Теперь вернемся во Францию. Есть по меньшей мере два романа Буалева³, читать которые очень приятно: «Корм в клюве» (замечательный) и «Ребенок у балюстрады»⁴. Я не могу сказать, что они увлекательны в том же смысле, что романы Стивенсона, который, умирая от чахотки в вагоне, где он принимал от боли лауданум, не переставал как неиссякаемый гений придумывать самые забавные, самые прекрасные, наименее нагруженные смыслом истории,

---

¹ Имеется в виду роман Г. Уэллса «Любовь и мистер Льюишем» (1900).

² «Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура» (1886), роман Стивенсона.

³ Рене Буалев (наст. имя Рене-Мари-Огюст Тардиво; 1867–1926) – широко признанный в свое время романист.

⁴ Автобиографические, нравоописательные романы Р. Буалева, опубликованные в 1901 и 1903 гг.

истории ради историй, полные той радости жизни, которую он с такой силой передает нам и которой сам никогда не знал. Но все же, читая хороший, правильно выбранный роман Буалева, наш друг проведет свои каникулы в прелестном саду Турени, а это тоже увлекательно. Мне кажется, что, начиная с первых книг (которые я только перелистал), таких как «Запах Борромейских островов»¹ и др., он весьма неумело ищет свою дорогу, слишком далеко, вдали от своего края, который не очень велик, но где он, после Бальзака – подлинный мастер.

Последний роман («Прекрасное будущее»²) – мил, но очень бледен, полностью сослан в Париж, где дрожит от холода. Все же он прелестен, написан человеком очень способным, но которому многого не хватает.

Самым увлекательным было бы читать Бальзака (если ваш друг его не читал) или хотя бы какой-нибудь цикл его романов, так как невозможно читать один отдельный роман, с трудом можно разобраться, прочитав тетралогия, а иногда не меньше десятка романов. Несколько новелл, поистине божественных, можно читать отдельно, так как этот великий создатель фресок был несравненным миниатюристом.

Если вы хотите, чтобы я дал вам советы относительно чтения Бальзака, то я готов, но это будет длинное письмо.

Прощайте, принцесса, примите выражение моего почтения.

Марсель Пруст

Передайте привет принцу!

Вы написали мне очаровательное письмо, принцесса, в котором есть две-три изумительные фразы (вселенная

---

¹ Любовный роман (1898) Р. Буалева.

² Юмористический роман (1905) Р. Буалева.

заклучена в коконе и т. д. ...). Пишете ли вы о Голландии, как обещали? Кстати о Голландии, я до сих пор не ответил на очень милую открытку Поля из Амстердама. Но это потому, что все ждал, что он придет повидать меня. На днях напишу ему и попрошу прощения.

Читали ли вы письмо Р. де Монтескью о г-же де Роган¹?

Госпоже Геритт²

102, бульвар Османн

27 июля 1907

Сударыня,

Я был (и все еще) тяжело болен, и мне пришлось отлучиться в надежде (тщетной) на выздоровление. Поэтому я только на днях нашел милое письмо, которым вы почтили меня. Я прочитал его, перечитал и вот уже долго наслаждаюсь запоздалой и глубокой радостью, которую оно мне доставило. Я и впрямь очень горд тем, что столь тонкая почитательница Рёскина своим горячим одобрением осватила усилие, в ценности – и даже в законности – коего я часто сомневался. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов»³, эти жесткие и странные слова Писания, чей властный и столь прекрасный смысл могут понять только нежные души, применимы к переводам, притчам, ко всему, что представляет собой

---

¹ Письмо Р. де Монтескью под названием «Будущее аристократии», в котором он с похвалой отзывается об аристократах, ставших промышленниками и художниками, в том числе об Эрмини де ла Брус де Вертейак, герцогине де Роган (1853–1926), акварелистке и поэтессе, было опубликовано в газете «Фигаро» в июле 1907 г. (Kolb. 7, 223–224; Leriche. 403).

² Мадлен Геритт – переводчица с английского книг о воспитании детей.

³ Мф. 8:22.

поклонение божеству. Меня не оставил равнодушным ваш упрек в том, что я не включил предисловия Рёскина. Но в примечании я объяснил, что не смог включить даже третью лекцию. Виноват не я, но издатель. И потом, предисловие к «Сезаму и Лилиям»? Но какое? Рёскин, как вы знаете, написал не одно. Было трудно решить, какое из них выбрать. Что касается моего предисловия, то оно действительно не столь в духе Рёскина, как мое предисловие к «Амьенской Библии», но думаю, что само по себе оно чего-то стоит, тогда как другое – почти ничего. Если у меня будут силы собрать написанное мной, то в сборнике «Смесь» я, конечно, помещу предисловие к «Сезаму» и, может быть, два-три отрывка из предисловия к «Библии», не больше. Что касается Рёскина, то я его больше не перевожу. За него взялись многие, не всегда таким образом, который представляется мне самым почтенным и благоразумным, но в конце концов огонь распространяется, а этого достаточно. Жаль, что вы оставили ваши планы перевести его произведения. Ему, наверное, доставило бы большое удовольствие быть истолкованным женщиной столь редкого ума и наделенной чувствительностью. Но легко ли и впрямь опубликовать переводы Рёскина, на что как будто указывает множество недавних публикаций? Лично мне стоило большого труда добиться согласия издательства «Меркюр», и оно не взяло бы мой третий перевод.

Простите, сударыня, что должен прервать, настолько я слаб, нашу беседу, которую мне хотелось бы продолжить. Простите за такие большие, малоподходящие листы: я лежу, и возле меня нет наборов для писем. Примите уверения в моем уважении, признательности и симпатии.

Марсель Пруст

Рейнальдо Ану

Четверг вечером [1 августа 1907]

Милый Рейнальдо,

Я немного сожалею о том, что вы показали «Сидализ»¹ Сидализ. Она не сможет узнать себя в этом зеркале, где отразилась только одна ее сторона (беру другое перо, так как первое – отвратительно, это, впрочем, почти такое же), быть может, не соответствующая действительности и, во всяком случае, представляющая собой лишь беглый фрагмент, имеющий отношение только ко мне, так что, быть может, только я, сравнив это отражение с моим воспоминанием, смогу найти какую-то подлинность. Нет, госпожа Решке для меня – это Вивиана², чудесное явление на опушке Броселиандского леса или на берегу Озера Любви, чье восхитительное лицо и мечтательный взор наполняют очарованием легенды Берн-Джонса³. Ее лицо из тех, что кажутся слишком условными в произведениях искусства, чтобы смотрящие на картины Берн-Джонса или Гюстава Моро могли «поверить» в их реальность, но природа однажды создает подобное лицо и показывает, что такая «художественная» красота возможна в жизни. Такова госпожа Решке, а до нее, наверное, Сара Бернар. В определенной мере также г-жа Греффюль. Но только госпожа Решке – существо из сновидения, беско-

---

¹ Портрет графини Мари де Майи-Нель, во втором браке Решке, под именем Сидализ был впервые опубликован в 1892 г. в журнале «Пир», а затем вошел в сб. «Утехи и дни» (раздел «Фрагменты итальянской комедии»).

² Персонаж цикла бретонских легенд о рыцарях Круглого стола, прекрасная фея.

³ Эдвард Коли Берн-Джонс (1833–1898) – английский художник, близкий к прерафаэлитам, автор картины «Зачарованный Мерлин» (1877).

нечно превосходящее красоту, которую олицетворяет для нас Бретань, однако, должно быть, воплощающее истинную красоту Корнуэлла, ту, которую узрели только поэты, красоту опять-таки Вивианы, красоту Изольды, которая печально бродила, ни во что не ставя свой удел королевы, до тех пор, пока не услышала голос Тристана. Я уверен, что это подлинная красота Бретани, и я доберусь до Понт-Авена, до Эльгоата¹ и посмотрю, не такого ли цвета, как глаза госпожи Решке, там озера. Разумеется, все, кто с ней знаком, все так называемые умные люди скажут, что она вовсе не такова, что она весела, что она настоящая парижанка, светская женщина, что она будет скучать в ландах и в Броселиандском лесу, что в ней нет ничего от цветка утесника. Возможно. Но это нисколько не умаляет мою правду, которую, быть может, госпожа Решке найдет совершенно не соответствующей действительности. Если в ее глазах, в ее лице есть тайна, которую она сама не знает, то это не мешает поэту попытаться уловить и выразить эту тайну – и не делать из нее двойное употребление вместе с г-ном де Тюренном или г-ном Бурдо², потому что у них о ней другое представление, да и у нее – иное представление о себе самой. Это представление, будь оно истинным, мне безразлично. Стихи Бодлера

Я знаю, есть глаза, где всей печалью мира
Мерцает влажный мрак, но нет загадок в них³

---

¹ Города на крайнем западе Франции, в департаменте Финистер.

² Тюрени – возможно, Анри де Тюрени (1844–1913), политический деятель, тесть Артюра Мейера. Жан Бурдо (1848–1928) – философ и публицист, последователь Шопенгауэра и Ницше, приверженец идей социализма. В чем именно упрекает их Пруст, не ясно.

³ Стихотворение «Любовь к обманчивому» (пер. В. Левика).

неверны. Быть может, только глаза отражают эти загадки и во всяком случае являют их тем, кто умеет читать по глазам. И разве все, что вы говорите мне о ее пении, о ней самой, о том, что вы назвали вчера «ее гением», не доказывает истинность моих мечтаний? Между нами ни к чему ложная скромность, так не можем ли мы быть уверены, что то, с чем мы оба согласны, имеет все шансы быть ближе к истине, чем все представления упомянутых выше личностей, к коим можно добавить всех, кого хотите. «Сидализ» была написана после того, как я вернулся с вечера у принцессы Матильды, на котором г-жа Решке (в то время де Майи-Нель) была в красном и беседовала с Порто-Ришем.

*С нежностью ваш
Марсель*

Я все еще не решил: Бретань, Кабур, Турень, Германия... или Париж.

Девушка девятнадцати лет (Русполи), на которой сегодня утром женился «Ваше имя, сударь, но не мнение»¹, – родственница *ван Зандт*² и *Паганини*. «Как это пишется?» – спросит Гиш.

---

¹ Итальянка Мария Русполи (1888–1976) стала третьей женой герцога Аженора де Грамона, которого Пруст прозвал «Ваше имя, сударь, но не мнение» после того, как герцог с такими словами однажды протянул ему так называемую «золотую книгу», в которой почетные гости оставляли свои комплиментарные надписи и автографы. Дети А. де Грамона, в том числе герцог Арман де Гиш, друг Пруста, были против этого брака (Kolb. 7, 241; 4, 198).

² Мария ван Зандт (1858–1919) – певица театра Опера-комик американского происхождения. Подарила отцу Пруста свою фотографию в мужском костюме (Kolb. 7, 242).

Эмилю Малу

«Гранд-Отель», Кабур, Кальвадос

102, бульвар Османн, Париж

Четверг [8 августа 1907]

Сударь,

Я провел в постели целый год, страдая от столь непредвиденных приступов, что, не решаясь планировать что-либо и за час, я не мог позволить себе просить вас посетить меня – уже это было бы смелостью, – так как в случае приступа я оказался бы не в состоянии вас принять. За год я вставал пять раз. Недавно, почувствовав себя немного лучше, я послал к вам объяснить мое положение и спросить, не согласитесь ли вы посетить меня как-нибудь вечером. Но мне не повезло, вас уже два дня не было в Париже, вы находились за городом и, как сказал ваш консьерж, должны были вскоре появиться в Париже, но только затем, чтобы пересесть на другой поезд. Итак, намерение повидать вас оказалось неосуществимым. А мне срочно нужно кое о чем спросить вас. Врачи заставили меня в течение нескольких часов покинуть Париж, и я хотел бы воспользоваться моим, быть может, последним путешествием и посетить памятники и места, которые представляются вам особенно волнующими.

В настоящее время я в Кабуре, в «Гранд-Отеле». Но поскольку мое состояние здоровья может в любой момент изменить мои планы (и заставить меня неожиданно вернуться в Париж, равно как и позволить мне более длительную отлучку), то было бы лучше, если бы вы ответили мне – если вы, конечно, пожелаете мне ответить – по адресу 102, бульвар Османн, Париж. Но я оставляю мой адрес и в «Гранд-Отеле». Отвечайте по любому адресу. Если же вы вдруг потеряете оба, то можете написать по моему старому адресу, 45, улица Курсель, откуда мне

наверняка перешлют письмо, и я его получу с небольшим опозданием. Вот мои вопросы:

1. Что можно увидеть в Нормандии самого интересного? Я не имею в виду исключительно соборы ни даже архитектурные памятники. Во всяком случае город, оставшийся нетронутым (каким когда-то показался мне из окна вагона Семюр, который мне так понравился), больше отвечал бы моим мечтаниям – как и какой-нибудь старый порт или что-то другое, что вы знаете, – чем собор, не отличающийся ничем особенным, – или город, действительно величавый, – и поскольку мы говорим о старых городах, то могу ли я на мгновение покинуть Нормандию и спросить вас, стоит ли ехать в Фужер, Витре, Сен-Мало, Геранд¹, действительно ли это первоклассные места? Есть ли что-то *равное* им (или превосходящее их) в других районах? Возвращаясь в Нормандию, я хотел бы спросить, есть ли памятники интереснее (и если я сказал, что не ограничиваюсь церквями, то они, конечно, обретут новизну благодаря вашим словам и все свое очарование, будучи названы вами) в Лизье, или в Фалезе, или в Вире, или в Валоне, или в Кутансе, или в Сен-Ло², или, быть может, в менее известных местах, где неожиданная встреча с ними сделает их для меня только трогательнее, в особенности если с ними заодно подходящий пейзаж? Я не настаиваю только на этих именах и буду рад тем, которые вы мне назовете.

2. Если у меня будут силы предпринять поездку в Бретань, то можете ли вы что-то в особенности порекомендовать мне, будь то произведения искусства, красоты природы, исторические достопримечательности или легендарные места? Представляют ли первостепенный ин-

---

¹ Средневековый город в Бретани.

² Старинные города в Нормандии.

терес Роскоф¹ и Пемполь, или одно может заменить другое, или и то и другое можно заменить чем-то третьим? Наконец, если я не смогу ни остаться в Кабуре, ни поехать в Бретань, то не могли бы вы указать мне в окрестностях Парижа, например, в департаменте Сена-и-Уаза, места, производящие столь же сильное впечатление на воображение, что и места в Нормандии или в Бретани? В Кабуре, если мне станет немного лучше, можно нанять таксомотор, что позволило бы мне проехаться по Нормандии. Вообще реставрированные памятники, если только не восстановлено что-то совершенно в них особенное, хотя я и не разделяю распространенных мнений на этот счет, не производят на меня такого же впечатления, как руины XII века, к примеру, времен королевы Матильды². (Это я говорю, вспоминая Кан, где я был и куда могу вернуться, если вы посоветуете; там несколько ваших слов, которые воодушевляли бы и направляли меня, были бы для меня незаменимы) (благодаря им мое удовольствие было бы в сто раз больше).

Сен-Мишель – полностью реставрированный памятник или одно из красивейших мест Франции? Я там был, но совсем маленьким. Труднодоступность этого места может заставить меня отказаться от его посещения.

Простите меня, сударь, я так нездоров, что спрашиваю у вас обо всем подряд, навязчиво и нагоняя на вас скуку. К вам обращается полный профан. Но, как вы знаете, и пылкий почитатель вашего слова.

Примите, сударь, мои извинения и выражение моего восхищения и благодарности.

Марсель Пруст

---

¹ Город в Бретани со старинной церковью.

² Английская королева Матильда Фландрская (ок. 1031–1083), супруга Вильгельма I Завоевателя, большую часть времени проводила в Нормандии.

Жоржу де Лорису
[Кабур] 27 августа [1907]

Милый Жорж,

Вы написали мне чудесные письма, а я вас не поблагодарил, ибо безудержная скачка, в которую превратилась моя жизнь здесь, где у меня нет ни секунды, чтобы остановиться и пойти выпить кофе, не дает мне возможности написать буквально ни единого слова, мотор словно продолжает сотрясать меня и после того, как я выхожу из автомобиля, и мешает моей руке стать твердой и послушной. Но если бы я мог оформить, собрать воедино и послать вам все мои нежные мысли и благодарные чувства, составляющие ту духовную атмосферу, в которой я живу, то получился бы нежный и страстный том, и если бы наполненная вами окружающая меня атмосфера отстоялась, то я увидел бы, как в воздухе расцветает тысяча маленьких ваших двойников, словно ангелы, которые во множестве летят вслед за Богоматерью или Христом на картинах Джотто.

Я расскажу вам, как умножаются и разнообразятся мои связи с очаровательными, бесценными Бресами, и впрямь замечательно добрыми и умными, которые обожают вас с трогательной пылкостью. Но о чем только я бы не рассказал вам! О прогулках, «утехах», о том, что я никогда не был так несчастлив. Решительно печаль усиливается от чрезмерного движения, нужно замереть в неподвижности, чтобы она осела и позволила обрести немного просветленного покоя. От того, что я почти ничего не ем, у меня, к счастью, головокружение, которое не позволяет мне воспринимать слишком много впечатлений.

Мне гораздо больше понравился собор в Байе, чем церкви в Кане. Я слишком утомлен, чтобы объяснить вам,

почему, но знайте, что это в значительной мере из-за той внутренней сосредоточенности, которая вас поразила. Не знаю, поеду ли я в Бретань, мне нужно еще несколько дней, чтобы посмотреть здесь кое-что в окрестностях. Сем¹ и Элле², *весьма умные*, старались (порознь) убедить меня, что ранняя живопись ничего не стоит, что до Рубенса нет живописи и т. д., и я поехал с одним из них посмотреть гобелены Буше в Бальруа (далее Байе³). Замок построен Миньяром, сказано в путеводителе, украшен Мансаром. Гобелены Лебуше были доставлены в замок в 1622 году, когда он был построен. Мне не надо говорить вам, что все это неверно, что Мансар – архитектор, а Миньяр – художник, а «Лебуше» – не кто иной, как Буше, которого еще не было на свете в тот год, когда был построен замок. В салоне можно полюбоваться многочисленными картинами на сюжет охоты кисти г-на Графа⁴, отца г-на Маркиза, нынешнего владельца замка⁵. Они составляют отнюдь не наименее занимательное украшение этой обители. К сожалению, г-н Маркиз, кажется, унаследовал вкус г-на Графа, и если он не пишет охотничьих сцен, то окантовал гобелены Лебуше красным камчатным полотном, которые рожают мысль о том, что он слишком скромн и мог бы попробовать себя в охотничьей живописи

---

¹ Сем (наст. имя Мари-Жозеф-Жорж Гурса; 1863–1934) – иллюстратор, карикатурист и писатель, рисовал представителей высшего общества.

² Поль-Сезар Элле (1859–1927) – художник и гравер, автор рисунка, изображающего Пруста на смертном одре, один из прототипов художника Эльстира в его романе.

³ Бельруа и Байе – города в Нормандии.

⁴ Граф Альбер-Феликс-Жюстен де ла Кур де Балльруа (1828–1872) – художник-анималист.

⁵ Имеется в виду маркиз Жак-Мари-Оноре де ла Кур де Балльруа (1870–1948).

с тем же успехом, что и г-н Граф. В замке есть еще третий вид живописи. Краска, которой несколько раз покрывали стены столовой, капала на гобелены, так что по их краям образовались мелкие, словно дрожащие точки, но подобный пуантилизм было бы несправедливо приписать Лебуше.

Я много общаюсь с Гишами, Луизой¹ и четой Штраус. Основания этого тройственного союза были положены во время той незабываемой прогулки с вами. Леонс Жонсьер² был с того дня полностью исключен из нашего общества. Я совсем не вижу Круассе, полностью занятого, как я полагаю, своей пьесой, своей любовницей, любовницей Эдвардса³ и множеством забот.

Вы знаете, что ваш отец произвел на меня чарующее впечатление, его лицо показалось мне в высшей степени благородным и очаровательным, внушительным и прекрасным, речь – необычайно остроумной и изысканной, выражения и обороты – одновременно литературными и очень живыми. Но я был так взволнован, когда при встрече с ним думал о той, которую не увижу, сожалел, что не насладился, как хотел, беседой, которая была бы столь сладостной, если бы ваша матушка была с нами. Хотя мы постоянно мысленно и восстанавливаем круг семьи, каким он был и каким он остается для нас вопреки смерти. Поистине те, кого мы любим, рядом с нами. Но думать о том, что они этого не чувствуют, что для нас они здесь, а они этому не радуются, не ощущают этого, что я встал, а мама меня не видит, что к вам придет успех, а ваша матушка об этом не узнает, таких мыслей более

---

¹ Речь идет о Луизе де Морнан.

² Леонс де Жонсьер (1871–1952) – художник, автор жанровых картин.

³ Джозеф Эдвардс (1857–1914) – английский журналист.

чем достаточно, чтобы возникло большое желание умереть. Ваша матушка могла хоть предвидеть ваши успехи. Моя умерла, думая, что я никогда не поднимусь.

Если вы видите Бертрана, то скажите ему, что я с нежностью думаю о нем, это правда. Над руинами нашей близости часто витает то, что Шатобриан назвал бы Гением Дружбы и так хорошо изобразил бы одновременно в поэтической и скорбной позе. И я иногда спрашиваю себя, не прошел ли я мимо единственного друга, который мог быть у меня, дружба с которым была бы плодотворна для нас обоих. Я не знаю, здесь ли его сестра, графиня де Монтебелло¹, думаю, что нет, я бы справился об этом, если бы не боялся попасть на ее мать (г-жу де Фенелон) и на г-жу де Риттер², что было бы с моей стороны нескромно, поскольку я с ними не знаком. Зато, если бы я поехал в Авранш³, я попросил бы его написать два слова его старым родственницам, которые там живут. Но вряд ли это возможно. И не надо говорить его сестре то, что я сказал вам, так как у меня все равно не будет времени увидеться с ней.

До свидания, дорогой Жорж, еще раз благодарю вас и нежно обнимаю,

Марсель

---

¹ Графиня Мари-Луиза де Монтебелло (урожденная де Салиньяк-Фенелон; 1874–1912) – сестра Б. де Фенелона.

² Франсуаза де Риттер-Заони (урожденная де Салиньяк-Фенелон; 1883–1967) – сестра Б. де Фенелона.

³ Город в Нормандии.

Люсьену Доде

[Начало октября 1907]

Дорогой малыш,

От всего сердца благодарю вас за ваше письмо, никто не пишет так восхитительно, как вы. Очень мило с вашей стороны, что вы спрашиваетесь о моем здоровье, я и впрямь чувствовал себя неплохо – правда, и не очень хорошо, когда виделся с г-жой д'Эраг, но с тех пор как я вернулся, у меня непрерывные приступы, и сегодня не знаю, как еще пишу вам. Впрочем, хотя в Нормандии мне было гораздо лучше, я скорее был на ногах, умыт, одет, в автомобиле, чем хорошо себя чувствовал, а это не одно и то же. Я вовсе не хочу сказать то, что было бы похоже на неуместное святотатство, если бы увидели в этом сравнение, но я вспоминаю вашего бедного отца в вагоне, когда он отправлялся в Венецию, с виду вполне здорового, как и положено тому, кто уезжает. Госпожа д'Эраг говорила о вас, о вашей сестре, обо всем с такой симпатией, что – это вообще бывает так редко – если бы вы спрятались за одной из деревянных панелей в стиле Людовика XIV в старой столовой Фалеза, вы были бы совершенно довольны и не пожелали бы, чтобы было добавлено или не произнесено хотя бы одно слово, или изменено хоть одно выражение. Вот ваши друзья. В Кане я вспомнил о вашей давней открытке, изображающей апсиду (со стороны площади) мужского монастыря и вашими словами: «Но вам, конечно, известно это великолепие». И тогда, желая, как всегда, уловить мельчайшие нюансы вашей мысли, мне захотелось спросить вас, что именно великолепного вы нашли там, но вы не смогли бы мне ответить. А доказательством того, что я не переменялся и по-прежнему все так же почитаю то, что, как мне кажется, делает вас выше меня, является найденное

мной ваше письмо, написанное лет десять тому назад или еще раньше, где вы по моей просьбе объясняете мне, что вы хотели сказать, говоря об очаровании улицы де ла Пэ и площади Вандом¹. Но вы глубоко заблуждаетесь, когда думаете, что все потеряно, раз вы не всегда так работали, как в настоящее время, словно столько великих художников не начинали творить гораздо позже, чем вы.

Дорогой малыш, даже если печаль и что-то серьезное отвлекли вас от каких-то вещей, не надо ничем пренебрегать (я имею в виду не в прошлом, но в будущем). Поэтому, не боясь прослыть легкомысленным, я могу сообщить вам, что сказал Дуайен (хирург)², которого я встретил два месяца тому назад в поезде. Последний раз я встретил его тоже в поезде, когда мы оба ехали в Буа Будран³. Первое, о чем он спросил меня в поезде по направлению в Кабур, это «давно ли я видел г-жу Греффюль». Я ответил, что очень давно! Он начал говорить о ней с большим восхищением и симпатией и добавил: «Странно, что, имея все, красоту, знатное происхождение, ум, богатство, ей так и не удалось, несмотря на все усилия, добиться того, чтобы у нее был такой же изысканный и блистательный салон, как у г-жи де Кайаве, например». Не знаю, похожи ли вы в этом отношении на меня, но подобные высказывания, как и давнее словцо г-жи Бланш: «У нас пятьдесят тысяч франков ренты, не считая *этих дурачков*» или фраза усердного камердинера г-жи Штраус, сказавшего ей на ухо во время торжественного ужина: «Никто не говорит с г-жой де Монтгомери», и множество других фраз, которыми не хочу вас утомлять и которые можно услышать

---

¹ Улица и площадь в Париже.

² Эжен-Луи Дуайен (1859–1916) – известный хирург.

³ Замок на юго-востоке от Парижа, принадлежавший мужу графини Греффюль, где собиралось высшее общество.

каждый день, забавляют меня гораздо больше, чем остроумные словечки.

Прощайте, простите мне эти дурачества, не соответствующие уже моему возрасту, и не сомневайтесь в моей нежной привязанности,

Марсель Пруст

Еще одно словцо, на этот раз того, кто отличается умом по сравнению с теми, кого я цитировал (я имею в виду Грега). Встретив Ренье, он спрашивает его, может ли тот сделать крюк до его дома: «Быть может, вам было бы интересно увидеть *место, где я работаю*».

Госпоже Штраус

102, бульвар Османн

Понедельник [вторник 8 октября 1907]

Сударыня,

Я уехал из Кабура в тот же день, что вы из Трувиля, но не в тот же час! Незадолго до приезда в Эвре¹ (где я провел четыре или пять дней) мы спустились в одну долину, туманную, как можно было увидеть издалека, и прохладную, о чем можно было догадаться. И с того момента до сегодняшнего дня (и не знаю, до каких пор в будущем) я не перестаю задыхаться и у меня непрерывные приступы. Вот почему, думая о вас целыми днями, я не написал вам, у меня не было духа взять перо. Разумеется, приступы вернулись не из-за этой долины. Но начиная с этого времени я только и делал, что двигался по направлению к Парижу, и мне стало весьма плохо уже в Эвре.

---

¹ Город в Нормандии.

Я видел «при свечах» епископство, не очень красивое внутри, и с наступлением темноты – церковь Сен-Торен¹, которая показалась мне очень милой (в романском и готическом стиле, если не ошибаюсь, вы теперь в этом разбираетесь), с довольно любопытными купелями и красивыми витражами. Потом один собор, который вы, наверное, видели, принадлежащий всем эпохам, с прекрасными витражами, способными сиять даже в сумерках, ведь я на них смотрел в пасмурную погоду, когда все небо затянуто тучами. У едва брезжившего дня, который был похож на ночь и уже собирался уступить ей место, они заимствовали драгоценные лучи света, так что пурпур сиял, сапфиры пылали, – это поразительно.

Я ездил неподалеку от Эвре в Конш посмотреть церковь, где сохранились все витражи XVI века, многие из которых сделаны учеником Дюрера². Это словно милая маленькая немецкая Библия эпохи Ренессанса с цветными иллюстрациями. У витражей есть надписи внизу готическими буквами. Но витражи этой эпохи меня не особенно интересуют, они слишком похожи на *картины*, выполненные на стекле.

С тех пор как я в Париже, я не встаю с постели. Впрочем, вчера я выезжал вместе с Жоссьеном³, так как бедный Агостинелли⁴ был вынужден уехать в Монте-Карло, где болен его брат. Полагаю, что в управлении

---

¹ Церковь в Эвре.

² Имеется в виду Генрих Альдегревер (1502–1562), немецкий живописец и гравер.

³ Шофер таксомотора.

⁴ Альфред Агостинелли (1888–1914) – шофер таксомотора, который в 1907 г. возил Пруста из Кабура по Нормандии. Позднее стал секретарем и близким другом писателя. Прототип Альбертины в романе Пруста.

«Юник»¹ много серьезных ошибок. Я скажу о них Жаку², так как уверен, что у него могло бы быть в десять раз больше заказов. Располагая всеми полученными от него сведениями и с твердым намерением заполучить одну из его машин, я потратил более одного дня, чтобы до них дозвониться. Моим друзьям, которым я их порекомендовал, не хватило терпения, и они отказались от их услуг. Его гараж отсутствует во всех ежегодниках. Если звонить Жоржу Ришару³, то вам отвечают, что о таксомоторах Монако ничего не знают. Наконец, если благодаря *«личным связям»* удастся найти гараж Жака (иначе его невозможно найти), то консьерж заявляет, что машин Монако нет, и т. д. Результат: когда вчера я нанял Жоссьена, он выехал в первый раз после своего отъезда из Кабура (у меня дважды был Агостинелли, которого я заполучил с большим трудом). К сожалению, я слишком часто болен и не могу быть постоянным клиентом, и потом это слишком дорого для Парижа, где сейчас столько таксомоторов, которые почти ничего не стоят. В общем, я расскажу обо всем этом Жаку, которого попросил прийти ко мне.

Я узнал из газет, что Эдвардс расстается со своими друзьями так же часто, как с женщинами.

Будучи в Эвре, я однажды вечером посетил в Гризолле (совсем рядом с Эвре), в очень симпатичном месте, г-жу и г-на де Клермон-Тоннер. Они собирались показать мне разные красоты в окрестностях, но мне так надоел Эвре, что на следующий день утром я уехал, так и не совершив никаких экскурсий и не побывав в саду

---

¹ Компания по производству автомобилей и аренде таксомоторов, созданная в 1905 г. при финансовой поддержке барона Анри де Ротшильда. Арендовала автомобили в Кабур летом и в Монако зимой.

² Жак Бизе был одним из руководителей компании «Юник».

³ Жорж Ришар (1863–1922) – основатель компании «Юник».

Клода Моне в Живерни, возле красивого изгиба реки, которая, пользуясь своим преимуществом, сквозь туман может увидеть вас в вашей гостиной¹. Мне очень хочется подарить г-ну Штраусу «Словарь архитектуры» Виолле-ле-Дюка², если мне удастся найти эту прелестную книгу, которую мне дали на время, в хорошем издании. Я ее, впрочем, когда-то читал, но ее очень приятно перечитывать и рассматривать иллюстрации к ней. К сожалению, Виолле-ле-Дюк испортил Францию, искусно, но без вдохновения отреставрировав столько церквей, руины которых были бы трогательнее, чем их археологическое латание при помощи новых, ничего не говорящих нам камней и муляжей, идентичных оригиналу, но ничего от него не сохранивших. Но все-таки он был гениальный архитектор, и эта книга восхитительна.

Сударыня, мне так тяжело писать, лежа в кровати, у меня болит локоть, которым я упираюсь в стол, поэтому я теперь прощаюсь с вами, так и не попытавшись сказать, насколько моя любовь к вам и мое восхищение вами возросли за время моего пребывания в Трувиле и в те благословенные недели, когда я вас видел. Я буду всегда хранить о них прелестное и нежное воспоминание, неизменное и цветущее. Передайте г-ну Штраусу, что если я совершил гнусность, до сих пор не написав ни вам, ни ему, то причиной тому не неблагодарность или забвение, а слабость и болезнь. Не отвечайте мне, я знаю – и постараюсь узнать поподробнее, если увижу Жака или попытаюсь повидать г-на Штрауса на улице Миромениль, – что вы отдыхаете в Швейцарии и что

---

¹ Имеется в виду принадлежавшая Ж. Штраус картина Клода Моне «Утро на Сене близ Живерни» (1896).

² «Толковый словарь французской архитектуры с XI по XVI век» (1854–1868).

вам тяжело писать. Надеюсь, что мое письмо вас не утомит.

*Ваш почтительный и бесконечно благодарный друг
Марсель Пруст*

Роберу де Монтескью
[Незадолго до 4 декабря 1907]

Сударь,

Тысяча благодарностей за ваше письмо, я хотел написать вам и сказать, какие вещи в «Хранителе благово-ний» вновь восхитили меня, словно я читал книгу впер-вые. Я хотел еще раз повидать вас, так как после того, как я побывал в Павильоне, я смог выйти пару раз из дома, но мне пришлось отправиться к зубному врачу, который продержал меня очень долго. Я надеялся, что смогу прий-ти на чай, на который вы меня так любезно пригласили, но снова простудился и не надеюсь выздороветь до сре-ды. Иначе я пришел бы с Рейнальдо, если бы у меня не было приступов.

То, что вы из чувства, как я боюсь (не должен ли я, на-против, радоваться тому?), скорее доброжелательности, нежели справедливости, называете моим талантом, в действительности помогает мне забыть о себе перед лицом вашего творчества, почтительно истолковать то, что вы не успели объяснить, сохранить все в целостно-сти. Но здоровье у меня, что бы вы ни говорили, отнюдь, увы, не долгожителя, у меня поражены жизненно важ-ные органы. Впрочем, вы хорошо показали, что в неко-торых случаях умереть очень легко. Как бы то ни было, в вашей великолепной, кипучей старости, которую я стараюсь вообразить, еще не стихнут раскаты грома,

все больше сменяясь ярким светом не одних только молний, как я уже давно присоединюсь к тем, кто слишком рано меня покинул. Поэтому мне не хватает главного качества «наследника», того, что он, вероятно, будет жить дольше, ведь, как вы говорите, вы создали персонаж *наследника*. И не удивительно, что, будучи больше и плодотворнее заняты, сочиняя для театра и судя о нем, делая театр из вашей жизни, вы создали новые роли. Но все же, пусть и будучи плохо информированным и не столь проницательным, однако хорошо видя, подобно тем, кто издаലെка бросает случайный взор, я продолжаю считать, что те двое, удостоившиеся посвящения, которые теперь лишились этой чести, не заслужили такого падения¹. И я не могу понять ваших рассуждений о презрении к наследству, каковое (презрение) я и впрямь нахожу весьма глупым, но когда речь идет о вас, то мне кажется, что можно унаследовать нечто лучшее, чем «деньжата», и что «прекращение непринужденного общения», как вы иногда говорите, цитируя принца де Линя², является в таком случае столь же чувствительной формой разрыва.

Я послал вам маленький уродливый муляж пассифлоры, думаю, что вы его получили.

До свидания, сударь, примите выражение моего почтения, восхищения и благодарности.

Марсель Пруст

---

¹ Речь идет о снятых посвящениях в переизданном сборнике Р. де Монтестью «Хранитель благовоний».

² Принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814) – австрийский военачальник и дипломат, оставивший значительное литературное наследие на французском языке в духе аристократической галантной культуры.

Жоржу де Лорису
[Декабрь 1907]

Милый Жорж,

Я так скучаю по вас, что только усталость может заставить меня противиться желанию сказать вам об этом, но с тех пор, как мы виделись, у меня непрерывные и невероятные приступы. В воскресенье я не пошел встречать вас, так как оказался, задыхающийся и истомленный, у Рейнальдо, где оставался довольно долго, а после проводил его сестру Мадрасо домой. Какой музей!¹ Одна поистине божественная картина Эль Греко, в таких же редкостных, хотя и в другом роде, тонах, что и картина Вермеера, при этом свежих и нетронутых, ибо покрытых несравненной эмалью. Маленькая картина Тьеполо, рисунки Рафаэля, композиции Тициана, так и не ставшие картинами, гравированные при его жизни, непристойные и прелестные гравюры и рисунки Гойи, одна картина Латура, в общем, все, что только можно вообразить, причем хозяин долго желал приобрести каждую картину, следил за ней от продажи к продаже, прелестные ткани, итальянский расшитый балдахин для постели XVIII в., на котором вставших на дыбы лошадей сдерживают голубые поводья!

Дорогой Жорж, я снова начинаю задыхаться, я только хотел сказать вам, что нежно думаю о вас и хотел бы немного взять себе вашу усталость. Часто по утрам, когда я чувствую, что на улице холодно, я думаю о том, как несправедливо, что я в теплой постели, а вы в семь с четвертью должны быть на плацу. Но вы скажете, милый Жорж, что у меня другие неприятности и что в кон-

---

¹ Речь идет о собрании картин художника Р. Мадрасо, мужа Марии Ан.

це концов лучше отбывать свои 28 дней¹, чем быть не в состоянии...

*Нежно ваш
Марсель*

Эмилю Малу
102, бульвар Османн
[10 или 11 декабря 1907]

Сударь,

Я надеялся все эти дни, что мое состояние позволит мне прийти поблагодарить вас за вашу драгоценную посылку². Дни прошли, мое восхищение этими чудесными страницами не уменьшилось, а сил, чтобы пойти выразить вам его, не прибавилось.

Могу сказать, что в этой брошюре нет ни одной страницы, красота которой однажды не очаровала бы меня так, что я начинал предпочитать ее всем остальным, а на следующий день прочитанные новые страницы казались мне еще лучше. Не знаю, можно ли предпочесть среди столь изумительно явленных, столь искусно объединенных церквей Франции церкви Оверни с их мозаиками из лавы или церкви Прованса, заимствовавшие у римских сооружений колонны и фронтоны; в вас всегда говорит поэт, и он всегда равен себе, и тогда, когда находит темные краски, говоря о церквях времен Карла Великого, и тогда, когда, сменив стиль, он, подобно создателям церкви св. Урбана³ и Сент-Шапель, дарит себе радость строить из света.

---

¹ Время краткосрочного призыва на военную службу.

² Отдельный оттиск лекции «Христианское искусство Средних веков», прочитанной Э. Малем в Сорбонне в декабре 1906 г. и опубликованной затем в «Ревю бле» (Kolb. 17, 546).

³ Готическая церковь в г. Труа.

Все же среди стольких прекрасных, удачных страниц больше всего меня поразила та, где наряду с красочным описанием клонящихся к упадку, позолоченных солнцем памятников Кипра вы пишете о византийском иерархизме, показывая, что в нем следует видеть не только стойкость догм, но и неизменность церемониала; таким образом вы связали это искусство, которое кажется таким далеким от жизни, с самой жизнью, с действительностью, со светской и придворной реальностью.

В последнее время я часто вспоминал вас, перелистывая разные толстые, неудобоваримые книги, к примеру, «Изображения святых» отца Кайе¹. Я вкладываю столько тщания в мои «Хроники» для «Фигаро», впрочем, не имеющие ничего общего с архитектурой, что простое сравнение заставляет меня прочесть огромные тома. А убедившись в точности моего образа, я выбрасываю его, так как он стал мне противен! Поэтому мне нужен час, чтобы написать статью, месяц, чтобы потом все проверить, вовсе не используя при этом результаты моих поисков, и секунда, чтобы порвать все написанное. Но это не помешало тому, что в моей последней статье о соборе Лизье есть чудовищные ошибки, о которых я знаю, но которые у меня нет духа исправить.

Полагаю, впрочем, что при отсутствии, как у меня, дара к такого рода исследованиям не следует примешивать к написанному то немногое, что удалось узнать из книг. Так, я пообещал «Фигаро» статью о «Церквях, которых больше нет», о том, какими были церкви до того, как революционеры, а также глупость протестантов, тупость археологов, невежество духовенства и забота властей постепенно их не обобрали. Но я отказался от моего наме-

---

¹ «Характеристики святых в народном искусстве» (1866–1868) иезуита Шарля Кайе (1807–1882).

рения, опасаясь, что немного поэзии, рожденной от двух-трех личных впечатлений, будет затоплено сведениями, неизбежно взятыми из вторых рук. Пример Андре Алле¹ не слишком вдохновляет.

Простите, сударь, что говорю с вами так же, как тем вечером, о котором я сохраню живейшее воспоминание, когда я был рад познакомиться с вами. Раньше в школе заставляли писать сочинение, в котором следовало доказать, а это действительно не лишено здравого смысла, что тюрьма, в которой Сервантес писал «Дон-Кихота», была сладостнее для него, чем дворцы и т. д. Будка вашего привратника – одно из тех мест, о которых я буду вспоминать с наибольшим удовольствием.

Прошу вас принять, сударь, искреннее выражение моего почтения, восхищения и благодарности.

Марсель Пруст

Маркизе де Клермон-Тоннер

102, бульвар Османн

Четверг вечером [12 декабря 1907]

Сударыня,

Я хотел повидать вас сегодня, но это оказалось физически невозможным. Мне грустно думать, что я не смог проститься с вами. Я хотел также объяснить вам при встрече то, что, как я вижу, осталось не ясным в моем письме. Я, впрочем, рискуя утомить вас скучными деталями, перечислил то, что я мог бы сделать, если бы это вам подошло. Так вот то, о чем вы пишете (несколько подписанных мной строк в «Фигаро»), – единственное,

---

¹ Андре Алле (1859–1930) – журналист; вел в газете «Журналь де Деба» рубрику, посвященную историческим центрам Франции.

чего я не могу сделать и о чем сожалею в моем письме, так как это не «мое дело» в «Фигаро». Кальметт, большой друг госпожи де Ноай, попросил меня написать статью о ней, но других исключений для меня не позволили сделать. После этой статьи г-н де Монтескью и другие любезно полагали, что я напишу и о них, просили меня об этом, а я, к сожалению, не мог этого сделать. Хотя мое имя, уверяю вас, совершенно неизвестно и не имеет никакого веса, но если вы хотите видеть имя даже неизвестного любителя Рёскина под статьей о Китсе, я мог бы напечатать ее только в «Газет де боз ар»¹, вернее, в приложении к ней, «Хронике искусств». Но этот журнал, который читают во всем мире те, кто интересуется искусством, пишет только об *Изящных искусствах*. Если я часто писал там о Рёскине, то потому, что он был также историком искусства, и если некогда я написал в этом журнале о г-не де Монтескью, то по той же причине: я написал о его книге, посвященной искусству. Весьма сомнительно, что мне позволят написать о «поэте». Я поговорю с ними, как только сдам маленькую работу о Рёскине в немецкой критике, которую они мне заказали уже два года тому назад, и если они ее примут, то я скажу несколько слов о Китсе.

Мне очень жаль, что я не повидал ни вас, сударыня, ни господина де Клермон-Тоннера. Уверяю вас, что лестницы без перил и сквозняки мне безразличны. Когда в тот вечер в Гризолле господин де Клермон-Тоннер был так добр, что помог мне, как ребенку, спуститься по темным пролетам лестницы, я перед тем выпил семнадцать чашек кофе, чтобы перестать задыхаться и быть в состоянии приехать в Гризолль. Поэтому я немного дрожал, и шаг

---

¹ Газета, основанная в 1859 г. и посвященная изящным искусствам.

мой был нетвердым. А вы решили, что я боюсь «лестниц без перил». Уверяю вас, что нет.

Примите, сударыня, искренние пожелания удачного и прекрасного путешествия, которое будет столь важным и увлекательным для двух художников, какими вы являетесь. Надеюсь, что по возвращении вам можно будет адресовать строки Бодлера:

Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.
Умчите нас вперед – без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару) –
Видения свои, обрамленные в синь¹.

Примите мои сердечные пожелания и выражение моего почтения.

Марсель Пруст

Думаю, что вам вернули прекрасный альбом, посвященный Эру², я глубоко благодарен вам за ту радость, которую он мне доставил.

---

¹ Фрагмент стихотворения Бодлера «Плавание» (пер. М. Цветаевой).

² Департамент в Нормандии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аас, Шарль 187
Абу, Эдмон-Франсуа-Валентин 68
Август, Октавиан 163
Августин, Блаженный 413, 467
Агостинелли, Альфред 541-542
Адан, Жюльетта 136, 137
Айо, Эжен-Морис 519, 521
Аккерман, Луиза-Викторина 32, 194
Алеви, Даниэль 39, 40, 41, 46–47, 51, 52
Алеви, Леон 402
Алеви, Людовик 41, 46, 47, 402
Алеви, Эли 51
Александр Македонский 197
Алле, Андре 549
Альберт I, князь Монакский 403
Альбуфера, Луи-Жозеф Сюше, маркиз д' 292–298, 303, 307, 308, 313, 361, 506, 507, 519
Альдегревер, Генрих 541
Амори (Д'Амори) 119, 129
Амьо, Андре 475
Амьо, Жюль 474–476
Амьо, Франсуаза-Элизабет 299
Ан, Мария 132, 134, 546
Ан, Рейнальдо 110, 113-115, 125-130, 133, 134, 135, 137-139, 148, 154–157, 162, 163, 167, 171, 173, 175, 177, 225, 226, 239, 259, 262, 327, 378, 380, 387, 399, 414, 422, 430, 451, 452, 454, 461, 467, 468, 472, 477, 490, 514, 518, 521, 522, 528, 544, 546
Ан, Элиза 160
Анакреонт 107
Андинье, г-н д' 424
Андре, Луи 303
Анжелика, слуга 44, 198, 471
Анненский И.Ф. 473
Анник, Николетта 417
Анри, Юбер-Жозеф 209, 216, 217

Анро, Люсьен Саншолль 307–308

Аппер, Эжен 233

Арвер, Поль 233

Арен, Эмманюэль 496

Аристотель 346

Аркур, мадемуазель д' 89

Арман де Кайаве, Альбер 168

Арман де Кайаве, Гастон 520

Арман де Кайаве, Жанна 520

Арман де Кайаве, Леонтина 168–169, 191, 200, 454, 539

Артаньян, Шарль Ожье де Бац де Кастельмор, граф д' 335

Аруи, Мари-Мадлен д' 470

Аспазия 70

Асселино, Шарль 415

Б

Баевская, Е. В. 15

Базен, Рене 496

Байби, Леон 220

Байрон, Джордж Гордон 324, 442

Бакар, Поль 517

Балашова, Т. В. 13

Балльруа, Альбер-Феликс-Жюстен де ла Кур, граф де 535

Балльруа, Жак-Мари-Оноре де ла Кур, маркиз де 535

Бальзак, Жан-Луи Гез де 164

Бальзак, Оноре де 9, 11, 130, 168, 176, 182, 203, 216, 329, 363, 364, 426, 525

Банвиль, Теодор де 39, 40, 41

Барбантан, маркиз де 90

Барбе д'Оревилли, Жюль 329, 415, 427

Барон 422

Баррер, Камилл 300

Баррес, Морис 64, 67, 71, 144, 197, 211, 251, 314, 316, 335, 336, 350, 380, 463, 465, 466, 490

Бартолони, Анатолий де 225

Бартолони, Мари-Тереза де 225, 422

Барту, Луи 480

Бассе, Серж 497

Бах, Иоганн Себастьян 67

Башкирцева, М. К. 83

Беарн, Мартина-Мари-Поль, графиня де 185, 187

Беер, Гийом 98

Беер, Елена 98

Бек, Анри-Франсуа 41

Бенар, Поль-Альбер 439

Бенардаки, Мари 36

Беньер, Анри 75, 89

Беньер, Артюр 75

Беньер, Жак 76

Беньер, Лора 75, 76, 89, 122

Беньер, Поль 76

Беньер, Шарлотта 75, 76

Беранже, Пьер-Жан 328

Берарди, Гастон 167

Бергсон, Анри 375

Бердсли, Обри 504

Беркгейм, г-н 520

Бернар, Сара 39, 528

- Бернар, Сюзанна-Ребекка 272
 Бернар, Тристан 272
 Берн-Джонс, Эдвард Коли 528
 Бернштейн, Анри 259, 266
 Беро, Жан 513, 519
 Бессьер, Элен 38
 Бетховен, Людвиг ван 67, 129, 185, 521
 Бибеско, Антуан, князь 247, 259, 262, 264, 270, 279, 288, 307, 310, 333
 Бибеско, Элен, княгиня 263, 264, 272
 Бибеско, Эмманюэль, князь 265, 519
 Бизе, Жак 41, 42, 48, 54, 59, 61, 63, 66, 76, 306, 408, 481, 542, 543
 Бизе, Жорж 54, 59, 61, 409
 Бийи, Жанна, графиня де 368-369
 Бийи, Люси, графиня де 97
 Бийи, Робер, граф де 73, 74, 88, 89, 91, 95, 259, 296, 297, 366, 368, 369, 414
 Бийи, Шарль, граф де 97
 Бинар, Поль-Альбер 439
 Бинг, Зигфрид 326
 Бирабан, г-жа 30
 Бланш, Жак-Эмиль 255, 359, 438, 491, 492, 519
 Бланш, Роза 539
 Бланш, слуга 36
 Блюм, Леон 64
 Бове, Шарль-Луи-Рене 217
 Бодлер, Шарль 11, 12, 18, 63, 82, 85, 92, 137, 138, 161, 205, 247, 304, 322, 414-416, 445, 501, 502, 514, 529, 551
 Болдини, Джованни 396
 Бомон, Полина, графиня де 193, 229
 Бонапарт, Жером 102
 Бонапарт, Жюли, 225
 Бонапарт, Матильда 102
 Бонье, Андре 312, 438, 476, 477, 478, 479, 506, 519
 Бордо, Анри 231, 232, 337
 Боссюэ, Жак-Бенинь 231, 324, 416 .
 Босуэлл, Джеймс 182
 Боттичелли, Сандро 49
 Бранкован, Мишель-Константин Бибеско-Бассараба, князь 12, 196, 206, 210, 212, 226, 227, 241, 266, 277, 278, 290, 372, 428
 Бранкован, Ралука, княгиня 89, 213, 219
 Бранкованы, семья 207, 209, 210, 214, 217, 219, 221, 231, 277
 Брантес, Луиза, маркиза де 114, 116, 121, 139, 183, 515, 519, 520
 Бреаль, Мишель 451, 452
 Бреге, Мадлен 408
 Брей, г-н дю 216
 Бресы, семья 534
 Бриан, Аристид 391

Брие, г-жа де 519
 Бриссо, Эдуард 449
 Брой де, Жак-Виктор-Альбер,
 герцог де 227
 Броньяр, Франсуа-Поль 217
 Бруардель, Лора 92
 Бруардель, Поль 92
 Брунsvик, Леон 375, 393
 Брут, Марк Юний 81
 Брюн, Анриетта 268
 Брюн, Жан 268
 Буадефр, Рауль-Франсуа-
 Шарль ле Мутон де 209
 Буалев, Рене 524–525
 Буало, Никола 180
 Буасерре, Мельхиор 435
 Буасерре, Сюльпис 435
 Буассонас, Жан 74, 76, 89
 Буассье, Гастон 375
 Буланже, Жорж-Эрнест-Жан-
 Мари 35, 36
 Булле, Гийом 368
 Бурдалу, Луи 467
 Бурде, г-жа 75
 Бурдо, Жан 529
 Бурже, Поль 383, 496
 Буссо, Этьен 101, 102, 103
 Бутру, Эмиль 301, 375
 Буше, Франсуа 535
 Бюльто, Огюстина 354
 Бюсси д'Амбуаз, Луи де
 Клермон, сеньор де 158,
 168
 Бюсси-Рабютен, Роже, граф
 де 470

В

Вагнер, Рихард 67, 80, 128,
 185, 328, 391, 486, 521
 Ваграм, Берта-Клара, прин-
 цесса де 83
 Вакез, Луи-Анри 137
 Валевский, Шарль 233
 Валенер, Шарль, 470
 Валенкур, Жан-Батист-Анри
 дю Труссе де 471
 Валлетт, Альфред 267, 276, 286
 Валлотон, Феликс 378
 Вальдек-Руссо, Пьер 371
 Ван Дейк, Антонис 95
 Ван дер Нер, Арт 517
 Вандербильт, Уильям Киссэм
 438
 Варенн, Анри 477
 Варю, Гюстав-Лоран де 76
 Ватто, Антуан 144
 Вашид, Никола 458
 Вебер, ресторатор 197, 259,
 408
 Вейль, Адель (Аделаида) 8, 22,
 23, 24, 28-29, 31, 37, 38, 43
 Вейль, Жорж-Дени 21, 22, 34,
 230
 Вейль, Лазар (Луи) 22, 37, 144–
 145
 Вейль, Нате 11, 21–23, 24, 31,
 34, 43–45, 152, 191
 Венгерова, З. А. 358
 Вергилий 25, 335
 Верлен, Поль 41, 137, 143, 144,
 249, 312, 348, 383–385

Вермеер, Ян 517, 546
Верн, Адольф 89
Видмер, Адольф 455
Виктуар, слуга 44, 45
Вильгельм I Завоеватель 533
Виньи, Альфред де 158, 184,
232, 452
Виньо, Жан-Гастон-Луи 245
Виолле-ле-Дюк, Эжен 389,
543
Вирье, г-жа 213
Витт, Конрад де 305
Витта, г-жа 229
Витта, Джузеппе, барон 229
Витта, Фанни 229
Водемоны, графы де 315
Вольтер 8, 67, 304
Вормс, Гюстав 46
Вуатюр, Венсан 8, 165
Вюйар, Эдуард-Жан 374

Г

Габриак, Александр де 520
Гайар, г-жа 44
Галар, г-н 229
Галеви (Алеви), Фроманталь
61
Галле, Эмиль 272
Галле-Рейнемер, Шарль 272
Галлифе, Гастон-Александр-
Огюст, маркиз де 212
Галлифе, Флоранс-Жоржина,
маркиза де 110
Галльени, Жозеф-Симон 480
Галь, Мартен 293

Гандеракс, г-жа 420
Гандеракс, Луи 104, 200, 420,
422
Гейне, Генрих 110, 113
Гейне, Георг 422
Гендель, Георг Фридрих 67
Генрих III 168
Герен, Жюль 228
Геритт, Мадлен 526
Герн, Мари-Тереза, графиня
де 399
Гесиод 460
Гете, Иоганн Вольфганг фон
125, 170, 202, 203, 205, 247,
328, 402, 434, 435
Гинцбург, Н. С. 224, 304
Гито, Мадлен, графиня де 470
Гитри, Люсьен 424
Гитри, Саша 424
Гиш, Антуан-Огюст-Аженор-
Арман де Грамон, герцог де
302, 432, 519, 520, 536
Гиш, Одиль, герцогиня де
513
Гобино, Жозеф-Артюр, граф
де 476
Гойе, Юрбен 300
Гойо, г-жа 390
Гойо, Жорж 388, 433
Гойя, Франсиско 124, 546
Голицын, Д. А., князь 435
Голицына, Амалия, княгиня
435
Гомер 384, 451, 452
Гонз, Шарль-Артюр 208–209

Гонкур, Эдмон де 137, 138, 153,
 154, 418, 421
 Гонкуры, братья де 175, 418
 Гораций 25, 224, 304
 Готье, Теофиль 27, 335
 Гоццоли, Беноццо 432
 Грабарь-Пассек, М. Е. 121
 Грамон, Антуан-Альфред-
 Аженор, герцог де 140
 Грамон, Маргерит, герцогиня
 де 448
 Гранжан, г-жа 100
 Гранжан, Шарль 97, 98, 99,
 100, 101
 Грег, Фернан 62, 63, 67, 68, 76,
 247, 346, 347, 372, 383, 384,
 386, 440, 444, 502, 540
 Грез, Жан-Батист 328
 Грей, Констанс-Глэдис, мар-
 киза Райпон, леди 469,
 472
 Греффюль, Элизабет, графи-
 ня 83, 88, 432, 528, 539
 Гриблен, Феликс 216
 Гриффон, Венсан 520
 Грюнебаум-Баллен, Поль 390
 Гуно, Шарль-Франсуа 30
 Гюго, Виктор 10, 40, 80, 83,
 139, 156, 210, 228, 304, 328,
 383, 384, 386, 429, 440, 444,
 459, 501, 521
 Гюисманс, Жорис-Карл 377
 Гюйо, Ив 297
 Гюйон, г-жа 92
 Гюстав, г-жа 153

Д

Д'Аннунцио, Габриэле 322
 Данте Алигьери 242
 Дарлю, Альфонс 54, 56, 249,
 375
 Деборд-Вальмор, Марселина-
 Фелисите-Жозефа 9, 104,
 112, 178, 410–412, 423, 478
 Дега, Эдгар 375, 376
 Дежарден, Поль 67, 68, 70
 Делавинь, Казимир 24
 Делакруа, Эжен 385
 Деланд, Анжелика 198, 220
 Делафосс, Леон 115, 116, 182
 Дельпит, Эдуард 92
 Деманж, Эдгар 216
 Демолен, Эдмон 316
 Депорт, Филипп 165
 Депуррен, Киприан 26
 Дербанн, Гюстав 60
 Дербанны, семья 60
 Детома, Максим-Пьер-Жюль
 290
 Деффан, Мари, маркиза дю 8
 Дешан, Антони 228
 Дешан, Гастон 228
 Дешан, Эмиль 228
 Дешанель, Поль 229
 Джеймсон, г-жа 89
 Джонсон, Сэмюэл 182
 Джотто ди Бондоне 534
 Диас, Нельсон 370
 Диккенс, Чарльз 182
 Дикон, Глэдис-Мэри 520

- Доде, Альфонс 118, 125, 137–140, 143, 153, 154, 168, 191, 282, 316, 358, 359, 410, 416
- Доде, Жюлия 14, 137, 139, 142, 191, 193, 257, 282, 329, 357, 398, 410, 416, 417, 460
- Доде, Леон 125, 136, 139, 143, 154, 173–176, 192, 202, 257, 258, 293, 330, 427, 428
- Доде, Люсьен 125, 136, 137, 143, 153, 182, 191–193, 199, 258, 281, 282, 330, 357, 358, 396, 407, 419, 427, 461, 462, 478, 498, 538
- Доде, семья 137, 192, 330
- Донской, М. С. 252
- Дорнис, Жан, см. Беер, Елена
- Дрейфус, Альфред 16, 196, 197, 203, 208, 209, 211–214, 216, 217, 219, 220, 228, 234, 235, 300–303, 305, 307, 323, 479–481
- Дрейфус, Гюстав 128
- Дрейфус, Ипполит 128
- Дрейфус, Карл 128
- Дрейфус, Робер 14, 45, 48, 51, 54, 66, 209, 213, 216, 228, 234, 235, 307, 476, 479, 480, 481, 514
- Дуайен, Эжен-Луи 539
- Дубровкин, Р. М. 403
- Дудовиль, Состен II Мари-Шарль-Габриэль де Ларошфуко, герцог де 173
- Дюбарри, Мари-Жанна, графиня 175
- Дюбелле, Жоашен 118
- Дюбуа, Поль 386, 442, 458
- Дюкан, Максим 170
- Дюкло, Эмиль 241
- Дюма, Александр 45, 158, 167, 168, 186
- Дюпле, Морис 426, 508–512
- Дюпурке, Пьер-Аристипп 26
- Дюрас, Клер-Луиза-Роза-Бонна, герцогиня де 223, 224
- Дюрер, Альбрехт 38, 541
- Дюрфор 520
- Дюфей, Эжен 513, 515
- Дюшоффур, г-жа 55
- Дюз, Эрнест-Анж 111
- Е**
- Евгения, императрица 427
- Елизавета, королева 117
- Елизавета, святая 314
- Ж**
- Жалу, Эдмон 321
- Жан, слуга 153, 165
- Жанна д'Арк 24
- Жоанн, Адольф 523
- Жоанно, Тони 520
- Жойан, Эдуард 45, 47, 48, 55
- Жонсьер, Леонс де 536
- Жорес, Жан 509
- Жоссен, шофер 541–542
- Жубер, Жозеф 223, 350
- Жюлиан, Родольфо 137

З

Зандт, Мария ван 530
Зенкин С. Н. 11
Зикерт, Уолтер-Ричард 359
Зингер, Г. Р. 17
Золя, Эмиль 66, 217, 302, 481

И

Ибсен, Генрик 196
Изабелла Баварская 314
Ильмашер, Люсьен-Жозеф-
Эдуард 160
Ильмашер, Поль-Жозеф-
Гийом 160
Иснардон, Жак 185
Итурри, Габриэль д' 107, 112,
121, 125, 127, 182, 324, 334,
408, 410, 429

Й

Йетман, Леон 261, 516
Йетман, Мадлен 261, 516

К

Кавеньяк, Жак-Мари-Эжен-
Годфруа 208–209, 300
Казалис, Анри 60, 169
Казалис, г-жа 60
Каза-Фуэрте, Илан, маркиз де
519
Казимир-Перье, Жан 224
Кайе, Шарль 548
Кальве, Эмма 409
Кальманн, Жорж 102, 160

Кальметт, Гастон 250, 285,
286, 476, 477, 513, 550
Каналетто 419
Караман-Шиме, Александр,
принц де 226
Караман-Шиме, Элен, прин-
цесса де 250, 290, 317, 321,
430, 431, 452, 454, 502, 503,
516, 522
Карбоннель де Монживаль,
Франсуа де 77
Карвальо 110
Кардан, Жюль 286
Карл V 224
Карл Великий 513, 547
Карлейль, Томас 304
Каро, Полина 252
Каро, Эльм-Мари 75
Карпаччо, Витторе 417
Карр, Альфонс 328, 341, 500
Каррьер, Эжен 439
Кастеллян-Новжан, Анна,
графиня де 151, 152
Кастеллян-Новжан, Бонифас
(Бони), граф де 151, 152
Катюсс, Мари-Маргерит 29,
30, 33, 412, 488
Каульбах, Вильгельм фон 125
Кемпфен, Альбер 99
Киплинг, Редьярд 199, 277
Китс, Джон 550
Клари, Жоашен де 199
Клемансо, Жорж 312
Клеопатра 70
Клерен, Жорж 150, 151

- Клермон-Тоннер, Элизабет, герцогиня де 359, 432, 512, 519, 542, 549
- Клермон-Тоннер, Эме-Франсуа-Филибер, маркиз де 513, 514, 519, 542, 550
- Клуэ, Франсуа 339
- Коклен, Бенуа-Констан 46
- Колб, Филипп 17, 24, 45, 53, 58, 64, 87, 98, 118, 120, 143, 144, 154, 229, 240, 241, 251, 268, 303, 310, 328, 333, 338, 357, 430, 454, 497, 520, 526, 530, 547
- Конде, Луи II де Бурбон, принц де 143, 181, 324
- Конно, Жозефина 160
- Констан 77
- Конт, Огюст 303
- Коппе, Франсуа 137, 138, 244, 416
- Копф, Альбер 92
- Кордые, подполковник 211, 229
- Корнеев, Ю. Б. 159, 469
- Корнель, Пьер 9, 27, 85, 159, 221
- Коро, Жан-Батист-Камилл 500
- Котте, г-н 226
- Коттен, Анри 215-217
- Коттен, г-жа 216-217, 229, 230
- Кошен, Дени 298, 305
- Крепе, Эжен 414
- Круассе, Франсис 294
- Кузнецова, И. И. 11, 265
- Куланж, Кристоф де 470
- Куланж, Мари де 470
- Куланж, Мари-Анжелика де 471
- Куланж, Филипп II де 470
- Куланж, Филипп-Эмманюэль де 160, 471
- Куланжи, семья 469, 470
- Кулле-Тессье, Антонина 417
- Куперен, Франсуа 521
- Куртелин, Жорж 176
- Кювье, Жорж-Леопольд 223
- Кюинье, Луи 208
- Кюрель, Франсуа де 76
- ## Л
- Ла Саблиер, Маргерит, герцогиня де 469
- Ла Салль, Луи де 65, 76
- Ла Тремуй, Маргерит-Эгле, герцогиня де 75
- Ла Трусс, Анриетта, маркиза де 470
- Лабиш, Эжен 55, 472
- Лабори, Фернан 307
- Лабрюйер, Жан де 469
- Лавалле, Пьер 147, 283
- Лаварден, Маргерит-Рене, маркиза де 470
- Лависс, Эрнест 301
- Лазар, Жан 174, 176
- Ламартин, Альфонс де 126, 188, 304, 467
- Ландовски, Ладислас 358

- Ландольт, Эдмон 358
 Ландузи, Луи 358
 Лапарсери, Кора 243, 244
 Ларгье, Лео 494
 Ларенти, баронесса де 74, 75
 Ларошфуко, Анриетта, графиня де 406, 513
 Ларошфуко, Габриэль де 302, 380, 406, 420–422, 513, 520
 Ларошфуко, Франсуа де 9
 Ларошфуко, Эмери, граф де 187, 406
 Ларю, ресторатор 313
 Лассэ, Арман де 471
 Ластери, Луи де 520
 Латуш, Анри де 411
 Лафайет, Мари-Мадлен, графиня де 14
 Лафонтен, Август 27
 Лафонтен, Жан де 355, 469, 500
 Лашелье, Жюль 375
 Лебаржи, Огюст 307
 Лебаржи, Симона 272, 273
 Леблон, Морис 373
 Леваде, Шарль-Гастон 135
 Леви, братья 119
 Левик В. В. 18, 82, 205, 529
 Левис, Мари-Катрин-Аманд, герцогиня де 223, 224
 Леконт де Лиль, Шарль 13, 40, 44, 57, 118, 162, 177, 184, 466
 Леконт дю Нуи, Жан-Жюль-Антуан 492
 Леконт дю Нуи, Эрмина 184
 Леметр, Франсуа-Эли-Жюль 39, 51, 168, 383, 414, 415, 451
 Лемэр, Мадлен 96, 103, 108, 111, 112, 115, 116, 121, 131, 133, 149, 150, 151–153, 170, 171, 286, 422, 431, 454, 498, 515
 Лемэр, Сюзетта 14, 108, 111, 113, 118, 119, 127, 128, 131, 149, 430, 454
 Ленге, Анри 228
 Ленотр, Ж. 312
 Леон, слуга 522
 Леонардо да Винчи 49, 80, 95, 192
 Леонкавалло, Руджеро 138
 Леото, Поль-Фирмен-Валантен 495, 496, 497
 Линецкая Э. Л. 180, 469
 Линь, Шарль-Жозеф, принц де 545
 Лион-Кан, Луиза-Маргерит 139
 Лион-Кан, Шарль-Леон 285
 Лист, Ференц 522
 Листер, Реджинальд 520
 Лиштенберже, Анри 328
 Лобеспен, Валантин, графиня де 187
 Лозинский М. Л. 27, 221, 371
 Лоран, Жан-Поль 377
 Лоран, Мери 163
 Лорис, Жорж де 275, 276, 278, 297, 302, 306, 308, 534, 546
 Лоррен, Жан 407, 513

Лоти, Пьер 37, 44, 248, 328,
375, 378
Луини, Бернардино 49
Луис, Пьер 94, 204
Луи-Филипп 75, 124, 152, 219
Людовик XIV 151, 469, 471,
490, 538
Людовик XV 175
Людр-Фролуа, Соланж, мар-
киза де 519

М

Мадлен 409
Мадрасо, Раймундо 132
Мадрасо-и-Очоа, Федерико
170, 327
Мажито, Луи-Феликс-Эмиль
32, 33
Майи-Нель, Мари, графиня
де 110, 528
Маке, Огюст 167
Макиавелли, Никколо 289
Малерб, Франсуа 165, 181, 334
Малларме, Стефан 40, 41, 60,
140, 163, 164, 165, 166, 183,
206, 322, 403, 473
Маль, Эмиль 389, 484, 531,
547
Мальбранш, Никола 84
Ман Н. С. 33
Мане, Эдуард 339, 352
Мансар, Франсуа 535
Маргерит, Виктор 496, 499
Маргерит, Поль 496, 499
Маргерит, слуга 44
Маргиломан, Александру 274
Маргиломан, Элиза 274
Мари, слуга 275
Марк Аврелий 71
Марселлюс, Лодоис де Мартен
дю Тирак де 412
Марсель, мадемуазель 37
Мартель де Жанвиль, Сибиль-
Габриэль, графиня де 102
Марцелл, Марк Клавдий 163
Марьетон, Поль 196
Массейс, Квентин 168
Массийон, Жан-Батист 416
Массне, Жюль 30, 452
Матильда Фландрская 533
Медичи, Мария 334
Мейер, Артюр 122, 131, 151,
152, 217, 423, 529
Мейер, Маргерит 423
Мелеагр 94
Мелин, Жюль 302
Менге, Пьер 140
Мендес, Катюль 39, 41
Мендрон, Жорж-Рене-Морис
204, 496
Ментенон, Франсуаза, маркиза
де 384
Мере, Антуан Гомбо, шевалье
де 164
Мериме, Проспер 280
Мерклен, Пьер 369
Мерсье, Огюст 219, 480, 481
Метерлинк, Морис 335, 336,
376, 385, 403
Метсю, Габриэль 492

- Микушевич, В.Б. 322
 Мило д'Арсиль 203
 Мильеран, Этьен-Александр 214
 Мильтон, Джон 169
 Минье, Франсуа-Огюст 28, 164
 Миньяр, Пьер 535
 Мирабо, Алиса 89
 Мирабо, Поль 366–369
 Михайлов А. Д. 7, 8, 17
 Мишле, Жюль 40, 80, 183
 Моле, Луи-Матье, граф де 350
 Мольер 9, 29, 33, 41, 46, 64, 107, 140, 182, 186, 201, 222, 228, 248, 355, 466
 Монакская, Мари-Алис Гейне, княгиня 110, 422, 513
 Моне, Клод 352, 359, 360, 374–376, 543
 Монтгомери, г-жа 539
 Монтебелло де, Мари-Луиза 537
 Монтень, Мишель де 53, 78, 506
 Монтескью-Фезансак, Анри де 214
 Монтескью-Фезансак, Леон, граф де 251
 Монтескью-Фезансак, Мари де 214
 Монтескью-Фезансак, Мари-Жозеф-Робер-Анатоль, граф де 12, 16, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 87, 93–96, 103–107, 111, 114–116, 120, 124–126, 143, 146, 181, 183, 187, 212, 243, 244, 251, 256, 324, 327, 330, 332, 333, 335, 342, 386, 396, 404, 406, 410, 421, 426, 428, 454, 459, 472, 499, 500, 503, 504–508, 515, 526, 544, 545, 550
 Монтескью-Фезансак, Тьерри, граф де 342
 Монтескью-Фезансак, Фердинанд де 251
 Монтеспан, Франсуаза-Атенаис, маркиза де 469
 Монтичелли, Адольф 385
 Моньи, Клеман, виконт де 213
 Мопассан, Ги де 59, 184, 328
 Мореас, Жан 87
 Морнан, Луиза де 292, 294, 313, 361, 362, 397, 424, 445, 447, 536
 Моро, Гюстав 240, 245, 250, 269, 375, 472, 528
 Моррас, Шарль 161, 162
 Моррис, Уильям 492
 Моцарт, Вольфганг-Амадей 401
 Муши, Антуан де Ноай, герцог де 468
 Мюллер, Морис 303
 Мюрже, Анри 138
 Мюссе, Альфред де 30, 33, 40, 63, 108, 111, 137, 138, 341, 443, 472, 520

Н

Наполеон I 225, 233
Наполеон III 422
Натан, Шарль 171
Небюрже, Полина 22
Невиль, Поль-Альфред Риу де 233
Неккер, Сюзанна 229
Немурский, Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль Орлеанский, герцог 152
Нервиль, Лиди де 76
Нефвиль, Александр, барон де 76, 520
Никитин, В. А. 17
Ницше, Фридрих 328, 529
Ноай, Анна, графиня де 89, 196, 211, 212, 213, 226, 243, 244, 249, 250, 251, 277, 281, 310, 311, 317, 319, 330, 331, 334, 348, 353, 354, 356, 431, 432, 433, 448, 449, 453, 457, 458, 467, 478, 501, 506, 507, 511, 516, 519, 550
Ноай, Анн-Жюль 251
Ноай, Клотильда, герцогиня де 356, 448, 449, 450
Ноай, Коризанда, маркиза де 449
Ноай, Матье, граф де 213, 250, 252, 253, 519
Новалис 435
Нолак, Пьер де 99
Нордлингер, Мэри 236, 238, 325, 326, 339, 345, 365, 378, 394, 436

О

Обер, Эдгар 74, 90, 95-97
Оберкамф, Йоланда 368
Обернон, Лиди 76
Огюст, слуга 44
Огюстина, слуга 25, 34
Одоакр 182
Ожье, Эмиль 501
Оне, Жорж 49
Онсье, Франсуа, граф д' 231
Оппенгейм, Станислас-Эдуард 23
Орлеан, Пьер-Феликс-Габриэль д' 233
Орлеанские, герцоги 35, 119
Оссонвиль, Полина, графиня д' 213, 226, 227, 229, 512, 519
Оссонвиль, Поль-Габриэль, граф д' 213, 223, 512

П

Паганини, Никколо 530
Падеревский, Ян Игнаций 89
Пайрон, Эдуард 412
Парис, Франсуа, виконт де 303, 308
Паскаль, Блез 125, 296, 335, 338, 466
Пассера, Жан 357
Пастернак, Б. Л. 97
Патек, Антоний 222
Патек, Леон-Мечислас-Винцент 222, 229, 232
Патер, Уолтер 536
Перье, Казимир-Пьер 124, 224

- Пий X 451
 Пикар, Андре 306, 307
 Пикар, Мари-Жорж 197, 212, 234, 301, 480
 Пико, г-жа 220
 Пинар, Альфонс 229
 Пинар, г-жа 229
 Пишераль, г-н 89
 Плансон, Поль 409
 Платон 63, 346
 По, Эдгар 473
 Пози, Жан-Самюэль 220, 256
 Полиньяк, Винаретта, принцесса де 212, 213, 469, 520
 Полиньяк, Эдмон-Мелькиор-Жан-Мари, принц де 212, 217, 520
 Полюс 36, 119
 Помероль, Шарль де 418
 Понс де Монбуассье 311
 Порто-Риш, Жорж де 110, 424, 483, 530
 Порто-Риш, Марсель де 484
 Порто-Риш, Элизабет де 110, 483
 Потоцкая, Эмманюэла, графиня 185
 Прево, Эжен-Марсель 496, 499
 Примоли, Жозеф-Наполеон, граф де 409
 Пруст, Адриен 23, 34, 59, 60, 90–92, 118, 146, 153, 170, 174, 176, 207, 212, 214, 218, 220, 227, 241, 260, 275, 285, 286, 298, 317, 318, 320–323, 334, 457, 463, 475, 481, 492, 493, 530
 Пруст, Жанна-Клеманс 8, 11, 21, 22, 25, 29, 34–35, 37, 38, 43, 48, 88, 92, 110, 134, 145, 149, 152, 159, 167, 170, 172, 174, 185, 196, 207, 210, 211, 214, 218, 220, 225, 227, 241, 260, 270, 274, 275, 284, 310, 317–319, 321, 323, 366, 380, 432, 442, 455–464, 475, 481, 489, 490, 493, 494, 519, 536, 537
 Пруст, Марта 369, 493
 Пруст, Робер 21, 22, 26, 44, 45, 48, 111, 115, 146, 176, 196, 214, 223, 224, 228, 258, 260, 271, 273, 285, 286, 287, 318, 369, 370, 474, 492, 493
 Пуа, Мадлен, принцесса де 469
 Пупетьер, Поль 230
 Пурталес, Луиза-Софи-Мелани, графиня де 422
 Пьербург, Маргерит-Эмери, баронесса де 274, 284
 Пюви де Шаван, Пьер-Сесиль 375
- ## Р
- Радзивилл, Леон 302
 Ранвуазе, г-жа 173
 Расин, Жан 9, 28, 222, 252, 271, 289, 335, 336, 416, 471
 Ратье, Виктор 186
 Рафаэль Санти 38, 49

- Рафаэль, слуга 225
 Ребийо, Жозеф-Поль-Альфред 219
 Ревич, А. М. 312
 Рейнах, Жозеф 323, 481
 Рейнах, Саломон 99, 514, 515
 Рекамье, Жюльетта 228, 229
 Реклюс, Жак-Элизе 120, 131
 Рембрандт, Харменс ван Рейн 140, 492, 517
 Ренан, Жозеф-Эрнест 39, 71, 83, 195, 304, 465
 Ренье, Анри-Франсуа-Жозеф де 68, 117, 132, 178, 183, 188, 189, 204, 312, 332, 540
 Ренье, Мари-Луиза-Антуанетта де 117, 122, 123, 132, 135, 178, 189, 204
 Решке, Мари 110, 528–530
 Решке, Ян-Мечислав 110
 Рёскин, Джон 11–13, 231, 237, 238, 239, 264, 265, 266, 268, 269, 278, 280, 286, 287, 304, 321, 325–329, 334, 336, 338, 344, 364, 377, 379, 388, 389, 390, 393, 395, 396, 417, 427, 429, 437, 464, 526, 527, 550
 Ржевуский, Станислас 61
 Ривьер, Фернан 76
 Рислер, Жозеф-Эдуард 150, 518, 519, 521
 Риттер, В. 87
 Риттер-Заони де, Франсуаза 256, 257, 537
 Рихтенбергер, г-жа 218
 Ришар, Жорж 542
 Робер, Луи де 189
 Роган, Эрмини, герцогиня де 526
 Род, Эдуард 179, 194, 253, 342, 499, 518, 520
 Роден, Огюст 375, 376, 384, 439
 Рождественский, Вс. А. 468
 Роже, Годерик 216
 Ройе-Коллар, Пьер-Поль 184
 Рокплан, Камилл-Жозеф-Этьен 500
 Ронсар, Пьер де 501
 Россетти, Данте-Габриэль 327, 395
 Ротшильд, Адольф, барон де 227
 Ротшильд, Анри, барон де 77, 542
 Ротшильд, Жюли, баронесса де 227
 Ротшильд, Эдмон де 403
 Ротшильды, семья 54
 Ру, г-н 92
 Рубенс, Питер-Пауль 535
 Рувье, Морис 261
 Русполи, Мария 530
 Руссо, Жан-Жак 160, 426
 Рыкова, Н. Я. 384
- С**
- Сальо, Эдмон 99
 Санзеи, Анна-Мари, графиня де 470

Санье, Робер 199
 Сарсе, Франсиск 67
 Се, Эдмон 274
 Севинье, Мари, маркиза де
 160, 161, 329, 339, 470
 Сегонзак, Пьер, граф де 77
 Сегюр, Софи, графиня де 156,
 399
 Сейду, Жак 76, 90
 Сем 535
 Сен-Виктор, Поль де 328
 Сенека, Луций Анней 230
 Сен-Люк, Франсуа д'Эспине
 де 168
 Сен-Поль, Мари-Шарлотта-Ди-
 ана, маркиза де 133, 409, 422
 Сен-Санс, Камилл 150
 Сен-Симон, Анри де Рувруа,
 герцог де 201, 349, 471
 Сент-Бёв, Шарль-Огюстен
 168, 329, 383, 384, 410, 411,
 412, 418, 423, 468, 470
 Сервантес Сааведра, Мигель
 де 201, 549
 Сийес, Эмманюэль-Жозеф 67
 Сикс, Ян 517
 Сильва, Кармен см. Елизавета,
 королева
 Сильвестр, Арман 41
 Скотт, Чарльз Ньютон 396
 Скюдери, Мадлен де 181
 Смирнова, А. Н. 7
 Снайдерс, Франс 492
 Сократ 53
 Соллье, Поль 449, 458

Соломон 421, 459
 Сорель, Альбер 101, 362
 Соссин, Анри, граф дю Пон де
 Го-Соссин 86, 290
 Соссин, г-жа де 86
 Софокл 331
 Сталь-Гольштейн, Анна-Луи-
 за-Жермена, баронесса де
 213, 226, 227–229
 Стендаль 328, 434
 Стивенсон, Роберт-Льюис 524
 Стрижевская, Н. И. 10
 Сю, Эжен 328
 Сюлли Прюдом, Рене-Франсуа-
 Арман 40

Т

Тадье, Жан-Ив 9, 17, 148, 157,
 162, 204, 230, 481, 491, 520
 Тарант, Эмилия, принцесса
 де 470
 Таррид, Абель 292
 Теб, г-жа 119
 Теодорих Великий 182
 Тернер, Джозеф 364
 Тианж, Клод-Анри-Филибер
 де Дама, маркиз де 470
 Тианжи, семья 469, 470
 Тинан, Жан де 204
 Тинторетто 387
 Тит Ливий 492
 Тициан Вечеллио 546
 Толстой Л. Н. 157, 202, 304,
 335
 Томсон, Валантин 494

Томсон, Маргерит 494
Траз, Ж. де 75, 77
Тразы, семья 75
Трарье, Габриэль 76, 89
Тревилль, Анри-Жозеф, граф де 471
Троган, Эдуард 231
Труссо, г-жа 110
ТЬеполо, Джованни-Батиста 546
Тьерри, Огюстен 44, 311, 342
Тэн, Ипполит 41
Тюренн, Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де 143
Тюрренн, Анри де 529

У

Уайльд, Оскар 469
Уистлер, Джеймс 326, 327, 328, 394–396, 437, 438
Улиф, г-жа 218, 229, 230
Уринг, г-жа 421, 422
Уэллс, Герберт 524

Ф

Фантен-Латур, Анри 339, 375, 376
Фелиси, слуга 522
Фенелон, Бертран-Альфред-Мари, граф де Салиньяк-255, 259–261, 271, 275, 276, 293, 294, 296, 302, 306, 307, 310, 537
Фенелон, Маргерит, графиня де Салиньяк 256, 537

Феокрит 121
Ферри, Жюль 299
Филипп, Шарль-Луи 137, 139
Финали, Орас 74
Фиц-Джеймс, Розали де 116
Фич, г-н 92
Фламан, Альбер 291, 409
Флер, полковник 211
Флер, Робер Пеллеве де ла Мотт-Анго, маркиз де 69, 77, 81, 93, 122, 123, 131, 340, 454
Флери, Морис де 318
Флинк, Говерт 492
Флобер, Гюстав 170, 189, 329, 426
Флориан, Ксавье, граф де 77, 140
Флориан, Элен, графиня де 77
Фома Кемпийский 147
Фонтан, Луи де 223
Фонтен, Поль 497
Фор, Антуанетта 34
Фор, г-жа 368
Фор, Жак 368
Фор, Люси 37
Фор, Мари-Матильда-Берт 37
Фор, Феликс 34, 37
Фора, Амеде, граф де 232
Фора, мадемуазель де 232
Форе, Габриэль 177, 245, 513, 514, 515, 517, 518, 519, 521, 522
Форен, Жан-Луи 201, 420
Форен, Жанна 352

Фортуль, Инес-Мари 368, 414
 Фрамбуази, г-жа 167
 Франкель, Алиса 408
 Франкен Младший, Франс 492
 Франс, Анатоль 12, 41, 58, 71, 82, 97, 112, 115, 162, 168, 169, 183, 197, 198, 200, 201, 400, 454
 Фрир, Чарльз Ланг 394, 437, 438
 Фромантен, Эжен 262
 Фуке, Жан 339
 Фульд-Оппенгеймы, семья 520
 Фульд-Спрингер, Эжен-Шарль-Жоашен, барон 520
 Фюрси, Анри 259
 Фюрстенберг, Франц фон 435

Х

Хальс, Франс 500
 Харрисон, Томас-Александр 306
 Хассельманс, Альфонс 518, 521
 Хейман, Лора 54, 69, 70, 144, 145
 Хертфорд, лорд 508
 Хинришен, Кэролайн 439–440
 Хит, Вилли 95, 96

Ц

Цветаева, М. И. 18, 322, 551
 Цурлинден, Маргерит 222
 Цурлинден, Эмиль 222

Ш

Шабрие, Алексис-Эмманюэль 521
 Шан Флери 184
 Шантавуан, Анри 58
 Шапонэ, Сесиль, графиня де 75
 Шапотон, Пьер 497
 Шапрон, Альбер 474
 Шарбоннель, Виктор 301
 Шарден, Жан-Батист 140, 141
 Шассерио, Теодор 473
 Шасслу-Лоба, Гастон де 77
 Шатобриан, Селеста, виконтесса де 223
 Шатобриан, Франсуа-Рене, виконт де 188, 194, 197, 304, 336, 350, 419, 465, 466, 467, 537
 Шафаренко, И. Я. 289
 Шевийи, Мари де 232
 Шевийи, Пьер д'Юмийи де 230
 Шевинье, Лора-Мари-Шарлотта 515, 520
 Шекспир, Уильям 176, 188, 203
 Шенье, Андре-Мари 411, 444
 Шефдебьен, Жак Дюбуа де 221, 225, 229
 Шико 158, 168
 Шиллер, Фридрих 170
 Шиме, принц де см. Караман-Шиме, Александр, принц де

- Шлегель, Доротея 434
 Шлегель, Фридрих 435
 Шлеммер, Жорж 160
 Шлюмберже, Леон-Гюстав 110, 187
 Шовлон, Эмиль 116
 Шольн, Шарль д'Альбер д'Айи, герцог де 471
 Шомон, Селин 139
 Шопен, Фредерик 521
 Шопенгауэр, Артур 328
 Шор, В.Е. 289
 Штерн, Эрнеста 119, 186
 Штольберг, Фридрих-Леопольд 434
 Штраус, Женестьева 54, 59, 61, 62, 65, 72, 89, 102, 110, 138, 274, 399, 401, 402, 408, 420, 421–423, 425, 455, 479, 512, 515, 520, 539, 540, 543
 Штраус, Эмиль 54, 66, 108, 118, 399, 402, 404, 516, 536, 543
 Штраусы, семья 307
 Шуберт, Франц 364
 Шублие, А. 42
 Шуман, Роберт 113, 364, 521, 522
- Э**
 Э, Изабелла Браганса, графиня д' 223
 Э, Луи-Филипп-Фердинанд-Гастон Орлеанский, граф д' 219, 222, 223
- Эгийон, Арман-Дезире де Виньро дю Плесси-Ришелье, герцог д' 176
 Эглон, мадемуазель 185
 Эдвардс, Джозеф 542
 Эжен, слуга 25, 26
 Эжени, слуга 215
 Эзе, Луи-Александр 99
 Эйнсли, Дуглас 240
 Эккерман, Иоганн-Петер 328, 488
 Элиот, Джордж 176
 Элле, Поль-Сезар 535
 Эллис 514
 Эль Греко 546
 Эльбеф, Анри де Гиз-Лоррен, герцог д' 470
 Эмерсон, Ральф Уолдо 81, 364
 Энар, Эдуард 305
 Энгр, Жан-Огюст-Доминик 38
 Эраг, Анриетта, маркиза д' 515, 538
 Эрбелен, Жанна-Матильда 111
 Эрве де Сен-Дени, Леон, маркиз д' 108
 Эрве де Сен-Дени, Луиза, маркиза д' 108
 Эрвье, Поль 285, 286
 Эредиа, Жозе-Мария де 118, 136, 384
 Эредиа, Мари-Луиза-Антуанетта де, см. Ренье, Мари-Луиза-Антуанетта де

Эреско, г-н 196

Эрман, Абель 209, 250, 290,
379

Эрман-Поль, Рене-Жорж 228

Эсслинг, Виктор Массена,
герцог де Риволи, принц д'
361

Эстергази, Шарль-Мари-Фер-
динанд 209

Эфрусси, Шарль 485

F

Fraisse, Luc 8

H

Haroche-Bouzinac, Geneviève
10

K

Kolb, Philip см. Колб, Филипп

L

Laget, Thierry 16

Leriche, Françoise 17, 21, 28,
50, 92, 105, 180, 358, 468, 526

Ю

Югурта 230

Юльриш, Робер, слуга 522

Юмбер, Альфонс 300

Юмбер, Тереза 307

Юмьер, Робер д' 198, 277, 279,
281, 334, 447, 519

Я

Яснгов, М. Д. 10

Lozinsky, Elena см. Баевская
Е. В.

S

Szyłowicz, Caroline 17

T

Tadié, Jean-Yves см. Тадье
Жан-Ив

V

Vendeuvre, Isabelle de 12

Viollet, Catherine 15

Директор издательства *Ольга Тублина*
Главный редактор *Павел Крусанов*
Главный художник *Александр Веселов*

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Молодой Пруст в письмах (1885–1907)

Редактор Павел Крусанов
Художественный редактор Александр Веселов
Корректор Татьяна Добриян
Компьютерная верстка Ольги Леоновой

Подписано в печать 23.10.2018. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 18. Тираж 1500 экз. Заказ 4305

ООО «Издательство К. Тублина»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14
Тел./факс (812) 712-67-06, (812) 712-65-47
Отдел маркетинга: тел. (812) 575-09-63, факс: (812) 712-67-06

Отпечатано в Акционерном обществе
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8
e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

**Книги нашего издательства
вы можете заказать на сайтах
www.limbuspress.ru
www.limbus-press.ru**

ЛИМБУС ПРЕСС

П Р Е Д С Т А В Л Я Е Т

Марсель Пруст

ПИСЬМА СОСЕДКЕ

Перед нами книга, в основе которой лежит удивительное открытие – двадцать три письма, адресованных даме (и три – ее супругу): до сих пор о существовании этих писем мы ничего не знали. Дама была соседкой Марселя Пруста, проживающей на четвертом этаже в доме 102 на бульваре Османн. Безусловно, публикация на русском языке этих писем дополнит своеобразным штрихом портрет автора «самой великой французской книги XX века», показав его как частного человека в обстановке будничной жизни со всеми ее мимолетными радостями и неурядицами. Не только творческие прозрения, мучительные поиски безупречной формы, журнальные и газетные перипетии, но и любые, даже самые незначительные, факты и события повседневного существования Пруста служат в итоге созданию полнокровного образа гениального писателя во всем его величии и земном несовершенстве.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

ЛИМБУС ПРЕСС

П Р Е Д С Т А В Л Я Е Т

Андре Моруа

В ПОИСКАХ МАРСЕЛЯ ПРУСТА

Марселя Пруста, автора цикла романов «В поисках утраченного времени», по праву называют создателем «самой великой французской книги XX века». Много лет посвятив изучению жизни и творчества Пруста, Андре Моруа написал, пожалуй, самую исчерпывающую биографию знаменитого затворника. Благодаря приведенным в книге Моруа письмам и дневникам Пруста, где последний со всей откровенностью повествует не только о своих творческих прозрениях, но и о гнетущих его пороках, перед читателем возникает полнокровный образ гениального писателя во всем своем величии и земном несовершенстве.

WWW.LIMBUSPRESS.RU

ТЕЛЕФОН ОТДЕЛА МАРКЕТИНГА

тел. (812) 575-09-63

факс (812) 712-67-06

Эта книга включает в себя корпус писем Марселя Пруста, написанных им в возрасте от четырнадцати до тридцати шести лет. К 1907 году Пруст еще не снискал общепризнанной литературной славы и только подступал к своему главному труду «В поисках утраченного времени». Письма обращены к родным, друзьям и писателям-современникам (Анатоль Франс, Альфонс Доде, Робер де Монтескью).

Не только творческие прозрения и мучительные поиски безупречной формы, но и любые, даже самые незначительные, факты и события повседневной жизни автора «самой великой французской книги XX века» служат созданию полнокровного образа гениального писателя.

Большинство писем ранее на русский язык не переводилось.

ISBN 978-5-8370-0850-4

16+

www.limbuspress.ru